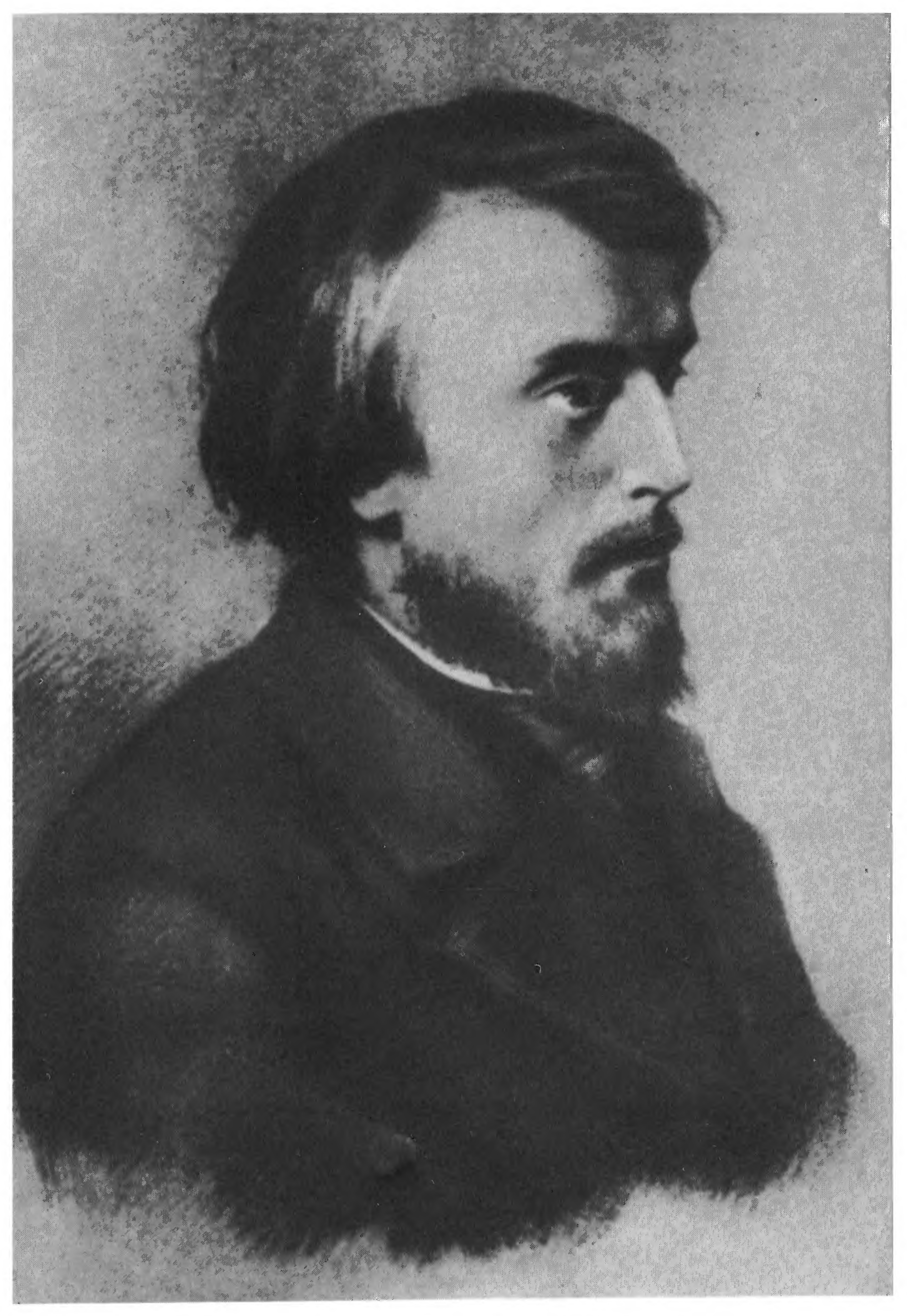

6 • 1986

ВИССАРИОН ГРИГОРЬЕВИЧ БЕЛИНСКИЙ

К 175-летию со дня рождения

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

Ежемесячный литературно-художественный и общественно-политический журнал ЦК ВЛКСМ

Основан в 1922 году

Москва, издательство «Молодая гвардия»

В НОМЕРЕ:

Первая страница обложки журнала: Всесоюзный фестиваль народного творчества. Выступает ансамбль Пермского Дома культуры профтехобразования «Камушка».
Четвертая страница обложки журнала: Активно участвует в социалистическом соревновании по выполнению решений XXVII съезда КПСС комсомольско-молодежная бригада на станции Москва-Сортировочная. Члены бригады И. Жуков и А. Чханов ремонтируют токоприемник электровоза.

«Молодая гвардия», 1986, № 6, 1—288

Наш адрес:

125015, Москва, А-15, Новодмитровская ул., 5а. Телефоны редакции: приемная — 285-56-90; отдел прозы — 285-80-55; отдел поэзии — 285-88-40; отдел очерка и публицистики — 285-80-26; отдел критики — 285-80-14; отдел «Товарищ» — 285-89-66; секретариат — 285-80-16

Подписка на журнал ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия» производится без ограничений с любого месяца года

Рис. Ю. Семенова

Василий ФЕДОРОВ

СВЕТЛЫЙ ЗАЛИВ

Повесть

«Человек, понявший красоту, озаряется ее светом. Такой человек во много раз становится требовательнее к себе», — говорит автор повести.

Замечательные слова большого мастера.

«Светлый залив» — это проза поэта.

Как известно, Василий Федоров писал и прозу. При жизни им были опубликованы повести «Добровольцы», «Сны поэта». Но, как свидетельствуют близкие ему люди, к опубликованию своей прозы Василий Федоров всегда относился не так, как к публикации стихов. Наверное, потому, что считал себя прежде всего поэтом.

Настоящая повесть — молодежная, светлая, написана в те годы, когда писатель ездил на строительство Северо-Крымского канала. Лейтмотив произведения: человек может плодотворно жить только в своем времени, на своей Родине. И когда воображение писателя переносит героя повести в далекие века, когда на этой земле, где сейчас строится оросительный канал, жили скифы и сарматы — удивительные мастера древности, — он лишний раз убеждается в неисчерпаемости творческих возможностей Человека.

Повесть — о молодости, о любви, о достоинстве мастера.

1

Эти события могли произойти только в Керчи, за плечами которой — двадцатишестивековая история, великолепный Керченский залив и высокая гора Митридат...

На той горе, поднимаясь еще выше, стоит белокаменный обелиск, совсем недавно сложенный в честь павших при защите города. Почти от самого берега, покрытого белой пеной, к нему поднимается широкая древняя лестница. Когда смотришь на нее, то кажется, что все двадцать шесть веков истории размечены ее ступенями. Что ни ступень — четверть века...

Словом, для человека, желающего óстро ощутить свое превосходство над седой древностью, там самая благоприятная почва. Пойдет ли такой человек по берегу, где сохранились остатки древнего мола, ступит на вековые плиты лестницы Митридат — везде он найдет своему чувству утешение.

В положении такого человека Алешка очутился случайно. До встречи с Майей он совсем не думал о прошлом, предпочитая больше глядеть вперед, чем оглядываться далеко назад. Будущее сулило ему диплом инженера и, конечно же, большую любовь, а прошлое... На прошлое человечества смотрел он как на свое собственное прошлое — с маленькою любовью и маленькими грехами, от которых старался поскорее уйти.

Майю он знал еще по десятилетке, но по окончании школы встретился с Майей только через три года на общегородском воскреснике неподалеку от Приморского бульвара. Здесь на месте разрушенных домов планировался новый сквер, который жители Керчи решили назвать сквером Мира. По воскресеньям на его расчистку приходили толпы горожан: женщины и мужчины, юноши и девушки. Руководители воскресника суетливо сновали в шумной толпе, стараясь побыстрее развести собравшихся по группам.

Акселерат Алешка был заметен в толпе как подсолнух. Потряхивая бронзовым чубом, он пробивался к развалинам крайнего дома, когда почувствовал, что кто-то его удерживает. Алешка обернулся. Низкорослый матрос с нагловатым взглядом и красной повязкой на рукаве, глядя снизу вверх, серьезно попросил:

— Братишка, скажи им со своей высоты, чтобы делились на четыре группы... А разделишь, бери одну группу

и веди вон туда... — И показал на ближние развалины.

Алешка принялся за дело.

Несколько минут спустя, расставляя свою группу у развалин, Алешка с горечью убедился, что обделил себя. В редкой цепи живого конвейера обнаружился такой прогал, который не покрывался размахом даже его рук.

— Посмотри, до чего я доделился! — крикнул он подвернувшемуся матросу, который, выпятив грудь, старался теперь быть заметным.

— Будь спокоен! Сейчас я притяну на буксире резервы! — ответил тот важно и закачался дальше.

Этот матрос и привел к Алешке в числе других девушек Майю. В синей блузке, в лыжных брюках темного цвета, раскрасневшаяся, она шла к нему, размахивая перчатками.

— Алеша! — крикнула девушка, увидев его. — Вот это да!

От неожиданности Алешка чуть не выронил из рук ноздреватый кубик ракушечника. Он еще держал его в руках, когда пожилой усач протянул ему новый камень. Движение задержалось. Сосед начинал сердиться. Тогда Майя встала между ними, подхватила камень и передала Алешке, тот — дальше, и пошло... Они даже не поздоровались. Их руки все время были заняты. Оправившись от растерянности, Алешка рассмеялся.

— Откуда только ты взялась, Майка! Говорили, что тебя в городе нет...

Майя училась в МГУ на археологическом и каждое лето уезжала в экспедиции. Сам он учился в Ленинградском строительном институте и теперь проходил производственную практику на керченском кирпичном заводе.

Как всякий человек, несколько неуверенный в выборе собственной профессии, он теперь, узнав, где она учится, поддевал ее за интерес к ржавым крючкам, разбитым черепкам...

— Ну, откопаешь еще один горшок, а дальше что? — спрашивал он, беря из ее рук обломок ракушечника. — А дальше что? — оборачиваясь к ней, повторял он свой вопрос, но Майя молча совала ему в руки новый обломок и с улыбкой следила, как при каждом повороте головы мотается бронзовый Алешкин чуб и Алешка всякий раз смахивает со лба две-три капельки пота.

— Бери, Алешенька, бери! — приговаривала она.

Алешку смущали белые, не успевшие загореть руки

Майи в черных перчатках. Когда она протягивала ему очередной камень, короткие рукава синей блузки ускользали к покатым плечам, и тогда белизна и красота рук становились еще заметней...

Живой конвейер не давал передышки.

По прямой линии от навала камней к штабелям и автомашинам непрерывно всплескивались руки и, покачиваясь, плыли камни.

— Бери, Алешенька! — односложно повторяла девушка.

Вскоре и эту короткую фразу Майя заменила только кивком головы и выразительным взглядом темных глаз. Черные волосы, схваченные на затылке в замысловатый узел, наползали на смуглую щеку, отчего лицо девушки казалось узким. Иногда Майя улыбалась, и тогда в уголках ее румяных губ притаивалось что-то невысказанное.

Будь на месте Майи другая девушка, Алешка, наверное, балагурил бы с ней, постарался бы ей понравиться, а потом, может быть, назначил бы ей свидание... И было бы Алешке легко и свободно. Но с Майей все было иначе. Прежде чем сделать шаг к дружбе, он должен был отыскать в своей памяти старую дорожку, на которой они разошлись, и уже от нее делать этот новый шаг... Подумав об этом, Алешка взглянул на девушку и улыбнулся. Ему почему-то вспомнилось, как учительница математики Марья Михайловна, начиная новый урок, всегда говорила: «Быстренько повторим пройденное». А повторять не хотелось.

Но старую дорожку обойти было нельзя. После воскресника они пошли сначала по скверу, где покупали мороженое, потом свернули на какую-то улицу и незаметно очутились около знакомой лестницы, ведущей в гору. Все это время Алешка подтрунивал над ее привязанностью к древности. Усталая Майя отшучивалась. Теперь Майя посмотрела на вершину горы, на лестницу, которая поднималась туда совершенно прямо, и сказала со вздохом:

— Вот люблю... и эту лестницу, и эту гору... Бежим! — неожиданно предложила она и вскочила на первую ступень.

Лестница Митридат снизу необыкновенно широкая. И устроена она замысловато. Примерно до половины горы можно подниматься по двум ее открылкам — слева и справа, которые в трех местах соединяются широкими

площадками. В школьные времена Алешка и Майя любили подниматься по ней так: Алешка побежит по правой стороне, Майя — по левой, добегут до площадки — встретятся, переменятся открылками лестницы — и дальше.

Три площадки минули они с переменным успехом: то Алешка опережал Майю, то Майя — Алешку. После четвертой площадки они пошли вместе. Выше — две лестницы соединились в одну, которая не прерывалась уже до самой вершины.

На вечернем сероватом небе отчетливо рисовались контуры горы, а над ней — резкие грани высоченного столпа. У его основания стояли три зенитки, глядевшие на три стороны — на степь, на город и на залив... С лестницы был виден силуэт того орудия, которое было обращено к морю.

Майя неторопливо переступала со ступеньки на ступеньку, придерживаясь за Алешкин локоть, отчего Алешке было приятно, и с чувством говорила:

— Мне, Алеша, очень жалко людей, которые жили давно-давно... Ты не понимаешь, как интересно по черепкам, по каким-то вещицам вырывать из безвестности жизнь этих людей, освещать потемки минувших времен. Когда я беру в руки какие-нибудь древние бусы, мне кажется, что я притрагиваюсь к жизни той женщины, которая носила их... Я стараюсь представить ее себе...

Алешка засмеялся.

— Не смейся... не надо... Вещи тех времен иногда так много говорят, что дух захватывает. За ними — жизнь, любовь, трагедии...

— Фантазия! — небрежно сказал Алешка и подумал, что у Майи — обычное девичье кокетство с давними временами...

На горе их встретил теплый тягучий воздух.

Поднимаясь со стороны залива, он волнами перекатывался через выступ горы. Пока они одолевали гору, стало еще темней. За обелиском у сторожевой будки вспыхнула электролампочка. Площадка, на которой стоял памятник, сразу же осветилась, зато все остальное погрузилось в еще большую темноту. Алешка сел на камень у края выступа и дал место Майе. Некоторое время они глядели вниз и молчали.

Домов не было видно.

— Москва, конечно, тоже прекрасна! — вспомнив о

столице, сказала Майя. — Я очень люблю Ленинские горы.

— Я вот еще Ленинград люблю. Но жить предпочел бы здесь...

В темноте ярко светились огни уличных фонарей. По широкой дуге, образованной огнями, легко угадывался берег залива. От него, постепенно сужаясь, уходила за гору огненная коса. Залив выделялся особенной чернотой. На его темном поле изредка вспыхивали, гасли и снова вспыхивали яркие огни, неизменно приближаясь к берегу.

В залив падали звезды, много звезд, и казалось, они то потонут, то всплывут на темной поверхности, что это их волны гонят к берегу и что все огни — от самого берега до края горы — выбросило море.

Обхватив руками голову и мечтательно откинув ее назад, Майя смотрела на этот широкий звездный пляж, стелившийся внизу.

Вдруг она обернулась к Алеше и спросила тихо-тихо, словно боялась спугнуть очарование южной ночи:

— Алеша, я не рассказывала тебе про Алтай?

— Ты вообще мне ничего не рассказывала. Если не считать детства и юности, то мы только-только начинаем узнавать друг друга, — многозначительно сказал Алешка.

— Да, да, конечно, — смутилась девушка. — Ну так вот слушай! Я ведь была с экспедицией в Чуйской долине! Там есть такой городок — Кош-Агач... Это значит «Прощай, дерево». Кругом горы, за горами — Китай, Монголия... А в долине — древние курганы из валунов. Их много... — Майя передохнула. — Мы начали раскапывать один. Раскопали, а там, Алешенька!..

— Ладно, ладно, не пугай. Обыкновенные скелеты...

— Ну, разумеется, скелеты. Но ведь вопрос: чьи?! Там, Алешенька, был похоронен вождь древнего племени! Рядом с ним лежали лошади в золотых уздечках и тут же — кто бы ты думал?! В жизнь не догадаешься!.. Там лежала женщина с лютней... Лютня вот такая! — И Майя изобразила руками форму древней лютни. Она получилась очень красивой. Расцепив руки, Майя продолжала с жаром: — Струны у нее истлели, и только одна струна казалась еще целой. Ну, конечно, сфотографировали все как полагается. Аркадий Борисович, наш профессор, взял лютню, стал осматривать. Я стояла ря-

дом. Аркадий Борисович как-то неловко повернул лютню, а струна: «дзинь!» — и рассыпалась...

Майя как будто испугалась своих слов и придвинулась к Алешке. Ее теплая рука коснулась его руки. Тогда Алешкина ладонь осторожно легла на плечо девушки, словно старалась удержать ее от нового рискованного путешествия в прошлое. Но притихшая Майя туда и не рвалась. Она только сказала:

— Мне показалось, что этот звук был как привет нашим временам...

Вероятно, днем этот рассказ не произвел бы на Алешку большого впечатления, но теперь в темноте, да еще на горе Митридат, случай с лютней приобретал какой-то смысл. Алешка подумал, что, не возрази он сейчас, и лютня с ее последним звуком навсегда врежется в его душу. Нет, нет, ему этих ощущений не надо!

— Бесполезна, по-моему, эта... ваша раскопочная работа, — сказал он и осторожно снял руку с плеча Майи. — Ну, и скажите, какая нам от нее польза?! Раскопал, положил в музей — любуйтесь, вот и все!

Алешка похлопал ладонью по камню, на котором они сидели.

— Вот смотри, Майя, здесь, под нами, двадцать шесть веков, а мы с тобой сидим на них и разговариваем, а века молчат, слушают, что я скажу... У них — свое, у меня — свое...

— Поэзии в тебе мало...

— А в тебе много?

— Если бы ты видел чудесный золотой кубок, который мы нашли в древнем городище, ты бы не говорил так, — обиделась Майя.

— Ага, золотой кубок! — подхватил Алешка. — А почему этот золотой кубок нужно было раскапывать? Кто его зарыл-то? Почему он не был передан из рук в руки следующим поколениям?

— Войны, Алеша, были.

— Война и теперь была. Смотри, что с Керчью сделали, а мы рухнувший город подняли. Площадь новую расчистили. И наши золотые кубки не придется раскапывать. Сами кому надо передадим.

— Рационалист ты, Алеша...

— Допустим, что так. У меня, как и у многих, забот полна голова. И все они сегодняшние. Тут кругом вели-

кие стройки пошли, а ты обратно — в глубь веков подалась...

Все это Алешка проговорил быстро и сердито, тряся чубом и размахивая руками. Майя, доверчиво льнувшая к нему несколько минут назад, теперь осторожно отодвигалась, чего Алешка даже и не заметил. Она слушала, слушала, а потом повернула к нему свое лицо.

— Ладно, ладно, давай-ка посмотрим, что ты в жизни делать собрался. Я ведь тоже строгость на себя напустить могу...

Алешка замялся. Еще днем, когда он сказал ей, что проходит практику на кирпично-черепичном заводе, ему казалось, что Майя неодобрительно фыркнет. Но та встретила его сообщение серьезно. Если уж она научилась ценить ржавые крючочки и ломаные черепочки, то оценить его добротную черепицу она могла тем более. Алешку смущало теперь не это. Нужно было рассказать о своей работе так, чтобы в глазах симпатичной ему девушки померк блеск золотых уздечек и забылся последний звук раскопанной лютни. И Алешка начал:

— Если вот так сразу, то мои кирпичи — дело грубое и простое. На них ой-е-ей какое воображение требуется: от мастерства каменщиков до архитектурных изысков! Сначала возведи все это в своем воображении, а потом уж на землю спускайся. Я полмесяца работал на обжиге. Начнут из печи выгружать обожженный кирпич, а я его в высоченные колонны гоню... потом вижу дворцы, башни... И от всей этой красоты мне самая черная работа — не черная.

Алешка снова вошел в азарт и рисовал такие невообразимые города и дворцы, что Майя невольно заулыбалась. Ей было легко и приятно слушать простодушную фантазию друга.

Главное, она не могла предугадать, что он скажет в следующую минуту, какой мыслью и каким сравнением удивит ее потом. У Майи все было иначе. Она была по-женски бережливой. Все, что она знала, было аккуратно разложено на полочках ее памяти. В любой момент она быстро находила нужное, показывала и прятала снова. При таком порядке ее память обладала большой вместительностью.

Никаких таких полочек у Алешки не было. Он считал, что все, что есть в мире, принадлежит ему. А в таком огромном хозяйстве разобраться быстро не так-то про-

сто. Поэтому речь свою он прерывал частыми паузами, потряхивал чубом и размахивал руками.

— Хорошо, Майя... понимаешь... ты вот пожалела людей, которые жили давно-давно... Мне тоже их жалко. Но их не так жалко...

— Как же это, Алешенька? — огорчилась девушка.

— Ну... я хотел сказать, как тяжело тем, которые живут вот сейчас, которые знают о нашей жизни, а сделать по-нашему еще не могут... Мне древних греков не так жаль, как теперешних...

— Я ведь об этом с тобой не спорила. Чего же ты обижаешься?

— Я не обиделся... Но ведь ты думаешь, что мы пришли на готовенькое... И что наши достижения в прекрасном — не заслуга. Согласен. Но мы пришли сюда быть не только сторожами, но и строителями.

Заметив, что Майя внимательно слушает его, Алешка доверительно продолжал:

— Знаешь, наш завод получил заказ на кирпич и черепицу для строек Северо-Крымского канала. Работа кипит. Завтра будем выдавать первую партию. А я как раз перешел в черепичный цех.

— Черепица? — Майя сдержала снисходительную улыбку. — Ну что же, наверное, тоже интересно...

— «Интересно» — не то слово. Строить будем на века, значит, во всем нужна прочность.

Но в глазах у Майи по-прежнему — хоть бы искорка! «Безделушки из курганов ее прельщают больше», — попробовал обидеться юноша, но тут Майя чуточку придвинулась к нему, и он обнял ее за плечи.

Молодые люди не заметили, как из сторожевой будки вышел сторож, подошел к выступу, прислушался к разговору. А разговор, как на профсоюзном собрании, — о качестве... Сторож был старым матросом и продолжал носить матросскую бескозырку, пришив к ней козырек от армейской фуражки. Сначала он, видимо, намеревался честно исполнить свой служебный долг и уже поднял было клюшку, чтобы стуком о камень спугнуть влюбленных, но потом почему-то раздумал — удивленно покачал головой, сдвинул набок свой «компромиссный» головной убор и пошел обратно.

И хоть сторож не сказал ни слова сидевшим за выступом горы, в окружавшую их обстановку он внес некоторые перемены. Где-то неподалеку неожиданно вспых-

нула электролампочка, и луч ее, пробившись через трещину скалы, осветил щеку Майи. Майя обернулась на свет, и Алешка увидел ее глаза — большие, тихие, ласковые. Приподняв лицо, она прикрыла их ресницами. Ресницы дрожали. Это длилось совсем недолго. Потом Майя сказала:

— Глаза режет, Алешенька...

— А ты сюда... ко мне придвинься. Здесь не светит. — И Алешка глубоко-глубоко вздохнул.

Майя придвинулась и почему-то тихо засмеялась. Не глядя на Алешку, она чувствовала на себе его взгляд, ощущала его теплое дыхание у левой щеки и ждала... Она слышала глухие удары сердца, но не могла понять, чье это сердце бьется так сильно — ее или Алешкино. Майя ждала, что вот сейчас он зашепчет ей: «Майя...», она обернется и тогда произойдет то, что случилось три года назад. Краска прилила к ее лицу. Нехорошо, нехорошо она тогда поступила.

Сидели они вот так же — шутили, мечтали о будущем. Вот так же она глядела в сторону залива. Вдруг Алешка наклонился к ее уху и зашептал: «Майя, Майя...» Она обернулась к нему и... встретилась с его губами... Майя растерялась, подумала немного и залепила ему пощечину. Убежав от него, она встретилась с подружкой и вгорячах все ей рассказала. Правда, она сказала, что Алешка поцеловал ее только в левую щеку.

На следующий день об этом знал весь десятый класс. Ребята и девчата, поглядывая на Алешку, хихикали. А Костя Жуков пошел еще дальше. Перед уроком физики, до прихода учителя, он, важно расхаживая перед классом и подражая голосу физика, говорил:

— Итак, нам известно, что угол падения равен углу отражения. Этот объективно действующий закон мы можем пронаблюдать на многих явлениях нашей многострадальной жизни. Дети, — лукаво щурился Костя, — если вы поцеловали девушку в левую щечку, то на какую щечку должна упасть вам пощечина?

— На правую! — кричал класс.

Алешка краснел и молчал. Майя тоже избегала глядеть на него. Ей было жалко друга.

Да, Майя была тогда виновата перед Алешкой. Сейчас она думала, что он помнит тот случай, помнит и боится, что она поступит так же легкомысленно. Нет, этого она бы уже не сделала. Наклонись к ней Алешка сейчас, про-

шепчи он ее имя, она бы повернулась к нему лицом и, может быть, нечаянно встретила его губы. Но Алешка молчал, и не потому, что помнил обиду. Тут Майя ошибалась. Просто — после разговора о временах нынешних и минувших, после высокого взлета души, перейти к поцелую было уже невозможно.

— Пойдем, Алеша, домой... поздно.

Путь к дому оказался для них длинным-длинным. Оба знали, что каждая ступень лестницы приближает минуту разлуки, поэтому спускались тише, чем поднимались. Дом Майи стоял около сквера. Отсюда был виден залив. Огни, которые казались сверху упавшими звездами, были огнями кораблей, плывших в порт. Окна домов уже не светились. Алешка и Майя расставались и никак не могли расстаться.

— Ну так я, Алешенька, пойду... — в третий раз говорила Майя и продолжала стоять.

— Ладно... иди, — говорил Алешка и не выпускал ее руки.

— Мама, наверное, беспокоится. Идти надо...

— Ну конечно, раз надо... До свиданья, Майя... До завтра.

Уже с лестницы, перегнувшись через перила, Майя сказала:

— Я рада, что встретила тебя, Алеша!

Хлопнула дверь, и Алешка остался один.

2

Кирпичный завод, на котором Алешка проходил практику, до недавнего времени был маленьким полукустарным заводиком. Все его цехи вместе с карьером занимали два-три гектара. После Отечественной войны его восстановили в первую очередь. Города Крыма нуждались в кирпиче и черепице. Но быть бы ему маленьким заводиком, если бы не стройка Северо-Крымского канала. Правительство отпустило большие деньги на расширение всех основных цехов. Рядом со старым должен был возникнуть новый механизированный завод.

На прежнем заводике все заготовительные работы к зиме прекращались. В это время на его дворе начинали появляться «египетские пирамиды», сложенные из кирпича-сырца, который и обжигался всю зиму. Новый завод

должен был работать и лето и зиму. Для этого строили огромное глинохранилище...

В прошлое лето, когда Алешка приехал на каникулы, стены главного корпуса были выведены только наполовину. Но под навесом сарая уже стояло новенькое оборудование. Алешка рассчитал, что к следующей весне здесь все будет на ходу. Когда подошла весна и студентов стали посылать на практику, Алешка попросился сюда, чем очень обрадовал свою мать и отца.

Первый выход на практику принес Алешке разочарование. Новый завод не действовал. И не было надежды, что за полтора месяца Алешкиной практики он начнет работать, хотя в цехах уже стояли новые машины: черепичный вакуум-пресс, пресс для кирпича, транспортеры, поворотные круги... Электромонтажники подводили кабели, подключали моторы, а строители были заняты внутренней отделкой цехов.

Алешка с грустным видом протянул главному инженеру направление института. Главный инженер Максим Петрович Солодов, грузный мужчина лет за сорок, предложил Алешке сесть и начал читать направление. Алешка незаметно наблюдал за выражением лица главного инженера. Про него в цехе говорили, что летом он ходит на завод в белом кителе. Однажды ему кто-то заметил:

— Максим Петрович, замараетесь о кирпич...

На что тот ответил:

— Если кирпич марает белый китель, это плохой кирпич и главный инженер должен об этом знать в первую очередь...

Максим Петрович поднял на Алешку серые чуть навыкате глаза и заулыбался:

— Ясно-понятно... Мы в некотором роде родня с тобой. Я еще до войны окончил этот институт. (Наверное, поэтому он и обратился к Алешке на «ты».) Здесь предлагают, чтобы ты за практику собрал материал на свой курсовой проект, а коим методом — умалчивают. Ходить на завод, собирать материал и считать свои студенческие копейки, ясно-понятно, ерунда! Я поставлю тебя подменным мастером. Правда, срок у тебя маловат...

— Я здешний...

— Ах так! Тогда материал соберешь на десять курсовых проектов. Да и новые цеха вот-вот пустим. Итак, подменным мастером?

Алешка согласился.

До встречи с Майей «подменный мастер» успел поработать в двух цехах — на заготовке сырца и на обжиге кирпича. Время практики кончилось, но Алешка продолжал работать. Максим Петрович в каждом цехе ставил перед ним какую-нибудь задачу. В заготовительном он заставил его заниматься составом шихты, на кольцевой печи — температурным режимом. И наконец совсем недавно главный инженер позвал Алешку к себе и сказал:

— Вот что, друг мой, до начала занятий тебе, наверное, захочется две-три недельки отдохнуть. А как же тебе быть с черепичным отделением? Оно у нас неказистое, но тебе важен принцип. Ясно-понятно?

Когда Максим Петрович ставил перед Алешкой такой сдвоенный вопрос, Алешка всегда смущался. Он не знал, какое слово из этих двух следует ему употребить при ответе.

— Хорошо, Максим Петрович, я согласен.

К этому времени из Джанкоя, где был штаб стройки, получили заказ на строительный кирпич и черепицу. Черепицу формовали вручную, и работа шла медленно. Только неделю спустя в кольцевую печь сумели загрузить первую партию желобчатой «крымки». Именно ею покрыты почти все дома в Крыму. В субботу вечером, когда сырец будущей черепицы был загружен в печь, Алешка с легким сердцем пошел домой. На следующий день, как мы знаем, он встретился с Майей и, значит, заснул поздно. Сон был крепкий — без сновидений.

Утром Алешка вскочил, схватил полотенце и хотел бежать к заливу, но, взглянув на часы, купленные в первую получку, удивленно посмотрел на мать. Та с виноватой улыбкой оправдывалась:

— Жалко было тебя тревожить...

— Жалко, жалко... А я вот опаздываю.

Мать у Алешки была еще не старая, но годы войны и беспокойство за мужа, который долгое время партизанил, подбелили ее волосы, а морщины сделали лицо темнее и как бы суше. Алешка походил больше на отца. Такой же крупный и крепкий в кости, такой же крутолобый и рыжеватый. Только брови у Алешки были темные, а глаза серые — материнские. С нетерпением Алешка поджидал усов. Хотелось поскорее узнать, какими они будут — темными ли, как брови, или рыжими. Отец у

Алешки был суров и неразговорчив, а Алешка был мягче, добрее.

— Ну ладно, мама, я побежал...

Утро было ясное-ясное. Ни одного облачка. Залив еще спал, нежась и потягиваясь. Над ним колыхалось огромное розово-светлое солнце и, как добрая няня, щекотало его лучами. А залив сонно потягивался, словно не хотел просыпаться.

В лучах солнца вспыхнула «крымка» — красная черепица крыш. Казалось, весь город горел ровным торжественным огнем, и таким же пламенем отливала Алешкина голова. Он оглянулся на Митридатову гору и подумал о Майе. В такое красивое утро не любить кого-либо было невозможно.

Может быть, не от обезьяны произошел человек, может быть, он произошел от птицы, потому что иногда так хочется приподняться на носках, вскинуть руки и полететь над сонным заливом, над городом, над горой Митридат!

С попутной машиной Алешка доехал почти до завода. Он рассчитывал, что если пойдет по пустырю, то явится к кольцевой печи как раз к началу смены. Пустырь был изрыт бомбами, словно переболел оспой. Ямы успели зарасти лопухами и цепким репейником.

Скоро он выбрался на заводской двор и пошел тише. Из кольцевой печи уже выгружали обожженный кирпич и черепицу. На красном фоне штабелей выделялся белый китель главного инженера. Вокруг толпились мастера и оживленно разговаривали. «Смотри, как торжественно встречают готовую черепицу, — подумал он. — Еще бы! Ведь это для Великой стройки».

Но уже то, что на подходившего Алешу никто не обратил внимания, показалось ему странным. Даже мастер-напарник, добродушнейший Яков Михайлович, посмотрел на него грустно и снова повернулся к главному инженеру. Тот сердито повторял свое «ясно-понятно» и что-то проделывал с черепицей. Под ноги ему сыпались мелкие осколки. Алешка догадался.

— Ясно-понятно, что это брак, — сказал Максим Петрович и швырнул в сторону остаток черепицы.

Наверное, не одна черепица была переломана вот так, потому что рукава его белого кителя стали красными от пыли. Он был страшен с этими красными рукавами и красными руками.

— Не умеем работать... Не умеем! — И со злостью наступил на крепкий черепок. Тот хрустнул, словно капустный лист.

Алешка покраснел. Потом краска стала отливать от лица, и оно стало бледным. «Какой стыд, какой позор! — думал Алешка. — Работали два мастера и наработали... Что скажут другие мастера?!» Алешка посмотрел на них. Те молчали. Они, кажется, не собирались упрекать ни Якова Михайловича, ни его, Алешку. Мастер обжига Тимонин пробовал обнадежить:

— Подождем расстраиваться, может быть, в другом отсеке и не так. Все-таки черепица у нас хоть и незавидная, но ведь получалась.

— Да, Максим Петрович, действительно надо подождать. А то что-то мы слишком. Может быть, вторым обжигом поправим дело, — сказал и парторг.

— Мне ясно-понятно, что черепица не удалась. Утешайтесь, ждите, а я поеду в старый карьер. Надо что-то предпринимать или уж совсем отказываться от почетного заказа. Чем нам срамиться — пусть ее феодосийский завод делает.

— Не торопитесь, Максим Петрович. Надо подумать, — опять возразил парторг-оптимист. — Я полагаю, у феодосийцев есть свой заказ...

— Но мы не можем подводить стройку. Думать?! Хорошо, давайте думать... До четырех часов. В четыре — производственное совещание. Я к этому времени вернусь...

Главный инженер немножко успокоился, хотя серые, чуть навыкате глаза смотрели все еще сердито. С белых рукавов кителя красная пыль слетела почти совсем, но пухлые пальцы по-прежнему оставались бурыми. Он только сейчас заметил Алешку:

— Ты глину готовил?

— Да, я...

— Как же это, а?

— Да я, Максим Петрович, только знакомился...

— «Знакомился»! То-то и видно. Это с девчонками знакомятся! А я направил тебя сюда для помощи Якову Михайловичу. Ты ведь почти инженер.

— Ну какой я инженер?! — испугался Алешка. — Конечно, отвечать я готов, как полагается. Но до инженера я еще...

Главный инженер снова вскипел:

— Надо работать как полагается, а то все вы прѐтесь отвечать. Сознательных тут наплодили! Забота сейчас одна: как брак ликвидировать! Вот наш ответ.

Главный инженер говорил почти те же слова, которые Алешка говорил Майе. «Если бы он знал, как я вчера распинался перед ней! — подумал Алешка. — Уйду с завода! Завтра же уйду! — решил он. — Кончилась моя практика!»

— Вот, друг мой, о чем надо думать, — стихая, обратился главный к практиканту...

И как Алешка обрадовался, когда главный инженер приказал мастерам разойтись по своим цехам.

В черепичное отделение Алешка шел с Яковом Михайловичем. Старый мастер был так же расстроен. Низенький, с реденькой сивой бородкой, он казался теперь совсем маленьким и совсем старенъким. За последнее время Яков Михайлович часто прихварывал. То поясница не давала покоя, то сердце.

— Фу! Надо отдышаться! — ободряюще сказал ему Алешка.

— Тебе, Алексей, что!.. Практикант есть практикант!.. А вот мне, старому, будет... На тебя-то, Алексей, он зря напустился. Это, наверное, для того, чтобы для меня, старого дурака, компания составилась. В компании-то не так стыдно. А тебе что... Ты практикант!

Старик говорил тихо, вдумчиво, изредка снизу вверх поглядывая на практиканта. Бороденка старика вздрагивала. Алешу обидело, что посчитал его, практиканта, почти посторонним. Может быть, он говорил это без умысла, но выходило так, что Алешка к заводу не имеет никакого отношения. И обиднее всего было то, что старый мастер как бы угадывал его собственные мысли. Высказанные другим человеком, они, эти мысли, показались Алешке особенно жалкими и трусливыми.

Алешка оглянулся на новый корпус завода, в котором ему поработать так и не удалось. Потом Алешка посмотрел на старый заготовительный цех, из широких дверей которого выкатывались тележки, очень похожие на трехполочные этажерки. Сырой кирпич, сложенный на полках, издали напоминал тяжелые тома непрочитанных книг...

Мастер вдруг пригнулся к бучильной яме и с неожиданной живостью выхватил из нее горсть мягкой глины.

Он помял ее в руке и бросил обратно. На руке остался сырой грязноватый отпечаток.

— Вот виновница нашей неудачи, Алексей, — сказал он, кивнув на глину. — Вот смотри! — Он показал Алешке ее отпечаток на вогнутой ладони. — Песчинки!.. Наша глина хороша для кирпича, а для черепицы она не годится.

— Что же теперь делать?

— Что хочешь, то и делай. Ты думаешь, что это первый случай! Нет, Алексей... У нас нет подходящих глин. Нет. От черепицы надо отказаться. У феодосийского завода глина хорошая — вот пусть они и делают эту самую «почетную» черепицу, а мы уж для колхозов поставлять будем. Колхозы у нас брали и такую...

Торопливая речь старого мастера произвела на Алешку тягостное впечатление. Слова его были сырые и липучие, как глина. После них стало так тяжело, будто в Алешкину душу набросали два-три пуда такой глины. Не говоря ни слова, Алешка отвернулся и пошел к полуоткрытой двери первой формовочной будки. Яков Михайлович растерянно посмотрел ему вслед.

Формовщица Надя, высокая светловолосая девушка с милым свежим лицом и умными, серыми, широко расставленными глазами, с удивлением посмотрела на Алешку. Видимо, ее удивило, что Алексей Федорович — так девушки звали молодого мастера — был почему-то мрачен...

О случившемся браке Надя еще не знала. В белом переднике, как молодая хозяйка на кухне, она проворно брала руками глиняное тесто, резко бросала его в плоскую формочку и быстро-быстро раскатывала в эластичную пластину трапециевидной формы... Потом Надя пригибалась, осторожно брала эту пластину и переносила на деревянную болванку, на которой черепица и получала свой окончательный округлый изгиб. Надя работала быстро и весело — не работала, а играла глиной.

— Что это вы, Алексей Федорович, какой-то не такой?

— Какой это не такой?

— Смутный какой-то, — сказала Надя, снимая с болванки черепичную заготовку. — Девчата интересуются: пойдем мы сегодня к прессу или не пойдем?

— Какой там пресс, Надя, когда мы брак натворили!

Руки Нади выпустили подставку с отформованной черепицей.

— Как же так, Алексей Федорович?

— А вот так... натворили... — ответил Алешка и, пригнувшись, со злостью отщипнул от развалившейся черепицы кусок глины. Надя смотрела, как он мял ее между пальцев, и говорил: — Да какая же это глина?! В ней и гипсняк, и известняк, и какой только гадости нет!

— Так что ж теперь, не работать, что ли? — спросила девушка.

— Нет, почему же... Работайте, только другим пока ничего не говорите.

Не оборачиваясь, Надя ответила со вздохом:

— Господи, и все-то у нас таинственность.

От кольцевой печи торопливо шел Яков Михайлович. Он держал в руках черепицу и улыбался. Белые усы весело разъехались по сторонам.

— Слышь, Алексей, — еще издали закричал он, — выгрузили второй отсек... Ничего! За второй сорт сойдет...

Алешка не обрадовался:

— Второй сорт?! Чему радоваться!

— Все-таки, Алексей... колхозам... — опять было начал старый мастер, но посмотрел на Алешку и осекся.

В стороне протарахтела двухколесная бричка главного инженера. Широкий, он занял собою почти весь кузов. Застоявшаяся лошадка легко донесла бричку до заводских ворот и по старой памяти повернула на городскую дорогу. Максим Петрович дернул вожжами вправо. Еще минуту на виду мастеров покачивалась широкополая шляпа главного инженера, а потом скрылась за заводскими складами.

— Это он к старому карьеру поехал, — определил мастер.

3

В четыре часа начальники цехов и сменные мастера собрались на производственное совещание в красном уголке. Парторг Голованов принес и положил на стол, покрытый красным сукном, две черепицы. Их грязновато-вишневый цвет невыгодно отличался от цвета сукна. С минуты на минуту ждали главного инженера. Аккуратнейший Максим Петрович на этот раз почему-то запаздывал. Мастера вели разговор о глинах. Слышался мо-

лодой голос мастера заготовок Горкуши, который любил блеснуть своей эрудицией.

— Феодосийские глины лучшие в мире... Это адаптские глины. С такими глинами мы бы гремели на весь Союз... Феодосийцы сушат заготовки сразу на воздухе, а у нас: брызнет дождичек, подует ветерок — и все разваливается.

— А наши что? — возразил мастер обжига Тимонин. — Да если в нашу добавить окалины или перемола обожженной черепицы, то...

— Пробовали! Все пробовали! — выкрикнул Яков Михайлович фальцетом. — Дерьмо, простите за выражение. Если на солнце выдержит, то при обжиге треснет, а если и там выдержит — вода проходить будет...

— Что же ты предлагаешь, Яков Михайлович? — спросил старика Голованов.

— Я предлагаю то же, что и Максим Петрович: пусть черепицу делают из этих самых... адаптских глин, а нам от джанкойского заказа...

— Отказаться... — насмешливо докончил за него Голованов.

— У меня, Николай, другая мыслишка. Выше крыши наша черепичка не вознесется. Второй сорт — не брак, но для стройки она негожа... Так что ублажим стройку только кирпичом, а черепичку... — Старик хотел сказать: «колхозам», но посмотрел на хмурого Алешку и сманеврировал: — А черепичку на бытовые нужды.

— Что-то новое! — Левая бровь Голованова приподнялась, в глазах запрыгали веселые искорки. — Ты уж расшифруй нам эти бытовые нужды, а то спать лягу — не усну, буду разгадывать.

Яков Михайлович захихикал. С хитрой улыбкой он посмотрел на Алешку, зажал жидкую бороденку в большой кулак и, покачивая головой, снова засмеялся:

— Ах я, старый хрен!.. Сказал слово, а слово, однако, не то... Объяснить надо? Объясню. Я так понимаю: черепица для нашего канала — это, так сказать, на веки вечные... А повседневные расходы — туда, сюда — это бытовые нужды... И, как сказал Максим Петрович, от заказа надо вовремя отказаться, чтобы стройке ущерба не было и нам — позора...

Алешка не выдержал. Серые глаза его вдруг потемнели, лицо вытянулось. Он решил возразить:

— Да Максим Петрович этого не говорил! Он велел

подумать перед совещанием, как и что... Отказываться от заказа стройки он и не собирался, а сказал так для того, чтобы нам стыдно было...

— Подумать?! — с улыбочкой переспросил старик и ответил тихо и вкрадчиво: — Я, Алексей, — прости, что батюшку твоего не вспомнил, — я, Алексей, тридцать лет думаю о нашей черепичке, а ты — без году неделю... Тебе полезно.

Алешка не узнавал старика. После того, как поздняя выгрузка дала черепицу второго сорта, Яков Михайлович слишком повеселел. Он был доволен, видимо, тем, что ему не придется платить за брак. С этим Алешка еще мирился. Но когда старый мастер признал положение с черепицей нормальным, Алешка начал сердиться. Слушая Якова Михайловича, парторг Голованов смотрел на Алешку, словно хотел подсказать ему своими насмешливыми глазами: старик путает, а ты что же молчишь?

— Яков Михайлович говорит неправильно, — начал Алешка, — выходит, что навечно строится только канал, а вот то, что он подразумевает под словом «туда-сюда» — колхозные и прочие постройки, — выходит, можно строить на два-три года... А ведь канал-то как раз для колхозов и строится.

— Ну-ну, обучи старика... — обиженно заметил старый мастер и вопросительно посмотрел на Голованова. Тот сочувственно пожал плечами — дескать, ничего не поделаешь — правильно говорит. Почти все прекратили разговоры и стали прислушиваться к спору. Желая выручить Якова Михайловича из неловкого положения, мастер обжига Тимонин нарочно громко пробасил:

— Время-то уходит, а Максим Петровича-то нет... Полчаса ждем! Может, по домам, а?..

— Подождем! — ответили другие. — Опаздывает, значит, что-то задержало. Максим Петрович своему слову хозяин.

— Подождем еще, — сказал и парторг, — а то неудобно получится. Давайте-ка лучше поговорим всерьез о нашей черепице...

...Тем временем двухколесная бричка главного инженера катила по проселочной дороге от старого карьера в сторону кирпичного завода. Солнце било в лицо жаркими лучами, и Максим Петрович сдвинул на широкий лоб свою соломенную шляпу. Из-под полей шляпы угрюмо выглядывали большие немигающие глаза. Его губы при

этом изображали гримасы человека, разговаривающего с самим собою.

Максим Петрович действительно сейчас думал и рассуждал. Он осмотрел старый карьер и остался от него не в восторге. Глина в нем была почти такая же, как и в новом. Может быть, только чуть-чуть лучше. Глину для кирпича, конечно, надо брать по-прежнему из нового карьера, а для черепицы — из старого. Может быть, к старому карьеру придется провести узкоколейку для мотовоза. Но выгодно ли делать это, когда нет уверенности, что глина, взятая отсюда, даст нужный результат.

Дорога вилась между отлогих холмов, покрытых скудной, подгоревшей на солнце травой, отчего они были желты и неприветливы. За ближним холмом открывалась такая же бестравная равнина, над которой дрожало знойное марево. Если бы не черная полоса свежей пахоты, пролегшая через равнину, то белесую зыбь раскаленного воздуха было бы легко принять за море. Казалось, оно залило полгорода и совсем затопило кирпичный завод. Максим Петрович посмотрел на часы и подстегнул лошадь...

Земля, где находился заброшенный карьер, принадлежала колхозу «Путь к коммунизму». Для разработки карьера это могло создать некоторые трудности. Но Максим Петрович надеялся, что при хороших соседских отношениях — колхозу-то кирпич и черепица нужны! — все это можно уладить. Председатель колхоза мужик хозяйственный и, когда ему выгодно, становится очень сговорчивым.

Подпрыгивая на яминах, двухколесная бричка подкатила к пахоте. Максиму Петровичу был виден дизельный трактор, который почему-то стоял. Около трактора, собравшись в кружок, сидели на корточках и тракторист, и бригадир, и подросток-плугарь. Кто-то четвертый, сидевший спиной, держал в поводу низенькую пегую лошадь. «На ловца и зверь бежит», — подумал Максим Петрович, узнав пегуху председателя. Еще раз поглядев на часы и подумав, он решительно повернул к трактору.

— Что колдуете? — спросил он, не вылезая из брички.

Люди поднялись с земли. Председатель колхоза, придерживая правой рукой поясницу, улыбался:

— Максим Петровичу — наше... — и тронул левой рукой козырек фуражки. — Никак, сосед, наш карьерчик посетили? — спросил он, хитровато щурясь.

— Посетил, посетил... Вот поговорить надо бы с тобой о карьере, да тороплюсь.

— На хороший разговор милости прошу, — догадываясь, о чем пойдет речь, ответил председатель. — А мы как раз маленькую построечку затеваем, так что побеседовать нам в самый раз... — И весело рассмеялся...

— Ясно-понятно! — добродушно ответил Максим Петрович. — Узнаю старого соседа...

Пока они так перешучивались, остальные отошли от того места, где сидели, и Максим Петрович увидел под ногами председателя предмет, напоминавший детское корытце.

— Это что такое? — быстро, уже догадываясь, спросил он.

Лицо председателя, поросшее рыжей щетиной, осветилось улыбкой:

— Да вот века помаленьку ворошим... Древность! Странная вещь. Будто глиняная, а гусеница проехала по ней — и ничегошеньки! Звякнула только. Не чета вашей продукции! — подмигнул председатель.

— Постой, постой!.. — остановил его главный инженер и с легкостью, необычной для его грузного тела, выскочил из брички.

— Ясно-понятно, я так и подумал, что это черепица!.. — и, подняв ее с земли, стал осматривать. Она была темновато-вишневого цвета, кое-где покрытая землей. Там, где по ней прошла гусеница трактора, была заметна землистая бороздка. Максим Петрович провел по ней ладонью, и от бороздки не осталось следа.

— Вот это да-а-а!.. — протянул он и, заметив в руках тракториста гаечный ключ, попросил: — Дай-ка сюда.

Максим Петрович, как скрипач скрипку, прижал древнюю черепицу концом к плечу и тихонько-тихонько ударил по ней ключом. И черепица отозвалась на это прикосновение тонким явственно жалобным звуком. Звук возник и тихо растаял в теплом воздухе. Тогда Максим Петрович ударил сильней, и черепица отозвалась мягким звоном, не утихавшим целую минуту.

— Отдайте ее мне! — почти молитвенно обратился он к председателю колхоза. Но тот не разжалобился.

— Не можем, Максим Петрович! Всякую древность велено сдавать в музей. Есть у нас такой уговор. Они же

нам, кроме всего прочего, и деньги за это платят. Мы в прошлом году пять штучек таких выкопали. Знающий, специально приехавший человек сказал, будто этой штучке больше двух тысяч лет и будто даже мастер известен... Какой-то сармат... — но, выговорив непонятное слово, председатель как бы засомневался: — Да, да, сармат, сармат...

— Ты, Петр Тихонович, всегда набиваешь цену... Ясно-понятно, что не насовсем прошу. Покажу мастерам и сам отвезу в музей. Получишь ты за нее деньги!

— Ну если так, то и можно... так-то, пожалуй, согласен, это по-соседски... Даже если еще откопаю, то пришлю к тебе...

— Присылай, присылай! — раздраженный расчетливостью соседа, ответил Максим Петрович и тут же положил «древность» в кузовок брички.

— А как насчет карьера? — подступил к нему председатель.

— Потом, потом! Сейчас некогда, ждут меня... Ну, счастливо пахать! — и, стегнув лошадь, главный инженер покатил к заводу. Председатель колхоза смотрел ему вслед, улыбался и качал головой...

А в красном уголке продолжали спорить. Когда парторг Голованов предложил поговорить о черепице серьезно, то никто из мастеров старого Якова Михайловича не поддержал. Его теория «бытовых нужд», выраженная краткой формулой: «туда-сюда», была разбита после двух выступлений. Мастер обжига Тимонин журил Якова Михайловича осторожно. Он давал ему понять, что на слова практиканта не обращает внимания — дескать, этот молодой товарищ сядет и уедет, а нам оставаться и работать, но все же:

— Ты, Яков Михайлович, что-то не продумал... Что значит — не можем делать черепицу для стройки коммунизма? Это ведь звучит странновато... Задумаешься тут... Видишь, как неловко у тебя вышло: дал маленький крен, а смотри куда покатился.

Яков Михайлович выслушал это спокойно. Но когда неосторожный Горкуша назвал его ссылку на главного инженера спекуляцией, тут старый мастер не выдержал. Он вскочил с лавки и с неожиданной для него силой ударил кулаком по столу так, что подскочили его «бытовые» черепицы:

— Вы за кого меня принимаете, а?!. Я вам что — контра какая-нибудь, или... или?.. — Старик откинул голову, и Алешке показалось, что клинышек его бородки напружинился и заострился и что он целит им в лицо мастера заготовок.

— Успокойся, Яков Михайлович, успокойся... — уговаривал старика парторг Голованов. Хорошо понимавший юмор парторг тут же сменил улыбку на добрую озабоченность. Высокий, он наклонился к мастеру и, положив широкую ладонь на его худенькое плечо, посоветовал: — Сядь, Яков Михайлович, сядь...

Тот послушно сел. Наступила неловкая тишина.

Как неприятно было Алешке глядеть на эту сцену, как не похоже было все, что происходило теперь, на то, что он рисовал Майе на горе Митридат. Первые два месяца практики прошли для него слишком гладко, и это настроило его на беспечный лад. Теперь он чувствовал, как втягивается в большие события жизни, и от этого, несмотря на все неприятности, в душе шевельнулось чувство гордости. Ему было жалко Якова Михайловича той суровой жалостью взрослого и сильного, которую Алешка подметил в глазах Голованова минуту назад.

Под окнами протарахтели колеса брички... Все обрадованно вскинули головы к окнам.

— Максим Петрович приехал!

— Наконец-то!

Максим Петрович ворвался в красный уголок взволнованный. Он даже забыл извиниться за опоздание. Под мышкой он держал какой-то странный предмет. Дойдя до середины красного уголка, остановился, приподнял его и, бросая на пол, сказал:

— Вот как делали черепицу две тысячи лет назад!..

Ударившись о половицу, странная черепица издала глухой недовольный звук, потом перевернулась на другое ребро и снова издала звук, похожий на приглушенный смех... И осталась целой.

— Ясно-понятно?..

Все повскакали с мест, а Максим Петрович устало присел к столу и, вытащив из кармана платок, стал стирать пот со лба. На всех лицах можно было прочесть только любопытство. В глазах же Алешки была еще и тревога. Он еще ничего не знал об этой неуклюжей черепице, но смутно догадывался, что она появилась неспроста...

Древнюю черепицу осматривали, щупали руками.

— Дайте-ка мне ее сюда, — попросил Максим Петрович, и, положив на колени, сообщил: — Так вот этой черепице две тысячи лет... Ее выпахали в соседнем колхозе. По ней трактор проехал, а ей хоть бы что! А ведь ее делал неграмотный сармат... Вот здесь, — главный инженер ткнул пальцем в кромку черепицы, — стоит имя мастера: «Никос». Написано по-гречески, но это и понятно: по всему нашему побережью были греческие колонии...

— Вот это да-а! — протянул кто-то.

— А как она звучит!.. — продолжал Максим Петрович. — Дайте мне что-нибудь металлическое.

Ему подали складной нож с металлической ручкой. Максим Петрович приподнял черепицу и ударил по ней. В закрытой комнате она издала звук более тонкий и более чистый. Он заполнил всю комнату, и вдруг в ней сразу стало душно и тесно. Максим Петрович ударил подряд три раза, и неуклюжая черепица засмеялась громко и весело.

Сарматская черепица смеялась над слабыми. Она бросала вызов, который нужно было принимать. Хитрый сармат будто знал, что делал: подсунул свое корытце не феодосийцам, которых оно тоже немало бы озадачило, а керчанам... Эта мысль могла прийти Алешке в голову потому, что для него уже исчезло время, отделявшее его от древнего мастера. Этот мифический мастер стал реальностью. Хотелось представить его внешний облик, но из этого ничего не получилось... А между тем Алешка уже чувствовал в нем личного противника.

Голос Максима Петровича вывел Алешку из раздумий:

— Полюбовались?! Смех и грех! Получается, что соревноваться-то нам надо не с феодосийцами, а с этим сарматом...

— Вы скажете, Максим Петрович! — обиделся парторг.

— Факт!

В красный уголок неслышно вошла секретарша, передала Максиму Петровичу телеграмму:

— От Пал Палыча, — скороговоркой произнесла она имя и отчество директора завода, который четвертый день как уехал в Симферополь.

Главный инженер прочел телеграмму вслух:

— «Учетом ввода всех мощностей план кирпич черепицу удвоен тчк Торопите монтажников тчк Разворачивайтесь тчк Семенов».

Максим Петрович почесал затылок и, повторив еще раз «разворачивайтесь», обратился к Голованову:

— Рассказывайте, что надумали?

— Решили мы добавлять в глину перемол обожженной черепицы. Правда, дело это хлопотное, да и себестоимость копейки на две подскочит...

— С этим придется пока мириться. Черепицу надо делать отличную. Давайте так и решим. Задерживать вас больше не хочу. Впрочем, кто желает поехать со мной в музей — пожалуйста! Я эту черепицу под честное слово обещал передать музею.

Алешка отозвался первым.

4

Кроме молодого мастера-практиканта, в краеведческий музей поехали парторг Голованов, мастера Горкуша и Тимонин. Все надеялись узнать там о древней черепице больше того, что сказал о ней Максим Петрович. Яков Михайлович, сославшись на нездоровье, от поездки отказался.

Ехали в кузове грузовой машины, приспособленной для перевозки рабочих. Древняя черепица, брошенная на дно кузова, то и дело подскакивала, настойчиво приближаясь к Алешкиным ногам... Она наползала на металлическую заклепку и начинала похихикивать: «Хи-хи-хи!.. Ха-ха-ха!.. Хи-хи-хи!..» Черепица становилась назойливой. Носком ботинка Алешка сдвинул ее с заклепки и прижал ногой. При этом он оглянулся на товарищей: не заметил ли кто? Но мастера разговаривали между собой и не обращали внимания на переживания студента.

Входные двери музея были уже закрыты. Пришлось стучаться. Дверь открыла старушка с половой щеткой в руке. Она подозрительно посмотрела поверх очков на запоздавших посетителей и, ударив щеткой по порогу, сказала с расстановкой:

— Демонстрация матерьяльных памятников культуры... давно прекращена! — и закрыла дверь.

— Ну и пусть прекращена! Нам, мамаша, нужен директор! — крикнул Максим Петрович.

Дверь приоткрылась. Старушка снова поверх очков поглядела на всех и сказала уже менее официально:

— К Марье Осиповне вход со двора...

Марья Осиповна была у себя. Алешка удивился, что она тут же устроила Максиму Петровичу настоящий допрос: когда черепица найдена? где найдена? при каких обстоятельствах? Все ответы главного инженера не просто выслушала, а еще и записала в специальную карточку. Оказывается, председатель колхоза «Путь к коммунизму» ей уже позвонил.

— Прекрасно, прекрасно! — приговаривала она. — Теперь у нас в музее будет почти вся древняя кровля.

— Кстати, Марья Осиповна, и я, и все наши мастера хотели бы посмотреть на эту кровлю, — сказал Максим Петрович.

Лицо Марьи Осиповны стало озабоченным.

— Да это, конечно, пожалуйста, но вот экскурсовод-то ушел... Впрочем, подождите. Нина, — обратилась она к девушке, сидевшей напротив за счетами, — сходите в научный кабинет, посмотрите, нет ли там Майи Тихомировой. Пусть зайдет ко мне.

При упоминании знакомого имени Алешкино сердце забилось беспокойней. «Сейчас Майя узнает о моей неудаче...» — подумал Алешка и с нетерпением стал ждать ее появления. Ему и хотелось и не хотелось, чтобы Майя оказалась еще в музее. Посланная за ней сотрудница музея долго не возвращалась. Наконец они появились вместе.

На Майе было простенькое ситцевое платье — в белый горошек по синему полю, перехваченное в талии тонким пояском. В этом платье и туфельках на высоких каблуках Майя казалась высокой и хрупкой. Когда она вошла и увидела посторонних людей, на ее узком смуглом лице выразилось удивление.

— Здравствуйте! — поздоровалась она и вопросительно посмотрела на Марью Осиповну. Алешка сидел за широкой спиной мастера Тимонина, и в первую минуту Майя его не заметила. Когда она узнала, зачем ее позвали, она снова обернулась к мастерам: — Ну что ж, пойдемте, товарищи...

И тут она увидела Алешку.

— Алеша, и ты здесь? — удивилась Майя, слегка зардевшись.

— Мы вот вместе... — тоже краснея, заторопился объяснить Алешка, а Голованов пошутил:

— Приехали учиться у древности быть современными...

Все засмеялись, даже Алешка. Но Майя успела заметить, что ее друг был чем-то расстроен. Она попробовала взглянуть ему в глаза, но Алешка отвернулся. Заметил ли его смущение Максим Петрович, было неизвестно, но он почему-то постарался отвлечь Майю от разговора с Алешкой. Может быть, потому, что спешил возвратиться на завод. Хотя в музее он бывал несколько раз, но древнюю кровлю не видел.

Майя повела их в нижний зал узкими коридорами и лестницами. Идя рядом с Максимом Петровичем, она раза два оглянулась на приотставшего Алешку, как бы приглашая его присоединиться к ним, но Алешка решил не торопиться. Максим Петрович что-то рассказывал, а Майя слушала и смеялась. И Алешке просто не хотелось сдавать свои позиции перед «древностью».

В первом кабинете, в который завела Майя мастеров, на столе и полках были разложены предметы из доисторических времен. Лежал здесь череп гигантского тура, ставший почти меловым, два наполовину расщепленных бивня и одна позвоночная кость мамонта... Майя на минуту остановилась и спросила:

— Насчет костей интересуетесь?..

— Грандиозные косточки!.. — покачал головой Горкуша.

Со стен на мастеров с недоумением смотрели волосатые, казалось, неловкие первобытные люди. Первые труженики земли! С огромными дубинами в широких ладонях, они стояли, не подозревая, что совершают первый человеческий подвиг. На противоположной стене висели изображения динозавров, бронтозавров и прочих чудищ, скелеты которых напоминали Алешке сложную арматуру недостроенного цеха. Под ними висели таблички с цитатами из Энгельса, Дарвина, Павлова; вырезки из центральных и областных газет. Большей частью это были маленькие информации о работах научных экспедиций, о редких находках советских археологов. Перед одной из таких заметок Алешка остановился и стал читать:

«За последние сто миллионов лет пустыня Гоби ни разу не заливалась водой, поэтому естественно было искать в ней самых древних представителей мира животных...»

Алешку поразило, что автор заметки говорил о миллионах лет таким тоном, как мы говорим о двух-трех десятках. Из соседнего зала доносился наставительный голос Майи:

— Значение Керченского пролива как узла широко разветвленных торговых путей не могло не привлекать древних греков... — Чувствовалось, что Майя основательно проштудировала литературу о Боспорском царстве, произведения древнегреческих писателей, в которых хоть мельком, но упоминалось о Тавриде, и теперь старалась передать своим слушателям все, что знала:

— Гомер писал, — говорила Майя, — что Таврида покрыта вечным туманом, что над ней никогда не появляется «гелиос», то есть солнце.

Голованов заметил:

— А еще спорят: слепым был Гомер, или не слепым... Вон его сколько, солнца-то!

Ободренная тем, что ей внимают, Майя продолжала:

— Но греческие купцы-колонизаторы оказались людьми зрячими. Они сразу заметили, как сказочно богат этот солнечный край. В середине шестого века до нашей эры древние греки основали Пантикапей, нынешнюю Керчь, начали строить и другие города. Греческие колонизаторы в союзе с племенной верхушкой эксплуатировали местные племена: скифов, сарматов. Отсюда в Афины вывозили хлеб, рыбу, кожу, ценные меха... — Майя подошла к большому глиняному сосуду. — Это пифос, в котором хранилось зерно...

Максим Петрович подошел к высокому и пузатому сосуду, постучал по нему казанками. Пифос недовольно загудел. Главный инженер подмигнул притихшим мастерам:

— Качество, конечно, есть, но что касается эстетики...

— Что вы! — возразила девушка. — Местные пантикапейские мастера умели делать красивые вещи. Посмотрите вот эти скифские вазы... Они великолепны! — Майя входила в роль адвоката древних мастеров, которые уже не могли защищаться сами. Показывая великолепно расписанные амфоры, она как бы продолжала спорить с неуступчивым Алешкой:

— Разве это не красиво?

Так как древняя черепица уже нанесла Алешке удар, он попробовал согласиться с Майей:

— Для тех времен это, конечно, ничего... Даже удивительно, что они умели так делать.

После этой фразы Майя поняла, что Алешка идет на компромисс. Это вызвало в ней желание удивить его еще больше. Она показывала золотые и серебряные кубки удивительной чеканки, с причудливыми узорами, напоминавшими не то птиц, не то животных, при этом рассказывала о древних мастерах так, будто знала их лично. Показав маленькую золотую вещицу, нечто вроде пряжки с изображением львиной головы, она попробовала объяснить технологию ее изготовления:

— Древние мастера умели пользоваться штампом. Принцип холодной штамповки таких вещиц был известен уже тогда.

— Рабочий человек до всего может дойти! — поддержал ее Тимонин и, остановившись перед комическими фигурками глиняных статуэток, мастер обжига широко заулыбался.

— Кого это так продергивали? —спросил он.

Все обступили стенд. За стеклом корчились, гримасничали фигурки из обожженной глины. Одна фигурка изображала, видимо, жадного купца, другая — чиновника в льстивой позе, третья — актера в маске... Рядом фигурки музыкантов-кифаристов. Один кифарист выглядел особенно смешным.

— Просто как в «Крокодиле»...

— Ну, купчишку — туда-сюда, а вот музыканта-то за что?! Неужели пантикапейцы не любили музыку? — спросил повеселевший Алешка.

— Любили, любили! — многозначительно подтвердила Майя. — И театр и музыку!.. — Ее темные глаза заблестели, и опять на смуглом лице проступил румянец. Ей вспомнился исторический факт, который, казалось, мог бы ответить на заданный вопрос. Но Майя тут же усомнилась: можно ли так вот на ходу высказывать свои догадки? Однако, посмотрев на Алешку, на Максима Петровича, будто так и ждущих ее объяснений, она решилась: — Древние жители нашего города очень любили музыку. Появление такой карикатуры можно объяснить вот чем: правящие классы пользовались искусством в своих корыстных целях... Известных музыкантов-кифаристов часто использовали как шпионов. Был, например, такой известный олинфский кифарист Аристоник. Слушать его игру сходилось все население городов, в ко-

торых он появлялся. И вот, зная об этом, один из правителей, враждовавших с Пантикапеей, послал в него Аристоника, чтобы во время игры он смог определить число жителей города... Вот, наверно, таких хитроумных и критиковали древние мастера, — заключила Майя.

Она была довольна впечатлением, которое произвел на мастеров ее рассказ. Взглянув на Алешку, она перехватила его пристальный взгляд и, чтобы скрыть смущение, поторопилась к другим экспонатам. Сначала и Максиму Петровичу, и Голованову не терпелось поскорее увидеть сарматскую кровлю, но история с кифаристом так их заинтересовала, что они покорно пошли за нею...

Майя похвалила обломок какой-то мраморной скульптуры, и всем хотелось верить, что ее создатель — человек гениальный, потому что до него никто не передавал в мраморе такого напряжения человеческой руки.

По серому мрамору разбегались синеватые прожилки, и скульптор так воспользовался ими, что и теперь казалось, будто под обветренной кожей сжатой руки пульсирует теплая кровь... Даже скептический Алешка не мог не признать этого.

А Майя вела мастеров дальше и дальше — от века к веку, от эпохи к эпохе, полных напряженной борьбы между рабами и рабовладельцами, между сильными и сильнейшими. Комнатки музея были маленькими, и десять веков, втиснутые в них, создавали удивительные контрасты добра и зла, чудных созданий и дьявольских разрушений, доблести народных героев и вероломства боспорских царей. Майя рассказала о восстании угнетенного скифского населения, во главе которого стоял Савмак... Восстание было подавлено полководцем Митридата Диофантом. Но боспорский царь, именем которого и названа керченская гора и лестница на нее, сам потерпел поражение от римлян. Хуже того, его предал собственный сын. Правда, Майя при этом очень хвалила мужество дочерей Митридата, особенно Клеопатру, которая умела держать в своих руках оружие и защищаться, будучи окруженной.

— Она мне нравится! — решительно призналась Майя.

— Да, не в братца, видно, была...

Слушая Майю, Алешка удивлялся, что девушка так хорошо умеет рассказывать о прошлом. Все, о чем она говорила, можно было представить зримо, словно она сама видела это прошлое. Так, в ее передаче сын Митридата

Махар был жалким человеком, а его сестра Клеопатра — красивой и умной.

— А теперь пройдемте в соседний зал, там-то я и покажу вам древнюю кровлю, — тоном солидного экскурсовода сказала Майя. Но в это время один из мастеров обратил внимание на странный череп, лежащий под стеклом крайнего стенда.

— Э-э, друзья! Посмотрите-ка... У нашего бедного предка совсем нет лба. Зато затылок длинный-предлинный!

— Ах да!.. Я совсем забыла... Это деформированный череп сармата, — с напускной небрежностью ответила Майя, давая понять, что и об этом она может рассказать интересную историю. Но история оказалась скорее странной, чем интересной. Майя рассказала, что у сарматов бытовал культурный обычай — «кольцевание», при котором черепу живого человека по желанию придавалась любая форма.

— И это добровольно?! — удивился Голованов, чья голова по совершенству формы могла бы считаться классической.

— Конечно, добровольно! Видимо, это делалось еще в детском возрасте.

— Что-то даже не верится! — усомнился Алешка.

Майя обиделась за безлобого.

— Чему же тут не верить?! Так было принято. Разве знатным китаянкам не уродовали ноги? Они ведь и ходить не могли! А от изменения формы головы умственные способности, может быть, и не нарушались.

Майя заметила, что сарматский обычай произвел на экскурсантов, особенно на Алешку, неприятное впечатление. Она, конечно, не могла знать, что керченские мастера оказались такими чувствительными совсем по другой причине. Их чувствительность объяснялась тем, что они увидели, наконец, древнюю кровлю с черепицей, которая оказалась крепче, чем их собственная.

По встревоженному любопытству мастеров, окруживших искусственную кровлю, Майя поняла, что ее роль гида временно закончилась. Она отошла в сторонку в надежде, что и Алешка отойдет вместе с нею. Но он, казалось, забыл о ее существовании, поближе притиснулся и стал осматривать нехитрое сооружение, сложенное из пяти тяжелых черепиц с покрышкой на стыке первого ряда. С покрышки прямо на Алешку воззрилась пучегла-

зая маска Медузы с открытым ртом и губами, вздутыми, как рыбьи пузыри.

Этой Медузе приписывалась магическая сила отвращать от жилья злых духов. Майе очень хотелось сказать об этом, но мастера так внимательно осматривали кровлю, что она не решилась. И только когда Максим Петрович разочарованно покачал головой и сказал:

— Громоздко! Да и черепица слишком тяжела...

Майя попробовала вмешаться:

— Вес одной черепицы достигал двадцати девяти килограммов, — сказала она.

— Вот именно! Будешь тут плосколобым — таскать ее на крышу! Наша-то весит всего полтора! — сказал мастер обжига.

— Хвали, хвали нашу! Она вообще ничего не весит. Скажите, что ее просто нет! — отрезал главный инженер.

Майю стали расспрашивать, как и в каких мастерских делалась эта черепица, и она охотно сообщила все, что знала. А знала она немного: мастерские, в которых производилась черепица, назывались эргистериями. Работы выполняли рабы из местных племен. О технологии девушка сказать ничего не могла, если не считать исторической версии, будто древние мастера для крепости черепицы подмешивали в глину козье молоко.

— Ну да, не хватало нам еще козодоями стать!

Тут мастера снова заспорили.

Алешка забеспокоился, что из их разговоров Майя догадается о случившемся. Не дожидаясь такой минуты, он подошел к Майе и попросил объяснить одну надпись. Майя удивилась:

— А вдруг я буду нужна здесь?!

— Нет!.. Раз заспорили, значит, надолго...

Алешкина хитрость удалась. Еще до того, как мастера произнесли слово «брак», он увел Майю в соседний зал и, показав наугад на какие-то плиты, спросил:

— Что это такое?

Майя стала объяснять значение картин, высеченных на камне, читать надписи, лапидарный стиль которых не производил впечатления только потому, что все надписи были слишком однообразны. Вдруг Алешка увидел большую мраморную плиту с двумя белыми розами, изваянными тонким резцом, и надпись над ними. Алешка склонился к табличке и прочитал ее перевод:

— «Майя, жена Гаала, прощай!»

Как чистый голос выпаханной черепицы, так поразила Алешку и эта надпись. Сначала древний человек напомнил о себе куском глины, скованным в плотную и нерушимую массу, теперь напоминал он о себе словом, выплавленным в горниле души, и это слово до сих пор сохранило теплоту жизни, пережитое счастье и отчаяние погибшей любви.

И ничто — ни то, что читал он сам, ни то, что услышал сегодня от своей подруги, — ничто не убеждало его в существовании древнего мира так сильно, как имя когда-то жившей Майи. Если и тогда была Майя, значит, были и жизнь и любовь...

Алешка и Майя стояли и смотрели друг на друга: Майя — с любопытством, Алешка — с удивлением. Даже если бы не видеть девушки, на которую смотрел Алешка, а только его, то все равно можно было бы догадаться, что он видел что-то хорошее и красивое, потому что сам в эту минуту был хорошим и красивым.

Человек, понявший красоту, озаряется ее светом. Такой человек во много раз становится требовательнее к себе. «Эх ты, бракодел несчастный! — упрекал себя Алешка. — Разболтался вчера, а теперь выкручиваешься — хочешь скрыть, что, кроме болтовни, у тебя ничего нет...»

— Майя! — начал было Алешка, готовый признаться в грехах, но в это время рядом раздались голоса мастеров. Майя бросилась им навстречу:

— Извините, пожалуйста, я тут объясняла...

— Спасибо, главное мы все-таки посмотрели. Хорошо объясняете. Я бывал здесь, а вот сегодня не жалею, что посмотрел еще раз. Теперь приезжайте вы к нам, посмотрите, как мы делаем... гм... гм... кирпичи! — И Максим Петрович с хитрой улыбкой посмотрел на своих приунывших спутников.

Майя проводила экскурсантов до крыльца.

Ее благодарили, хвалили за толковые объяснения.

Максим Петрович и Голованов спешили на завод. Они простились с Майей и ушли к машине. Алешка прощался с Майей последним. Он уже сошел с крыльца, когда Майя окликнула его снова:

— Ты сегодня придешь?

— Нет, Майя, мне сегодня некогда! — мрачно ответил Алешка. Он смотрел на покрасневшую от смущения Майю, а в памяти назойливо звучало: «Майя, жена Гаала, прощай!»

5

Весь вечер Алешке было не по себе.

От всего, что он видел и слышал за день, в голове была каша. Желание привести в порядок мысли и чувства толкало его то к морю, то в неприветливую крымскую степь. Но ни море, ни степь не осенили его той житейской мудростью, от которой на душе делается спокойнее. Море в этот вечер было равнодушным, а степь сама была слабой и требовала помощи от людей...

Домой Алешка пришел поздно.

Ложась спать, раскрыл книгу о производстве кирпича и черепицы и стал перелистывать главу о цвете сырых и обожженных глин. Ни один цвет не подходил к керченскому. Тогда Алешка вернулся к вступительной главе, где перечислялись способы повышения пластичности небогатых глин. Здесь было и замачивание, и промораживание, и даже длительное гноение. Последний способ был известен древним мастерам. Подготовка глин таким способом продолжалась несколько десятков лет.

«Нет, это нам не подходит! — думал Алешка, полусонно щуря глаза. — Через шесть лет мы построим Северо-Крымский канал и еще пять-шесть каналов, а дура-глина будет лежать и лежать...» Книга выскользнула из Алешкиных рук, но мозг еще продолжал работать: «Надо было ехать в Феодосию... Там бы проклятый сармат не стал вмешиваться в мою жизнь... Там умеют работать... и глины у них умные... Опять я не потушил свет...»

...Его начало покачивать: вниз-вверх, вниз-вверх.

Яркое солнце било в лицо. Алешка приподнялся и стал осматриваться. «Э, да я, кажись, на корабле?!» — удивился Алешка, увидев вокруг бирюзовую гладь моря. Легкий ветер играл над ним белыми парусами, за которыми кружились чайки, крича пронзительно и тревожно.

Нос корабля, увенчанный косматой головой Посейдона, то поднимался над волной, то зарывался в воду, и тогда с голубых косм древнегреческого бога скатывалась белая пена. Тут Алешка вспомнил все, что случилось с ним накануне, и озноб ужаса пробежал по его спине. Вспомнил, как он спорил и упирался, когда какие-то странные люди поймали его в крымской степи, чтобы продать владельцу черепичной эргистерии. Он угрожал, что будет

жаловаться в горсовет, но странные люди качали головами и продолжали выставлять его напоказ.

А где же перекупщик, перепродающий его греческим купцам, которые плыли в Пантикапей? Усталый, истерзанный муками унижения, Алешка тогда взошел на их корабль и лег на какие-то снасти и забылся. С тех пор прошла ночь, а положение все то же — корабль, на палубе два шалаша, а вокруг — море.

Из шалашей вышли два греческих купца с дегтярно-черными глазами и носами, как у попугаев. Один из них был высок и тощ, другой мал ростом и толст, как виденный им в музее пифос. Они разговаривали на своем древнегреческом языке, но смысл их беседы был Алешке почему-то понятен. Может быть, потому, что совсем недавно он перечитывал Гомера. Купцы подошли совсем близко.

— Мне говорили, — загнусавил высокий купец, — что этот юный варвар видел середину двадцатого века, но мудрые боги наказали его за это и низринули обратно...

— Олимпийские боги всесильны! — проквакал толстяк.

— В Пантикапее живет хитроумный сармат, — продолжал тощий, — он содержит черепичную эргистерию и рабов. Отдадим ему этого скифа на выучку, пусть он потом строит храм нашей покровительнице...

— Благодарность богам, да вернется к нам золотом! — вторил толстый купец.

Притворившись спящим и чуть приоткрыв левое веко, Алешка следил за купчишками, а сам думал: «Врете! Никакого храма я вам строить не буду! Вы что, черти пучеглазые, не видите моего комсомольского значка?!» — и повернулся так, чтобы они его увидели. Но невежественные греки не обратили на это никакого внимания.

— Вот он, прекрасный Пантикапей и священная гора — символ могущества боспорских царей! — воскликнул высокий и пошел на корму. Толстяк поспешил за ним.

После ухода купцов Алешка приподнялся с жесткой парусины и стал смотреть на приближавшийся берег в надежде, что увидит родной город таким, каким он видел его совсем недавно, а над городом — гору Митридат с лестницей и обелиском. Но то, что он увидел, повергло его в ужас. У подножия знакомой горы, без лестницы и обелиска, раскинулся чужой, незнакомый город.

У причалов родного порта, где дымили огромные корабли — «Волго-Дон», «Киров», «Мацеста», — теперь стояли парусные суденышки, весельные триеры... Теперь у Алешки не было сомнения, что он попал в плен к древним временам.

Пленника повели за черту города, куда по велению боспорских владык, чтоб не оседала копоть на дворцы и храмы, были вынесены обжиговые печи черепичных мастерских. Разноплеменный народ с любопытством глядел на Алешку, гордо откинувшего свою рыжую голову. Тощий купец путался в своей длинной хламиде, а толстый — держался за край Алешкиного пиджака.

Хитроумный сармат встретил купцов подобострастной улыбкой и низким поклоном. Лоб сармата, как Алешка и ожидал, закруглялся прямо над темными стрельчатыми бровями и, убегая к затылку, терялся в черноте жестких волос. Глаза были узкие-узкие, с желтизной бегающих зрачков, длинная борода, видимо, покрашенная, отливала сизоватым блеском. «Вот он какой!» — подумал Алешка и стал наблюдать за ним. А тот поклонился в третий раз и забормотал слова признательности за столь почетное для него посещение, видимо, соображая, что же решили закупить у него далекие гости — амфоры или пифосы, так как, кроме черепицы, его рабы делали и то и другое. Но тощий купец разочаровал низколобого сармата.

— Мы спешим, — сказал он ему, — наш корабль стоит под парусами, и ветер напрасно рвет их... Мы привезли к тебе этого скифа, чтобы ты обучил его мастерству. И когда вновь зацветут оливы, мы вернемся за ним. Ты, Никос, принял греческое имя, так и будь эллином.

Пока купцы вели переговоры с сарматом, Алешка огляделся. Он увидел множество рабов, которые изготовляли сарматскую черепицу. Бритоголовые, в грязных лохмотьях, они месили глину, формовали, перетаскивали сырые заготовки. Шепот сармата заставил Алешку насторожиться.

— Вай-вай-вай! — удивлялся чему-то сармат. — Мне придется за него отвечать?! Не лучше ли поступить с ним так, как я поступаю со строптивыми. Не убежал бы!..

Хитрый грек засмеялся:

— Этому некуда бежать. До двадцатого века слишком

далеко — не добежит! — И все трое снова заквакали: далеко — не добежит!

«Смейтесь, смейтесь! — думал Алешка. — Посмотрим, кто из нас останется в дураках».

Купцы ушли, и сармат повел Алешку показывать свою мастерскую. Самодовольно поглаживая крашеную бороду и кося на пленника желтыми зрачками, сармат показал ему многолетний склад глины, бучильную яму, примитивный пресс, около которого находилось несколько рабов. В бучильной яме Алешка увидел глину светло-золотистого цвета.

Два раба-скифа с обнаженными до пояса телами подтащили к яме огромный глиняный пифос, доверху наполненный какой-то белой жидкостью. Алешка видел, как дрожали руки рабов, как голодным блеском вспыхнули их глаза, следившие за белой струей, падавшей на глину. При этом один из них как-то странно прищелкивал языком.

— Что это? — удивился Алешка.

— Разве ты не видишь?! — ответил тот, ухмыляясь. — Это козье молоко, свежее козье молоко... Запоминай, оно придает моей черепице крепость и тот особенный голос, который ты — не отпирайся! — должен был слышать там, у себя...

Молоко растекалось по золотистой глине и, обволакивая ее, становилось чуть-чуть синеватым. Алешка был поражен.

— В такую глину, да еще молоко?! У нас в Керчи и глины такой нет! — сказал он.

— Хи-хи-хи! — засмеялся сармат точно так же, как смеялась его черепица, брошенная Максимом Петровичем на пол красного уголка. — Я знаю, что у вас нет такой глины. Все течет, все изменяется! — И сармат хитро посмотрел на Алешку. — Думаешь, я не знаю Гераклита? Хи-хи-хи! — И сизобородый процитировал: — «Огонь живет земли смертью, воздух живет огня смертью; вода живет воздуха смертью, земля — воды смертью... А я бессмертен, потому что понял это».

Слушая сармата, Алешка краснел. Однажды на экзамене он не мог вспомнить слов Гераклита, и преподавателю пришлось процитировать их. «Наивная философия!» — думал теперь Алешка, а древний мастер продолжал:

— Наши глины до вас не дошли. Если я трачу на ее

подготовку двадцать лет, то вам надо потратить тридцать или сорок.

— Нет, нам ждать нельзя, — сказал Алешка. — Нам канал надо строить. Мы все делаем по-новому. Гераклит учил, что земля живет смертью воды, а мы хотим оживить землю жизнью воды...

— Э-э-э! — погрозил ему сармат. — Не передергивай!

И они заспорили.

Древний мастер предлагал Алешке поучиться у него мастерству, но тот ответил, что ему учиться у него нечему, что его черепица и дорога и громоздка. Тогда старик рассердился и намекнул ему о браке черепицы.

— Чего ты мне мозги пудришь? Машины у вас есть? Ну и что! А черепицу хуже нашей делаете. Думаешь, мы о вас ничего не знаем!

— Потому что мы делаем ее так же, как ты, вручную. Наши машины пока что стоят. Вот погоди, пустим новый цех, тогда посмотрим, кто кого будет учить.

Плосколобый сармат навертел на палец свою крашеную бороду, скосил на Алешку свои желтые бегающие зрачки и рассмеялся скрипучим сарматским смехом.

— Вай-вай-вай! — качал он головой. — Ты еще собираешься вернуться обратно?! Разве забыл, что до твоего века так далеко — не дойти, не доехать! Вай-вай-вай! — залился он снова.

От горькой обиды у Алешки закружилась голова.

— Дойду! — крикнул он. — Дойду! Твой век короче моего года! И если на это уйдет вся моя жизнь, я отдам ее, чтобы увидеть мою Родину и положить свою черепицу на Великую стройку. Ты еще не знаешь меня, сармат!..

Древний мастер насторожился. В его узких глазах отразилось удивление, даже больше — уважение отразилось в них.

— Разве ты не на своей родине?! — спросил он тихо и вкрадчиво. — Посмотри, разве это не тот залив, который ты знал, разве это не та гора, которую ты видел, а степь? И разве все это не твоя родина?!

Печальными глазами проследил Алешка за ленивым движением длиннопалой руки и уже хотел было отрицательно покачать головой, но вдруг заметил тревожный взгляд молодого скифа, мявшего глину...

— Ты не понял меня, старик. Я не отказываюсь от

родины, я отказываюсь от твоего времени. Я не могу здесь жить: залив тот же, но я не вижу на нем родных кораблей, степь та же, но я не слышу, чтобы в ней строился канал, какой строим мы, и гора та же, но нет на ней высокого обелиска, который поставили мы павшим при защите родного города... Среди них и мой старший брат.

Алешка смолк и задумался. Взгляд его упал на комсомольский значок, привинченный к лацкану пиджака. Любовно тронув его рукой, он улыбнулся и сказал:

— Я не могу жить вот без этого, а ты даже не знаешь, что это такое. Эх ты!..

Он хотел еще сказать, что не может жить без родных и товарищей: без Максима Петровича, Голованова, формовщицы Нади... Даже Яков Михайлович в эту минуту показался ему хорошим. И еще хотел он сказать, что не может жить без любви, и любимое имя невольно сорвалось с его губ:

— Майя!..

Сармат не дал ему договорить. С загадочной улыбкой на тонких губах он тронул Алешку за плечо и зашептал:

— Я знал о твоей любви... Знал!.. Оглянись на мою дочь... Она молода и красива, она вместе с тобой будет мять глину, и ты полюбишь ее... Оглянись, оглянись!..

«Не купишь!» — подумал Алешка, решив не оглядываться, но старик начал его тормошить. Алешка обернулся. Рядом с обжигающей печью, отвернувшись от него, стояла глиняная девушка. Казалось, что она только что вышла из пламени и тело ее было розовым. Она замерла в стыдливой позе, словно ждала, что кто-нибудь принесет ей одежду. Тогда к ней подошли два раба и подняли над ее покатыми плечами кувшин. Сармат подал им знак, они наклонили кувшин, и на розовые плечи девушки полилось белое молоко. Ветер старался сдуть его быстрые струйки, и — удивительно! — они становились легкими складками ее белой одежды. Рабы поклонились и отошли. Девушка медленно подняла голову и повернулась к Алешке лицом...

Алешка остолбенел. Перед ним стояла Майя, та Майя, которую он так хорошо знал. Легкое безрукавное платье, возникшее таким чудным образом, ниспадало до самой земли, и гибкое тело просвечивало сквозь его тонкие складки. Она шла к Алешке, прижав руки к груди, слов-

но спрятала там двух белых голубей, готовых взлететь, и боялась, что не донесет их до Алешкиных рук. Алешка метнулся навстречу:

— Майя, как ты сюда попала?!

— Я живу здесь, Алеша...

— Но этот старик говорит, что ты его дочь!

— Это правда, Алеша...

— Но как же это, Майя?!

— Тут все очень сложно, Алеша. Но я говорю правду... и я тебя все равно люблю! — Она тянула к нему свои белые руки. — Люблю, люблю! — шептала она и тянулась жаркими губами к его губам. Еще ни разу Алешка не ощущал на своих губах такого долгого поцелуя. Пьяный от счастья, он нашел еще силы сжать ладонями ее виски, отвести ее пылавшее лицо от своего лица, чтобы посмотреть в темные волшебные глаза и спросить:

— Неужели, неужели правда, что ты живешь здесь?! Я же видел тебя там, помнишь?!

При этих словах в глазах Майи отразился испуг. Она прижала к его губам свою теплую узкую ладонь.

— Тс-с!.. Не говори так громко! Отец об этом ничего не знает...

Она оглянулась на отца и продолжала тихо:

— Какой ты наивный, Алеша... Я живу во все времена, я искала большую, большую любовь, и я нашла тебя. Я тебя полюбила еще «там». Теперь ты останешься со мной, ведь останешься?

Алешка вдруг почувствовал, что скажи он «да» и все пропадет: хитрый сизобородый старик останется победителем. В сердце закралось сомнение — не нарочно ли подослал он ее?! «Нет, этого не будет!» — и Алешка с болью разорвал кольцо девичьих рук.

— Нет, Майя, нет! Я люблю тебя «там», а здесь нет для меня любви!

Майя заплакала. Ее черные волосы, свитые в тугой греческий узел, расплелись и упали на плечи. Майя плакала тихо, почти неслышно, только крупные слезы, как халцедоновые бусы, катились из глаз...

— Не уходи, не уходи! — упрашивала она и снова тянулась к нему, и снова кольцо белых рук замкнулось на его шее. Где-то рядом хихикал сармат:

— Теперь он останется, теперь он останется!

Тогда Алешка сделал последний рывок и... проснулся.

Над ним стояла мать и, теребя за плечо, уговаривала:
— Алеша, Алеша, проснись!..

6

«Хорошо, что это был сон».

А вдруг не сон?!

Но ведь в годы войны у двенадцатилетнего Алешки уже было такое состояние. Это когда на улицах Керчи появились немцы и румыны. А потом его отец, портреты которого так часто появлялись на городской Доске почета, ночью, крадучись по закоулкам, вел Алешку к тете Саше в Камыш-Бурун...

Мать продолжала трясти Алешку за плечо. Проснувшись окончательно, он посмотрел на нее так, словно не виделись они несколько лет. По-домашнему тикали и тикали ходики, и синеглазый кот Филька заигрывал с опустившейся гирей. Книга, оброненная Алешкой перед сном и поднятая матерью, лежала на табуретке. В смежной комнате завтракал отец и, нетерпеливо постукивая ложкой по краю тарелки, напоминал матери о добавке.

Алешка вскочил с постели, подбежал к распахнутому окну и полной грудью вдохнул чуть-чуть влажный и упругий воздух, пахнущий морем и утренней свежестью. Прямо от окна начинался залив. Он походил на темно-синий ковер, который бросили на пол, но забыли расправить... Новый трехъярусный теплоход разворачивался на нем, словно гигантский утюг, и приминал волны. Каким ничтожным перед этим красавцем казался древнегреческий парусник!

После романтических приключений во сне Алешка с радостью увидел море, родной город, несмотря на то, что к нему вместе с пробуждением вернулись прежние заботы и тревоги. «Ничего, — подумал он, —уж как-нибудь разберемся!» — и начал физзарядку. В такие минуты мать с жалостью смотрела на выверты сына, от которых тряслись стены, а кот Филька прятался под кровать. Матери казалось, что проделывать все эти фокусы очень трудно, поэтому, отойдя в сторонку, говорила: «Поел бы сначала...» Алешка смеялся и шел умываться.

Надо сказать, что в Керчи умыться было не очень просто. В других городах это делается так: подходит че-

ловек к раковине, открывает один-единственный кран, если нет второго — с горячей водой, и проделывает все, что нужно, — чистит зубы, ополаскивает лицо. В доме, где жил Алешка, действовало два крана. Один — с пресной водой, а другой — с соленой, морской. Расход воды из первого крана всегда лимитировался. Под первым краном чистили зубы, а лицо умывали под вторым. Из первого брали воду для обеда, из второго — для мытья посуды. При этом слишком часто испытывалась совесть хозяйки. В утренней спешке Алешка путал краны, и, хлебнув соленого, долго потом отплевывался. Весть о стройке Северо-Крымского канала в Алешкиной семье встретили радостно: значит, с водой будет полегче. У сына на этот счет были более высокие соображения, но и для него путаница в кранах была хлопотной. Умываться соленой водой, да еще из крана?! Поэтому, вычистив зубы, домываться Алешка бегал к заливу...

И на этот раз, взяв полотенце, он направился к двери, но отец, доев вторую тарелку борща, его остановил:

— Что это ты увлекся практикой-то?.. Отдохнул бы перед отъездом. Если думаешь, чтоб к стипендии прибавок сгоношить, то напрасно — в случае чего прислали бы... Завод-то наш почти на мази, заработки пойдут... надо полагать, добрые.

Алешка сразу сделался серьезным. Посвящать отца в свои черепичные неудачи ему не хотелось.

— Тут другое дело... Понимаешь, материал для курсового подвернулся хороший, вот и хочу взять...

Алешкина самостоятельность отцу понравилась. «Не хлюпик какой-нибудь растет! В меня пошел!» — подумал он, любуясь сыном.

— Подворачивается — бери, отворачивается — не упускай! — посоветовал он сыну с добродушной шутливостью и лукаво посмотрел на жену.

— Молчал бы ты, старый греховодник... — отмахнулась та.

По мере того, как Алешка приближался к заводу, к нему возвращались прежние тревоги — за неудачную черепицу, за неудачную практику и скомканную встречу с Майей.

И о сне думалось. «Неужели, черти, они действительно вливали в глину козье молоко?»

Нельзя было допускать, чтоб какой-то сармат с его примитивной техникой и козьим молоком делал черепи-

цу лучше. Надо доказать Майе, что он, Алешка, прав, когда смотрит на прошлое с высоты двадцатого века. В контрольном отделе завода лежит их черепица. Надо посмотреть. И вообще по этому вопросу надо почитать литературу.

Примерно так размышлял молодой мастер, подходя к заводским цехам. Еще издали был слышен шум «бегунов», размельчавших в муку черепичные обломки. Эти «бегуны» спасали завод от позора, но от поисков не избавляли. «Одно жаль, что новый корпус бездействует! Эх, пустить бы вакуум-пресс! Глину-то можно поискать. Вот пойду к Максиму Петровичу и скажу...»

А сказать он хотел так: «Дорогой Максим Петрович, как мастер, я получаю государственные деньги, хотя никакого толку от меня нет. Конечно, я вас понимаю. Вы сделали это ради института, в котором тоже учились. Так вот, прошу вас освободить меня от должности мастера, после чего я на свой риск и страх займусь опытами...»

Но высказать эти мысли Алешке не пришлось. Максим Петрович его опередил. Он встретил молодого мастера упреком:

— Что это вы, молодые мастера, обидели вчера Якова Михайловича?! Старик даже заболел и не вышел на работу. Теперь вот как хочешь, а полностью заменяй старика...

— А при чем тут я? Обидел его Горкуша. Да он и сам виноват... Он сказал...

— Знаю, знаю, что он сказал... Добрей надо быть, Алексей.

— А я не согласен с вами... При чем тут — добрей, когда он предлагает колхозам недоброкачественную черепицу только потому, что у них нет выбора. Некрасиво это. Я так и сказал ему...

Максим Петрович нахмурился.

— А если бы ты знал, что человек смертельно болен и, допустим, должен умереть, ты бы тоже так вот бухнул ему об этом?

Алешка неопределенно пожал плечами. Он не мог понять, чего хочет от него главный инженер. Уж не хочет ли он оправдать старого мастера? Словно догадавшись об Алешкиных сомнениях, Максим Петрович вздохнул и неожиданно спросил:

— Ты вот любишь стихи, Блоком увлекаешься... И я

когда-то им увлекался, и даже очень. В Ленинграде, когда я учился, студентам полагалось любить Блока. Знаешь, через его стихи прошла такая некрасовская стежка... Помню, как он сказал, что молодость — гордая, чистая и злая. На тебя, Алексей, похоже.

— Я, Максим Петрович, вовсе не злой! — засмеялся Алешка.

— Слушай, что говорят. Жизнь, Алексей, немножко сложнее, чем ты думаешь. Ты воспитывался на высоких моральных нормах. Ты даже не замечаешь, что они высокие, и хочешь установить их для всех. И ты беспощадней к тем, которые этих норм не выдерживают.

— Я эти нормы не выдумал...

— Правильно. Для норм берется средний уровень... А вот, скажем, Стаханов — это пример, чтобы все подтягивались. Ну ладно, вот мы и пришли! — подхватил Максим Петрович. — Яков Михайлович — человек старый и, надо сказать, опытный. Ему давно пора на пенсию, а он не уходит. Он любит завод. Наша черепица всегда была неважной, так что к этому как-то привыкли, хотя в прошлом году старик долго испытывал булганакскую глину... Но при нашей ручной формовке применение этой вулканической глины было невыгодно, а теперь другое дело... Так-то. Алексей. Со стариком нужно было как-то по-другому, особенно тебе, практиканту. Ну ладно... поговорим потом. Сейчас иди к себе, собери всех людей и расскажи, что у нас происходит с черепицей. Ясно-понятно?

— Хорошо, Максим Петрович! — сказал Алешка и поднялся. Ему показалось, что главный инженер под конец скомкал разговор и не сказал того, что хотел сказать, словно оставлял Алешке еще что-то додумать самому.

Напрасно молодой мастер предупреждал вчера формовщицу Надю, чтобы она до поры до времени молчала про брак. По тому, как формовщицы встретили его, он понял, что им все известно. Девушки стояли над красной горкой черепичного перемола, который подвезли к бучильной яме, чтобы перемешать с глиной. Когда Алешка подошел, они расступились и замкнули за ним круг. Пятиминутка, как называли коротенькое совещание перед работой, началась сама собой. Подружка Нади, грудастая сибирячка Вера, к удивлению мастера, начала рассказ о плохом колхозном пимокате.

— Вот как наши ребята его критиковали. Подойдут вечером к его окнам: один к одному окну, другой — к другому, проведет один напалком по стеклу, сверху вниз — грым, грым! — и будто спрашивает: «Дядя Яков, не возьмешь ли скатать пимы?» Другой тоже — грым, грым! — и отвечает: «Нет, не возьму!», грым-грым: «Почему не возьмешь?» А тот будто шерсть бьет — грым, грым! — и отвечает: «Некогда! Мне еще для первой бригады три пары перекатывать».

Формовщицы засмеялись. Надя силилась удержаться от смеха. Алешке она сочувствовала и не хотела, чтобы он оказался в смешном положении. Но, заметив, что Алексей Федорович и сам смеется, Надя не стала сдерживаться.

— Ох и чудачка ты, Вера...

— Ничего я не чудачка, — возразила толстушка, — мы работаем, как тот пимокат: делаем черепицу, потом ломаем, потом перемалываем на бегунах и снова ее в глину... Вона! — И она поддела носком ботинка горку красной муки.

Алешке стало легче. Он вдруг почувствовал, что он как мастер поступил правильно, рассмеявшись вместе со всеми.

— Алексей Федорович, — спросила одна из формовщиц, — а правда, что какой-то древний старик за пояс нас заткнул своей черепицей? Будто уж такая она крепкая, такая крепкая, что молотом бей — не разобьешь.

Алешка быстро сообразил, что легендой о нерушимости сарматской черепицы ему как мастеру надо воспользоваться.

— Да, был такой старик... Племена такие были — сарматские. Сармат работал не сам, а у него были скифы-рабы. Черепица та действительно по прочности лучше нашей, но что молот ее не берет — это неверно... Такая черепица и не нужна.

Алешка коротко рассказал все, что знал о древней черепице и древнем мастере. Его рассказ невольно подкреплялся образами сна, которые придавали его словам большую убедительность. Под конец Алешка проговорился:

— Когда я был у него, я видел...

— У кого?! — в один голос спросили формовщицы.

Алешка спохватился вовремя и посмотрел на часы с деланным испугом:

— Совсем заговорились. Пора начинать...

Формовщицы стали неохотно расходиться по своим рабочим местам. Их формовочные будки, сколоченные из теса и покрытые крышами, издали походили на сказочные теремки. Совсем недавно их побелили, отчего они стали еще приглядней. Стояли эти девичьи теремки в два порядка, и площадка между ними походила на только что подметенную деревенскую улочку. Для полноты деревенской картины около будок не хватало только палисадников. Двери будок были всегда открыты, и от бучильной ямы мастер видел, как девушки принялись за работу.

Около ямы, разделенной на четыре отсека, стояла старая глиномешалка типа «Колхозник». Глина подавалась в нее по широкому транспортеру, идущему снизу вверх от бучильной ямы. И глиномешалка и транспортер приводились в движение двумя моторами. На полотно транспортера из первого отсека были брошены первые порции глины, сдобренной черепичным перемолом, и теперь они медленно поднимались вверх. Порожняя машина на полном ходу издавала резкие громыхающие звуки, которые начали стихать лишь после того, как лопасти винта обволокла вязкая глина.

«До вас наши глины не дошли!» — вспомнил Алешка разговор хитрого сармата во сне. И встрепенулся: «Не может быть, чтобы древние мастера работали на привозном материале. Кажется, Майя говорила, что в музее есть лишь несколько привозных черепиц, а все остальные местного производства. Значит, глина была и ее надо искать.

Найденную глину не принесешь в кармане. Ясно, что одному из шоферов придется сказать. Алешка решил, что самый подходящий — это Ванюшка Черемных, удивительно скромный для своей профессии паренек. Из формовщиц Алешка выбрал Надю. Ей можно было довериться во всем. Алешка посмотрел на дверь Надиного теремка и, не откладывая до другого раза, решил поговорить с девушкой сейчас же.

Не отрываясь от работы, Надя посмотрела на молодого мастера и улыбнулась. Будь Алешка повнимательней к девушке, он бы заметил, что с его приходом щеки

девушки стали румяней, а руки — торопливей. Но Алешка этого не заметил. Он обратил внимание лишь на то, что, прежде чем сформовать черепицу, девушка усиленно проминала глину. «Это для плотности», — сразу же сообразил Алешка и решил, что заставит делать то же и других.

— Я вот, Надя, мучаюсь, как нам новую глину разыскать... Поможете, если попрошу?

— А почему я? — спросила девушка.

— Потому, что вы, Надя, хорошо чувствуете глину...

Надя с удивлением посмотрела на Алешку, глаза ее чуть-чуть потемнели, пушистые ресницы опустились.

— Если бы вместе с Верой, — тихо сказала она.

— Зачем нам лишние люди? — возразил Алешка.

Надя задумалась. В ней боролись два чувства. Одно толкало ее на согласие, а другое, стыдливое, девичье, удерживало от этого. Лицо ее стало на минуту серьезным. Потом она улыбнулась и с грустью ответила:

— Нет, Алексей Федорович, без Веры я не пойду... А что надо будет сделать потом, когда вы найдете глину, то я все сделаю...

На том и решили. Алешка найдет глину, перевезет ее на завод, а здесь они уже вместе с Надей сделают опытные образцы и незаметно пристроят их к обжигу в общей партии так, чтобы знали о них только двое: Надя и Алешка.

Когда Алешка выходил из формовочной будки, Надя бросила ему вслед выразительный взгляд и вздохнула. Но слеп был Алешка, и глух был Алешка.

7

На заводском дворе стояло несколько лип. Весной и летом их зеленые шапки резко выделялись на красном фоне кирпичных штабелей. Иногда на них оседала красноватая пыль, отчего зеленые листья казались чуть-чуть желтоватыми. Но этот временный цвет осени быстро слетал с деревьев. Подует ли с моря ветер, пройдет ли крупный дождь — и липы снова становятся пышными и зелеными. Это походило на игру в осень...

В последние дни перед отъездом в институт Алешке было не до лип. Сейчас, когда с лопатой в руках он проходил мимо деревьев, то заметил, что у листьев была желтоватая окраска. Думая, что на листья осела кир-

пичная пыль, он сорвал продолговатый листок и поднес к губам, чтобы сдуть желтый налет, но удивительно — сколько ни дул на него Алешка, сколько ни гладил рукой — лист оставался желтым. И тогда он с грустью сказал:

— Отыграли зеленые липы...

Южное солнце шло на закат.

По-вечернему розовело небо, и воздух становился прохладным. Длинная Алешкина тень тянула его куда-то в сторону, но, качнувшись на траве, покорно следовала за ним.

Заводской сторож, словоохотливый Ермолаич, однажды рассказывал, что вскоре после войны в заводской карьер пришли гончары. Мечтая подработать, они долго возились там с глиной, но из нее, по утверждению старика, ничего не получилось, и гончары ушли в сторону Булганака. И вскоре после этого Ермолаич увидел на керченском рынке их продукцию — чашки, крынки, горшки...

Алешка вышел за рабочий поселок и остановился. Перед ним расстилалась широкая равнина, тронутая закатом, за нею виднелась неровная цепь холмов, а где-то за ними лежала та Большая степь, которая вся иссохла от долгих ожиданий воды. Алешка мысленно заводил с ней торг: дай мне глину, и я ускорю приход воды. Ему представлялся ее поэтический ответ: «Я совсем обессилела, помочь пока ничем не могу. Делай как знаешь...»

Самые мягкие глины произошли из самых твердых пород. Алешка знал историю их появления. Рождались и умирали скалы. Мастерская природы сделала их мягкими глинами, но в этих глинах продолжала жить душа скал. Алешка шел и философствовал. «В глинах, — думал он, — душа скал стала безвольной. В моей черепице она вернет утраченную крепость камня. Вот она, диалектика!»

Размахивая лопатой, Алешка дошел до глубоких воронок, вырытых снарядами. Многие из них заросли дурными травами — колючим крымским репейником, горьким полынком и широколистными лопухами. Казалось, что природа наскоро прикрыла ими раны земли, чтобы не вызывать в людях горьких воспоминаний о войне...

Из-под ног Алешки выскочила на камень и снова юркнула в траву зеленоватая ящерица, невесть откуда

выпорхнул вездесущий воробей, присел на Алешкином пути и, воровато озираясь по сторонам, старался уклюнуть какую-то вкусную мелочишку.

Алешка заглянул в воронку и, опираясь на лопату, спустился на самое дно. Подрубив лопатой жесткий корень репейника, Алешка начал вкапываться в неподатливую землю. Под острой лопатой сразу же зажелтела глина. Алешка нетерпеливо схватил первый комок и стал разминать его в своих крепких руках. Серые глаза юноши, оживившись на минуту, снова притухли, рука разочарованно выронила размятую глину — это была глина, содержащая много кварцевого песка.

Пройдя метров триста-четыреста, Алешка нашел новую воронку и остановился на краю. На крутом спуске среди лопухов и репейника паслась белая коза. Она посмотрела на Алешку круглыми черными глазами и снова принялась общипывать траву. Алешка припомнил, что крепость сарматской черепицы во многом зависела от козьего молока, и это его развеселило. Глядя на тугое козье вымя, подумал: «Так вот и нагуливалось бессмертие сармата. А мое?» Коза будто поняла насмешку, подняла на него свои точеные рожки и заблеяла: «Бя-бя-я!..»

— Но-но!.. Не шибко...

Алешка принялся окапывать крутой склон. Но и здесь была та же самая глина. Испачкав брюки, запотевший, он выбрался из ямы и огляделся. Солнце опускалось за гору, отчего на половину города легла ее широкая тень, и только степь, еще доступная свету, розовела вдали. Отправляясь на поиски, Алешка надеялся на показания сторожа, но теперь усомнился: «Что может он сделать один со своей лопатой?!»

Думал, каким вралем он покажется Майе, когда она узнает о его неудачах. Девушки любят удачливых... Вспомнилось: «Майя, жена Гаала, прощай!»

Но, приняв решение не встречаться с Майей, он испугался последствий. Трудно искать глину, еще труднее будет найти друга. Глина останется где-то здесь, а Майя через неделю уедет... И кто знает, какого еще Алешку встретит на своем пути... От одной этой мысли к сердцу прихлынула грусть, и оно забилось глухо, тревожно. Вспомнил свой ответ сармату: «Твой век короче моего года!» «А хорошо я ему ответил», — подумал Алешка и,

закинув на плечо лопату, зашагал в сторону розовеющей степи.

Удивительное создание — человек! Еще пять минут назад Алешка находился в смятении. И что же его подняло? Не его ли удачный ответ сармату, которого он видел только во сне? Ведь хорошее настроение пришло к нему сразу же после слов: «А хорошо я ему ответил...»

Поднявшись на один из холмов и осмотревшись вокруг, Алешка заметил треногу геологов. В стороне виднелась палатка, за палаткой вился дымок, но людей почему-то не было. Алешка обошел треногу, бросил взгляд на лебедку и блок, прикрепленный под стыком стоек, и направился к палатке. Но, не доходя до нее, он увидел маленький костер и около него — девушку в лыжных брюках. Она сидела к нему спиной и что-то укладывала в небольшой ящик. Отблеск костра и вечерней зари падал на ее руки, испачканные глиной, на щеку, обращенную к костру. Алешка снял с плеча лопату и поприветствовал девушку:

— Добрый вечер.

Девушка испугалась. Она даже не ответила — посмотрела на Алешку, потом обернулась к палатке:

— Николай, Николай!..

Прошла минута, прежде чем из палатки ответил добродушный голос:

— Что у тебя там?

— Тут кто-то подошел... — сообщила девушка и покосилась на Алешкину лопату.

— Ну и что же из этого?

— Он с лопатой...

Человек в палатке рассмеялся:

— Ничего особенного. Сейчас все что-нибудь копают...

Алешка начал понимать, что человек в палатке забавлялся разговором с девушкой. Вот он спросил полушутя, полусерьезно:

— А какой этот человек — молодой или старый?

Девушка улыбнулась и лукаво посмотрела на гостя, давая понять, что она испугалась только ради того, чтобы разыграть вот такую веселую сценку. Обернувшись к палатке, она весело крикнула:

— Молодой...

Тогда в палатке послышалась возня, и тот же голос заговорил с деланным испугом:

— Э, тогда надо подниматься. Молодость гостя опаснее его лопаты.

Девушка засмеялась и посмотрела на Алешку так, словно хотела сказать: «Смотри, как мы весело живем».

— Вы откуда? — спросила она.

— Из Керчи...

Алешка не успел договорить. Из палатки вышел низкорослый парень с широкими плечами. Пригладив темный чуб, он подошел к Алешке и представился:

— Почти начальник геологоразведочной группы, студент четвертого курса Харьковского государственного университета Николай Кленов, а это, — он сделал церемонный жест в сторону девушки, — моя трусоватая жена, Нина Михайловна, она же — коллектор группы...

Алешке пришлось представляться с теми же подробностями:

— Студент Ленинградского строительного института Алексей Мезенцев... Он же практикант... Он же великий неудачник! — закончил Алешка под смех молодых геологов.

Узнав, что их гость тоже студент-практикант, геологи очень обрадовались. Николай Кленов пригласил гостя к костру, на котором грелся чай. Чтобы освободить для него место, Николай схватил за углы ящик и отставил его в сторону.

— Ух и тяжела твоя глина, — сказал он жене, — если не подойдет машина, придется тебе, голубушка, тащить ее на себе...

— Так и знала... А когда сватал, не такие песни пел. Все вы такие!

Алешка слушал шутливую перебранку молодоженов и вспоминал Майю. С грустью он думал о том, что хорошо бы с ней вот так же сидеть у костра, кипятить студенческий чай и следить, как над курганами Куль-абы начинают прорастать звезды. Чужое счастье заметней.

Пока Николай ходил за кружками, Нина рассказала, что их прораб и двое рабочих под вечер отправились в соседнюю группу, чтобы помочь ей при переезде на другую точку. После перевозки они должны были прислать сюда машину, но, видимо, шофер плохо знал местность и теперь где-то кружил по степи. Хорошо, если он заметит костер. Алешка ей посочувствовал, но она тряхнула мальчишеской челкой и не без гордости ответила:

— Нам с Колей не впервой... Даже интересней...

Николай ее поддержал:

— Да-да, так интересней. Это ведь шик — вдвоем в степи! Аристократы медовый месяц проводили в путешествиях и привозили на память сувениры, что же, мы тоже привезем. Моя Нина мелочиться не любит. Что ей камешек с берегов Сицилии?! А вот полпудика таврической глины с трассы канала...

— Смейся, смейся... Посмотришь потом, что будет...

Чай пили в темноте.

Изменчивое пламя костра поочередно вырывало из темноты то одно лицо, то другое. Громко потрескивало полено, брошенное на горячие угли.

Слушая разговоры геологов, Алешка думал о том, как просто разговаривают между собой открыватели трассы канала. Вот он, Алешка, почему-то так не может. На горе Митридат ударился в философию, на пятиминутке — в фантазию о бессмертии. А все оттого, что не уверен в своей работе. «Вот они, — думал Алешка о своих новых друзьях, — они знают, что делают, потому и спокойны».

Нина обратилась к Алешке:

— Вы даже напугали меня своей лопатой... Что это вы по степи с ней ходите?..

— Почему с лопатой? — переспросил Алешка и, немного подумав, стоит ли посвящать первых встречных в свои замыслы, — решил все рассказать...

Заметил, что Николай и Нина переглянулись. Потом Нина сказала:

— А ведь в моем ящике есть такая глина... Честное слово, есть!.. — и, вскочив на ноги, шмыгнула в темноту.

Вскочил и Алешка. Он подоспел к Нине и, перехватив из ее рук тяжелый ящик, поднес его к костру. Ящик коллектора был разделен на десятка два маленьких отсеков, наполовину заполненных образцами пород. На образцах лежали листки бумаги.

— Не растрясите мои документы! — сказала Нина.

При слабом свете костра образцы глин мало чем отличались друг от друга, и Николай сбегал за электрическим фонариком. Он направлял его сильный свет почти на каждый отсек, а Нина говорила: «Дальше, дальше!..» И когда свет упал на середину ящика, она наконец нашла то, что искала.

— Посмотрите вот эту...

Алешка стал осторожно отщипывать от большого куска.

— Да берите всю!

Тогда Алешка вытащил весь кусок и по-прежнему осторожно взвесил его на ладони. Глина показалась тяжелее обычной — признак того, что она содержала большое количество вяжущего вещества. Николай светил фонарем, а Алешка рассматривал плотную массу. Молочно-белый свет обливал желтоватый кусок точь-в-точь, как во сне, когда сармат приказал обливать глину козьим молоком.

— Ну что? — нетерпеливо спрашивала Нина. — Ну что?

Алешка проделывал с куском какие-то непонятные манипуляции — то мял его обеими руками, то отщипывал кусочек и растирал его пальцами. Один из таких кусочков он попробовал на зуб. После сахара глина казалась кисловатой. Нина смотрела и смеялась. Наконец Алешка облегченно вздохнул:

— Она!.. Ни одной песчинки!..

— Я же говорила! — обрадовалась Нина.

Но Алешка вдруг спросил:

— Глубоко лежит?

Нина сразу поняла, что радоваться еще рано.

— Здесь мы ее встретили на пятиметровой глубине...

— Тогда ничего не выйдет! — разочарованно сказал Алешка. — И глубоко, и далеко от завода. Никто не согласится брать ее отсюда.

Он положил глину на старое место и присел к костру. Нащупав руками щепку, стал ворошить угли. Показался слабый огонек, но и тот быстро истаял в темноте. Только сырая головешка еще продолжала дымить. За спиной начался разговор между Николаем и Ниной; споря между собой, они ссылались на геологическую карту Керченского полуострова. При этом часто упоминалось имя академика Архангельского. И Нина и Николай щеголяли непонятными терминами вроде «антиклиналь», «крылья антиклинали». Вдруг до Алешкиного слуха долетело что-то знакомое. Николай упомянул сармата. «Что за чудеса?! — удивился Алешка. — Откуда они узнали про древнего мастера, сармата?» Николай говорил:

— Я же помню: там прошел нижний сармат...

— А я тебе говорю: верхний сармат!.. — настаивала Нина.

— Глины верхнего сармата южнее Керчи, — возражал Николай.

Наконец Алешка начал догадываться, что именем сармата в геологии обозначаются слои определенного возраста. Тем временем молодой геолог устроил жене настоящий допрос:

— На ближней точке такая глина была?

— Была.

— На какой глубине?

— Поглубже этой...

— Прекрасно!.. А на дальней?

— Тоже была, только еще глубже...

— Великолепно!.. — и Кленов стал продолжать допрос, после которого Нина даже вспылила:

— Да говори толком, чего ты хочешь?!

Николай ответил торжественно:

— Я хочу тебе показать, в какие тайны может проникнуть геолог, вооруженный знаниями... В природе существует порядок. Не так ли? Припомним тот вид умозаключения, который называется индукцией, или наведением...

— Николай, я тебя не узнаю, — обиделась Нина.

— Я сам не узнаю себя от радости, — ответил Николай. — Слушайте, очарованный странник, — обратился он к Алешке, — я открою вам эту глину около самой Керчи.

— Да ну?! — удивился Алешка.

Кленов присел рядом и начал торопливо объяснять:

— Судя по данным прошлых точек, глубина залегания этого глиняного пласта постепенно уменьшается, причем толщина самого пласта остается неизменной. Значит, в районе города он должен подняться еще выше, а может быть, и совсем вскроется...

— Вы умница, Николай! — воскликнул Алешка.

— Сам-то я об этом знаю, вы лучше скажите это моей жене...

Алешка хотел уже обрадоваться, но вспомнил свои поиски и опять приуныл:

— Город велик. Где искать?

Николай Кленов снова принялся расспрашивать Нину, которая на этот раз отвечала охотно.

— Скажи, Нина, на южных точках такая глина была?

— Была-то была, да не чистая, а с большим содержанием кварцевого песка.

— Значит, мы сейчас находимся где-то на южной границе пласта. Искать его надо севернее Керчи.

Алешка вспомнил, что глину с кварцевым песком он находил в воронках, значит, хорошая глина — еще севернее. «А ведь я чуть-чуть не дошел до настоящих залежей», — подумал он, а вслух сказал:

— Хо-о-рошая вещь — индукция!..

Совсем неподалеку заурчал мотор, потом вдруг смолк, и вскоре по степи разнесся голос: «О-го-го-го-о!» Шофер колесил где-то рядом. Подъехав на ответный крик Николая, он сразу же принялся ругать прораба, который, мол, на ночь глядя занимается перевозкой установок. Поругал и себя за согласие работать в степи: дескать, лучше было бы работать на ялтинской Голгофе, под которой разумелась дорога от Симферополя до Ялты. И, однако, закончил он свою речь мирно:

— Ну, пустынники, собирайтесь быстрее! На базе нас, поди, ждут не дождутся...

Алешка помог молодоженам сложить в кузов их небогатое походное хозяйство, потом поднял и передал Кленову ящик с образцами. Нина крикнула уже из кузова:

— Образец-то забыли взять. Вот он, берите!

— Спаси-и-бо-о! — крикнул Алешка вслед удалявшейся машине.

8

Три вечера ждала Майя, что Алешка или придет, или как-то иначе напомнит о себе. За первый вечер она его оправдала. Нетрудно оправдать любимого, когда хочется его оправдать. Алешка не пришел и на второй вечер. Прощать стало трудней, но и на этот раз она все же ему простила. Когда Алешка не пришел и на третий вечер, Майя решилась задать себе такой вопрос, на который девушки решаются только в исключительных случаях: «Может быть, я просто некрасива?..»

Воспитывалась Майя в интеллигентной семье, но отец был кадровым офицером, и места его службы часто менялись. В первые годы жена его, преподавательница литературы, Глафира Ивановна, с маленькой дочкой Майей покорно следовали за ним из города в город. Потом все чаще они стали оседать на старых местах, пока незадолго до финской кампании не остановились навсегда в Керчи.

Отец просил, чтобы ему не реже одного раза в год при-

сылали фотографии дочери, а так как год не приносил больших перемен в облике Майи, то мать старалась разнообразить ее позы. Поздней Майя и сама стала охотно позировать перед объективом фотоаппарата. Наивное кокетство девочки дало повод многим пророчествовать Майе судьбу актрисы. Но все пошло не так.

Наступили тяжелые годы Отечественной войны. Посылать фотографии стало некому. Майя как-то сразу повзрослела и переменилась. На ее смуглом лице появилась строгая задумчивость. Она пристрастилась к серьезному чтению, большею частью литературы исторической. Лишь однажды, поправляя постель дочери, Глафира Ивановна нашла под подушкой «Трактат о любви» Стендаля. Это открытие приятно удивило мать, потому что в это время почти все Майины подруги увлекались стихами Константина Симонова «С тобой и без тебя».

Сначала Глафира Ивановна хотела оставить «Трактат» на старом месте, но, подумав, перенесла его на книжную полку и поставила рядом с томиком пушкинских стихов.

Потом Майя уехала в университет... Мать пробовала заговаривать с ней о ее новых друзьях, о привязанностях, но Майя этих попыток не поддержала. Вечерами возвращалась она домой рано, и Глафира Ивановна стала побаиваться, как бы увлечение археологией не превратило дочь в «синий чулок».

В прошлое воскресенье Майя пришла поздно, а в понедельник, собираясь в музей, сказала матери:

— Мама, вчера на воскреснике я встретила Алешу Мезенцева...

— Это тот, рыженький, что ли?

— Рыженький?! — засмеялась Майя. — Нет, мама, давай будем считать его бронзовым. У него отличный рост. А говорун какой!.. Только встретились, а он уже отругал мою будущую профессию...

— И тебе это нравится? — удивилась мать.

— Да, да, очень нравится! — радостно подтвердила Майя.

После этого разговора прошло три дня. Майя по-прежнему вечерами сидела дома и об Алешке больше не вспоминала. Но мать заметила, что дочь как-то неспокойна. Ей казалось, что вечерами она кого-то ждала и этот «кто-то» не приходил. Однажды поздно вечером в дверь постучали, и Глафира Ивановна заметила, как на смуглом

лице дочери проступил румянец, а глаза заблестели. И потом, когда открылась дверь и в комнату вошли подруги, Майя не сумела скрыть разочарования. В тот вечер Глафира Ивановна впервые подумала: «Своими печалями отжила, теперь живи дочкиными...»

Для Майи наступило какое-то смутное время. Вначале она не понимала, что ее беспокоит. «Что, собственно, произошло?» — спрашивала она себя и отвечала: «Да ничего особенного. Не пришел Алешка — и только. А мне-то что?» Но вскоре Майя снова спрашивала себя, не замечая наивности своего вопроса: «Может быть, он разочаровался в... моей профессии? Может быть, ему было скучно разговаривать со мной о «горшках» и «черепках»?»

Последний вопрос навел ее на счастливую идею, которая, по ее мнению, должна была реабилитировать ее в глазах Алешки. Во всяком случае, появлялся повод связаться с кирпичным заводом, а может быть, и с Алешкой, поскольку Майина идея имела отношение к его работе.

На втором этаже музея пустовали две комнаты. Их готовили под экспонаты, представлявшие эпоху заката Боспорского царства. Майя прикинула, что для них достаточно и одной комнаты. Почему бы второй зал не отвести под экспонаты, собранные с наших керченских заводов? «А то ведь действительно плохо получается: то, что было в древности, показываем, а то, что сегодня делаем, — нет. Пусть внизу стоит сарматская кровля, а наверху — Алешкина черепица. Хорошо бы взять черепицу из первой партии, которую они направят на стройку канала...»

Эта мысль так захватила Майю, что, не теряя ни минуты, она побежала в музей. Выслушав Майю, директор заулыбалась:

— Майя, золотце мое, ты становишься государственным человеком. Но почему ты не сказала об этом раньше?! Вчера горсовет просто-напросто обязал меня сделать это... Мне было неловко оттого, что сами мы не додумались. И вот смотри, — директор пододвинула к Майе лист бумаги, — составляю список предприятий, которые после войны снова стали выпускать продукцию.

Но от разговора с директором до реализации их замысла было еще далеко. Майя это знала, однако нетерпение заставило ее опередить события. Ей очень хотелось, чтоб об этом узнали на кирпичном заводе, чтоб эта новость

как можно раньше дошла до Алешки. Из кабинета директора она прошла в научный кабинет, отыскала в телефонной книжке номер главного инженера. «Наверное, обрадуется», — подумала она.

Голос Максима Петровича Майя узнала сразу. Сняв телефонную трубку, он, видимо, продолжал кого-то распекать, и до Майи донеслась его излюбленная фраза: «Ясно-понятно». Потом — к ней:

— Главный инженер слушает...

— Максим Петрович, — заторопилась Майя, — это из музея... Тихомирова... помните, я еще рассказывала вам...

— Помню, помню... Очень приятно... Мы остались довольны...

— Не в этом дело, Максим Петрович... Я хочу вам сообщить интересную новость. Мы организуем новую экспозицию: «Керчь — великим стройкам», в которой отведем место и для вашей черепицы... Когда будете отправлять на стройку первую партию, пошлите нам штук десять... десять... Хорошо?..

Вместо ответа в микрофоне что-то заурчало, забурчало, закашляло. Майя думала, что во всем виноват телефон.

— Максим Петрович, Максим Петрович, вы слышали? — кричала она.

— Ясно-понятно... — ответил Максим Петрович без восторга.

Странный ответ главного инженера удивил Майю. Она даже растерялась и в замешательстве выпалила:

— Передайте вашему мастеру Мезенцеву: пусть он делает черепицу как следует — отличную!..

Показалось, что Максим Петрович засмеялся, а потом как-то тяжело вздохнул. Что означал его вздох, Майя не поняла. Не зная того, что творится на заводе, она не догадывалась о том огорчении, которое принесла Максиму Петровичу своей вестью. А если бы Майя все это знала, она бы после разговора с главным инженером не сказала сердито:

— Удивительный человек!.. Тут бьешься, чтобы показать работу завода, а у него — никакого энтузиазма!..

Майя имела право сказать так.

Ее практика в музее давно окончилась, и если она еще заходила туда, то только потому, что не знала, чем занять свое свободное время. С Алешкой они почти договорились, что последние дни каникул проведут вместе — побродят по городу, по степи... Если бы не было уговора,

она бы пошла в степь одна, но теперь идти одной было неинтересно. Поэтому когда у нее появилась возможность наладить деловую связь с заводом, она обрадовалась. Неудавшийся разговор с Максимом Петровичем совсем сбил ее с толку. В душе она была оскорблена и не признавалась в этом только потому, что между Алешкой и ею в общем-то ничего особенного не было. Если они и полюбили друг друга, то ведь никто из них не сказал об этом. И все-таки неписаное право — право любви позволяло Майе осуждать и прощать Алешку до поры до времени, пока она не узнала самое обидное для себя...

Утром ей долго не хотелось подниматься с постели. В Майином уголке стоял легкий полумрак, но за плотной шторой царило южное солнце. Майя догадалась об этом по широкой полосе яркого света, которая пробилась сквозь штору и, подобно мечу, рассекала ее маленькую комнатку. Острие меча упиралось в ножку кровати, и рука девушки могла легко дотянуться до узкой кромки яркого света.

За полосой света по всему простенку висели старые Майины фотографии, собранные и вывешенные матерью в ее отсутствие. Раньше Майя не обращала на них никакого внимания, но теперь она с любопытством посмотрела на них. Ее неприятно поразила галерея кокетливых поз, которые от детских лет до девического возраста множились и разнообразились. В деланных поворотах головы, в натянутых улыбках, в искусственном сцеплении рук она увидела теперь что-то жалкое и беспомощное. Сама себе она казалась чужой.

Она быстро выскользнула из-под простыни и, неодетая, подбежала к стене и стала подряд срывать фотографии. В горячке она хотела сорвать и последнюю карточку, но с нее смотрела серьезная, задумчивая девушка, и тогда Майя сказала себе: «Вот я и дошла до себя».

С пачкой фотографий в руке она подошла к зеркалу и, чтобы успокоиться, прижала руки к груди — точь-в-точь так, как видел ее во сне Алешка. Взглянула на себя в зеркало: «Неужто я ему не нравлюсь?»

Видимо, этот вопрос передался и той Майе, которая смотрела на нее из глубины зеркала: тонкие брови удивленно приподнялись, а карие глаза стали большими-большими. Майя улыбнулась самой себе, но эта улыбка ей показалась новым позерством, и она, пожав плечами, отошла от зеркала.

Правда, потом еще несколько раз она подходила к нему, одно за одним примеряя платья, которые почему-то тоже перестали ей нравиться: то бантик казался лишним, то еще что-нибудь оказывалось не по вкусу...

Днем зашла она в музей: хотела взять тетради со своими записями. Две толстые тетради представляли для нее большую ценность. В них был собран интересный материал из истории Керчи эпохи средневековья, которым непростительно пренебрегали, утверждая тем самым неверное мнение, будто между античным миром и новым временем лежит бездеятельная пустыня. На этот интересный материал натолкнула практикантку директор музея Марья Осиповна. Она же консультировала Майю по всем сложным вопросам, и девушка искренне привязалась к ней.

И теперь, забрав свои тетради, Майя открыла дверь директорского кабинета. Директор разговаривала по телефону. Заметив Майю, она сделала ей знак войти.

— ...Так говорите — непохожая на прежние?! Любопытно, очень любопытно... Зачем же вы, Петр Тихонович, послали ее туда?..

Даже Майе было слышно, как кто-то громко кричал в трубку, то и дело упоминая кирпичный завод. Директор слушала и смеялась:

— Не знала я, Петр Тихонович, что вы такой дипломат... Хорошо, хорошо... Мы ее оттуда заберем... Спасибо.

Звонил председатель колхоза «Путь к коммунизму». На новом поле их трактор выпахал еще одну древнюю черепицу. По какому-то уговору с главным инженером ее передали кирпичному заводу.

— Тут догадаться нетрудно, что к чему, — говорила Марья Осиповна. — Боюсь, замотают ее на заводе, а черепица-то какая-то новая, непохожая на прежние... — И директор посмотрела на Майю так, будто знала, что ей очень хочется туда съездить.

— Разрешите поехать мне? — попросила Майя и очень обрадовалась, получив согласие.

Охваченная нетерпеливым желанием встречи с Алешкой, Майя сбежала с крыльца и заспешила к автобусной остановке. Но чем ближе подходила к ней, тем больше закрадывалось сомнение: «Как же я поеду к нему... сама? Нет, не поеду!» — решила она и остановилась на полдороге. Заметив ее растерянность, проходившая мимо

женщина остановилась и оглядела землю. Ей показалось, что девушка что-то обронила и теперь ищет.

Участие прохожей сделало Майю решительней. Она быстро перебежала через улицу к подошедшему автобусу, все еще ругая себя, что вызвалась ехать за черепицей.

В заводоуправлении ей сказали, что инженер с парторгом и мастером Мезенцевым отправились осматривать новый корпус. Майя спросила про черепицу. Ей ответили, что она лежит в кабинете директора. Майя решила дожидаться возвращения Максима Петровича, втайне надеясь, что придет вместе с ним и Алешка.

Был час обеденного перерыва. Рабочие группами выходили из столовой, одни шли на зеленую лужайку, другие — к бревнам, сложенным там же, третьи — в контору. Майе почему-то не хотелось, чтобы Алешка встретил ее здесь, на крыльце. Она решила взглянуть на него со стороны, а уж потом решить, как вести себя с ним при встрече. Она выбрала одинокую пирамидку бревен и примостилась внизу.

Вскоре из столовой вышли две девушки и направились к тем же бревнам. Одна из них высокая, с копной белокурых волос, которые нежно золотились на солнце, другая маленькая, черненькая. Высокая что-то рассказывала, а маленькая забегала вперед и, заглядывая в глаза подружки, слушала, сокрушенно покачивая головой. Голос белокурой стал доноситься отчетливей:

— Как этот брак вышел, так Алексей Федорович сам не свой... И похудел, и изнервничался весь. Уж на что обходительный, а вчера так рассердился на нас, так рассердился... — Несколько фраз, сказанных потом, Майя не разобрала. Белокурая снова заговорила громко: — Как он сказал нам это, мы с Верой так и покраснели...

— Обе?!

Майя сразу догадалась, что разговор идет про Алешку. И когда услышала, что у него на работе что-то не ладится, сердце вдруг заныло. Но странно, что на душе сразу стало спокойнее. Недаром же она его оправдывала.

Девушки уселись на бревна, продолжая разговор. Черненькая то и дело повторяла:

— Ой, Наденька, как интересно-то...

Надя оценивающим взглядом посмотрела на Майю, по-

сле чего заговорила не так громко, временами переходя совсем на шепот. Майя слышала, как она требовала:

— Только, Олечка, дай комсомольское, что никому...

— Надя!.. Честное комсомольское...

Надя стала рассказывать, как они с Алексеем Федоровичем решили без «трепу» ликвидировать брак. Майя удивилась Надиной предосторожности. О том, что она начала рассказывать, в московских трамваях, например, говорили громко, на весь вагон, поэтому она и не посчитала зазорным присутствовать при беседе незнакомых ей девушек. Тем более что многое она просто не слышала.

— Зашел он однажды ко мне... Посмотрел на меня грустно так... У меня все сердце изошло... (дальше Майя не расслышала). Смотрел-смотрел, как я работаю, да и говорит: «Ты, Надя, очень хорошо чувствуешь... (дальше опять шло непонятное). Пойдем, — говорит, — Надя, со мной в степь...»

— А ты что, а ты?! — перебила чернявая.

— Что я, Оля, могла сказать?! Нравится он мне. Но подумала и говорю: «Если бы вместе с Верой...»

Майя хотела встать и уйти, но вдруг почувствовала, что совсем обессилела. Оля стала допытываться, что сказал Алексей Федорович.

— А он и говорит: «Ну к чему нам лишние люди!»

Майе было стыдно — стыдно и за себя, и за Алешку: за себя потому, что слишком много надежд связывала она с ним, а за Алешку оттого, что оказался он не таким чистым, каким казался. И к ужасу своему, она вдруг поняла, что, несмотря на все это, она не может выбросить его из сердца.

— И, представь, ведь нашел он чудесную глину... И стали мы с ним делать образцы, — словно сквозь сон слышала Майя.

С ревностью она взглянула на счастливую, разрумянившуюся соседку, продолжавшую что-то говорить своей подруге, поднялась с бревен, позабыв о том, зачем приехала на завод...

— Девушка, девушка... Погодите, девушка...

Майя обернулась и увидела Надю.

Подойдя к Майе и заметив в ее глазах слезы, смутилась:

— Вы оставили ваши тетради...

— Ах да... Спасибо...

9

В новом корпусе Алешка, парторг и Максим Петрович заканчивали осмотр черепичного цеха. Смонтированный и подключенный к мотору вакуум-пресс поблескивал лакировкой.

— Недостает только хорошей глины, — сказал Максим Петрович и подмигнул Алешке, — смотри, как ловко получится: лопасти шнека будут выпрессовывать глину через мундштук на автомат. Мундштук придаст черепице форму, автомат обрежет ее, и на войлочных роликах она пойдет дальше. Ясно-понятно?..

— Да, тут все понятно, — подтвердил Алешка.

Максим Петрович испытующе взглянул на него, словно спрашивал: да все ли тебе понятно, подумай-ка, голова... Потом обратился к Голованову:

— Новая черепица будет плоской, а наша «крымка» — гнутая. Если проводить опыты с глиной, то надо придавать ей не форму старой «крымки», а плоскую...

— Это верно, — поддержал Голованов.

«Как же я не сообразил это сразу?! — подумал озадаченный Алешка. — Какой я дурак! Ведь видел же, что и феодосийская черепица — ленточная. Потерял столько времени, а на что?! Неужели Максим Петрович все знает, или он случайно сказал про опыты?»

Чтобы скрыть смущение, Алешка сделал вид, что занят малой струной автомата. Главный инженер наклонился и похлопал его по плечу.

— Пошли, Алексей, обедать... Денька через два-три посмотрим все это в работе.

Когда вышли из цеха, Алешка вдруг отделился от общей компании. На вопросительный взгляд Голованова ответил:

— На участок забегу... Книгу оставил...

Через минуту Голованов спросил:

— Слушай, Максим Петрович, что ты его держишь? Ему ведь скоро на учебу.

— А кто его держит?!

— Отдохнуть не успеет...

— Я подозреваю, кто его здесь удерживает...

— Кто? Девушка какая-нибудь?

— О нет... Сармат!..

— При чем тут сармат?!

— А при том, что черепица сармата оказалась лучше нашей...

— Это, пожалуй, правда...

— Ты знаешь, что он нашел новую глину?

— Видел... Глина, по-моему, хорошая...

Максим Петрович засмеялся:

— Наивная душа!.. Думает, что про его глину и образцы, кроме него да еще двух-трех людей, никто не знает. Ты не догадался, зачем он побежал на участок?

— За книгой.

— Какая там книга! Образцы у него там, а они сделаны неверно.

— Почему неверно?

— Да потому, что он сделал их по образцу и подобию «крымки», а гнутую «крымку» мы делать не будем. Значит, образцы надо было делать плоские. Теперь понял?

— Что же ты ему об этом не скажешь?

— Да я об этом узнал только вчера, да и то от других...

— Как же так?! — удивился Голованов. — Надо ему сказать, что в одиночку такие дела не делаются.

— Конечно, надо сказать. А впрочем, он в этом убедился теперь и сам. Найти глину помогли какие-то геологи, привезти глину помог шофер, формовать — девушки... Мне ясно-понятно, почему он молчит. Просто не уверен в своем успехе. Попал в сложное положение, а как из него выйти, не знает...

Они дошли до столовой. Дослушав Максима Петровича, парторг засмеялся:

— Надо выводить...

— Ясно-понятно, надо!

Алешка нашел глину на третий день после встречи с геологами. Прогноз Николая Клепова оказался верным. Она залегала на небольшой глубине и значительно северней тех мест, на которых он искал ее в свой первый поход. Алешке даже не пришлось снимать верхний слой земли. В кармане теперь лежал кусок глины, подаренный Ниной в тот счастливый вечер. Алешка сравнил два куска — Нинин и другой, взятый из-под лопаты, и закричал:

— Молодец, Николай! — как будто геолог стоял рядом.

Тут же он испытал ее на пластичность. Взял неболь-

шой кусочек, сбегал к ручью, замешал водой и, когда получил вязкое тесто, скатал небольшой валик и стал загибать его калачиком. На сгибах не обнаружил ни одной трещинки.

Большой кусок глины принес домой, где в тот же вечер сделал несложный керамический анализ, который он часто проделывал в институтской лаборатории. До поздней ночи просидел над глиной, распускал в стакане воды, сливал в другие стаканы, отстаивал... Мать посматривала на запачканную посуду и вздыхала. Она не легла спать, пока сын не сказал ей, что глина очень хорошая.

Все остальное сделать было уже проще.

Шофер Иван Черемных согласился поехать и привезти глину, Надя и Вера помогли ее приготовить. Черепицу отформовали и поставили просушиться. День за днем в дело втягивались все новые люди, и теперь сохранялась лишь видимость тайны. Начальник гаража, заметивший отсутствие машины Черемных, обвинил его в работе «налево». Иван честно признался, начальник успокоился. Одна из формовщиц в кругу подруг за что-то отругала Алешку, Надя вступилась и, чтобы показать, какой он хороший, сказала про глину и образцы. Правда, она тут же потребовала от всех «честного комсомольского», но приятным новостям все же был дан законный ход.

За Алешкиной работой установился негласный надзор. Формовщицы шушукались, а заметив мастера, делали вид, что ничего не знают. Максим Петрович о глине узнал от начальника гаража. Пришел, посмотрел — глина хорошая. Делать из нее образцы по старой форме не имело смысла. Через несколько дней предвиделся пуск черепичного пресса. Максим Петрович заказал деревянную форму для образцов ленточной черепицы и стал ее дожидаться. А в это время нетерпеливый Алешка уже формовал и просушивал свои образцы, которые были копией отжившей «крымки».

Формовщицы еще обедали. Майя еще сидела на бревнах, когда Алешка, узнав о своей ошибке, примчался на свой участок из нового корпуса... Было отчего волноваться. Черепицу из новой глины он мечтал уже сегодня отправить в обжиг, а тут — на тебе! Не та форма! Да еще образцы после просушки покоробились. «Неужели плохая глина?!» — встревоженно думал Алешка, присматриваясь к мелкозернистому излому просушенной черепицы.

«Если уж ее горбатую коробит, то что будет с гладкой, ленточной?» Ответ напрашивался самый неприятный. Алешка придвинул к образцам старый ящик, сел на него и глубоко-глубоко задумался.

Жизнь ставит перед человеком много вопросов, но главным из них всегда кажется тот, который нужно решать сейчас. Алешка мог бы пойти к главному инженеру, проститься с ним и сказать, что через несколько дней уезжает в институт. И наверное, Максим Петрович не удивился бы, а только посочувствовал, что Алешке не пришлось поработать в новом корпусе. Завод справился бы с черепицей и без помощи студента-практиканта. Алешке вдруг показалось, что он нужен заводу меньше, чем ему самому — завод, так как вне его он не смог бы закончить принципиальный спор с веками, начатый на горе Митридат.

...Формовщицы все еще не возвращались. В открытых дверях белых теремков не мелькали их платья, не звучали звонкие голоса. «Покинутая деревня!» — подумал Алешка и как-то со стороны взглянул на свое положение. Этот критический взгляд на себя всегда доставлял ему огорчения, потому что при взгляде со стороны он часто казался себе смешным. «Рассказать в институте, так будут, наверное, смеяться, — думал он. — Любопытно, а что делают сейчас ребята? Наверное, на киевском заводе осваивают новый орнамент для здания, а я?!»

Алешка поднялся и наступил на одну из черепиц, потом на вторую... Показалось, что третья, ожидая удара, вдруг сгорбилась, как живая, но рассерженный Алешка наступил и на нее. Самое неприятное было в том, что, ломаясь, они не издавали никакого звука. Алешкина нога поднялась на четвертую, когда за спиной раздался тревожный голос Нади:

— Алексей Федорович, что вы делаете?!

Алешка бессмысленно улыбнулся.

— А-а! — безнадежно махнул он рукой. — Опять все то же!

— Но ведь глина хорошая...

— Какая там — хорошая!..

— Ну, пожалуйста, не ломайте! Не надо, Алеша!

Надя и не заметила, как назвала его Алешей. Спохватилась и покраснела.

— Алексей Федорович, что делать-то будем?..

В ее вопросе прозвучало такое неподдельное огорчение,

что молодой мастер невольно обернулся и внимательно посмотрел на девушку. Белокурые волосы Нади светлой короной обрамляли погрустневшее лицо. Тугая коса, которую в рабочее время она прятала под высокий фартук, теперь так же отливала золотом... «Какая она интересная! — подумал Алешка. — А коса-то, коса... А вот Майя почему-то не заплетает кос?.. Ей бы тоже пошло...» Алешка представил Майю с тяжелой черной косой и улыбнулся.

— Чему это вы, Алексей Федорович, радуетесь?..

— Нам, Надя, плакать еще рано...

Время обеденного перерыва кончилось. Формовщицы группами возвращались на свои рабочие места. С одной из групп шел главный инженер. Надя торопливо шепнула:

— Максим Петрович идет...

Алешка испуганно покосился на поломанные образцы. Уходить от них было уже поздно. Надя поторопилась уйти в свою будку. Еще издали Максим Петрович спросил:

— Это что за погром?

— Тут несколько черепиц повело... так я их...

— Впервые слышу, чтобы нашу глину коробило при сушке... Раньше она трескалась, а у тебя стала коробиться.

Алешка пожал плечами.

— Покоробило-то всего несколько штук...

— Чудеса!.. С чего бы их? — Максим Петрович отложил в сторону деревянную форму ленточной черепицы, которую принес с собой, и поднял один из обломков Алешкиного образца. — Ясно-понятно... Глина-то совсем другая!.. — И, посмотрев на Алешку, спросил: — Ты проверял шихту?

— Проверял, Максим Петрович...

— Откуда же в ней совсем другая глина?..

Максим Петрович делал вид, что ничего не знает о новой глине. Он смотрел на Алешку и ждал ответа. Казалось, хотел сказать: «Я даю тебе, молодой человек, прекрасный повод выйти из затруднительного положения. Если ты действительно заботишься о заводе, то можешь этим воспользоваться». Он видел, что Алешка колеблется.

— А что, она... эта глина... плохая? — спросил Алешка.

Этот маневр Максиму Петровичу не понравился.

«Что бы это значило? — спросил себя главный инженер. — Неужели Мезенцев утаивает глину из каких-то честолюбивых побуждений?! Хорошо, тогда попробуем по-другому...» — решил Максим Петрович и сказал:

— Эта глина, случайно попавшая в шихту, по-моему, для черепицы даже слишком хорошая... В ней много глинистого вещества, поэтому ее и коробит...

Хваля глину, Максим Петрович замечал, как светлело лицо Алешки. Казалось, что вот-вот он скажет, откуда взялась эта глина в шихте, но когда Максим Петрович стал намекать на это, Алешка снова промолчал. Главного инженера это сбило с толку. Он не на шутку рассердился.

— Хватит нам говорить о том, чего нет. Я вот принес тебе форму для ленточной черепицы. Сегодня же сформуешь десять таких образцов... Да следи за тем, чтобы шихта была постоянной. — И укоризненно подумал: «Эх, товарищ студент, товарищ студент!» И, не прощаясь, Максим Петрович повернулся к Алешке спиной.

— Максим Петрович...

— Что такое?

— Максим Петрович, я давно хотел вам сказать...

— Давно бы и сказал. Говори...

— Образцы-то, которые я поломал, совсем из другой глины. Посмотрите-ка ее... — И Алешка повел главного инженера за формовочную будку Нади. Нарочито хмурясь и делая вид, что ничего не знает, Максим Петрович шел за ним.

— Вот посмотрите-ка...

Максим Петрович вдруг весело расхохотался:

— Не показывай... видел.

— Как видели?! — изумился Алешка.

— Чудак ты, Алексей, да разве на заводе можно такие фортели выкидывать. Ты вот спроси, кто здесь про твою глину не знает? С какой стати ты решил утаивать свою работу?

Алешка был ошеломлен.

— Я, Максим Петрович, не был уверен, что глина хорошая — вот поэтому и молчал. А тут вы похвалили ее, я и решился сказать...

— Нехорошо, Алексей, нехорошо... Не думал, что ты трусоват...

— Как это?

— А как же это называется? Все об этом думают,

все беспокоятся, а ты потихоньку, полегоньку... Ведь если бы у тебя ничего из этой глины не получилось, ты бы вообще промолчал о ней, верно?

— Я так и решил про себя, — откровенно признался Алешка, — зачем, думаю, шум поднимать. Выйдет — хорошо, не выйдет — умолчу, и делу конец, — сказал он тихо.

Занятые разговором, они не заметили, как к небольшой щелке в стене приник серый глаз Нади, как раздался после этого ее облегченный вздох. Максим Петрович разминал в руках глину и тихо говорил:

— Нет, Алексей, так не поступают. У одного, у двоих — может и не получиться, а у коллектива всегда получится. Как мы бились над проблемой перевозки сырца?! А вот додумались до заводского трамвая, до люлечного конвейера. Теперь наш кирпич — самый дешевый в Союзе...

— Ясно, Максим Петрович...

— А ты вот нашел хорошую глину, попробовал сделать черепицу — не вышло, и в сторону.

— Еще бы, глина хорошая, а черепицу повело... Тут я и растерялся.

Максим Петрович был доволен. Похлопал Алешку по плечу, покосился на глину и, нагнувшись, ухватил большой кусок.

— Ты видел вулканическую глину из-под Булганака? — спросил он.

— Нет, а что?

— По свойствам своим, по богатому содержанию вяжущего вещества эта глина похожа на ту. Правда, булганакская — темного цвета, а эта какая-то праздничная. Яков Михайлович долго возился с той. Сначала тоже не получалось, а потом все же добился. Жаль, что заболел он не вовремя, а то бы тебе помог. Ты старую глину совсем забраковал? — спросил Максим Петрович чуть насмешливо.

Алешка ответил утвердительно.

— Вот и напрасно. Надо найти верное соотношение этих двух глин. Яков Михайлович работал в этом направлении. Когда он вернется на завод, ты непременно поговори с ним.

— Ладно, поговорю! — буркнул Алешка.

После того как главный инженер ушел, Алешка проворчал:

— Поговори, поговори! Вообразил, что я индивидуалист какой-то. Дружбой с Яковом Михайловичем исправить меня хочет! Что же мне, идти к постели больного и выпытывать у него тайну? — Заметив подошедшую Надю, которая слышала его последние слова, Алешка засмеялся: — Что, Надя, похож я на пушкинского Германа?

Надя посмотрела на Алешку и прыснула:

— Это который в «Пиковой даме»? И выходит, что графиня — дедушка Яков?! Ну и придумал!.. — Надя снова залилась смехом.

— Нехорошо, Надя, смеяться над больным, — упрекнул ее Алешка.

Надя перестала смеяться, но в серых глазах еще играли озорные всполохи.

— Пусть Яков Михайлович отдыхает, — сказала она, — его помощью мы воспользуемся и без него.

— Это как же?!

— Я, Алексей Федорович, знаю все, что он делал. Я все время ему помогала и даже обиделась тогда, что из нашей работы ничего не получилось. Выходит, напрасно.

— Что же ты замолчала?! Рассказывай все, что знаешь!..

Остаток дня Алешка и Надя провозились над составлением смесей по рецептам Якова Михайловича. Их лаборатория была довольно примитивна. Старое, помятое ведро они приняли за единицу объема. Для образцов первого опыта сделали состав из четырех ведер новой глины и одного ведра старой. Для двух других опытов смеси составляли в других соотношениях глин, чтобы по результатам обжига определить наилучшую пропорцию. Раскрасневшийся Алешка, не стесняясь Нади, ругал себя за напрасно потерянное время.

— Эх, Надя! — говорил он. — Теперь бы у нас черепица уже была...

Но не только за это сердился на себя Алешка. Теперь он понимал, что по собственной глупости день за днем откладывал свидание с Майей. «И тут я струсил, — думал Алешка. — Надо было в тот же день пойти к ней и все рассказать. Майя бы меня поняла...» И так захотелось увидеть ее!..

Все чувства, которые сдерживал он все эти дни, вырвались теперь на свободу и затормошили сердце: «Тук-тук, иди к ней... Тук-тук, иди к ней...»

Перед концом смены Алешка решил заглянуть к главному инженеру и сообщить ему о местонахождении хорошей глины. Ему показалось странным, что Максим Петрович не спросил об этом сам. «Пусть-ка, не теряя времени, посылает туда машины», — думал Алешка, шагая по заводскому двору. Неожиданно навстречу выскочила полуторатонка Ивана Черемных. Попридержав ее на месте, шофер высунулся из кабины и, кивнув на кузов, спросил:

— Узнаешь?..

Алешка догадался, что Черемных вез новую глину.

— Куда везешь? — спросил Алешка.

— В новый корпус! — ответил Черемных и, подмигнув мастеру, сорвался с места, крутя баранку на поворот к черепичному цеху. И тогда, не заходя в контору, Алешка заторопился в город.

10

К рыбозаводу слетались чайки.

С тихим гортанным криком кружились они над мутным ручьем, впадавшим в залив со стороны разделочного цеха. Временами воду покрывал сплошной белый трепет. При этом темные ленточки, которыми природа украсила их белые крылья, то расправлялись в полете, то складывались на спинках. Припав к волне, они схватывали добычу и, сделав круг, снова пристраивались к живой очереди.

Майя и Алешка стояли на берегу, очарованные звуками, летевшими из-под берега: неумолчным шелестом белых крыл и прерывистыми криками, которые создавали, сливаясь, единую музыку удивительной жизни. Птичий поклик казался похожим на крик, издаваемый человеком, когда у того замирает сердце. Так приглушенно вскрикивают еще девушки, раскачиваясь на высоких качелях. Вниз-вверх, вниз-вверх...

Картина была красивой, но Майе было грустно. «Вот он тоже смотрит на чаек, — думала она, косясь на Алешку, — а что он понимает в красоте?.. Для человека с изменчивой любовью настоящая красота непостижима... Это

уж верно. Ему все равно, что то, что это. Или он на все плюет, или всем восторгается... Это уж так».

С каждой минутой очередь птиц, желающих кормиться, становилась все меньше и меньше. Сытые чайки отлетали от берега и присоединялись к отдыхающим на волнах. Вскоре у берега остались всего две птицы, которые, несмотря на сумерки, продолжали свою будничную работу. Казалось, они не замечали ни сумерек, ни людей, стоявших на берегу.

— Как они красиво припадают к волне! — сказала наконец Майя, продолжая наблюдать за полетом чаек.

Тут одна из чаек, вытянув шею, замерла над волной. Ее клюв и лапки коснулись воды почти одновременно. Вернее, лапки еще не успели прикоснуться, когда сама она взметнулась вверх, играя темной каймой, оттенявшей белизну крыл. Она взлетела от гребня так легко, будто волна пружинила. Алешка и Майя ждали, что птица вернется обратно, но чайка раздумала: тревожным криком позвала подругу и улетела в сторону моря.

Игра птиц отвлекала молодых людей от неловкости, которую они испытывали после несуразной разлуки. Теперь же Майя и Алешка остались без крылатых посредников. Майя сказала:

— Я скоро уезжаю в Москву...

— Так рано?! — удивился Алешка.

Майя пожала плечами и насмешливо посмотрела на Алешку — дескать, не притворяйся глупеньким, сам знаешь почему.

— Подруги меня зовут, — сочинила она, — и вообще... делать мне здесь больше нечего...

Она говорила вяло, избегая смотреть в «лицемерные» Алешкины глаза, глядевшие на нее с прежней теплотой, поверить в которую она уже не могла. И вообще в этот вечер она не хотела оставаться с ним наедине. И если все-таки пошла, то ради простого любопытства. Интересно было послушать, о каких высоких материях заговорит он после того, что случилось. Интересно было посмотреть, как начнет он изворачиваться, когда она намекнет ему о Наде... И пусть только попробует тронуть ее хотя бы за плечо, как тогда на горе Митридат, она ему скажет...

Но как ни обманывала себя Майя, что она ничего не позволит Алешке, ей все же хотелось снова подняться на гору Митридат, на то место, где она почувствовала на

плечо теплоту его широкой ладони, где она увидела в его глазах то необычное, от чего на сердце становилось томительно и радостно. Ей хотелось именно там замкнуть этот маленький ложный круг, самой навсегда выйти из него, оставив в нем Алешку с его мелкими страстишками.

Майя выбирала такой маршрут прогулки, чтобы непременно оказаться вблизи знакомой лестницы, Алешка же, наоборот, старался как можно дальше отойти от нее. Он вдруг почувствовал, что на гору подниматься не надо. Высота хороша для торжественных слов, а ему, Алешке, нужно было сказать о житейском, земном — о своих неудачах, о своих сомнениях. Но обойти лестницу так и не удалось.

Майя остановилась, посмотрела вверх, как бы приглашая Алешку подняться. Она задумала сделать так: подняться на гору, сесть на камень, на котором они сидели прошлый раз, и сказать: «Ну, Алешка, говори... Под нами двадцать шесть веков, пусть они послушают, что ты скажешь...» Но Алешка ее предупредил. Он посмотрел вверх, вздохнул и сказал:

— Лучше пойдем по берегу...

Он стал рассказывать Майе о своих делах: об истории с сарматской черепицей, которую привезли они в музей. Признался, что ему было стыдно вспоминать свои хвастливые слова, сказанные им при первой встрече. Он думал, что, выслушав все это, Майя переменится и станет с ним ласковей, но этого не случилось. Она слушала его с прежним холодком, видимо, ожидая от него больших признаний. Ей хотелось, чтобы Алешка рассказал ей о своей дружбе с Надей, и еще больше сердилась оттого, что он этого не делал, а прятался за такие выражения: «Формовщицы мне посоветовали... Формовщицы мне помогают...»

— Ты все еще сердишься на меня? — спросил Алешка.

— Сердиться можно только на близкого человека...

— Майя, как же так?! — испугался Алешка. — Разве я тебе не друг?! Ну, скажи!..

Майя пожала плечами, поправила темную прядку волос, упавшую на чистый, чуть-чуть выпуклый лоб, и отвернулась.

— Какие же мы друзья?! Было бы очень забавно считаться друзьями, когда... — Майя не договорила.

— Что «когда»? — вспыхнул Алешка.

— Друзья должны быть откровенными до конца...

— А разве я не признался во всем?. Я же тебе сказал, как было. За что ты сердишься?..

— Вот уеду, тогда напишу...

Майя остановилась, давая понять, что она не собирается идти дальше. А вечер был так хорош, так хорош, что домой можно было уйти лишь затем, чтобы вздыхать и плакать.

...С моря тянул теплый ветерок, а вместе с ним появились тонкие, темные нити, из которых вязалась ночная темь. Легкие, неощутимые, они ложились на Майины плечи, на рыжие Алешкины волосы, отчего те начинали казаться черными. Вскоре темнота заполнила короткое расстояние между юношей и девушкой. Алешке показалось, что лицо Майи медленно отходит от него все дальше и дальше...

«Майя, жена Гаала, прощай!»

Алешкино сердце билось сильно и беспокойно. Может быть, прислушиваясь к его стуку, Майя наклонила голову. В минуту разлуки удивительно хорошеют люди. В них пробуждается все хорошее, что осталось не высказанным в сутолоке будней. И станет вдруг больно, что это большое и хорошее загорожено мелочами.

На небе высыпали звезды, на вершине горы Митридат загорелся маяк, а они все стояли на берегу и молчали. Алешка ждал, что Майя вот-вот повернется и пойдет обратно. И она пошла... но не к городу, а еще дальше по берегу, в темноту... Алешка видел смутные очертания ее покатых плеч...

— Майя, Майя! — догонял ее Алешка.

— Я хочу сесть, — милостиво сказала она.

Они сели на камень.

Было слышно, как в темноте под берегом странный шорох перемежался с плеском воды. Казалось, кто-то большой и бесформенный пытается вылезти на берег и, не удержавшись на круче, сползает обратно...

— Уф-уф! — слышалось из-под берега.

Иногда Майя ощущала на себе влажное дыхание этого бесформенного существа так близко, что боязливо подбирала ноги. Занятая своими мыслями, она рассеянно слушала Алешку. И вдруг спросила в упор:

— Значит, тебе помогают формовщицы?..

— А куда я без них? — оживился Алешка. — Вот

Надя, например... Закрой ей глаза и дай в руки глину — не глядя определит, хорошая она или плохая...

И вдруг Алешке показалось, что Майя прикрыла уши ладонями.

— Ты чего? Ветер, что ли?

— Тебе нравится Надя?..

— Она очень хорошая девушка!

— Ты... Ты ее любишь?

— Я?! Надю?! — изумился Алешка. — С какой стати! Я, Майя, тебя, только тебя люблю! — выпалил он и сам удивился своей смелости.

Майя продолжала сидеть неподвижно.

— Я люблю тебя! — повторил он.

Плечи Майи вдруг опустились.

— Как же так, Алеша?! — спросила она с дрожью в голосе. — Ты ведь сказал, не подумав...

— Как это не подумав? — подскочил Алешка.

— А так, Алеша. Ты вот сказал, что любишь меня, а сам... сам время проводишь с Надей... Я ведь все знаю.

— Я люблю только тебя, Майя... Слышишь — только тебя...

— А Надя?!

— Это же из-за глины...

И хотя слова насчет глины были смешны, Майя облегченно вздохнула.

Алешка неловко обнял ее за плечо и притянул к себе. Не отрывая от лица ладоней, она покорно придвигалась к нему... Алешке казалось, что сквозь ее тонкие пальцы просачивался тихий приглушенный смех. Ее лицо было близко-близко...

— Не надо, Алеша... Не надо... — зашептала она, когда Алешка попытался раскрыть ее лицо. — Не надо... лучше потом...

Ее правая рука лежала в Алешкиной руке, а левой она делала безуспешную попытку прикрыть лицо. Алешка поцеловал ее в щеку, потом в теплый уголок губ, прикрытых дрогнувшими пальцами...

Глухо стучало сердце.

Алешка целовал краешек губ, пальцы, прикрывшие рот... И поцелуи его были так горячи, что ее пальцы не выдержали и стали отступать... И тогда ее губы сами потянулись навстречу...

Море и звезды. Несвязные слова, полные значения.

— Ты меня любишь, Майя?..

Никто, кроме Алешки, не видит, как Майя кивает головой и прячет разгоряченное лицо на его груди. Никто не слышит, как она просит его еще и еще раз повторить свое признание.

— Только откровенно... Только откровенно...

— Давно, давно... Еще тогда...

— Еще в школе? — спрашивает Майя.

— Еще в школе! — отвечает Алешка.

— А почему ты мне тогда не сказал? — допытывается Майя.

— Страшно было! — признается Алешка.

Они тихо смеются.

Им и сейчас немного страшновато.

Майя почему-то вспоминает белокурую девушку с завода:

— А ведь Надя интересная...

— Ты лучше... Ты одна такая...

— Какая — такая? — спрашивает Майя.

А Алешке трудно ответить. Он долго молчит, не находя слов.

— Ты — праздник...

Майя рассмеялась и хотела что-то сказать, но Алешка, кроме шума накатившей волны, ничего не расслышал. Они давно перестали замечать море, а оно было рядом. Забытое ими, оно шумело и ластилось, как шумело и ластилось две тысячи лет назад... И у каждого мелькнула странная мысль, что когда-то давно-давно они уже сидели на этом берегу и объяснялись в любви... Их любовь была похожа на море...

Проходили века, менялись очертания морских берегов, среди вод поднимались новые острова, но море всегда оставалось морем. Оно может исчезнуть совсем, но до этого суть его неизменна. Назвать старым можно берег, но только не море.

Большая любовь во все времена была высшим проявлением человеческого благородства и нравственной зрелости. Она выше любого слова о ней. Вот почему самые незначащие слова в устах влюбленных полны невыразимого смысла.

— Я знала, Алешка, что ты ко мне придешь...

— Цыганка, что ли, наворожила?..

— Моя цыганка вот здесь... в груди... — шепчет

Майя. — Она все знает, все понимает... А ты скучал ли по мне?..

— Все эти дни думал о тебе... Я видел тебя во сне... — И Алешка пустился рассказывать свой удивительный сон. Майя внимательно слушала. И когда Алешка дошел до встречи с ней, она возразила:

— Ты это придумал сам... Я бы так не сделала... Я бы постеснялась обнять тебя первой...

— Честное слово, так было... Это же во сне...

— А потом? Что было потом?..

Дослушав до конца Алешкин сон, Майя долго молчит. Хоть все это было и во сне, но Алешка боится, как бы Майя не обиделась на него теперь за то, что он отказался от ее любви в причудливом мире сна.

— Почему ты так поступил? — спрашивает она. — Ты же сам говоришь, что я была красивая...

— Если бы ты попала туда, как и я, случайно, я бы так не поступил. Но ты была дочерью сармата... Ты уговаривала меня остаться...

После долгих споров они приходят наконец к общему выводу, что Алешка поступил правильно, что той Майе нечего было удерживать его в плену прошлых времен, когда на земле совершаются великие события. Майя поспешила уверить Алешку, что ее интерес к археологии нисколько не мешает ей любить все, что происходит в наши дни.

— Максим Петрович ничего тебе не передавал? — спросила Майя.

— Ничего.

— Значит, ты еще ничего не знаешь?..

— Ничего не знаю... А что?

— Тогда слушай... — И Майя рассказала о новой музейной экспозиции, которая будет экспонировать все, что делает Керчь для великих строек коммунизма.

— И твоя черепица там будет! — закончила она гордо.

— Ее, Майечка, надо еще сделать, — уныло сказал Алешка.

— Ты же нашел глину?!

— Глина глиной, а что из нее получится — неизвестно...

Когда они возвращались домой, мимо них прошла такая же парочка. В темноте слышался веселый смех.

Майе хотелось вот так же идти и смеяться, но Алешка молчал.

— Ну что же ты молчишь? Расскажи что-нибудь... — попросила она, заглядывая ему в лицо.

— Да вот вспомнил, что старый мастер у нас заболел...

— А что с ним?!

Алешка начал рассказывать о споре в красном уголке. Он торопился заручиться поддержкой Майи, поэтому часто спрашивал:

— Правильно я сказал?..

— По-моему, правильно, — отвечала Майя.

Но когда Алешка закончил свой рассказ, Майя долго молчала, а потом неожиданно спросила:

— Ты, Алешка, после этого к нему домой не заходил?

— В том-то и дело, что не заходил. Тем более нехорошо, что я использую результаты его прошлогодних опытов...

— Вот что, — сказала Майя, — хочешь, мы зайдем к нему вместе? Согласен?

— Согласен! — ответил повеселевший Алешка и сделал попытку поцеловать Майю, но она ловко выскользнула из его рук и со смехом бросилась в темноту, Алешка — за нею.

Справа шумело море.

Под ногами похрустывал влажный песок. Когда Майе удавалось увернуться от Алешки особенно ловко, она вскрикивала, как чайка, и бежала дальше. Раза два ее захлестывали волны... Ее волосы, разгоряченное бегом лицо и тонкая белая кофточка были влажны, а губы чуть-чуть солоноваты...

Они не видели и не слышали, как накатилась новая волна и обдала их крупным дождем. Кофточка Майи стала совсем мокрой. Она прилипала к телу, резко выдавая ее небольшие упрямые груди. Всю дорогу девушка стыдливо одергивала прилипавшую блузку, но безвольный шелк снова укладывался в ложбинку.

Трудно было Алешке не смотреть на нее. Случай открыл ему тайну ее девичьей красоты, которая делала Майю еще милей и желанней. И было особенно приятно щадить ее девичью стыдливость.

Они проходили мимо Митридатовой лестницы. Алешка посмотрел на вершину горы, на которой продолжали

горевь непотухающие огоньки, и подумал: «А напрасно я не поднялся туда... Для нашего счастья не хватало только высоты».

11

Радость любви захватила Алешку целиком. Он все время думал о Майе и переживал последнюю встречу с ней. Чувства требовали какого-то сильного душевного выражения. Иногда его обуревали несбыточные желания — вылепить из глины ее образ, придать ему то обаяние жизни, которое почувствовал он на берегу. Ему хотелось воссоздать ее такой, какой она была в своей мокрой блузке, когда упрашивала не смотреть на нее. Он даже брал в руки глину, но, ощущая бессилие, бросал ее обратно.

Теперь его опыты приобретали особенный для него смысл. Вспомнил даже, что Майя ему сказала: «Я сделаю так, как сделала в твоем сне». Иногда Майя казалась Алешке очень смелой, иногда очень застенчивой. И то и другое было одинаково приятно. Нравилось ему и то, что Майя близко к сердцу приняла его неудачи и предложила навестить больного Якова Михайловича. Но воспользоваться ее советом Алешка не успел. В день, когда он твердо решил зайти к старому мастеру, Яков Михайлович сам появился на заводе.

Он пришел рано, когда, кроме ночного сторожа Ермолаича, на заводе никого не было. Старый мастер никогда не обедал в столовой, предпочитая приносить обед, приготовленный руками своей жены. Поэтому Ермолаич привык видеть его по утрам с небольшим узелком, который оказался при Якове Михайловиче и сегодня. Проводив глазами его сгорбленную спину, скрывшуюся за формовочными будками, сторож пошел к нему поговорить о жизни, размышляя вслух:

— Не много нас таких осталось...

Нашел он Якова Михайловича за формовочной будкой Нади. Наклонившись к земле, тот дрожащими руками ощупывал Алешкину глину. Сторожа заметил не сразу.

— Здравствуй, годок! — весело поприветствовал его Ермолаич. — Живем-можем?..

От неожиданности Яков Михайлович растерялся —

выронил из рук глину, но, узнав ночного сторожа, успокоился.

— Живем, Ермолаич! — ответил он здороваясь. — А насчет «можем» — так не очень...

Сторож, как, впрочем, все ночные сторожа, был философом и любил замысловатые выражения.

— Лицезреешь? — спросил он.

— Смотрю. Хорошая глина. Для черепицы лучше не надо, почти как булганакская. А ведь у меня, Ермолаич, на ту глину есть полная документация, вплоть до образцов...

Яков Михайлович оживился. Его потускневшие от времени и болезни глаза неожиданно заблестели, он задорно тряс своей жидкой бородкой. Простодушный Ермолаич слушал-слушал, а потом неожиданно буркнул:

— Зря, годок, старался. Глина-то прахтикантова. Сказывают, что она самая керамичная. По-ученому он с ней обходится. Никого он к ней не подпускает, ни с кем не советуется. Сам, говорит, создам и крепость и красоту. Дескать, не хочу иметь дело с кустарями...

Яков Михайлович сразу потух. Когда Ермолаич закончил свою речь, а бурые усы его перестали двигаться и раздражать старого мастера, тот спросил:

— И получилось?

— Питают надежду. Ждут, что скажет огонь. Огонь, так сказать, вроде высшей инстанции...

— Так, так... — повторил Яков Михайлович, уже не слушая рассуждения Ермолаича, которого мысленно обозвал филином. «Жил-жил, а ума не нажил, — думал о нем старый мастер. — Как был шалаболкой, так шалаболкой и остался. Пришел, разболтался, будто кто просил...»

Недружелюбно расставшись со сторожем, Яков Михайлович начал ревнивый осмотр несложного черепичного хозяйства. Заметив кое-где непорядок, начал отводить душу стариковским ворчаньем:

— В новаторы норовит, а нет чтобы приглядеть за участком, — говорил он, поднимая с земли трехланочную рамку. Рамка оказалась новой. Для старой черепицы употреблялись другие. «Это для ленточной приготовлена, — догадался он, — значит, просушивали новые образцы...»

После этого он стал еще придирчивей.

На полотне транспортера оставили глину. За ночь она высохла.

— Ай да работнички! — покачал он головой и, вынув из бучильной ямы лопату, начал счищать присохшую глину. Он счищал ее долго и старательно, пока не услышал за собой голос Веры:

— С поправкой вас, Яков Михайлович...

— Все мы с поправкой, — ответил ей старик, усмотрев в приветствии девушки неприятный намек, — поправлять есть кому, только работать некому... Захламили все полотно...

Вера слушала и улыбалась.

— Отработала, старушка! — задорно сказала она. — Открутилась!.. Чистить бесполезно, а обмыть напоследок надо...

— Что ты там мелешь?! — обернулся к ней старик.

— Напрасно, говорю, Яков Михайлович, стараетесь. Этой громыхалке у нас уже не работать! — сказала Вера, кивнув в сторону глиномешалки. — Помытарила нас, и довольно...

— Как так — не работать? — удивился Яков Михайлович.

— А так. Сегодня переходим в новый корпус!..

— Все?!

— Конечно, все. Сюда никто и не придет. Я зашла случайно, чтобы взять свой фартук. — Девушка засмеялась, сказала, что спешит, и, словно колобок, покатилась к своему бывшему теремку.

— Эх, и тут я опоздал! — сказал Яков Михайлович, вылезая из бучильной ямы. Подошел к отвергнутой машине, погладил ее грязные бока.

— Постарели мы с тобой, — сказал тихо, — постарели... Молодым что? Рады, что перешли в новый корпус... Слышала, что Вера-то сказала? Сюда никто и не придет!.. То-то...

Привык он к этим теремкам, напоминавшим маленькую деревеньку, привык к прежнему распорядку работы. А как сложатся дела в новом корпусе, еще неизвестно. Даже из старой квартиры, в которой проживешь много лет, грустно переезжать в новую, даже лучшую. «Может быть, не стоит идти туда, — думал он о новом корпусе, — не лучше ли прямо отсюда вернуться домой? Разве что посмотреть, как там сейчас...»

Около кольцевой печи собрались мастера. Из рук в

руки переходили новые образцы обожженной черепицы. Максим Петрович в своем неизменном белом кителе стоял рядом с Алешкой и говорил грубоватым голосом:

— А ну, давайте их сюда!..

Ему подали черепицу последнего опытного варианта. Она отливала светло-вишневым цветом. Он подставил ее под солнечные лучи и, прищуря левый глаз, долго смотрел на нее. Судя по выражению лица, цвет черепицы ему понравился.

— Посмотрим, посмотрим! — сказал он и приготовился испытать ее на излом. Алешка с замиранием сердца следил за его могучими руками, обхватившими образец с двух сторон, и лицо его отражало все колебания рук Максима Петровича.

Тот старался переломить черепицу, но она не поддавалась. Лицо Максима Петровича покраснело. Алешка радовался. Вдруг черепица хрумкнула и раскололась на две половинки.

— Следующую! — потребовал главный инженер, отбросив в сторону ненужные половинки.

Побледневший Алешка передал ему черепицу третьего опыта. Расправившись и с этой, Максим Петрович посмотрел на белые рукава кителя. Они были чисты.

— Следующую! — крикнул он, и Алешке показалось, что главный инженер даже доволен, что черепица ломается в его сильных руках. С благодарностью посмотрел он на Голованова, когда тот сказал:

— Да твоими руками и быку голову можно свернуть.

— Ничего, ничего! — ответил Максим Петрович, беря новый образец.

Неиспытанными остались только два последних варианта. Сейчас Максим Петрович держал в руках самый первый. Алешка загадал, что если новая черепица переломится, то он уйдет с завода.

— Какой у нее благородный цвет! Гладкая, будто покрыта глазурью... Даже и переламывать не хочется! — пошутил Максим Петрович.

Оттого ли, что ему не хотелось ломать, оттого ли, что устал, но черепица на этот раз не переломилась. Все радостно зашумели. Кто-то похлопал Алешку по плечу, кто-то торопился поздравить его с удачей, но Алешка ждал, что скажет Максим Петрович.

— Ясно-понятно, — пробурчал тот и стал искать гла-

зами кирпичи, и все поняли, что он хочет подвергнуть черепицу новому испытанию. Мастер обжига принес два кирпича и положил их на расстоянии двадцати сантиметров друг от друга. Черепица легла двумя концами на них. Максим Петрович стал оглядывать мастеров, чтобы найти самого легкого по весу. Тут он заметил Якова Михайловича, который тихонько подошел к мастерам и теперь с улыбкой рассматривал обломки опытной черепицы.

— Ай-ай! — качал он головой. — Ломается?!

— Яков Михайлович, здравствуй, дорогой... — поприветствовал его главный инженер. — Поправился? Вот и хорошо!.. Теперь ты среди нас самый легкий. Начнем с тебя. Становись!..

Все расступились.

Яков Михайлович с улыбкой посмотрел на Алешку, пригладил бородку и встал на черепицу. Встав на нее, старый мастер сразу нахохлился, надулся, словно от этого мог увеличиться в весе. Он простоял на ней больше минуты, после чего сказал с нескрываемым сожалением:

— Болезнь измотала... — и сошел на землю.

Алешка облегченно вздохнул. Было бы страшно обидно, если бы черепица разломилась именно теперь под ногами тщедушного старика. После Якова Михайловича на черепицу ступил коренастый Тимонин, но и под его ногами она осталась целой. Увлеченные испытаниями, люди не заметили, как переживал Алешка за свои образцы. Всякий раз, когда более грузный человек становился на них — эта тяжесть словно ложилась ему на сердце. Вес все увеличивался и дошел наконец до пяти пудов, которыми обладал Максим Петрович. Алешке казалось, что его сердце не выдержит. Но удивительно — черепица переломилась, а сердце... продолжало стучать по-прежнему. Максим Петрович подошел к нему и сказал:

— Спасибо, Алеша... Такую черепицу делать не стыдно. Последние образцы надо отправить в лабораторию...

— Она же ломается... — тихо сказал Алешка.

— Подо мной сам черт сломается. По стандарту она должна выдерживать шестьдесят-семьдесят килограммов. Она выдерживает семьдесят-восемьдесят. Отлично!.. Надо делать и отправлять на стройку.

— На звук, на звук надо бы испытать, — петушился Яков Михайлович, — надо бы голос ее послушать...

Его поддержали. Нашли какой-то железный болт. Максим Петрович неохотно пошел на это испытание.

— Что нам концерты устраивать? — сказал он, прилаживая к плечу узкую сторону черепицы.

Звук черепицы оказался глухой, подспудный. Максим Петрович нанес несколько ударов подряд, и все звуки слились в один общий звук неясной тональности. Звук второго образца оказался более чистым, но и он не выдерживал никакого сравнения со звуком древней черепицы. Яков Михайлович поторопился заметить:

— Экая безголосая... А древняя-то песни пела...

— Не всякая песня к радости, — ответил ему Голованов, заметив, что старый мастер отнесся к новым образцам слишком ревниво. Не ускользнуло это и от Алешки. «И чего петушится? — подумал он. — Не знает, наверное, что в этих черепицах и его труд. Надо ему сказать, что я пользовался его рецептами». Яков Михайлович продолжал повторять:

— Экая безголосая...

— Ничего, Алексей Федорович, — сказал парторг, — несмотря на плохой звук, черепица все-таки удалась. Надо учесть, что это при ручной формовке, а когда глина будет подготовлена в «валюшках» да пройдет через вакуум-пресс, она будет плотней и после огня «заговорит» не таким голосом. Правда, Максим Петрович?

Оттого, что Голованов назвал его по имени и отчеству. Алешка смутился. «Ободрить хочет, — подумал он, — а черепица-то получилась хуже сарматской. Это ясно. Вот и Максим Петрович молчит».

Максим Петрович что-то обдумывал.

— Может быть, так, а может быть, и не так, — ответил он Голованову. — Судя по излому черепицы, в глине оставалось много воздуха. Обезвоздушивание глины в вакуум-камере должно придать ей плотность. Должно! Но вот беда. Эти проклятые вакуум-камеры почти на всех заводах не работают. Конструкция нашего пресса несколько иная, так что будем надеяться на лучшее. — Заметив, что мастер обжига собирается что-то сказать, Максим Петрович спросил:

— Что, Тимонин?

— Нужно нам, Максим Петрович, иметь хорошую лабораторию. Завод становится большим, а мы продолжаем

зависеть от Симферополя. Я вот сейчас посмотрел со стороны на эту картину — смешно!

— Что смешного? — насупился Максим Петрович.

— А то, что главный инженер, начальники цехов, мастера стоят и испытывают черепицу дедовским способом. Ломают, топчутся на ней, как петухи...

Все засмеялись.

— Правда, правда! — продолжал Тимонин. — Черепицу нужно испытать еще водой, а что у нас есть?

— Не все сразу, Тимонин. Мы с тобой потоптались и выяснили, что наша черепица не хуже феодосийской. Если она выдержит испытание водой, то будет совсем хорошо. А такое испытание можно провести тоже дедовским способом. Положите такую черепицу под рукомойник, — продолжил он шутливо, — пусть капли в течение одного-двух часов падают на одно место...

Все, кроме Веры и Нади, стоявших в сторонке, приняли последние слова Максима Петровича за шутку. Алешка держал под мышкой крепкие черепицы. Девушки взяли у него эти образцы и поспешили к главному корпусу. Их уход послужил сигналом для всех. Максим Петрович сказал:

— Пора расходиться. Ты, Алексей, и ты, Яков Михайлович, идите в новый корпус. Надо осваивать пресс...

Старый мастер и молодой шли вместе. Оба молчали. Алешка покосился на старика и сказал:

— Яков Михайлович, мои образцы сделаны по вашим рецептам для булганакской глины.

Старый мастер даже остановился. Снизу вверх посмотрел на Алешку. В бесцветных глазах отразилось и радостное удивление и досада на себя. Оказывается, он плясал почти на своей собственной черепице. Старик отвернулся, сгорбился и молча зашагал дальше. Потом снова приостановился:

— В моих опытах была одна ошибка, Алексей! — сказал он тихо...

...С длинного стержня пузатого рукомойника падают капли — кап-кап-кап! Ударяясь о черепицу и дробясь, они прозрачными бусинками раскатываются по ее вишневой поверхности. Кап-кап-кап — и все в одну точку. Надя и Вера, устроив это испытание, бегают теперь в коридор смотреть на свою «лабораторию». Время от времени они подливают в рукомойник воды.

Девушки удивляются, зачем это нужно, чтобы целых полтора часа на черепицу падали капли. Все же знают, что в степях Крыма дожди бывают реже, чем в других местах. В прошлом году прошел всего один дождь, да и тот длился не больше сорока минут. А тут целых два часа будет тянуться томительное «кап-кап». Иногда им хочется перевернуть черепицу и посмотреть, не проступило ли на обратной стороне влажное пятно, но без Алексея Федоровича они на это не решаются. Правда, молодой мастер об их «лаборатории» еще ничего не знает. Они и делали так, чтобы он удивился их находчивости.

«Ах, какой он странный! — думает об Алешке Надя. — Еще недавно по-дружески говорил мне «ты», а сейчас почему-то хмурится и обращается только на «вы». Ему совсем не идет сердиться. Веселый, он просто симпатичный, а хмурый... у, какой!..»

Девушки стояли около своего мучителя-рукомойника. Проходя мимо, Алешка остановился. «Что они тут делают?» — подумал... Вера и Надя, не замечая мастера, смотрели на кончик стержня, с которого должна была упасть последняя капля.

Но капля долго не срывалась.

Вбирая последние росинки воды, она увеличивалась и, преломляя слабый свет, льющийся в окно, становилась похожей на зеленую смородинку. Отяжелевшая, она наконец оторвалась.

Девушки даже ахнули.

— Это что такое? — спросил их Алешка.

Вера и Надя наперебой принялись объяснять. К их великому удивлению, мастер громко-громко захохотал. Он смеялся так, как частенько смеялся в своем студенческом общежитии, когда удавалось хорошо подшутить над своим товарищем. Насмеявшись досыта, он посмотрел на растерявшихся подруг, и, все еще улыбаясь, сказал:

— Да Максим Петрович пошутил, а вы и поверили... Не так она испытывается водой, не так... Сейчас мы устроим ей настоящее испытание.

Алешка держал в руках стальную дюймовую трубку небольшой длины и обыкновенную оконную замазку. Смущенные девушки помогли установить на кирпичах черепицу, он поставил на нее трубку и, отдавая замазку Наде, попросил:

— Примазывайте, чтоб не текла вода...

Когда трубка была примазана к черепице, Алешка налил в нее воды.

— Так испытывают в лабораториях. Правда, там применяют специальную «менделеевскую» замазку, но и эта сойдет. Через час узнаем, что и как. Если внизу не появится капля — значит, черепица хорошая. Пусть стоит, а нам пора к прессу...

В новом корпусе — первые признаки трудовой жизни. Формовочный цех просторный-просторный. В одной его половине стоит пресс для кирпичей. В другой половине, около окон, — длинное тело вакуум-пресса с резательным автоматом и роликовым транспортером. К транспортеру подведены вагонетки, которые одна за одной будут уходить в сушильные камеры. Мимо кирпичного пресса к черепичному катятся вагонетки с «валюшками», похожими на тяжелые пакеты.

Наде кажется, что в этих пакетах готовая черепица. Их кладут в завалочный бункер пресса, чтобы тот их распаковал. Наде надоела формовочная будка, в которой приходилось работать одной. Зато черепичный пресс понравился сразу. С ним кончится одиночество, только бы Алексей Федорович не уезжал так быстро.

С непривычки девушки не знают, за что им взяться, именно — взяться, потому что привыкли к ручной формовке. Они толпятся около автомата, следя за движением тонкой струны металлического смычка. Детали пощелкивают с точностью часового механизма. Все смотрят на узкую прорезь мундштука, из которой должна появиться отформованная масса глины, уплотненная и обезвоздушенная в прессовой головке и вакуум-камере.

— Ой, смотрите-ка! — крикнула Надя.

— Пошла, пошла... — подхватили другие.

Из узкой прорези мундштука, словно из приоткрытого рта, высунулся желтый язычок, высунулся и остановился, словно хотел подразнить девчат. Раздался веселый смешок.

Только сегодня Алешка заметил, что Надя к нему неравнодушна. «В семнадцать лет можно влюбиться в кого угодно!» — подумал Алешка и решил соблюдать с Надей осторожность. И вот всякий раз, когда девушка взглядывала на него, он отворачивался. Алешка боялся, что ее глаза что-то спросят, а ему, Алешке, сказать будет нечего. И он сказал совсем-совсем другие слова. Что вот этот день — его последний день на заводе. Он гром-

ко сказал об этом старому мастеру, и тут же из рук Нади выпал комочек глины. Яков Михайлович похвалил новую черепицу.

— Но вы же сами говорили, что черепица безголосая, — возразил Алешка. И когда обернулся к Наде — ее уже не было.

— Говорил, говорил! — передразнил его старый мастер. — Мало ли что я говорил... Чего цепляться к каждому слову... Голос у нее есть... Есть! Однако голос глухой. Может, это оттого, что в глине остался воздух... А может, Алексей, вы с Надей повторили мою ошибку...

Алешка поискал глазами Надю. Но ее в цехе не было.

«Только бы не промокла моя черепица, только бы не прослезилась!» — думал Алешка, поглядывая на часы. Секундная стрелка добивала последнюю минуту.

Если бы теперь Алешке вдруг сказали, что надо подождать еще две-три минуты, это было бы для него мучительно. Такое же нетерпение он испытал лишь тогда, когда у входа в сквер в последний раз дожидался Майю. Проводив глазами первую тележку с черепицей, которая сошла с поворотного круга и скрылась в сушильной камере, Алешка заторопился в коридор.

С глухо бьющимся сердцем Алешка поднял черепицу, однако перевернуть ее сразу не решился, а когда перевернул, то увидел: обратная сторона была совершенно сухой. Даже не верилось: черепица была совершенно сухая и отливала ровным светло-вишневым цветом. «Вот тебе и безголосая!» — подумал Алешка, мысленно обращаясь к старому мастеру. Открыв дверь в цех, он крикнул:

— Выдержала! — и помчался к главному инженеру.

Алешка вбежал к нему с тем же возгласом, но Максим Петрович предупреждающе поднял руку. Он сидел перед счетчиком, на хоботке которого должна была появиться желанная цифра, и словно боялся, что при громком разговоре эта цифра не появится. Счетчик показывал количество кирпича-сырца, вышедшего из цеха с начала года. В цехе по транспортеру шла вагонетка. Она привела в движение цифры счетчика. Приподняв ладонь и неподвижно уставившись на счетчик, Максим Петрович ждал. Вдруг он улыбнулся и хлопнул ладонью.

— Двенадцать миллионов! — Лишь после этого поднял на Алешку глаза. Алешка протянул ему черепицу:

— Выдержала!..

— Ясно-понятно. Теперь можно согласиться на просьбу музея, а?

Алешка подумал и отрицательно покачал рыжей головой:

— Нет, Максим Петрович... Она все-таки безголосая...

12

Этот рабочий день был для Алешки последним.

Оставаться на заводе дольше не имело смысла, да и Максим Петрович на этот раз сказал ему с грубоватой откровенностью: «Иди отдыхай, да не думай, что мы попрежнему останемся безголосыми... Характеристику, ясно-понятно, я тебе напишу... Заработал...» На прощанье Максим Петрович так крепко пожал Алешке руку, что тот невольно почувствовал уважение к своей черепице, которая, побывав в могучих руках главного инженера, осталась целой и невредимой.

В тот же день Алешка получил расчет.

Возвратившись вечером домой, еще из коридора услышал голос отца:

— Друг, Степа! — обращался к кому-то отец. — Друг мой, Степан Тимофеевич, скажи ей, что по случаю нашего праздника немного можно нам и повеселиться...

Алешка удивился разговорчивости отца. Обычно молчаливый, он редко впадал в такое настроение. «Что бы это значило?» — подумал Алешка, открывая дверь...

Отец встретил Алешку радостным возгласом:

— Инженер пришел!.. Степа, посмотри на моего сына! А ты, Алешка, в свою очередь, поизучай хотя бы, какими бывают настоящие коммунисты... Мы вот с ним, со Степаном Тимофеевичем, партизанили вместе... Таврида!.. Вдоль и поперек, вдоль и поперек мы испешеходили нашу Тавриду...

— Запартизанился ты, Федор, — упрекнул хозяина гость, — посмотри, я вот даже голову брею, а ты с бородой не хочешь расстаться...

— Теперь расстанусь! — решительно ответил Федор Степанович и со смехом обратился к Алешке: — Скажи-ка мне, инженер, как назывался тот народишко, который дал слово не бриться, не стричься, пока не разрушит какого-то города? Фу ты, забыл!.. Ну, еще десять лет-то они проходили в таком виде? С буквы «а» начинался...

— Ахейцы! — подсказал Алешка.

— Вот-вот, ахейцы... Я вроде ахейца, только наоборот... Я дал слово не брить партизанской бороды, пока не восстановим завод. Теперь — прощай, борода!..

Алешка торопился встретиться с Майей. Мать заметила его состояние.

— Шел бы ты, Алеша, погулять... Что тебе париться с нами?! — сказала она.

— И то верно! — поддержал ее внимательный гость, после чего и отец пробурчал что-то в этом роде.

Бросив благодарный взгляд на гостя и мать, Алешка прошел в смежную комнату, быстро переоделся и, попрощавшись с гостем, вышел на улицу. «Что сейчас делает Майя?» — думал он, хотя знал, что Майя должна его ждать и, наверное, ждет. От мысли, что его ждут, Алешка начал испытывать чувство необыкновенной гордости и в то же время какое-то смутное беспокойство.

Алешка решил, что при такой ситуации ему могла бы помочь этакая молодеческая развязность, которую он замечал у своих институтских товарищей. Обладай он ею, можно было бы войти к Майе и заговорить о своих опытах с деланной небрежностью. Вначале он так и загадывал, но, подойдя к дому Майи и увидев освещенные окна ее квартиры, зайти к ней не решился. По старой школьной привычке Алешка продолжал побаиваться ее матери, Клавдии Ивановны.

Наискосок от заветного окна стояла телефонная будка. Не имея своего телефона, Майя дала Алешке телефон соседки. Алешка позвонил. Ему показалось, что его звонка ждали. Дожидаясь прихода Майи, он смотрел на освещенные окна Майиной соседки. Было видно, как Майя подошла к телефону и взяла трубку. Узнав Алешку, она обрадовалась.

— Что с опытами, Алешка? — спросила она торопливо.

— Ничего! — схитрил Алешка. — Жду награды за удачу. Помнишь, ты мне однажды у моря обещала...

Майя засмеялась, но смущенно. Ведь она тогда была как опьяневшая.

— Алешенька, — снова заговорила Майя, — честное слово, не помню, какую награду я тебе обещала...

Она долго оправдывалась, выдвигала условие, чтобы он забыл ее болтовню и прочее. А он начал ершиться.

— Не бойся, рыцаря-победителя из меня не получи-

лось... С тобой разговаривает самый обыкновенный человечишко! — сказал он с ударением на последнем слове. — Самый обыкновенный...

Произнося эти самоуничижительные слова, Алешка посмотрел на окно и увидел, что Майя потихоньку опускалась и, должно быть, села на стул, потому что после этого ее не стало видно. Невидимая, она спросила с тревогой в голосе:

— Ты какой-то странный. Из нашей будки звонишь? Жди меня, я сейчас приду...

В этот вечер они снова сидели на горе Митридат. Алешка заметил, что их роли переменились.

Майя говорила с Алешкой обо всем на свете, говорила искренне, ему все время казалось, что она просто к нему снисходительна. Правда, ему приятно было сознавать, что в случае временной неудачи такой друг, как Майя, никогда бы не изменил к нему своего отношения, но в самом этом факте было все-таки что-то обидное. Алешка знал, что, приди он к Майе с полной победой, она бы не решилась его поцеловать, как обещала на берегу, но в этот вечер она отважилась...

Это для него было так неожиданно! Алешка начал было философствовать, но Майя рассмеялась и в наказание за пессимизм потрепала его за рыжий вихор. Потом ее рука соскользнула ему на шею, она притянулась к нему лицом и поцеловала. Прикосновение ее губ было мимолетным, почти неощутимым, но философская фраза, приготовленная Алешкой, тотчас вылетела из его головы.

Все дни, оставшиеся до их отъезда на учебу, они провели вместе: ходили купаться, ловили мясистых и скользких бычков, любовались чайками, бродили по степи. Однажды они решили отыскать там Николая Кленова и Нину. Им удалось набрести на геологов, но молодых практикантов среди них уже не было. Шофер, кокоторого Алешка узнал по сердитому голосу, сказал, что вчера отвез их на ближнюю станцию. При этом шофер не преминул сообщить о недовольстве Николая, которому пришлось втаскивать в вагон тяжелую поклажу с образцами глин, собранных Ниной.

— Настойчивая! — с восхищением сказал Алешка, припомнив о комочке глины, который подарила ему Нина в степи.

Пора было уезжать Алешке и Майе.

В тот вечер они в последний раз поднялись по древней лестнице. Сторож на горе Митридат по-прежнему им покровительствовал. И когда случалось, что их место на камне занимала другая парочка, тогда он пускал в ход всю силу своей власти и сгонял ее оттуда. Когда же на гору поднимались Майя и Алешка, он отходил на другой край горы и смотрел оттуда на огни города. И у ночных сторожей бывают свои причуды! Может быть, старика подкупила какая-нибудь мудрая Алешкина фраза, нечаянно подслушанная им в один из вечеров?

И вот наступил день сборов и прощаний.

За час до обеда Алешка поехал на кирпичный завод. В конторе ему сказали, что Максим Петрович уехал на товарную станцию принимать новый скрепер и вернется только к выгрузке первой партии новой черепицы из кольцевой печи. К огорчению Алешки, выгрузка назначалась на то время, когда он должен быть уже на вокзале. Секретарша передала практиканту характеристику, подписанную Максимом Петровичем, и порекомендовала зайти к «Пал Палычу», который в этот день вернулся из Симферополя. Директора Алешка знал плохо, поэтому заходить к нему не стал, а присел к столу, написал записку Максиму Петровичу, в которой, кроме благодарственных слов, сообщил о своем отъезде. После этого он направился в черепичный цех.

Зайдя в новый корпус, Алешка сразу же почувствовал, что период освоения пресса кончился и теперь здесь вовсю шла слаженная работа. По транспортеру скользили черепицы, к поворотному кругу и от него приходили и уходили вагонетки. Никакой суетни не было. На приемке черепицы вместе с Надей теперь стояла и Вера. Девушки встретили Алешку радостными возгласами. Щеки Нади сразу зарозовели...

Яков Михайлович по-прежнему суетился, но в его суете было уже нечто хозяйски осмысленное. Если он делал девушкам какое-нибудь замечание, то было видно, что они принимают это как должное. Старый мастер знал, что говорил. Алешка обратил внимание, что теперь на нем была новая синяя спецовка. Из нагрудного кармана торчала ланцетовидная ручка увеличительной линзы. Видимо, линза была предметом особой гордости старого мастера, потому что в разговоре с Алешкой очень уж поторопился он воспользоваться ею. Отломив кусочек сырой глины, он приподнял его щепотью и, вытащив

линзу, долго через нее смотрел, после чего передал Алешке со словами:

— Думается мне, Алексей, что старой глины все еще многовато... Интересно, что скажет огонь, — повторил он слова Ермолаича.

«Еще бы не интересно!» — подумал Алешка. Отправляясь на завод, он втайне надеялся увидеть прессовую черепицу уже обожженной. Только огонь печи мог сказать о ней всю правду. Все же Алешка поглядел через лупу на глину.

— Может быть! — согласился он и стал прощаться.

Девушки приглашали его приезжать на завод. Разбитная Вера даже намекнула про чье-то сердце, которое будет якобы страдать и сохнуть, при этом она поглядывала на свою подругу. Пока Алешка разговаривал с ней, Надя работала за двоих, но по ее движениям было видно, что она с нетерпением ждет момента, когда Вера ее подменит.

Подавая Алешке руку, Надя вытерла ее о фартук, хотя рука была совсем чистая. Только теперь Алешка заметил, что глаза ее были не совсем серые, а чуть-чуть голубоватые с радужными лучиками вокруг зрачков.

Алешке хотелось сказать Наде что-то хорошее. Если бы он не догадывался о ее чувствах, то хорошие слова нашлись бы сами собой, но теперь он старался их подобрать, а они, как назло, не складывались. Как-то получилось, что Алешка задержал в своей руке ее грубоватую ладонь и вдруг ощутил прилив настоящей нежности.

— Спасибо, Надя... за помощь...

Этого было достаточно, чтобы Надя почувствовала себя счастливой. Ей казалось, что при Вере Алешка не решается сказать большее. Так до последней минуты она осталась в полном неведении относительно истинных чувств, какие питал он к ней. Даже легкую тень грусти на его лице, подмеченную в минуту прощания, приняла она полностью на свой счет, хотя ей принадлежала только доля, потому что Алешке грустно было прощаться и с ней, и с Верой, и с новым цехом, поработать в котором ему по-настоящему не удалось.

Максим Петрович на заводе Алешку уже не застал. Он подоспел, как всегда, к разгрузке кольцевой печи. И на этот раз, засучив рукава кителя, приготовился к предварительному испытанию обожженной черепицы.

Но уже первая попытка Максима Петровича переломить черепицу вызвала смех мастеров. Черепица не поддавалась. Сделав вторую попытку, покрасневший Максим Петрович, как показалось многим, даже огорчился. Он посмотрел на товарищей своими серыми чуть навыкате глазами и сказал:

— Неужели старею?! Или она... не поддается.

Они стояли под навесом на грубом дощатом полу, где рабочие только что начали складывать черепицу. В цехах шла вечерняя пересменка, и многие девушки из черепичного цеха пришли посмотреть на выгрузку. Среди них были Вера и Надя.

Испробовав все свои приемы испытаний, Максим Петрович вдруг как бы случайно выронил черепицу... Ее неожиданный «вздох» слился со вздохом девушек. Но вздох девушек возник и замер, а черепичный стал медленно подниматься под крышу навеса. Черепицу снова подняли. Максим Петрович теперь уподобился скрипачу и, прижав черепицу ребром к плечу, начал стучать по ней железным ключом. Он как будто что-то у нее спрашивал, и всякий раз она отвечала ему чистым молодым голосом. Он заставил ее смеяться, и она смеялась. И все заметили, что в ее смехе не было того ехидства, которое услышали они у сарматского образца.

Наде казалось, что мастера непростительно умалчивают об Алешке. Еще никто не назвал его имени. «Не думают ли они приписать успех только Якову Михайловичу?» — спрашивала она у Веры. «А ты напомни им про Алексея Федоровича!» — посоветовала ей Вера шепотом. «Мне неудобно! — отвечала Надя. — Тебе лучше!» Она считала его таким близким, что стеснялась заговорить о нем, как стесняются говорить в таких случаях о родственниках. Выручила бойкая Вера. Когда Максим Петрович обратился к старому мастеру и поздравил его с «голосом», она громко сказала:

— А Алексей Федорович сегодня уезжает!..

— Ясно-понятно, — сказал вдруг Максим Петрович и посмотрел на часы.

Он отдал распоряжение старому мастеру, чтобы тот доставил ему в кабинет десять черепиц, которые просил музей, и пошел к конторе. Нести черепицы вызвались Вера, Надя и еще две девушки. Когда они занесли черепицу в кабинет, Максим Петрович что-то писал, потом попросил у секретарши конверт и, прежде чем напи-

сать адрес, на минуту задумался. Уложив черепицу около стола, Надя разогнулась и, бросив взгляд на стол, увидела, что на конверте было написано: «Алексею Мезенцеву...» Рука главного инженера готовилась сделать еще какую-то приписку, но подсматривать было неудобно, и Надя отошла в сторонку. Сделав надпись, Максим Петрович посмотрел на стопку черепицы, поблагодарил девушек и позвал секретаршу:

— Мезенцев уезжает с вечерним поездом, — сказал он ей, передавая пакет, — пошлите рассыльную, пусть найдет его на станции и передаст этот пакет.

Секретарша застенчиво улыбнулась:

— Рассыльная ушла с бумагами Пал Палыча...

— Все равно. Организуйте это как-нибудь... — И Максим Петрович показал рукой, как надо организовать, то есть как-нибудь вывернуться.

Вера, слышавшая этот разговор, остановилась. Она увидела для своей подруги счастливую возможность еще раз встретиться с Алешкой. Вера знала, что сама Надя на это не решилась бы, поэтому сказала:

— Максим Петрович, мы с Надей живем у вокзала. Давайте письмо, мы его найдем и передадим...

Взяв от секретарши письмо, она увлекла Надю в коридор и, вручая конверт, приказала:

— Неси, Надька...

Наде почему-то не хотелось брать это письмо. Сердце как-то странно защемило, что-то слишком горячее подступило к нему.

— Нет, Вера, я не понесу...

— Неси, Надька...

И Надя согласилась.

Не теряя ни минуты, побежала она к вокзалу, на бегу читая надпись на конверте: «Алексею Мезенцеву — победителю сармата!» Надя знала, что в письме — Алешкина радость. До отхода поезда был еще час. Можно было успеть, но, посмотрев на свое рабочее платье, она решила, что в таком наряде появляться перед ним нельзя. Дом, в котором жила Надя, стоял недалеко от вокзала. Можно было забежать и переодеться. Она так и сделала. Надев свое любимое сиреневое платье и сменив босоножки на праздничные туфли, Надя снова побежала к вокзалу.

Бежать в туфлях было неудобно, а идти медленно не позволяло время. Выйдя на зеленую лужайку, девушка

сняла туфли и припустилась до самой вокзальной изгороди, где снова обулась и уже спокойно вышла на шумный перрон.

Около вагонов толпились пассажиры и провожающие: они целовались, наказывали друг другу писать письма, кое-кто уже подносил к глазам носовой платок. Надя начала свои поиски от первого вагона: прошла один, второй, третий, а Алешки все не было. Она стала бояться, что не успеет найти его до отхода поезда. Наконец она увидела приметную Алешкину голову и подалась к нему...

Алешка прощался с высоким мужчиной, очень похожим на него. «Это его отец!» — догадалась Надя. Федор Степанович был побрит и казался совсем молодым. «Пусть отцелуются!» — решила Надя и стала дожидаться подходящей минуты. Тут она заметила рядом с Алешкой девушку в простеньком дорожном платье и беленьких босоножках. Девушка стояла к Наде спиной, но ей показалось, что она видела эти покатые плечи, узел темных волос, закрывавших шею... «А-а! — вырвалось у Нади, — это та-а... которая на завод приходила!» И догадка ударила по сердцу. Ей стало мучительно стыдно за свое нарядное сиреневое платье, за туфли на высоких каблуках, за свой приход на вокзал.

— Какой стыд! — шептала Надя.

Она хотела бросить письмо и убежать, но резкий окрик паровоза остановил ее. «Опо-о-омни-и-ись!» — гудел паровоз.

Оставалась последняя минута.

Надя мяла в руках конверт, не решаясь ни подойти к Алешке, ни уйти с вокзала. Ей хотелось плакать...

Затуманенными глазами смотрела она, как Алешка вскочил на подножку вагона, как подхватил приотставшую девушку, которая держалась за его локоть и чему-то смеялась. Алешка тоже чему-то смеялся. Вот он положил на ее плечо руку, вот что-то сказал ей — должно быть, что-то интересное, потому что девушка засмеялась еще больше и закивала чернявой головой.

Уже сдвинулись колеса вагона, уже паровозный поршень начал выговаривать: «Уфф, нам пора!.. Уфф, нам пора!» — а Надя все стояла и смотрела на серый конверт. Синие буквы то разбегались по нему, то собирались в ровную строчку: «Алексею Мезенцеву — победителю сармата». Надя знала, что в этих строчках —

Алешкина радость. Она сама была причастна к этой радости, она сама — победительница... этого самого... Надя взглянула на подножку вагона, где по-прежнему стоял Алешка, придерживая веселую смуглянку, и рванунулась с места...

— Алексей Федорович! — крикнула Надя...

Алешка ее заметил, их взгляды встретились. Наде показалось, что в этот момент поезд даже замедлил ход. Но это только показалось. Поезд двигался дальше. Выбросив вперед руку с письмом, не беспокоясь о высоких каблуках, Надя побежала за вагоном. Алешка поймал ее руку, и так она сделала еще несколько шагов, потом остановилась и заметила, что конверта в руках не было. Надя облегченно вздохнула. Алешка махал ей серым квадратиком, а она стояла и смотрела вслед.

Май, 1952 года

Публикация Л. ФЕДОРОВОЙ

ПОЭТИЧЕСКИЙ ГЛОБУС

Лучезар ЕЛЕНКОВ

ПОЭМА О КОММУНИСТАХ

Творчество хорошо известного советскому читателю видного болгарского поэта Лучезара Еленкова от самого своего генетического истока неразрывно связано с такими высокими понятиями нашей эпохи, как коммунистическая партийность, гражданственность, патриотизм и интернационализм. Произведения Л. Еленкова — будь то поэма или стихотворения лирико-философского характера — исполнены пафоса обновления и созидания нового мира, в них отчетливо звучат темы исторической памяти болгарского народа, прошедшего на протяжении многих веков трудный и славный путь борьбы за национальную независимость, за свободу, темы, пронизанные любовью и братской признательностью России, народам страны Великого Октября. В центре многих поэм Л. Еленкова — образ коммуниста, пламенного героя, антифашиста, отдающего жизнь во имя революционных идеалов.

Коммунист и художник социалистической литературы, человек большого личного обаяния, Л. Еленков неутомимо и плодотворно занимается общественной деятельностью, он является главным секретарем Союза болгарских писателей, возглавляет болгарскую редакцию журнала ЦК ДКСМ и ЦК ВЛКСМ «Дружба». Его поэтический труд отмечен премией Димитровского комсомола. Лучезар Еленков подвижнически предан делу дальнейшего укрепления наших, освященных богатыми традициями, литературных взаимоотношений, развитию контактов между советскими и болгарскими мастерами искусства и культуры. В разные годы и в разных местах на болгарской земле и в Советском Союзе — на интернациональном поэтическом вечере в Софии и на творческом вечере Еленкова в Москве, во время выступлений под открытым небом у величественных каменных остатков древней Плиски и возле крепостных стен в Видине, в родных краях поэта, — мне доводилось быть свидетелем того, как любят и чувствуют взволнованное поэтическое слово Л. Еленкова его соотечественники, его советские друзья.

В июле нынешнего года поэту исполняется 50 лет. Для Л. Еленкова этот юбилей не только своеобразная пора подведения творческих итогов, но и время осуществления новых художественных

замыслов, ибо щедрый, самобытный талант поэта, чуждого по сути природы его лирической энергии самоуспокоения, находится в прекрасном расцвете. Думаю, что, желая нашему болгарскому другу счастливого продолжения творчества, читатели «Молодой гвардии» с интересом воспримут и по достоинству оценят его «Поэму о коммунистах».

Сергей БОБКОВ,
секретарь правления Союза писателей РСФСР,
лауреат премии Ленинского комсомола

1

Три Времени произрастают в человеке.
Из прошлого, из будущего, из настоящего —
в распахнутое окно сердца
средь дней моих сияющих,
средь полночей застывших
входят мертвые, живые и грядущие
коммунисты.
Три Времени во мне произрастают —
себя то в птичьей стае обретают,
то в крепко сжатом кулаке.
Три Времени, как пахарь, сеют слово,
клянутся в вечной верности сурово,
подъемлют знамя красное в руке,
с кровавою зарею в бурю дружат
и над рубахами простреленными кружат.
Три Времени произрастают в человеке.
А человек идею защищает,
которая порой меж звезд витает,
она с почти немыслимых высот
в грядущее пускается —
в полет.
Ныне —
от очага под крышею дощатой,
что крепится надеждой небогатой,
от огонька, что сердце запалило,
от гневных гнезд — в них алые чернила
для песен, гимнов и воззваний, —
от стука башмаков в тюремной рани,
от медных труб, зовущих в бой солдата,
от рая жизни
и до смерти ада,
от мук до счастья,

что всю жизнь куется
и для детей навеки остается,
от битвы за свободу дерзновенной
до песни соловьиной вдохновенной,
как винт, всему необходимый, —
коммунист,
опора наша и основа.

2

Лес Бузлуджи гордый, лес Бузлуджи
мудрый, высокий —
зал засекреченный,
где первой марксистской когорты
звучат голоса и бушуют аорты —
взрывают ораторы ворота гнетущего мрака
в Болгарии.
Совсем не случайно
Преображенье —
для партии новой дата рожденья.
Столетние буки не просто героев прикрыли,
столетние кроны, как крыши над ними сплетая,
а силу они, всенародную силу явили,
и символом стала их мощь вековая.
От знойного солнца потрескались скалы,
пожухла трава от жары небывалой,
и полдень, спускаясь, сверкает, искрится
над полем, над сельскою черепицей.
Димитрий Благоев — среди голубого простора,
голубизна в глубине его взора,
но в сердце отважном
он прячет тревогу,
которая в бой поведет, указуя дорогу.
Но все это после —
в грядущих рассветах багряных.
А ныне, на съезде в Балканах,
мечтает Димитрий Благоев
о битвах за счастье людское.
Вы — по времени первые,
приняли первые раны,
вы — дети эпохи, где еще управляют тираны.
Крутою тропою идете в рабочие будни,
труд ваш подвижнический
для эпохи пророческим будет.

Вновь птица свободы
гнездо свое вьет в наших скалах,
и кружит она,
созывая удалых,
и винт своих крыльев
закрутит над лесом, над пожней
птица бессмертная юности вашей тревожной.

3

Где потонул ты
в тумане жизни и неблагодарной истории,
товарищ Загубанский, — курьер
газеты «Искра» и носильщик будущего?
Осталась лишь
в истрепанном временем и пожелтевшем документе
жизнь твоя —
от маховика типографии в Женеве
до самой секретной явки в Одессе.
А может, спички острый язычок
все, что хранилось, уничтожить смог?
А может, пламя верного огня
в отеле, от лихой беды храня,
арест предотвратило и провал,
спасло тебя, товарищ коммунист?
Носильщик революции шагал,
неся свой чемодан, — двойное дно
скрывало нелегальный материал.
Но ты душою ясен был и чист,
душа не с дном двойным, а, как окно,
распахнута в огромный мир...
В Одессе схваченный,
во тьме, в тюрьме сырой
ты выиграл свой бой.
. . . .
Летит экспресс,
клокочет пар в котле,
стальные рельсы вьются змеевидно,
и из окошка панораму видно
мятежных сел балканских на земле.
От солнца темной шторкою прикрыт
товарищ Загубанский, он не спит...
Бессонница твоя —
пароль эпохи!

Никто не слышал твои стоны, вздохи,
никто не знает, как ты в жизни жил.
Лишь знают — честно партии служил.
Одну подробность в памяти храним:
известно нам, что вовсе не для вида
в твой лацкан с ядом ампула зашита,
и пистолет с отнюдь не холостым
патроном под рукой... Долг и защита.

4

Летят самолеты над тонкой морскою дугой,
как будто бы ищут на глади морской
следы от винта корабельного...
                                        Иван Загубанский
в Одессу плывет нелегально из дали балканской.
Овеяны смелостью
тревоги его бытия.
И бережна память об этом моя.
И дышит грудь моя, и винт корабельный
уносит с мечтою
порыв молодой, беспредельный —
к заветному берегу...
Экраном натянуто синее море,
на этом экране навеки остались
и подвиг, и радость, и горе.
В историю я, словно в бездну, ныряю,
я скрыт перламутром волны, но вот я взлетаю,
соль жизни из темных глубин извлекаю.
И вижу я судьбы людей —
то люди стальные,
они в наши души вошли, как живые.
Удары мотора и глухи, и четки
на скрытой туманом таинственной лодке.
Два спутника в шляпах широкополых
оставили город заснувший,
два спутника в шляпах широкополых
отправились к доле грядущей.
С заданьем опасным и трудным
в Москву уплывают они этим судном,
Димитров, Коларов — друзья нераздельны.
Вращается медленно винт корабельный...
Вдали уже судно, не больше ладони,
но нет, все же им не уйти от погони...

Теперь им судьба не пошлет адвоката,
ввинтит их в круги казематного ада.

Винт нашей мечты,
нашей правды высокой,
он нас поведет и обратной дорогой,
и вновь через море. Опасное дело,
но кто остановит дерзающих смело?
Стальная подлодка всплывает у Камчии,
фашисты огнем встречают десант.
Но кто остановит героев?
И смерть здесь беспомощна, даже усилья утроив.
А винт в небе, плавно и споро
разрезая серебряную ленту простора,
меня возвращает на сегодняшний берег.
За тонкою белой завесой в августовском тумане
от города Ильичевска к пристани Девня
гремящий могучий винт
движет в волнах
тысячесильный огромный паром.

5

По винтовой лестнице миноносца «Дерзкий»
в море у Варны, черном и бурном,
пиринский моряк, поэт Никола Вапцаров
восходит из трюма к чайкам и солнцу.
Серебряный ветер, от моря соленый,
чела овевает на ниве зеленой,
и жницы, повязанные платками,
песнь как молитву поют со слезами.
Но бог высоко, бог для бедных неверен,
а винт корабля неустанно размерен.
А время спирально винтом закружилось,
в земле иберийской оно очутилось,
и время смотрело глазами поэта,
которым Испания страстно воспета.
О нем зарыдают в Испании люди,
но все это будет,
да, все это будет...
А нынче — пленительный запах медовый
среди виноградников жаркой Кордовы.
Мигель, старший сын Эрнандеса,
ведро в окно колодца опускает,

оно как винт вкрутилось в гущу вод,
а птица пестрая над головой поет,
и ввинчивается звонкая трель
в отзывчивое сердце поэта,
и сам он тогда превращается в птицу,
что с ветки маслины поет в час рассвета.
А «Дерзкий» покачивается на море,
и пестрая птица звенит на просторе...
Коммунист Вапцаров, коммунист Эрнандес —
словно бы по винту нарезному,
отправляются каждый навстречу другому,
и оба умрут одинаковой смертью...
Простерты они на цементе.
Навеки остались в легенде.
Кто их пожалеет?
Невидимый винт им впивается в душу,
жизнь с кашлем предсмертным выходит наружу.
К столбу привязали поэтов.
Кто их пожалеет?
Ствол нарезной — на уровне сердца,
в нем пуля таится.
Друг друга не зная, два славных поэта
свой взгляд не отводят от вражьих винтовок,
улыбка едва на устах промелькнула —
и взвилось над ними багряное знамя,
трепещет высоко над их головами.

6

Дым над трубой восходит лентой,
и светят яблоки, как лампы, на гибких ветках.
Ужель соседи наши живы — старики,
которых жизнь согнула вдвое,
к земле приблизив?
Наверно, здесь они, в своих заботах.
Стою у двери — ангел в тишине —
и во дворе отыскиваю взглядом
под тенью крон я нечто дорогое.
Печально жили старики. Кровоточили души.
Борьба от них взяла двух сыновей.
Видение в моих глазах возникло...
Тогда переносили кости отцов и сыновей,
исчезнувших в мятежные двадцатые.
От ямы, что отрыли у реки,

от ямы, у которой
горели раньше тайно свечи и цветы светились,
гробы поплыли на руках людей к могиле братской,
на городскую площадь
в час нашей торжествующей свободы.
Шла в полдень погребальная процессия
через согбенное село,
что было в сердце ранено.
Оно без слов стонало.
У ворот, моста и родника
плач разрастался,
                наклонял
выкручивал вершины буков.
И клятвы слышались,
и кулаки сжимались,
и пробивал салют винтовок
ультрамарин над сельскими холмами.
Гробы открыли.
Над ними закачались
платки полуночные матерей,
седые косы жен.
Я ничего не видел за толпой.
На цыпочках тянулся из-за взрослых.
Кричали над костями женщины.
Я проскользнул и замер у гробов
соседки нашей.
Она их обняла, упав на них,
и вдаль куда-то мыслью уносилась
от митинга и дня свободы,
                куда-то вдаль.
И муж, ее спасительная пристань,
все гладил женщину
по вздрагивающим плечам
и обнимал, чтоб не ушла она с детьми
вновь в землю.
Одна несчастная узнала мужнин шелковый платок,
поднять его хотела,
но шелк истлевший обратился в пыль,
как снег, нежданный и сухой,
засыпав страстную мечту,
что к ней вернется муж, что он живой...
Дверь заскрипела, и мое виденье
из детства синеокого
исчезло во дворе, в тени деревьев.

Дым, поднимаясь от трубы, дошел до неба.
И скорбно извивался он вверху,
как жизни расплетавшийся клубок, —
здесь в тихом и трагичном доме
душевной боли и свободы.

7

Снег, северный снег закружился над полем,
по пояс шоссе завалил от Видина к белому городу,
родному, застывшему в скалах,
таящему в каменной памяти
горячие чувства
пернатых,
зверей,
человека.
Я понял, насколько абсурдна,
насколько логична замерзшая, теплая жизнь.
От полюса к полюсу мечется,
от ненависти к любви.
Скрывается в раковине.
Волнами хлещет.
И вот в эту лютую зиму
деревни не спят в летаргии.
Свобода, Свобода, Свобода...
Горячих собраний упорство,
и радость,
и новые взгляды.
Деревни не спят в летаргии.
Пророкам минувшего с кузнецами грядущего
сойтись не на жизнь, а на смерть.
Спешу я. Смотрю на часы. Меньше часа осталось.
Ищу я проход в гуще волчьих, озлобленных стай,
меня за холмом ждут в деревне,
в набитой народом читальне.
А рядом со мною шофер.
Русский «джип» подарен Толбухиным,
перешедшим Дунай возле Видина.
Колеса скользят по шоссейному льду,
как по танцевальной площадке.
А волки вокруг — блеск голодный в глазах,
и злобно бегут за машиной.
Шофер вынимает наган,
он стреляет в метель,

в остервенелую стаю.
Но волки, как сфинксы,
в ослепительно белой пустыне
застыли и смотрят в упор.
За дымящимися от бега волками
в сумерках зимнего дня
доносится грохот вагонов,
летящих по склону в мой город.
И в белом аду белой смерти
ремсист * заряжает последним патроном наган.
Он точно попал — волк взлетел
и рухнул за первым сугробом.
Наверно, вожак это был — прорвалась блокада,
и волки растаяли в замети снежной.
А мы, в снег проваливаясь по пояс,
до теплого дома дошли.
Наутро,
когда успокоились страсти собранья,
за первым сугробом
попали мы в петлю лютой классовой злобы —
стреляли по нашему «джипу» враги из обреза,
и рядом со мною ремсист застонал,
в снег наган свой роняя...

8

Конь революции — «джип» — замер в засаде.
Юный шофер... Уже отрешенность во взгляде...
Я тоже ранен, и кровь из плеча бьет струею, —
все это я называю судьбой роковою.
Все это в памяти,
этого не забываю
и на тяжелом и долгом пути коммуниста
горькой своею виною считаю,
что не сберег я парнишку от пули фашистской.
Годы идут, и печалюсь о нем, как о сыне,
и замечаю порою
что открываю черты молодого героя
в юношах, встреченных ныне.
Винт пятилеток скорость в труде набирает,
и рядом со мною шагает

* Ремсист — член Революционного Союза Молодежи.

тот паренек...
В самоотдаче —
высшая правда,
судить не могу я иначе.
Мы стремились страдой революционной
выявить в людях этот порыв окрыленный.
Не расстаюсь я со стареньким пистолетом,
символ борьбы в нем
и памятник нашим победам.
Кто ему дал — товарищ ремсистский,
тот пистолет под расписку?
Коммунист из соседнего города,
с кем защищали свободу
честно и молодо?..
Дерево есть
в осиротелом селенье,
дерево — это антенна,
из сердца героя она поднялась,
чтоб поколенья
держали связь.
Жил паренек с одною мечтою желанной:
взмыть по шоссе на «джипе»
до Петрохана,
чтобы оттуда единым и радостным взглядом
все охватить, что раскинулось рядом, —
эту равнину, схожую с рогом,
волны Дуная в разбеге широком,
древние гряды Старой горы за Тимоком,
что обнялись в своем братстве высоком.
Но почему жил он с этой мечтою,
с этой мечтою, такою простою?
Может, ровесников прозорливей
был он, мечтая стоять на обрыве,
видеть людей между гор и на ниве?
И не глядит ли парнишка тот ныне
на трактора, что плывут по равнине,
зябь поднимая от края до края,
радость и жизнь из земли извлекая?
Мы же, витийствуя неукротимо,
самоотверженность в нем проглядели,
С «джипом» парнишка неразделимо
жил и летел к ослепительной цели.
Он неразлучен
был с «Капиталом»,

урывками спал он, довольствуясь малым...
Умер парнишка зимою жестокой,
мы же остались с его светлоокой
верой, что рушится зло
окончательно.
...Шахта возникла вблизи от могилы;
высвобождая подземные силы,
винты-трубобуры вращались,
вонзаясь
в толщу земную...
Вышки с деревьями объединялись,
словно антенны
над нашей позицией.

9

Позиция!
Не случай и не бог
вершат судьбу. Достичь победы мог
лишь человек... Она как меч и щит —
она в делах и в разуме царит.
Она на свет отвагой рождена,
самопожертвованием
сильна.
Позиция, —
вращающийся винт, —
пока я жив, во мне живи!
Оптимистическою верой назови,
двадцатое столетие, ее.
Позиция — ты наше бытие.
Клянется вождь, клянется рядовой:
— Нам жить борьбой!
Вот скачет романтический табун,
вот чаша звезд, прозрачная до дна,
вот август в гуще рощ коснулся струн,
мелодия кузнечика слышна.
Я знаю: пасторальный этот вид
земля тысячелетия хранит.
Но жить не в пасторали нам —
в борьбе!
Неповторимо все в моей судьбе:
в рабочем клубе речь,
суровый марш,
забота, чтобы мир насущный наш

коммунистической идеей был согрет,
огнем своих немеркнущих побед.

Опорные рубежи коммунизма —
между полноводными венами Волги, Дуная, Одера,
Дравы,
от нефтяных гейзеров Сахалина
до вечерних пальм Кубы,
на всех реках, морях, горах, полях —
везде,
где миллиардное человечество
трудится,
добывая равенство, хлеб и свободу.
Позиция — наш якорь,
он достигает глубин
человеческих душ.

10

Иду из будущего — в будни,
в праздник,
а надо мной болгарская лазурь.
Я не далекий гость,
я соучастник,
я альбатрос,
влюбленный в грохот бурь.
Я не уйду с рабочего поста.
Из будущего слышу гул винта.
Мне жить в порывах, рисковать собой
и чувствовать, как бешено пульс бьется,
таким мне быть под ясною зарей,
таким мне быть и если тишина взорвется.

Носильщики будущего —
бездомные,
счастливые,
непримиримые,
первопроходцы идеи —
несут на своих крыльях груз прогресса
и не щадят себя.
Нынче на встрече Трех Времен
один из них — носильщиков будущего —
по лучу прекрасных чувств

входит в мою душу,
и потому
на фронте иль на ниве труда
голос мой будет его рупором.
Я прошел сквозь очи сотен идущих,
уходящих,
живущих в будущем людей.
Одних я узнал поименно,
а других —
тех, расстрелянных, из воспоминаний и музеев,
из ям, омутов, оврагов,
из-под гордых знамен, из-под черных платков
я пытаюсь вернуть
к жизни.
Под гул винта времен,
перемоловшего эпохи, жития, теории, людей,
только носильщики будущего
в будущем снова живут.

Перевел с болгарского Олег ШЕСТИНСКИЙ

Рис. Ю. Макарова

Валерий ГАНИЧЕВ

РОСС НЕПОБЕДИМЫЙ

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Историческое повествование. О событиях конца века XVIII, о дальних походах, свершениях, сражениях, потрясениях и мыслях людей того времени, о славе и горестях России.

Коль тщетно Запад, Юг, и Север, и Восток,
Вы изощряете противу Россов стрелы!
Пребудет Россом Росс... непобедим, высок;
Трофеи... честь его, вселенная... пределы.

Ермил КОСТРОВ

У ВЕКА НА ВЕРШИНЕ

Пролог

Кончался XVIII век. А с ним многое рушилось. Задумалась дворянская Россия, ведь разваливался старый мир, горели имения и замки вдали. Да что имения, перестала существовать французская империя. Какой-то безвестный, но яростный священник под гул одобрения тысячеголовой гидры французского Конвента кричал о королевских фамилиях: «Дворы — это мастерские преступления, очаги разврата, логовище тиранов». Что-то непонятное, кроваво-красное возникало на обломках могущественной Франции.

А за океаном, как бы вынырнув из его глубины, рождалась новая держава, американская, сокрушившая свою непобедимую дотоле коронованную владетельницу. Держава без монарха-самодержца, без крепостных! Были, правда, рабы, но то люди черные. Везде переставали верить в бога, в господина. Перестали подчиняться старшему, родовитому. Земля любит навоз, конь — овес, а баре — принос. Неужели перестанут приносить?

С ранним солнцем тянулись на поля крестьяне. Косы, серпы, вилы топорщились во все концы от этого моря людей. А вдруг все это обратится в оружие санкюлотов, или еще страшнее — в пугачевский смерч? Да нет, как можно лишиться всего, чем обладаешь, из-за бредней каких-то философов, из-за архисумнительных книг? Нет. Пусть не извращают истины, не портят нравы людей. Да и не люди те, что идут на поля. Не люди, а холопы, слуги, рабы даже...

Но все равно рождалось беспокойство. Что произошло? Как не уберегли богатства и голову французские короли? Куда мчатся Северные Американские Штаты?

Часть первая напечатана в журнале «Молодая гвардия», 1983, № 12.

Что будет с Россией, если дать послабление поселянам? Ну, не отменить крепостное право, а помягчить. Да и купцы, другие сословия рвутся места хорошие занять. А что будет с дворянством? Куда родовитым, знатным да просто служилым? Задумывались. Ломали голову... Но не все. Мало ли какого мора, душегубства, греха не обрушивалось на Россию. Да все проходило, смывалось годами. А они, их родичи жили и существовали и жить будут. А смутьянов поставят на место или голову отсекут!.. А вдруг не поставят?..

Великая императрица Екатерина испугалась. Возвратила из Франции всех своих подданных. А тем, кои не желали возвращаться, пригрозила конфисковать имущество. За каждым французом в России установили наблюдение. Оставшихся привели перед алтарем к присяге, осуждающей казнь короля и заверявшей в верности монархии. А если бы кто из них оказался подозрительным, — «таковых повелеваем выслать тотчас за границу». Сам директор почт России Пестель просматривал все письма иностранцев и подозрительные отсылал императрице. Горе тому, кто пытался хвалить якобинцев и не любил российского порядка. Даже своих многолетних и верных слуг, придворного библиотекаря Дюпуже и воспитателя внуков Сибура, отправила Екатерина в Сибирь. Второй воспитатель, Лагарп, был выслан из России.

Часто можно было видеть тогда надвинувшего шляпу на уши и задремавшего в трактире соглядатая, шныряющего на базаре между возами и лавками сыщика, слушающего внимательно послемолитвенную болтовню доносчика.

«Неизвестных людей терпеть... не надлежит, а напротив, через полицию обо всех без изъятия обстоятельно выяснить: отколь кто приехал, с каким паспортом, за каким делом и к кому, у кого точно квартиру имеет и в чем упражняется. Во всех трактирах и публичных местах иметь своих людей, чтобы знать, кто в них ходит и что там говорят; а притом ни под каким предлогом не позволять там оставаться долее одиннадцатого часа, а ослушников брать под караул. На больших дорогах, в корчмах и шинках, как в городах, так и в местечках тоже... за всем сим примечать и немедленно нам доносить...» Такого рода документы определяли регламент каждой губернии. Все стены тогда имели уши, а окна глаза. Полицейские везде искали бунтовщиков и якобинцев. Зная нена-

висть императоров к последним, чиновники на местах старались обнаружить и обезвредить, предать наказанию как можно больше якобинцев. Задавили бунтовщиков Костюшко в Польше, сослали Радищева, запретили пьесы Капниста, посадили в Шлиссельбургскую крепость Новикова. Свистел кнут, гремели кандалы уходящих в Сибирь каторжников. Не пройдет французская зараза в Россию! Не пройдет!

Слова, любимые тогда во Франции — «гражданин», «общество», «отечество», — коронованный после Екатерины Павел запретил употреблять в империи. Галстуки, повязки на башмаках, косынки красные, круглые шляпы — все полетело в костер, французский язык изгоняли из учебных заведений.

Посрамлялись возносимые доселе на пьедестал Вольтер и Руссо. Вместо их книг появились: «Вольтеровы заблуждения», «Изобличенный Вольтер», «Мысли беспристойного гражданина о буйных французских переменах», «Ах, как вы глупы, французы», «Излияния сердца, чтущего благость единоначалия».

Гонялись за двусмысленными французскими карикатурами полицейские. А сколь серьезен оказался французский политический анекдот! Сама императрица «наистрожайше запретила печатать их в «Московских ведомостях». Сии «Пасквили» и «Сатиры» были очень дальнобойные и язвительные.

Увеличились Московский и Петербургский гарнизоны, ко двору никого новых не брали, выросло число цензоров и шпионов. Не пройдет французская зараза, не пройдет!

Но было и другое в государстве. Ведь на чуткую российскую душу, на беспокойный мятежный ум лучших сынов ложилось европейское просвещение, не давал заснуть совести народ. Оглядывались и поражались они. Как можно держать в рабстве себе равных? Откуда такая алчность, грабеж и жестокосердие помещиков? К чему сии чины и ленты и бесчеловечное вельможество, весь этот блеск внешности, если торжествует зло?! Для них и самих это было нестерпимое открытие и спешили поделиться осуждением сим с ближними. Горе им! Шлиссельбургская крепость, далекий острог или изгнание за рубеж ждало всех, кто открыл вдруг широко очи свои, кто уразумел то, что другие понять не могли. Кто решил преграду поставить самовластию и тирании, лихоимству и

нечестности, хотя бы за-ради примера позднейшему потомству... Но нет, не пропадут их усилия. Потомки будут славить их и учиться мужеству у славных сынов сиих!

...Под перезвон топоров и колоколов, хлопанье парусов и весел, громы пушек и стук кузнечных молотов, стон крепостных и торжественные «виваты» в честь знатных побед над неприятелем заканчивала Россия XVIII век. Была она держава наипервейшая. Больше всех производила металла, ткала полотна, собирала зерна. Тридцать шесть миллионов жителей обитало на четырнадцати миллионах квадратных верст.

Великие виктории одержаны были в конце века. Полководец первой статьи Румянцев рассыпал строй солдат и разгромил превосходивших его в силах турок при Кагуле и на высотах Шумлы. Слава Суворова была повсеместна. За ним были Кинбурн, Рымник, Измаил. Победы фантастические! О его неутомимости, энергии, стратегическом уме знали все: и битые им османы, и союзные австрийцы, и англичане, и соперничающие французы. Морской гений Ушакова старались не замечать. Незнатен, необходителен, не склонен к изящному иностранному стилю. Но как не замечать? Победы-то под Фидониси, Тендрой, Калиакрией с холодком на спине обсуждали не только в Стамбуле.

Расцветали науки. Имена великого Ломоносова, ученых Эйлера, Севергина, Палласа, Лепехина, Зуева, Дашковой были известны академической Европе.

Славные победы российского оружия повлияли и на отечественную музыку. Музыканты, «имевшие итальянские и французские уши», вдруг услышали песни своего народа. Русская мелодия зазвучала в операх Соколовского и Фомина, в кантах Березовского и Бортнянского, потянулась тонкой ниточкой из-под скрипки виртуоза Хандошкина. Победные марши, панегирические песнопения, звучные гимны обрамили великие виктории. Знаком времени был скрестивший музыку Козловского со словами Державина торжественный полонез «Гром победы, раздавайся», что стал фактическим гимном России.

Кисти Антропова и Аргунова, Левицкого и Рокотова воссоздавали и уносили в века полных очарования русских женщин, их легкую задумчивость и грустную улыбку, зримо давали почувствовать бремя государственных забот, лежащих на плечах глубокомысленных и слегка напыщенных горделивых мужчин. Баженовский дом

Пашкова напротив Кремля и фальконетовский Петр на вздыбившемся коне в центре Петербурга показали, что руке, разуму архитектора и скульптора подвластны все вдохновенные замыслы.

Зачитывались грамотные люди одами Державина и Ломоносова, пьесами Капниста и Фонвизина, сочинениями Карамзина и Эмина, журнальными статьями Новикова и Болотова. Самый большой русский поэт конца века Гавриил Державин, взирая на невиданные подвиги чудо-богатырей Суворова, с восхищением, гордостью и некоторой грустью обращался к царям: «Чего не может род сей славный... свершить?» И, не видя ответного помысла с береженьем относиться к людям, взывал:

Умейте лишь, главы венчанны,
Его бесценну кровь щадить.
Умейте дать ему вы льготу,
К делам великим дух, охоту
И правотой сердца пленить.
Вы можете его рукою
Всегда, войной и не войною
Весь мир себя заставить чтить!

...Узким клинышком от Полунощного Ледовитого океана входила в шестнадцатом веке Россия в плодородные земли самой большой низменной равнины Европы. Гигантским державным лемехом, протянувшимся от северных лесов до знойных степей Таврии, вспахивала она ныне, в восемнадцатом веке, южные черноземы.

Страна ширилась, осваивала новые просторы. Деятельные и энергичные ее сыны — землепроходцы уже прошли по каменистому побережью Камчатки и Чукотки, утвердились на Аляске и спокойно остановились, передыхая, под пальмами Калифорнии.

Распахнула Россия и морское окно на юг. Ее флот вышел через Черное море к османским землям, древнему Египту, библейским долинам Леванта, к средиземноморским странам Европы, в Азию и Африку. Бывшая дикая степь Причерноморья еще недавно была порубежьем. А когда-то давно жили здесь древние русы. Легендой, мифом, сказаньем казалось то время, когда был здесь южный край Киевской Руси. Ныне две кровавых войны освободили земли от османов. Ушли они. Началось новое заселение. Знойная степь, поросшая ковылем, неприветливо встречала первых поселенцев. Не хотела отдавать сразу своих кладов, не преподносила даровых урожаев. За-

суха выжигала все посевы, а серая перепончатая саранча выгрызала оставшиеся хилые росточки. Дикой и черной казалась степь: беспородной. Не один крест добавлялся тогда на еще не заросших кустами сельских погостах.

Но пришли и другие годы. Дул западный ветер, шли теплые дожди, тучными становились нивы. Невиданные урожаи пшеницы собирали. Куда хлеб продавать? Не беднякам же раздавать. За границу как-то непривычно и до лифляндских портов далеко. В Херсон надо везти, в Николаев, в Керчь — недалеко ведь! В Херсоне, правда, перегружать надо с речных кораблей на морские, а в Николаеве порт в основном оборудован для строящихся там кораблей. Нужен, нужен был там, у незамерзающего теплого моря, большой порт — порт торговый, стоянка для своих и иноземных кораблей, место торговых сделок и купеческих прикидок. Порт для тех, кто готов подрядиться на близкие перевозки товаров и на дальние удачливые походы в погоню за прибылью. Широко раскинулась Россия, и там, на юге, как и везде, в конце века, как и в другие годы, ждали, надеялись, думали о лучшем будущем русские и украинцы, молдаване и болгары, греки и армяне, немцы и сербы, евреи и поляки — все те, кто заселял эти новые российские земли.

ЗА КАРТОЧНЫМ СТОЛОМ

В шесть вечера шел обычный прием. Екатерина рассеянно проходила вдоль рядов выстроившихся вельмож, иностранных дипломатов, генералов. По ходу бросила незначительную реплику князю Голицыну. Многозначительно улыбнулась фрейлине Протасовой и поспешила за любимый карточный столик. Тут, как всегда, собрались постоянные партнеры: граф Разумовский, фельдмаршал Чернышев, князь Голицын, графы Брюс и Строганов, князь Вяземский и французские эмигранты — граф Эстергази и маркиз д'Аламбер.

Играли в винт по десяти рублей робер. Екатерина веселилась. «Веселость — вот единственное средство, которое помогает нам все превозмогать и все перенести», — любила говорить она. Вот и сегодня прихохатывала и плутовала. Камергер Чертков пыхтел, был недоволен, когда она явно жульничала, потом не выдержал и бросил карты: «Так не играют». Графы и посланники замерли,

а Екатерина, явно довольная, что надула партнера, добродушно засмеялась и обратилась к французским эмигрантам: «Господа, да объясните вы ему наконец, что я играю вполне правильно».

Чертков уже не владел собой и крикнул: «Да, хорошие посредники, они собственного короля провели». Екатерина нахмурилась и уже грозно приказала: «Замолчи!» Отодвинула карты и в скорбной задумчивости обратилась к д'Аламберу и Эстергази: «У меня, господа, не идет из памяти, как нация за несколько лет преобразилась, как люди из послушных подданных и верующих глубоко в бога превратились в стадо безбожников, разбойников и глумителей».

Д'Аламбер потрогал острую бородку и сказал: «Да, ваше величество, это необъяснимое божеское наказание. Но это объясняется нашими грехами. Все молодые люди стали неверующими. Под видом просвещения шло развращение. Вольтер стал выше церкви. Энциклопедия заменила библию. Они выбросили сердце и поставили во главе всего свой узкий разум. Народ ленился и небрежничал. А дворяне погрязли в удовольствиях, не пеклись о троне и защите короля от врагов внутренних».

Екатерина задумалась, казалось, прикинула, что из сказанного имеет отношение к ее империи. Встала, подошла к окну и вдруг со злостью сказала: «Я уже говорила французскому наследнику: ваша страна погибла от того, что там все предаются разврату и порокам. Опера-Буфф развратила всех. Я думаю, французские гувернантки все проститутки... Я уверена, что во Франции, как в России, ведь почти все люди любят монархию. Она должна быть абсолютной, и лишь этот сброд депутатов, эта конвентная гидра о тысяче двухстах головах действует против воли всех. Все эти крючкотворцы и сапожники, адвокаты и слуги. Как могут сапожники вмешиваться в дела правления? Сапожник умеет только шить сапоги».

Эстергази соглашался и видел причины революции в заговоре философов и злодеев иллюминантов против монархов. Революция — порождение сатаны, но и кара, ниспосланная свыше.

Екатерина ходила по комнате между карточным столиком и тумбой, доходила до окна, смотрела на Неву, резво поворачивалась и решительно шла вперед, раздувая ноздри. Все, кто только что безмятежно играл в пустые игры, наполнились тревогой. Вспомнили, что еще пятнадцать-

двадцать лет назад императрица не расставалась с сочинениями Вольтера, с «Эсприт» Гельвеция и с сочинениями Жан-Жака Руссо. Она гордилась своим вольнодумием и философскими взглядами, а кое-кто в 1778 году переписал ее шутливую эпитафию себе: «Здесь покоится тело Екатерины II, родившейся в Штеттине 21 апреля (2 мая) 1729 г. Она приехала в Россию, чтобы выйти замуж за Петра III. 14 лет она составила тройной план: нравиться своему супругу, Елизавете и народу — и ничего не забыла, чтобы достигнуть в этом успеха. 18 лет скуки и одиночества заставили ее много читать. Вступив на русский престол, она желала всеобщего блага и старалась обеспечить своим подданным счастье, свободу и собственность; она охотно прощала и никого не ненавидела. Снисходительная, жизнерадостная от природы, веселая, с душою республиканки и добрым сердцем, она имела друзей. Работа для нее была легка. Общество и искусство ей нравились».

Да... «С душою республиканки». Но то было раньше. Сейчас же она распрощалась с иллюзиями и заблуждениями. Ужасный удар нанесло по ее спокойным воззрениям просвещенной императрицы мятежное буйство Пугачева и вот это известие о гибели французского короля от этих пьяниц, от этих каннибалов. Уже несколько месяцев она не могла спать спокойно.

«Давно следовало побросать в огонь всех этих наилучших французских авторов и все, что распространило их язык в Европе, — Екатерина про себя вспомнила и тех российских писателей, кто говорил теперь уже опасным языком вольнолюбия. — Что же касается до толпы и ее мнения, то ими не стоит и дорожить. Не дорожить, но и не давать пищи злым умам, не пускать их ко двору, к мыслям своим, поступкам. А французы любят поворошить белье царствующих особ. Знаю, что господин Рюлер, секретарь французского посольства, распространил в списках анекдоты о событиях 1762 года в России. Сие он называет революцией. Но то было богоугодное дело. Говорят, что Людовик XVI, хотя и написал, что сии записи бездоказательны и малоинтересны, но обвинил ее в недостатке снисхождения к супругу. Да если бы она была снисходительна, то державу бы довели до развала. Или ее бывший глупец — муж, или его черная тень — Пугачев. А прояви-ка она снисхождение к Новикову или бунтовщическим склонностям Радищева, да, может, ее голова

уже тогда скатилась бы в корзину от этой чудовищной машины французов». Ей стало жаль себя, и она, сжав губы, подумала: «Нет, я уже убедилась, что надо быть твердой в своих решениях... только слабоумные нерешительны».

Она гордо подняла голову, сделала еще два резких разворота и остановилась перед Чертковым. Тот, вжимаясь в кресло, подумал: «Сейчас хвостом почнет бить по бокам. Сущая львица».

Екатерина II уже не казалась малой ростом, сквозь румяна пробивалась бледная гневность, она сбросила с кисейной, расшитой золотом туники доломан из красного бархата и, опершись рукой о стул, гневно закончила: «Если бы я была Людовиком XVI, я или совсем не уехала бы из Франции, или же давным-давно вернулась бы туда обратно, несмотря ни на какие бури и непогоды, и этот выезд или въезд зависел бы исключительно от меня, а не от какой-нибудь другой человеческой власти. Пора, пора и нам с оружием выступить против гидры».

Чувствовалось, что она старалась уверить всех и, может быть, больше всего себя в высоком предопределении ее власти, в непоколебимом могуществе ее империи, в незыблемости порядка, утвердившего королей и императоров. И когда все попали под магию ее величия, опустили глаза или преданно взирали на императрицу, Екатерина безвольно опустила руку и медленно сказала: «А может, что-то изменилось в этом мире, господа?»

«ЭЙ, ГОДИ НАМ ЖУРЫТЫСЯ...»

В Тамани жить, вирно служить,
границю держаты...

Казачья песня

Более пятнадцати лет назад рухнула родная для казаков Запорожская сечь. Казалось, все. Часть казаков бежала за Дунай, а большинство рассеялось по небольшим хуторам, бывшим своим зимовникам, превратилось в «гречкосеев» и «землюков». Но не окончились на этом их муки и страдания. Хваткие помещики захотели прикрепить их к земле, заставить работать на себя, платить

барщину. Этого вынести вольные казаки не могли. Неизвестно, что бы случилось, но цепкий взгляд Потемкина высмотрел их в море неспокойствия людского, вытащил их из степных оврагов и садочков, из землянок и хат на воинскую службу.

В Петербурге, в помещичьих усадьбах казаков не любили и боялись. Всякое упоминание о них вытравливали и ни о каких поблажках и слышать не хотели. Но Потемкин по своей строптивости да державной осторожности с сим не согласился. Упросил восстановить войско, назвал, правда, дабы не возбуждать двор, его войском верных казаков. А сейчас, когда закончилась вторая русско-турецкая война, где запорожцы славно сражались вместе со всем русским воинством против «басурманов», поселились ныне уже черноморские казаки тут, на новом порубежье вдоль Днестра, Буга и у Черного моря. Поселились на лимане Бухаза, у развалин крепости, жили тут вместе с рыбаками — болгарами и молдаванами. Жили они и у косы великой, у озера Белое, в селах Корытно и Незавертай в Чубурче и Слободзее. Да и во многих селах стали казаки на постой и жизнь.

Жил тут в Слободзее и Максим Щербань. Правда, в казаках он ходил всего десять лет. А вот его дед был из самых что ни на есть истинных запорожцев. А Максим после того, когда их зимовник разорили крымчаки, долго ходил — мандрувал по Украине, научился играть на бандуре, сопровождал бродячего мудреца Сковороду, помогал в дальних поездках за солью чумакам, нанимался на работу в степные колонии. А когда началась новая война, вместе с селянами из местечка Комышня подался на юг и тут без лишних слов был приписан к казачьему сословию — под пули и сабли. Был ранен при взятии Измаила. Сейчас нес службу по Днестру. И вместе со всеми казаками снова вроде бы не знал, что делать. А было их на новой очаковской земле ни много ни мало, а больше тысячи трехсот семей. Головатый, судья войска, бывалый политик и дипломат отменный, отбыл в Петербург за царской волей. Все ждали, признают ли наконец после столь многих подвигов и сражений, в которых участвовало казачье войско, пожалуют ли им земли, вольность и награды. Или опять выйдет на площадь недоброй памяти генерал Текели и объявит об уничтожении казачества, роспуске войска. Что делать тогда, куда ружья поворачивать?

* * *

Головатый, судья войска запорожского, въезжал в Слободзею торжественно и шумно. То ли добрый указ привез, то ли прикрыть хотел черные вести. А тогда, как ведомо то мудрым командирам, надо было больше шума и громких слов. Казак, конечно, разберется, что за этим кроется, но тут что-нибудь и произойдет, найдет новая беда или радость, и перешибут тот хитрый обман. Бывалые казаки хмуро крутили ус: что-то будет после «цього грюкання»? Молодые просыпались, потягивались, весело поглядывали на висевшие на стенах сабли и рушницы. Чувствовали — приближается боевое дело, по которому начали уже скучать. Ну а если дела и не будет, то можно хорошо выпить — ведь недаром так громко стреляет пушка. Жены и матери — а черноморские казаки уже не всегда придерживались запорожского правила: не жениться — надевали белые хустки и выходили на порог. С тревогой вглядывались в казачий отряд, что спускался с горы. Им любая весть, что приходила из-за бугра, из дальней стороны, была опасна и не нужна. И светлая материнская слеза уже застилала очи, а руки молодых жен жадно обнимали черноволосых и кареглазых молодцов. Уж пусть бы лучше выпили крепко вечером, но не седлали поутру боевых коней. Но судьба, известно всем, к женским слезам равнодушна, а в жарких объятиях молодиц остается она лишь в короткий, часто не повторяющийся миг любви. И двигалась эта судьба с заовражной горы вместе с дымным пороховым облачком от стрелявших пушек, неспешным отрядом Головатого к Слободзее. Его у Буга встретил отряженный кошевым конвойный полк. Полковники и старшина от урочища Кучурган сопровождали Головатого и, подъезжая к судье, зыркали на него — не проговорится ли? Головатый, обычно говорливый и шумный, молчал.

Рано утром в Слободзее ударили в колокола. Все, собственно, были уже к сбору готовы и не мешкая потянулись на площадь. Становились не в строгом порядке, но по куреням — лавами. Какие там курени! Сколько рассеялось их, казаков, по разным селам и городам, сколько осталось лежать под Очаковом и Гаджибеем, Измаилом и Кинбурном. И здесь ныне, на юго-западной границе державы Российской, несли они свою боевую службу, как и прежде, защищали землю славянскую от захватчиков и грабителей.

На возвышение перед церковью, покрытое турецкими коврами, встали кошевой атаман Антон Чепига и писарь, дай бог им здоровья. Рядом на церковное крыльцо вышел невесть откуда взявшийся архиепископ херсонский Амвросий в длинной золотой ризе.

Казаки приутихли — если приехал главный поп, то дело дюже серьезное. Или война, или... Да что может быть важнее войны в казацкой доле. А к войне они готовы всегда.

Чепига повел рукой. Пушки у церкви выстрелили три раза. И навстречу отряду судьи пошли, приглашая к церкви, старшины. Головатый спешился и двинулся пешком вдоль лав. Впереди его шло четыре штаб-офицера. Они торжественно несли хлеб и какую-то бумагу. Сам судья и его сыновья с видом необычайно суровым несли солонку и саблю с каменьями.

— Хлиб-то, мабудь, из Петербурга, а грамота сурьезна, он бачь як важно лежит, — шепнул Максиму Щербаню его сосед и товарищ Пархоменко и выстрелил из пистолета при приближении процессии к их лаве.

Головатый шел медленно, а над его головой густело облако порохового дыма от казацких рушниц и пистолей, что имели сегодня своей целью не вражью голову, а небо и далекие тучи. Головатый подошел к кошевому и, поклонившись, отдал ему из своих рук все высочайшие дары: хлеб, соль, грамоты, а саблю «поцепил» на его пояс. Чепига поцеловал хлеб и положил все на длинный, покрытый парчою стол у холмика. Потом откашлялся, поправил пояс и негромко сказал:

— Славное товарищество казацкое! Наш головной писарь Головатый, чьей учености мы не раз дивились, приехал к нам с волей матушки нашей императрицы Катерины. — Атаман говорил ровно, слова о царице голосом не выделил, как было принято. — Дадим ему слово?

Казаки молча закивали, кто-то крикнул: «Пусть говорит!»

Головатый выступил вперед, поклонился и начал на такой ноте, что стало ясно: скажет важное.

— Шановное товарищество! Славная наша императрица Катерина, дай бог ей здоровья и долгих лет царствования на славу ее и на радость нам, горемычным, премного довольна нашими делами и подвигами.

Слово «горемычным» казакам не понравилось. Любили себя принизить и пожалеть, но то больше в питейных

баталиях, а в серьезных разговорах были горды и независимы. Да и похвалу императрицы поставил вначале, значит, что-то он сдабривает. Ведь не за этим же только в Петербург ездил?

Головатый продолжал:

— Любит она нас, любы ей и наши подвиги славные. И поэтому дарует нам новые богатые земли, дает награды, вольность постоянную и службу военную. Читай, писарь!

Тот как-то быстро и неторжественно прочитал царский указ:

«Казаков черноморских, которые многими мужественными на суше и водах подвигами показали опыты ревностного усердия и отличной храбрости, поселить в Таврической области. Всемилостивейше пожаловать оным в вечное владение состоящий в оной области остров Фанагорию или Тамань с землею между рек Кубани и Азовского моря лежавшею...»

Площадь замерла. Даже беспокойные вороны, усевшиеся с опаской после выстрелов на церковь, затихли и, склонив набок головы, с удивлением взирали на это враз оцепеневшее многолюдье: что так могло поразить этих вечно шумливых людей?

А казаки думали, что то было за решение царское? Почему их дальше и дальше от родных запорожских степей гонит царская воля? Что ждет их в кубанских степях? Не остаться ли здесь, хотя и попадешь сразу в руки помещику или богатому колонисту? Набежавшей волной захлестнула толпу тяжкая дума. И когда готова была уже она снова всплеснуться сотнями голосов, вперед выступил Амвросий и поднял руки.

— За высокую волю императрицы нашей, за славное ее и справедливое решение помолимся.

Казаки привычно потянулись ко лбу, закрестились. Амвросий густым голосом повел:

Продолжение на стр. 161.

ЖУРНАЛ В ЖУРНАЛЕ

Товарищ

ЗА ГРАНЬЮ НЕИЗВЕСТНОГО

«В ШАХМАТЫ электронно-вычислительная машина научилась играть довольно прилично. А если ЭВМ заменит конструкторов? Заманчивая идея: сейчас у проектировщиков столько времени уходит на рутинную работу. Думать некогда...» — так размышлял Александр Хренов, возвращаясь из НИИ домой. В зимних сумерках привычно светились яркие неоновые буквы, по оживленному Московскому проспекту с грохотом проносились машины и трамваи. Но Александр не замечал уличного шума. Давно он не ощущал такого прилива сил. Пожалуй, только после защиты диплома чувствовал подобную легкость, почти девять лет назад. И чем дальше он размышлял, тем радужнее вырисовывалась картина. Хорошие идеи всегда окрыляют и придают необъяснимую уверенность в своих силах...

— Паришь, друг, в облаках. Как мальчишка размечтался,— одернул вдруг Александр сам себя, удивившись собственной фантазии. Эта затея совершенно оторвана от реальной жизни!

Так по крайней мере ему казалось полтора года назад. Тогда молодой конструктор и не предполагал, насколько его задумка окажется удачливой.

События закрутились как в калейдоскопе. Творческий коллектив вопреки организационным барьерам удалось создать через несколько недель. А вскоре первые программы САПР — системы автоматического проектирования — заработали на большую энергетику.

С искренним интересом отправился на «Электросилу». Судя по всему, предстояло поближе познакомиться не просто с ровесником, а с человеком, с которого вполне можно написать портрет «героя нашего времени»...

В ТЕ ВРЕМЕНА, когда телевизора в квартирах не было и в помине, САПР мог бы оказаться подходящей деталью в научно-фантастической повести: «Астронавты, собираясь за пределы галактики, проектировали звездолет с особой ответственностью — целых полчаса. Не торопясь они аккуратно заложили в компьютер все сведения о предстоящем полете и внимательно следили за роботом-чертежником, который безошибочно выводил оптимальную конструкцию аппарата».

Совсем недавно нечто подобное собственными глазами я наблюдал в объединении «Электросила». С той лишь разницей, что графопостроитель, мгновенно реагируя на команды ЭВМ, выводил узлы не межпланетного корабля, а мощных энергетических машин. А распечатки снимали не астронавты, а обычные инженеры. Среди них Александр Хренов ничем и не выделялся.

Для тех, кто никогда не видел САПР в деле, эта система и сейчас — фантастика, уникальность ее впечатляет. Впрочем, специалистов электросиловский феномен удивит не сложностью разработки, а тем, с какой эффективностью была организована столь непростая работа. В текущих планах объединения такой темы не значилось, молодые специалисты взялись за нее исключительно по собственной инициативе, на свой страх и риск. И больше всего удивляет не тот факт, что руководители предприятия сразу же поддержали их, а факт полного и безоговорочного успеха. За несколько месяцев напряженной работы отлажено более двадцати программ, и на этом точку новаторы ставить не собираются.

Создание САПР Александр сравнил со взятием крепости, имеющей несколько эшелонов обороны. Он довольно легко сумел преодолеть трудности внешнего порядка, сделав своими союзниками бывших скептиков и противников. Личная заинтересованность — безотказное оружие. Однако больше всего молодой специалист опасался противоречий внутреннего характера, которые вполне могли бы возникнуть в самой бригаде. Как избежать несправедливого распределения заработанных денег? Всем поровну? Но квалификация у ребят оказалась неравноценной, и личный вклад одинаковым потому быть не мог. А уравниловка способна на корню загубить любую инициативу. Чтобы раскусить «крепкий орешек», пришлось проштудировать экономические справочники и всерьез разобраться с нормированием. К счастью, Александр не вникал, почему разные нормировщики общего языка обычно не находят, его не интересовало, что инженерное творчество нормированию не поддается. К решению столь «скандальной» проблемы он привлек всю свою бригаду и группу экспертов из института, которые «тайным голосованием» определили трудоемкость каждой подпрограммы.

Так что всякие обиды в творческой бригаде были исключены с самого начала. Каждый из молодых специалистов заранее знал свой объем работы и размер премии. Если есть желание заработать больше — пожалуйста, не запрещается, но для этого и результаты нужно принести более весомые. Вполне закономерно, что самая высокая прибавка к окладу оказалась у Михаила Шафранова — «шефа» программистов — и у «главного» — Александра Хренова — почти по сто рублей в месяц. У других инженеров доплаты колебались около пятидесяти рублей. И никаких конфликтов!

Много сейчас говорится о новом хозяйственном мышлении. Познакомившись с Александром, из самой жизни понял, что это не надуманное, наукообразное понятие. Ни разу, ни в одном кабинете Хренов не повысил голоса, ни с кем не спорил, ничего не просил, не доказывал, а только предлагал и пояснял, что может дать его идея и в какие сроки. Кстати, любопытная подробность: молодой инженер сумел выдержать «конкуренцию» со стороны штатных начальников и «поделить» их подчиненных, взяв ребят в свою бригаду. Вот, пожалуй, образцовый пример, когда деловые контакты лучше всего строить без лишних эмоций.

Вполне современный стиль мышления: сейчас мало быть способным инженером, талантливым изобретателем. Если хочешь достичь приличных результатов, нужно шагнуть за рамки привычного. А здесь без экономических рычагов, без скидки на психологию не обойтись. Иначе даже самые восхитительные идеи быльем порастут — все новое обречено на трудное восхождение.

Удивительно: никто особого внимания и не обратил на приказ генерального директора, узаконивший ВМТК — временный молодежный творческий коллектив по созданию САПР. Но Александр Хренов и его единомышленники ликовали: они-то знали, с каким трудом им досталась эта победа. Самая первая из тех, что ждали их впереди.

ВЕСЬМА ПОПУЛЯРНО такое мнение: чем больше достигнуто в жизни, тем труднее отважиться на какие-либо новые повороты. А вдруг рискуем? Вдруг пойдем против течения?

Сразу и не поймешь, какой характер у Александра Хренова. С толку

сбивает его педантичная исполнительность, невозмутимость и даже суховатость в общении. Посмотришь на него со стороны и ни за что не подумаешь, что он с такой энергичностью взялся проталкивать «сомнительную» идею. Он похож на типичного рационалиста, которому нужна твердая уверенность в конечном успехе. Но ее не было.

Пригляделся к своему герою поближе и еще больше запутался. Александр — аспирант-заочник, за девять лет работы на «Электросиле» до начальника сектора вырос. Световой день у него как одна минута пролетает. При такой нагрузке любой фантазер рационалистом станет. А он нашел в себе силы сдвинуть с «мертвой точки» невиданное дело. Без окрыленности, без особого душевного подъема такие перегрузки не выдержать. Но откуда взялось это вдохновение? Поговорим о стимулах — здесь свои сюжеты...

Хренов свои мысли излагает предельно ясно, увиливать от прямого ответа не любит. Но поначалу своей откровенностью разочаровал: все началось с того, что ему лично понадобился дополнительный заработок. Повеяло вдруг холодком от беспроигрышной предприимчивости. Неужели вдохновляла его не красота самой идеи, а сугубо прозаичная цель?

Если дело обстоит именно так, то деловитые парни своего добились. Десять человек за восемь месяцев заработали три тысячи рублей. И закругляться на этом не намерены.

Знаю, найдутся такие моралисты, которые еще острей пройдутся по поводу денежного стимула и соответствующим образом осудят инициативу разработчиков САПР. Но должен ли быть энтузиазм «бескорыстным», вне экономических категорий? Задумаемся над статистикой, собранной в инженерной бригаде. У ребят на всех — 14 детей, старшему из них — семь лет. Пятеро семей выплачивают за кооперативную квартиру. Хреновы — в том числе.

Дело даже не в том, что бюджет молодой семьи как прорва: и на то надо, и на это. Главное — откуда молодые берут средства. Александр, конечно, мог бы позвонить отцу и попросить денег. Он этого делать не стал. В тридцать лет человек должен свою семью обеспечивать сам — его слова точь-в-точь.

Представляю теперь, какой странный выбор пришлось бы делать Александру, откажись он от идеи осваивать САПР. Кем только не устраиваются молодые инженеры в поисках законных доплат: грузчиками, стекломоями, дворниками, а порой в роли шабашников подаются на край света. Но почему происходит так? Почему толковый инженер, умея подрабатывать с ломом в руках, не может то же самое сделать, используя свой интеллект и образование? Несуразица какая-то...

Словом, при товарно-денежных отношениях материальный стимул со счетов сбрасывать нельзя ни под каким видом. Но это вовсе не означает, что денежный стимул имеет исключительную монополию. Для каждого молодого специалиста в самом начале работы он играет важное значение, но затем вокруг него столько накручивается, что о рублях никто особо и не вспоминает.

Только рвачи думают о деньгах, когда рядом друзья, когда идет захватывающий поиск, словно интригующий детектив, полный неожиданностей и открытий. Спросите ребят, почему они взялись за новое, столь сложное дело?

Роман Кайков, например, о стимулировании вопросов не задавал — ни на бригадном собрании, ни в кулуарах. Всего год он работает конструктором, за это время успел спроектировать несколько... болтов и гаек. Зато досконально изучил районную овощебазу и обширные поля подшефного совхоза. Для него САПР — счастливый шанс проявить себя, спрямить нелегкий путь до уровня опытных специалистов. Он настолько увлекся инициативной работой, что о премии и думать перестал.

Михаил Пинский, правда, поправку к домашнему бюджету заранее сделал, но в творческую бригаду рвался по другой причине. Четыре года он трудился в своем отделе. Почувствовал, что стал пробуксовывать в развитии. Одни и те же узлы в который раз пошли на повторный круг. При таком повороте, вернее — повторении событий, разве пробьешься до высот главного конструктора? Главного не по должности, а по мастерству, по кругозору. Так что не материальный, а творческий стимул был для него ведущим.

Михаил Шафранов не скрывал, что пошел в ВМТК за надбавкой. Программист он виртуозный. А в бригаде показал себя и умелым руководителем, с которым всем почему-то было приятно работать. Михаил, имея богатейший опыт, координировал работу своих младших коллег.

— О каких стимулах вы говорите? — удивилась Галина Мамаева, математик с шестилетним стажем.— Вам знакома такая проблема: одиночество в большом городе? Странная проблема — она даже в семейном кругу ощущается. Так что наша инженерная бригада мне дорога прежде всего тем, что мы друзей в ней нашли, с которыми можно быть откровенными. Интересная работа для меня тоже очень важна. Женщин, особенно замужних, бытовые хлопоты напрочь изматывают. Если на работе сидишь и киснешь, чаще срываешься, быстрее устаешь. Должна же быть у человека какая-то отдушина? Попробуй-ка проживи без открытий...

Что еще добавить к этим высказываниям? Что здесь мы имеем дело с явлением социальным? По-моему, это и так ясно, потому что любой творческий союз порождает особое состояние души, дарит нам ту самую окрыленность, которой так порой не хватает...

Что дают подобные творческие бригады не только предприятию, экономике в целом?

ЧТОБЫ ШАГНУТЬ ВПЕРЕД, нужно вовремя остановиться. Такую мысль однажды услышал я от своего героя и удивился, настолько, несмотря на свою парадоксальность, она точна. А говорил Александр о перевооружении производства, имея в виду прежде всего широкое внедрение вычислительной техники.

Недавно «Электросила» отправила на Саяно-Шушенскую гидроэлектростанцию последний агрегат, теперь готовит мощные генераторы для АЭС, монтирует электромашину будущего — с криогенным охлаждением. С каждым годом большая энергетика набирает темпы и требования к генераторам растут. Надежность, экономичность, сила — вот главные мерки, по которым инженеры сверяют свои замыслы.

Можно, конечно, заманчивое новшество — автоматическое проектирование — отложить лет на пять и спокойно дожидаться, когда освоение САПР войдет в годовой план. Но энергетику не устраивают черепашьи темпы технического прогресса. Новые машины не могут совершить качественный скачок, если уровень их производства будет топтаться на одном месте. В условиях интенсификации подобный ритм — аритмия.

Возникает противоречие, которое неизбежно при резком движении вперед: сейчас электросиловские специалисты напряженно работают на нужды сегодняшнего дня, ручные методы проектирования порождают девятый вал текучки, и поэтому на перспективу, на задел трудиться некогда да и некому.

Что же делать?

Окончание на стр. 152.

Продолжить реконструкцию и расширение предприятий объединения «Минский тракторный завод имени В. И. Ленина».

Из Основных направлений экономического и социального развития СССР

ТРАКТОРОСТРОИТЕЛИ

ЕДВА ОСТЫВШИЕ после недавних боев руины Минска ветераны войны видели воочию, а молодое поколение — только на фотографиях. Тогда, в сорок четвертом, город лежал в развалинах. Но именно в то тяжелое для республики время партия поставила задачу — наладить выпуск тракторов, столь необходимых для обработки земли... Людям нужен был хлеб! И вполне естественно, строительство тракторного завода надо было осуществить в самые сжатые сроки.

Белорусские строители успешно решили эту задачу. В мае 1946 года первые тракторы «Беларусь» начали работать на полях страны. С первого МТЗ-2 и началась трудовая слава дважды орденоносного объединения «Минский тракторный завод имени В. И. Ленина».

Завод только что отметил свое 40-летие. Немало машин разных модификаций выпущено за это время. Миллионы «стальных коней» стали незаменимыми помощниками хлеборобов, рисоводов, животноводов. Нет такого уголка в нашей стране, где нельзя было бы встретить тракторы прославленной марки «Беларусь». Каждый пятый выпускаемый в нашей стране трактор изготовлен минчанами. Широкой популярностью пользуется «Беларусь» и за рубежом: тракторы экспортируются более чем в 70 стран мира, а на международных выставках они завоевали 14 золотых медалей.

Свой юбилей завод отметил в знаменательный для всей страны год — год исторического XXVII съезда КПСС. Среди трудовых подарков съезду был подарок и минчан. Незадолго до открытия всесоюзного форума коммунистов с конвейера завода сошли первые машины с маркой МТЗ-100. В разработке этой модели, а также в сборке первых новых тракторов активное участие приняла молодежь завода. А ее работает здесь немало. Комсомольская организация насчитывает сегодня в своих рядах 6,5 тысячи человек. Вместе с коммунистами комсомольцы активно участвуют в починах, цель которых — повышение производительности труда, улучшение качества продукции. В канун съезда с большим подъемом был проведен субботник. 15 февраля молодые сборщики дали за смену 300 тракторов. Работали с большим воодушевлением. Заводское радио непрерывно сообщало о каждом новом трудовом достижении, о

Слесарь Антон Шишков.

Токарь-расточник опытного производства Тимофей Сальников.

новых инициативах, проявлявшихся на субботнике. Таким же ударным трудом отмечали тракторостроители каждый день работы съезда, на котором был и их посланец Юрий Вахромин.

Весом вклад комсомольцев в выполнение XI пятилетки. 44 комсомольско-молодежных коллектива рапортовали о досрочном завершении пятилетки в феврале, марте и ноябре 1985 года. По итогам выполнения пятилетки многие комсомольцы представлены к наградам ЦК ВЛКСМ.

Комсомольцы 80-х достойно продолжают дела комсомольцев первых послевоенных лет. Но у них есть на кого равняться и в наши дни. Таков Анатолий Черепович — лауреат премии Ленинского комсомола, делегат XII Всемирного фестиваля молодежи и студентов, удостоенный чести пронести на форуме молодежи планеты знамя своей республики. Инструментальщик-универсал Черепович отличается

удивительной работоспособностью, влюбленностью в свою профессию, большой добросовестностью. Товарищи любят его за отзывчивый характер, за готовность всегда прийти на помощь. Он активно участвует в общественной работе, член за-

Водитель-испытатель Александр Барткевич.

водского и городского комитетов комсомола... Гордятся на заводе и бригадой кузнецов-штамповщиков Зенона Мисюкевича. На предсъездовском субботнике бригада выполнила сменное задание на 134 процента.

За сорок лет существования завода на счету комсомольцев много славных дел. О них в ближайшем будущем расскажут многочисленные экспонаты, которые тщательно собирает и готовит сегодняшняя заводская комсомолия.

...Для постоянного наращивания мощностей, улучшения качества выпускаемой продукции, вполне естественно, необходимо введение новых технологий. На техническое перевооружение израсходовано 60,4 миллиона рублей, смонтировано и введено в строй более 5420 единиц оборудования, в том числе 4 автоматические линии, 187 единиц высокопроизводительного оборудования, 66 роботов и манипуляторов, 70 станков с числовым программным управлением. Сейчас в объединении действуют 96 роботов и 94 станка с ЧПУ. Кстати сказать, оснащение роботами заводских конвейеров позволит полностью исключить ручной труд при сварке кабины и облицовке тракторов.

В коллективе тракторостроителей особое внимание уделяют научно-техническому творчеству и изобретательству. В этой работе участвуют 479 молодых специалистов и рабочих. За пятилетку они внесли 379 рационализаторских предложений, реализация которых дала весомый экономический эффект — 293,4 тысячи рублей.

В распоряжении заводского сектора науки — большая экспериментальная и исследовательская база с современным стендовым, полигонным и испытательным оборудованием, которая позволяет проводить всестороннюю проверку основных систем и узлов трактора. Роль заводской науки в дальнейшем развитии технического прогресса возросла с созданием научно-исследовательского центра всего объединения.

Ускорение научно-технического прогресса неразрывно связано с постоянным повышением знаний каждым рабочим, каждым специалистом. Учебе придается исключительное значение. Так, перед серийным выпуском МТЗ-80 10 тысяч тракторозаводцев самых разных возрастов и специальностей в течение трех лет изучали прогрес-

Сборщица Зоя Казаченко.

Инженеры-конструкторы Сергей Бравин (справа) и Владимир Буян.

сивную технологию и новое оборудование. Учился каждый третий тракторостроитель — от рабочего до организатора производства.

...Немало внимания уделяется на заводе досугу: хороший отдых — это залог успешного труда. У тракторостроителей прекрасный Дворец культуры, при кото-

пестрая смесь

МУЗЫКА СТИХИИ. В последнее время меломаны Европы и Америки, бесконечно уставшие от современной поп-музыки, бросились покупать новые японские пластинки. Пользуются они, согласно данным статистики, огромной популярностью. Записан на них шум прибоя у берегов Ямайки, Гавайских островов и архипелага Фиджи. В первом тираже звуки набегающих волн сопровождались игрой на гитаре неизвестного японского артиста. Но затем после настойчивых просьб покупателей гитарный перебор убрали.

ВСЕ ПРОДАЕТСЯ И ПОКУПАЕТСЯ. Вот уже несколько лет лондонские журналисты составляют энциклопедию самых больших мошенничеств нашего века. Туда уже включена продажа аспирина под видом антибиотика в США, выдача за небольшие суммы докторских дипломов в Люксембурге, подделка фотографий неопознанных летающих предметов в Англии и т. д.

ром действуют 16 клубов, объединяющих тысячи людей. Есть клуб ветеранов труда, молодежные клубы «Ровесник» и «Современник», женский клуб «Подруги», клуб молодой семьи, клуб трезвенников... Во Дворце проводятся вечера посвящения в рабочие, чествование династий. Большой популярностью пользуется народный танцевальный ансамбль «Лявониха». Почти в каждом крупном подразделении созданы коллективы художественной самодеятельности. Большую аудиторию постоянно собирает молодежный театр «Время», в котором проводятся вечера на самые разнообразные темы, работают дискуссионные клубы.

Спортивная база завода — одна из мощных в республике. Здесь занимаются легкой и тяжелой атлетикой, борьбой, плаванием, настольным теннисом, фигурным катанием, лыжами... Любителей туризма объединяет клуб «Гренада».

В подшефных школах заводские комсомольцы создали уголки профориентации, для учащихся устраивают экскурсии на завод, и это дает свои плоды. Сотни школьников Минска ежегодно пополняют ряды рабочих МТЗ.

...С хорошими показателями вступил завод в первый год XII пятилетки. 69 кварталов подряд производственное объединение «Минский тракторный завод имени В. И. Ленина» занимает первое место в социалистическом соревновании в отрасли. Ему вручено на вечное хранение переходящее Красное знамя ЦК КПСС, Совета Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ. Объединение заслуженно называют белорусским богатырем, флагманом индустрии республики.

На VIII съезде партии Ленин говорил: «Если бы мы могли дать завтра 100 тысяч первоклассных тракторов, снабдить их бензином, снабдить их машинистами...»

Теперь только минчане за 14 месяцев выпускают 100 тысяч тракторов!

Напряженный ритм царит на тракторном заводе. Полным ходом идет реконструкция и техническое перевооружение всех цехов и участков. И без перебоев работает сборочный конвейер, давая путевку в жизнь новым тракторам...

О. СЕМЕНОВА
Фото А. ЕГОРОВА

пестрая смесь

Одна из последних статей посвящена французу Виктору Лестигу. Тот успел до тюрьмы два раза продать Эйфелеву башню в Париже. Его «заработок» составил 200 тысяч франков. Это не так уж много, ибо покупателями были конторы по переработке металлолома. Лестиг при сделке имел в качестве свидетелей нотариусов. Оперировал он поддельными разрешениями городских властей на продажу ржавого железа. Документы, свидетельствующие о печальноми состоянии знаменитой башни, были подлинными.

ТАЙНА КОЛОРИТА МОНЕ. В продолжение нескольких лет канадский окулист Джон Уиллер наблюдал за здоровьем детей одной школы. Учились там школьники с различными недостатками зрения. Врач с особым пристрастием коллекционировал плоды их творчества на уроках рисования. Это была не самоцель, ибо для Уиллера цветные рисунки были дополни-

тельными данными для уточнения диагнозов. Статистическая обработка собранных им фактов позволила затем прийти к ряду неожиданных выводов.

Недавно окулист опубликовал статью, в которой доказывает, что преобладание красных тонов в поздних картинах французского художника Клода Моне — это результат повышенного внутриглазного давления. То, что художественные критики окрестили «утратой пленэрного характера», является на самом деле результатом запущенной глазной болезни. А размазанные контуры на многих картинах Поля Сезанна канадский врач объясняет простой причиной — в зрелые годы художник, который страдал косоглазием, перенапрягал свое зрение.

НА ЗАВИСТЬ ОСТАПУ БЕНДЕРУ... Мошенников, эксплуатирующих повышенный интерес людей к дальнему космосу, предостаточно. Одни уже продают простодушным обывателям участки на Луне, другие берутся за вознаграждение присвоить имя честолюбца-толстосума какому-либо астероиду. А вот в городе Бостон (штат Массачусетс) некий деляга Самуэль Каплан организовал контору «Межпланетная почта», набив ее помещения для декорации старыми компьютерами и телетайпами.

Броская реклама приглашает всех желающих посетить контору, где можно отправить радиопривет «братьям по разуму» в любую часть нашей Галактики. Принцип оплаты за радиограмму весьма простой — чем дальше от Земли выбран объект, тем дороже обходятся клиенту услуги.

С научной точки зрения подобная контора смехотворна. Никто не может определить, как и куда отправляются телеграммы. И понятен ли английский язык инопланетянам? И нужен ли им нелепый привет от какого-нибудь Джона Смита из пригорода Бостона? И почему клиентов не останавливают, когда они выбирают выдуманное название планеты из романа писателя-фантаста, а не из астрономического справочника?

Одним словом, все это откровенно пахнет Остапом Бендером и его конторой «Рога и копыта». Однако дела идут, контора процветает.

ПОРТРЕТОВ В. Г. Белинского мало. И то, что сегодня составляет не столь уж богатую иконографию великого критика, сделано, за редким исключением, после его смерти.

Автором наиболее известного и распространенного портрета Белинского является московский художник И. А. Астафьев. В работе над портретом он использовал посмертную маску Виссариона Григорьевича и рисунок молодого талантливого портретиста К. Горбунова, сделанный в 1843 году, то есть при жизни Белинского. По свидетельству друзей критика, Астафьеву удалось создать весьма выразительный образ «неистового Виссариона». Этот портрет был второй попыткой художника запечатлеть облик славного сына русского народа. Раньше портрета появилась картина «Белинский за письменным столом»...

Задумав картину как исторически точное полотно, Астафьев почувствовал, что ему недостает многих деталей: как, например, выглядела обстановка в рабочем кабинете, как располагалась мебель, за каким столом работал Белинский, как он был одет и т. д. Осенью 1873 года художник обратился за помощью к М. В. Белинской, жене критика, и получил ответное письмо:

«Милостивый государь Иван Александрович! Извините, что я не тотчас ответила на Ваше доброе, сочувственное письмо: я всегда благодарна тем, кто чтит память покойного мужа моего, а Вы, как кажется, один из его усердных поклонников. С большой готовностью исполню Ваше желание (насколько память мне может служить) насчет рабочего кабинета за последние два года. Но последние три-четыре месяца Виссарион Григорьевич не мог сам писать. Лежа на кушетке, он диктовал мне: изнурительная лихорадка пожирала его в это вре-

мя (это, как мне помнится, было Великим постом), лицо его страшно горело, а лоб был перевязан белым носовым платком, намоченным в холодной воде...»

Здесь необходимо сделать небольшое отступление.

когда его особенно что-либо задевало, он возвышался до такого же красноречия, что и в своих статьях. Но обычно он путался в самом простом разговоре, когда надо было сколько-нибудь цельно и связно излагать

«ОН ДИКТОВАЛ МНЕ...»

Как известно, Белинский был тяжело болен, в 1846 году даже выезжал за границу на лечение. Многие современники, в том числе и его друзья, считали, что именно обострение болезни было причиной некоторого «затухания» полемичности, неистовой ярости, стилистического блеска его статей. Оставим на совести этих друзей критика их сомнительные диагнозы. Достаточно вспомнить его последние обзоры — «взгляды» на русскую литературу 1846 и 1847 годов или письмо Н. В. Гоголю, чтобы стало ясно, что талант Белинского сверкал по-прежнему ослепительно ярко. Но вот статьи самых последних месяцев жизни действительно носят на себе следы какой-то усталости. А может быть, не усталости вовсе?

И вот интересная деталь в письме М. В. Белинской: муж ее в последние месяцы, прикованный к постели, не писал, он д и к т о в а л! Диктовка — вообще вещь непростая, даже для тех, кто хорошо владеет разговорной речью. А по свидетельству очевидцев, хорошо знавших и общавшихся с Белинским, он никогда не был оратором. В редкие минуты, в пылу спора,

свои мысли; волнуясь и спеша, он сплошь да рядом не заканчивал свои мысли, краснел и говорил: «Всегда-то у меня так...»

Белинский уже не мог писать сам, писать как прежде, когда, по рассказам Панаева и Тургенева, с лихорадочной быстротой исписывал он страницу за страницей своим быстрым крупным своеобразным почерком...

Продолжим, однако, письмо, оно представляет несомненный интерес.

«Рабочий кабинет его был в два больших окна, в простенках между окнами стоял маленький письменный столик с решеткой и с зеленым сукном, на столе транспарант... Против окон большие столы во всю стену с книгами, темные, под орех. Если Вы станете спиной к окнам, а лицом к шкафам, то на стене по правую руку висела карта Европы во всю стену, под картой стояла кушетка пунцовая с черным, драдедамовая, где он, почти умирающий, лежал и диктовал мне свои последние статьи, а я сидела перед кушеткой. У противоположной стены стоял большой рабочий стол красного дерева, с зеленым сукном и множеством ящиков по обоим бо-

ЗАПАХ СОЛИ

ВЫ СКАЖЕТЕ, у соли нет запаха? Ошибаетесь. Соляная пыль пахнет остро и резко, пахнет морем, дальними странами. А несет этот запах... здоровье.

Однако начнем по порядку.

Шахта как шахта. Звенят четыре резких звонка, означающих «люди», и клеть сперва медленно, а затем все быстрее проваливается. Слегка закололо в ушах. Пахнуло горелым аммонитом, запахом, напоминающим войну. Впрочем, здесь, на глубине 430 метров под землей, действительно идет битва. Битва за соль. За обыкновенный натрий-хлор, который вы кладете ежедневно в суп, но который в то же время служит ценным сырьем для целого ряда химических производств. Гремят взрывы, высекают искры отбойные молотки, тяжелыми танками двигаются на гусеницах проходческие комбайны. И облако соляной пыли стоит в штреках. Когда я глотнул эту пыль впервые, то сперва прочистился нос, потом с груди словно сняли обручи и задышалось легко, объемно, хотя сапоги утопали в соли, словно в песке, и идти было нелегко.

Солотвинский солекупол занимает площадь более 1500 квадратных километров. Только разведанных запасов здесь 700 миллиардов тонн. Официально соль тут стали добывать в 1778 году, когда открылась шахта «Кристина». А вообще-то добывали с древних времен.

Потом мы снова вошли в клеть. Она поднялась и остановилась на отметке 283 метра. Вместо мутной полутьмы и грохота рабочего горизонта здесь тишина и сияние ламп дневного света. Вывеска: «Республиканская аллергологическая больница. Подземное отделение».

В мире сейчас насчитывается более десяти миллионов больных бронхиальной астмой — мучительным заболеванием, от которого пока еще нет радикальных средств. Здесь, в поселке Солотвино Закарпатской области, что расположен в центре Европы, научились приносить больным серьезную пользу с

кам, а под столом посредине пустое пространство, где стояла большая корзина для ненужных бумаг, по обеим сторонам рабочего стола стояли две этажерки, и на них, только не помню, в каком порядке, стояли бюсты во весь рост Руссо и Вольтера вершков в десять, и поясные вершков в пять Гёте, Пушкина, Гоголя; над столом литографированные портреты: Пушкина Гоголя, Жорж Санд, Гёте Шиллера Кольцова и Николая Станкевича. На этажерках, кроме бюстов, те книги, которые ему тотчас были нужны для справок... На рабочем столе лампа, которую, впрочем, он не зажигал: не мог выносить олеину, два темных подсвечника, транспарант, градусник, множество бумаги, перьев, карандашей, перочинных ножей, большая темно-синяя стеклянная чернильница. Когда он сам работал, костюм его был только — коричневое домашнее пальто и синий муслиновый шарфик на шее, а когда последнее время лежал — длинное драповое пальто-халат, подбитый пунцовой фланелью, на рукавах и

помощью спелеотерапии. В эмблеме этой отрасли медицины, кроме традиционных змеи и чаши, летучая мышь. Но подземное отделение больницы расположено отнюдь не в пещерах. Это специально пробитый по заказу Министерства здравоохранения горизонт из шести галерей высотой в четыре-шесть метров и длиной 600. В стенах — ниши, где стоят за занавесками деревянные кровати. На поверхности неподалеку — современный, отлично оборудованный больничный комплекс на 250 коек. Астматики спускаются в шахту строго по предписанию врачей: кто днем на пять часов, кто на ночь. Вот здесь-то, в соляной шахте, и происходит чудо исцеления. Этому способствует абсолютная стерильность воздуха, то есть полное отсутствие патогенных микроорганизмов и аллергенов, его постоянная температура 21—22 градуса, влажность понижена, ибо соль гигроскопична, и воздух насыщен отрицательными ионами. Немаловажный лечебный фактор — почти абсолютная тишина, которая успокаивает нервную систему. Тысячи людей со всех концов страны побывали уже здесь.

«Соль облегчает и врачует нервные страдания, лом в плечах и пояснице, колотье в боку, резь в желудке и страдания в бедре» — так писал в своем трактате Плиний Старший. Больных предлагалось растирать маслом с солью, «дабы тело их укрепилось и стало подобным рогу». Нет, не случайно соль врачует! Ведь хлористый натрий входит в состав нашей крови, слюны, желудочного сока. Мы ведь вышли из соленого океана.

В минувшем году исполнилось 15 лет советской спелеотерапии — новому направлению в медицине и новому методу лечения тяжелой болезни, который позволяет добиться 80—95 процентов радикальных улучшений в состоянии больных. Большой коллектив медиков закладывает здесь фундамент интереснейшей научной работы. Четверо из них — П. П. Горбенко, В. П. Горбенко, И. С. Лемко и Ю. М. Семионка — за цикл работ «Исследования в области спелеомедицины и внедрение результатов в практику» удостоены премии Ленинского комсомола Украины.

Ф. ЗИНЬКО

на груди с пунцовыми отворотами. Перед рабочим столом мягкое зеленое кресло...

Примите уверения в истинном уважении. Мария Белинская».

Картина «Белинский за письменным столом» не удовлетворила самого художника, хотя Тургенев, видевший ее в 1879 году, дал о ней вполне положительный отзыв. Более тридцати лет работа пролежала на чердаке, и лишь потом ее приобрел литератор-историк Л. Э. Бухгейм, который опубликовал фотоснимок с нее в своей брошюре «Три письма Белинского Н. М. Щепкину», изданной в 1914 году.

Портрет Белинского работы И. А. Астафьева в свое время был приобретен Третьяковской галереей. А вот дальнейшая судьба оригинала «Белинский за письменным столом» неизвестна. Нам трудно судить о художественных достоинствах картины, но у нас нет оснований сомневаться в ее исторической достоверности...

Н. АЛЕШИН

ДОРОГОЙ СОЗИДАНИЙ

ФЕВРАЛЬ 1921 года... Был обычный рабочий день, как всегда с делами самыми неотложными и насущными, и Ленину, чье время было расписано по минутам, приходилось обращаться к вопросам и политической, и государственной, и хозяйственной важности.

Ровно в полдень он встретился с Махарадзе, Филиппом Иесеевичем, членом большевистской партии с 1903 года,— он отъезжал в Грузию, на должность председателя Ревкома. Ленин в беседе с ним настоятельно советовал в первую очередь обратить внимание на разрешение национального и земельно-крестьянского вопросов, просил его ни в коем случае не шаблонизировать опыт Российской Федерации, а брать его за образец и применять к условиям Грузии. Затем — заседание Политбюро ЦК партии, обсуждение самых разных задач, проблем, мероприятий...

Позже, в своем кабинете, Ленин перелистал доклад В. Милютина, заместителя председателя ВСНХ, уже ранее внимательно просмотренный им от первой до последней страницы, отложил его в сторону и начал писать записку Кржижановскому.

«Г. М.!

Посмотрите, примите к сведению...»

Доклад назывался «О методах разработки единого хозяйственного плана» и два дня назад был читан автором в Социалистической Академии.

Ленин продолжал:

«О плане Милютин пишет вздор. Самая большая опасность, это — забюрократизировать дело с планом государственного хозяйства...

Целый, цельный, настоящий план для нас теперь — «бюрократическая утопия»...

Тотчас, не медля ни дня, ни часа, по кусочкам *выделить* важнейшие, минимум предприятий и их поставить».

Доклад и записку Ленин отправил Глебу Максимилиановичу — Кржижановский руководил тогда Госпланом республики. Но Владимир Ильич не ограничился только этим. Подобные «методы» разработки единого хозяйственного плана предлагали и другие «теоретики» — экономисты, например Л. Крицман и Ю. Ларин, они даже опубликовали свои доводы в печати, и следовало дать им отрезвляющий, исчерпывающий и ясный ответ — также в печати!

22 февраля газета «Правда» опубликовала статью Ленина «Об едином хозяйственном плане». Рассуждения Л. Крицмана, В. Милютина и Ю. Ларина о хозяйственном плане, а следовательно, о политике партии в области планирования хозяйственного строительства Ленин назвал скучнейшей схоластикой и болтовней, высокомерно-бюрократическим отношением «к тому живому делу, которое уже сделано и которое надо продолжать».

Единственно серьезной работой по вопросу о едином хозяйственном плане Ленин считал «План электрификации РСФСР», доклад VIII съезду Советов Государственной комиссии по электрификации России, изданный накануне съезда отдельной книгой. «В этой книге,— отме-

чал Ленин,— изложен единый хозяйственный план, который разработан — разумеется, лишь в порядке первого приближения — лучшими учеными силами нашей республики по поручению высших ее органов».

План этот представлял собой широкую программу коренной реконструкции всей экономики страны.

12 АПРЕЛЯ 1918 года состоялось заседание Совнаркома, на котором рассматривался вопрос о предложении Академии наук провести работу по учету естественных богатств России. Принятое СНК постановление поставило перед Академией «неотложную задачу систематического разрешения проблем правильного распределения в стране промышленности и наиболее рациональное использование ее хозяйственных сил».

Ленин, высоко ценивший важную работу ученых, считал необходимым придать деятельности Академии четко выраженное направление: он предложил «Набросок плана научно-технических работ», явившийся поистине программным документом для Академии. Особое внимание в нем обращалось на «электрификацию промышленности и транспорта и применение электричества к земледелию».

Реальность была суровой: страна, истерзанная империалистической, а затем гражданской войнами, разрухой, голодом, переживала неслыханные трудности — замерзали города, заросли травой железные дороги, пустовали заводы и фабрики, притихли села... Надо было обладать большевистской смелостью, революционной дерзостью, чтобы выдвигать нелегкую задачу хозяйственного возрождения России с ее отсталой экономикой и бедностью капиталов. Но Ленин учитывал и другую реальность! Смена подневольного труда трудом на себя раскрыла перед трудящимися громадную арену для невиданной деятельности, для живой, творческой работы, в которой до конца должны были раскрыться веками дремавшие способности и таланты. Вспомним пророческие ленинские слова: «У нас есть материал и в природных богатствах, и в запасе человеческих сил, и в прекрасном размахе, который дала народному творчеству великая революция,— чтобы создать действительно могучую и обильную Русь».

Обобщая практику уже начавшихся революционных преобразований, опыт трудящихся в творчестве новой жизни, Ленин в статьях, брошюрах, заметках, выступлениях разработал основные положения научного плана построения социализма в России, более того — наметил практические меры и конкретные шаги социалистического строительства. Главным стержнем, основой материально-технической базы социализма Владимир Ильич считал электрификацию. Создание крупного производства на основе электрификации, подчеркивал Ленин, «явится первой важной ступенью на пути коммунистической организации экономической жизни общества».

IX съезд партии в своих решениях отметил, что «основным условием хозяйственного возрождения страны является проведение *единого хозяйственного плана*, рассчитанного на ближайшую историческую эпоху». Главное место в этом плане занимала электрификация!

В конце февраля 1920 года была создана и приступила к работе Государственная комиссия по электрификации России. Возглавил ее Глеб Максимилианович Кржижановский.

Кржижановский вспоминал: самой возможностью своей работы комиссия эта была целиком обязана Владимиру Ильичу, ее деятельность постоянно интересовала Ленина, он имел самое точное представление о всех важнейших участках ее работы.

И вот что важно подчеркнуть: Ленин настойчиво рекомендовал надлежащим образом пропагандировать самую идею электрификации. В одной из записок Кржижановскому он высказывает мысль о том, что, кроме технического плана, рассчитанного на создание в стране сети электрических станций, нужен «план политический или государственный, т. е. задание пролетариату». «Надо увлечь *массу* рабочих и сознательных крестьян *великой* программой на 10—20 лет»,— указывал Ленин. Главное — это «вызвать и *соревнование* и *самостоятельность масс* для того, чтобы они *тотчас* принялись за дело».

В речи на Московской губернской партийной конференции 21 ноября 1920 года Ленин сказал: «Если не перевести Россию на иную технику, более высокую, чем прежде, не может быть речи о восстановлении народного хозяйства и о коммунизме. Коммунизм есть Советская власть плюс электрификация всей страны, ибо без электрификации поднять промышленность невозможно». Эта ленинская формула поставила на реальную почву понимание коммунизма. Общее теоретическое положение было переведено на язык практических действий рабочих и трудящихся крестьян.

Результатом работы электрификационной комиссии (так называл ее Ленин) явился Государственный план электрификации России — ГОЭЛРО. В создании его участвовали более 180 специалистов. Это был настоящий научный план!

На VIII Всероссийском съезде Советов, открывшемся в Москве 22 декабря 1920 года, Ленин рассказал о плане ГОЭЛРО и подчеркнул, что перспективный план электрификации — это «великий хозяйственный план, рассчитанный не меньше чем на десять лет и показывающий, как перевести Россию на настоящую хозяйственную базу, необходимую для коммунизма».

Политическая программа партии, сказал в своем выступлении Ленин, должна быть дополнена «второй программой партии, планом работ по воссозданию всего народного хозяйства и доведению его до современной техники». Такой второй программой партии Ленин назвал план ГОЭЛРО.

Следует обратить внимание на пророческие слова Владимира Ильича, сказанные им на съезде Советов: «...Если Россия покроется густой сетью электрических станций и мощных технических оборудований, то наше коммунистическое хозяйственное строительство станет образцом для грядущей социалистической Европы и Азии». Ныне сбылось ленинское предвидение: успехи Советского Союза в создании нового общества служат примером для многих стран Европы, Азии и Америки, вселяя уверенность в победу социализма!

Съезд Советов единодушно одобрил план электрификации России — первый в истории человечества перспективный научный план развития народного хозяйства огромной страны, рассчитанный на создание производственной базы социализма. Резолюция съезда, написанная Лениным, называла план ГОЭЛРО первым шагом великого хозяйственного начинания и призывала «принять все меры к самой широкой пропаганде этого плана»... В ней выражалась уверенность, что «рабочие и крестьяне напрягут все силы и не остановятся ни перед какими жертвами для осуществления плана электрификации России во что бы то ни стало и вопреки всем препятствиям».

И вот — статьи «горе-экономистов» в «Экономической Жизни». В них была сделана попытка, как отметил Ленин, «истолковать» резолюцию съезда Советов «вкривь и вкось вплоть до того, чтобы отговориться от нее». Вместо пропаганды разработанного плана — пустые

рассуждения о том, «как подойти к выработке плана»! Вместо тщательного ознакомления с уже имеющимся практическим опытом — «пустейшее «производство тезисов» или высасывание из пальца лозунгов и проектов», «нечто совершенно путаное, вроде выработки нового плана!».

Ленин решительно выступил против невежественного самомнения дилетантов и бюрократов, готовых заглушить пустейшим говорением настоящее дело. «Надо же научиться работать систематично, используя свой же опыт, свою же практику!» Не болтать о плане вообще, писал Ленин, а детально изучать выполнение плана, остерегаться увлечения командованием, надо анализировать допущенные ошибки и находить способы их исправления.

Ленин заявлял, что никакого другого единого хозяйственного плана, кроме уже выработанного и признанного съездом Советов, нет и быть не может. Безусловно, план, выработанный «в порядке первого приближения», нуждается в дополнении, развитии, исправлении, но только на основании указаний практического опыта. Надо продолжать начатое, отмечал Ленин, «иначе это будет игра в администрирование или, проще, самодурство».

На основе опыта ГОЭЛРО Ленин определил задачи планирующего центра и сформулировал важнейшие принципы социалистического планирования. Он призывал «научиться ценить науку..., научиться работать систематично, используя свой же опыт, свою же практику!».

Выступая против бытовавшего среди некоторых руководителей негативного отношения к старым специалистам — против пресловутого «спецеедства», Ленин советовал уважать деловую работу специалистов науки и техники, помогать им «расширять свой кругозор, исходя из завоеваний и данных соответственной науки...».

От коммунистов, которым надлежит принять самое активное участие в претворении в жизнь единого хозяйственного плана, Ленин требовал: «Побольше знания фактов, поменьше претендующих на коммунистическую принципиальность словопрений». Он называл «чванным» того коммуниста, который готов «в любую минуту дня и ночи написать «тезисы», выдвинуть «лозунги», преподнести голые абстракции». Надо побольше изучать то, что дает нам практический опыт в центре и на местах, что нам дала уже наука, научиться по-деловому анализировать ошибки и исправлять их постепенно, но неуклонно...

ПРОШЛИ годы.

Следуя ленинскому призыву, советский народ не остановился ни перед какими трудностями и претворил в жизнь великий хозяйственный план коренной реконструкции всей экономики страны.

Прошли десятилетия.

От вековой отсталости — к высотам общественного прогресса — таков итог трудовой деятельности советских людей. Советское общество вступило в период развитого социализма. Коммунистическая партия уверенно ведет наш народ по пути совершенствования социализма, дальнейшего продвижения советского общества к коммунизму.

XXVII съезд КПСС утвердил «Основные направления экономического и социального развития СССР на 1986—1990 годы и на период до 2000 года» — конкретную программу действия для всех советских людей. В ней четко, научно обоснованно определены важнейшие рубежи, достижение которых обеспечит качественно новый уровень благосостояния народа, дальнейшее укрепление экономического и оборонного могущества нашей Родины.

Н. СИТНИКОВ

1 июня — Международный день защиты детей

«ПУСТЬ ВСЕГДА БУДУ Я!»

В ЭТОТ уютный двухэтажный дом, спрятавшийся среди буйной зелени деревьев, приводят по понедельникам на всю рабочую пятидневку своих малышей мамы и папы, бабушки и дедушки. Весело разбегаются дети по своим группам. Переполненные впечатлениями, они торопятся рассказать воспитателям, что было интересного за два выходных дня. Сообщений, понятно, приходится выслушивать много, ведь питомцев ни много ни мало — целая сотня... И какие они все разные: шаловливые и спокойные, резвые и медлительные, озорные и робкие, но все в равной мере любознательные, веселые, искренние в проявлении чувств и привязанностей. Для каждого из них находятся добрые, ласковые слова.

Это детский сад № 1242 Тимирязевского района Москвы. Вот уже четверть века заведует им замечательный педагог и воспитатель Людмила Ильинична Хчеян.

Через всю жизнь пронесла она любовь к детям. Еще подростком с удовольствием делала для малышей куклы, придумывала для них самые удивительные наряды. А когда пришло время выбирать профессию, пошла, не задумываясь, в педагогическое училище, а позже закончила и пединститут. И не мыслит она себе жизни без этих дорогих ее сердцу «носиков-курносиков».

— Когда прихожу в детский сад, все посторонние заботы остаются за калиткой,— говорит Людмила Ильинична.— Передо мной лишь глаза и улыбки наших питомцев. Ради этих глаз и улыбок мы готовы сделать все. Мы живем их настроением, заботами, радостями. Мы учим их любить красоту, труд, ценить доброту... Посмотрите, сколько прекрасных цветов растет на территории садика. Не правда ли, чудесное сочетание: цветы и дети — это то, что дает человечеству радость... Кстати, за цветами и за грядками ухаживают у нас сами ребятишки. В теплое время года в нашем саду раздолье. Хватает места, чтобы растратить кипучую энергию, вволю побегать и попрыгать, поиграть в мяч или покататься на карусели, прокатиться на велосипеде. Физическому воспитанию детей мы уделяем большое внимание. Между прочим, плаванием наши ребята занимаются круглогодично, зимой они ходят в «лягушатник» Тимирязевской академии...

Все дети в саду находятся на пятидневке, и одна из главных

Малышам в садике скучать некогда! Каждый день столько увлекательных дел: надо оказать медицинскую помощь кукле, принять участие в велопробеге, закончить работу над аппликацией...

Лепка — одно из любимых занятий малышей.

задач, считает Людмила Ильинична,— создание в стенах детсада домашней обстановки. А создать ее можно лишь тогда, когда работаешь вместе с единомышленниками. Они здесь есть. Это и воспитательница младшей группы Алла Евгеньевна Алексеева, которая работает с малышами вот уже более десяти лет. Эмоциональная, энергичная по натуре, она к любому ребенку умеет найти «ключик». Ее любят и дети, и их родители. Для малышей она — непререкаемый авторитет. Часто из уст маленьких девочек и мальчиков можно слышать: «Так сказала Алла Евгеньевна...» Сколько приходится слышать ей за день тех слов и фраз своих воспитанников, которые составляют своеобразный золотой фонд речевой изобретательности детей. Их она охотно коллекционирует. Вот некоторые из ее записей:

Петя рассказывает Сереже: «Летом мы с папой отдыхали в деревне у бабушки. Бабушка однажды поймала петуха и сварила вкусный суп. Только непонятно, почему суп куриный?»

Верочке очень весело, она трясется от смеха: «Я сегодня вся расхохотучилась!»

«Скорей спасите,— кричит Антон,— я уронился на две ноги!»

Леночка спрашивает воспитательницу: «Кто подарил тебе такие красивые тапочки!» — «Мойдодыр». На следующий день она повторяет свой вопрос и получает тот же ответ. Тогда она поправляет воспитательницу: «Тебе подарил тапочки не мой Додыр, а твой Додыр. Мой Додыр подарил тапочки мне».

Однажды малышам прочли

сказку про Красную Шапочку. Несколько дней пятилетнего Сашу занимала проблема, где же был дедушка, когда коварный Серый волк пришел к бабушке...

В старшей группе не один год работает Любовь Григорьевна Цуканова. На занятиях с детьми она умело использует различные технические средства. Много внимания уделяет подготовке детей к школе. Дети знакомятся со звуковым анализом слова, предложения, им даются математические знания. Ребята с удовольствием занимаются аппликацией, лепкой, рисованием. Главное внимание обращается на развитие игровой деятельности у детей. Ведь именно в играх отражается окружающий мир, проявляются отдельные черты характера, малышам прививаются начальные трудовые навыки. В одной из игровых комнат полностью воссоздана городская квартира в миниатюре. Девочки с увлечением «купают» в пластмассовой ванне своих «детей» — кукол, зайцев, котят, собачек... В распоряжении тех, кто любит готовить,— плита, кастрюли, половники, ложки... Для тех, кому нравится наводить уют в жилых комнатах, тоже есть дела: можно не только красиво убрать кроватки для кукол, но и на свой вкус переставить легкую мебель... А в соседней комнате — почти настоящая парикмахерская. Клиенты юных парикмахеров — не только куклы, но и сами ребятишки...

Видимо, это очень непросто — небольшому коллективу воспитателей в течение всей пятидневки так занять детей, чтобы им и скучать было некогда. Выполнять большой объем работы помогает воспитателям искренняя любовь к детям, высокий профессионализм, влюбленность в свое дело. И если спросить Людмилу Ильиничну, Любовь Григорьевну, Аллу Евгеньевну, какая самая замечательная и почетная профессия на свете, они, не задумываясь, ответят: воспитатель. Потому что, воспитывая детей, они воспитывают граждан, творцов новой жизни.

Все честные люди планеты не хотят войны, они хотят, чтобы жизнь юных землян была безоблачной и прекрасной, как ясный летний рассвет. Об этом писал известный турецкий поэт и общественный деятель Назым Хикмет:

Дадим шар земной детям,
дадим хоть на день,
дадим, как раскрашенный
шарик,
пусть с ним играют,
пусть играют
и песни поют среди звезд...

Есть в нашем календаре день, который близок нам всем, но еще в большей степени он близок тем, кто в своей повседневной деятельности имеет непосредственное отношение к детям,— воспитателям, учителям, педагогам. Это — Международный день защиты детей. Именно в этот день больше, чем когда-либо, они мечтают о мирном небе, о счастливом, радостном детстве и о том, какая у них, воспитателей, чудесная судьба — всегда быть рядом с детьми, жить и трудиться для них.

В этом году Международный день защиты детей отмечается в Год мира. В этот год с особой силой звучит призыв устранить атомную угрозу, преградить путь войне. Пусть над нашими детьми, над детьми всей Земли голубеет мирное небо, пусть повсюду на всех языках звучит звонкая ребячья песня:

Пусть всегда будет солнце,
Пусть всегда будет небо,
Пусть всегда будет мама,
Пусть всегда буду я!

О. ЛОБАНОВА
Фото А. ГЕОРГИЕВА

ЗА ГРАНЬЮ НЕИЗВЕСТНОГО

Окончание. Начало на стр. 130.

— Упущенная выгода — это разновидность убытков,— сказал Александр Хренов и достал свой рабочий блокнот, где были записаны любопытные цифры. Электросиловские специалисты из отдела НОТ провели исследования по цехам объединения и выявили такую статистику. Чтобы увеличить производительность труда на один процент, нужно в среднем на одно рабочее место затратить: при расширении производства свыше 5 тысяч рублей — срок окупаемости около 12 лет; при замене оборудования — примерно 3 тысячи рублей, срок окупаемости 4 года; при совершенствовании организации труда, производства и управления — всего двести рублей, причем прибыль эти затраты принесут через несколько месяцев!

Вот какой смысл молодой инженер вкладывает в свой афоризм. Осваивать САПР «хозспособом» — своими силами, выворачивая наизнанку все резервы — отделов и каждого из специалистов,— прямая выгода. Вот почему на «Электросиле» охотно пошли на создание внеструктурного временного подразделения, отказавшись от абсолютизма прежних форм хозяйствования. Необычно, конечно, иметь сразу по две работы и по два начальника, умещаясь в то же рабочее время. Но стандартные восемь часов уплотнились до предела.

БОЛЬШЕ ГОДА успешно работает ВМТК, созданный на «Электросиле» по инициативе молодых специалистов. Теперь вполне можно заняться подсчетами прибыли, которую принес предприятию этот творческий коллектив. Стоимость тех двадцати с лишним программ, которые проектируют энергетические узлы, подходит уже к миллиону. Именно такие средства пришлось бы перечислять на расчетный счет организации-подрядчика, если бы не инициатива молодежи. Между прочим, эти деньги пошли на строительство своего жилого дома.

Считаем дальше: всякая новинка со временем морально устаревает. Конструкции машин с каждым годом улучшаются, а программы для их автоматического проектирования? Разве они могут стоять на месте? Вот почему ребята из творческой бригады ведут постоянный авторский надзор за своей продукцией. Они реагируют на малейшие капризы и колебания в

пестрая смесь

ДЕСЯТЬ ГЕКТАРОВ САУН. Туристической достопримечательностью финской деревни Муураме стал музей под открытым небом — единственное в мире «полное собрание саун». Занимает он десять гектаров. Есть там главный проспект и тихие переулочки, в одном из которых стоит деревянная банька, построенная в 1764 году. Ее привезли с севера страны, где она использовалась крестьянами.

Показывают в музее и сауны, которые сейчас серийно делают на заводах и снабжают электроникой для регулирования температуры. Есть разборные сауны на одного человека, умещающиеся в чемодане, и бани на 20 человек. Сауны возводят в виде отдельного домика, монтируют внутри гостиниц, кемпингов, домов отдыха. Заметим, что в Финляндии ныне действуют более миллиона саун.

технике. Кто бы со стороны стал так же беспокоиться о судьбе новшества, если оно давно оплачено?

Обычно экономическую выгоду стремятся выразить в рублях. Но есть ценности и другого порядка, которые, впрочем, в конечном итоге тоже оборачиваются осязаемой пользой. В одном коллективе плечо к плечу работали разнопрофильные специалисты, их навыки, умение, опыт, как по закону сообщающихся сосудов, переходят от одних к другим. Отлично! Прямо на производстве появилась уникальная школа для молодых инженеров. На современных предприятиях нужны не просто программисты или конструкторы, нужны универсалы, свободно владеющие несколькими инженерными специальностями и отнюдь пока не смежными. Где еще готовят таких же специалистов-практиков? В каком вузе?

Давно стала крылатой фраза: время — деньги. А раз так, почему бы именно время не использовать в качестве стимула? Есть обязательная, плановая, первоочередная работа, и от нее никуда не уйдешь. Но имеет ли смысл придерживаться только жесткого планирования? На «Электросиле», скажем, трудятся тысячи инженеров — и у всех разная квалификация, разные склонности. Возможно ли нацеливать огромную армию творческих работников на наивысшую отдачу по разнарядкам сверху, лишая их всякой инициативы в выборе тем? Стоит всерьез подумать об этом, потому что, сотрудничая по совместительству во временном коллективе, молодые инженеры стали успевать делать в полтора-два раза больше, чем раньше. По сути, речь идет о создании в объединении особого внедренческого механизма — гибкого, мобильного, основанного на полном использовании внутренних резервов.

Сейчас, после XXVII съезда КПСС, время такое, что любое зерно инициативы, словно на ухоженном поле, дает хорошие всходы. Процесс интенсификации почему-то многие понимают как сплошное внедрение роботов и безлюдных комплексов. Но это лишь внешняя, броская сторона технического прогресса, это конечный результат более сложных, глубинных преобразований в технике, науке, экономике. Временные творческие коллективы — это лишь одна из форм, появившихся за последнее время в управленческой сфере.

А самая главная суть интенсификации заключается, пожалуй, в том, что личная инициатива, личные интересы каждого человека должны тесно сочетаться с логикой развития всего народного хозяйства.

Вот почему успех молодых электросиловцев был гарантирован.

Ленинград

Сергей РАЗИН

ПЕСТРАЯ СМЕСЬ

В музее гиды рассказывают о том вреде, который может принести здоровью сауна, если пренебречь традиционными правилами пользования, выработанными вековым опытом народа. Например, повышенная температура (свыше 115°С), к которой неразумно стремятся некоторые «рекордсмены», утомляет тело, притупляет умственную деятельность. Процедуры в парилке, сопровождаемые возлияниями спиртных напитков, разрушают сердце, повышают давление. Правильное же пользование активизирует кровообращение, снимает стрессы, усиливает деятельность гормонов. Сауна восстанавливает работоспособность после физического утомления, дает жизнерадостное настроение. Во многих случаях, если находиться в бане не свыше 10 минут, она оказывает лечебное действие.

Воспитывать чувство высокой ответственности за сохранение и приумножение природных богатств, бережливое их использование.

Из Основных направлений экономического и социального развития СССР

НА СЕВЕРЕ штата Нью-Йорк, в горах Адирондак, воды озер отличаются особенной кристальной голубизной. По берегам озер раскинулись густые леса. Места эти поражают своей красотой и необычной тишиной, но тишина кажется нездоровой, гнетущей. Не плещется в ручьях форель, не слышно кваканья лягушек, криков гагар и зимородков. Еще совсем недавно их было здесь великое множество. Все они погибли — из-за кислотных дождей. Секрет кристальной прозрачности воды — в ее повышенной кислотности. Это угрожающий признак того, что озеро, как и сотни других озер в северо-восточной части Северной Америки, гибнет от низвергающейся с небес кислоты.

БЫТЬ ПЛАНЕТЕ ГОЛУБОЙ!

Ущерб, наносимый кислотными дождями в США,— лишь часть огромной проблемы, которая волнует сегодня ученых и общественность всего мира,— проблемы защиты нашей биосферы. 5 июня — Всемирный день охраны окружающей среды. В этот день прогрессивные люди земли голосуют за мирное будущее нашей голубой планеты, нашего большого и такого хрупкого дома...

Наш собеседник — известный биолог, директор отдела экологии ЮНЕСКО доктор Франческо ди Кастри. Тему разговора определили наиболее острые проблемы охраны окружающей среды.

— Раз уж мы начали с кислотных дождей, давайте посмотрим, насколько опасно сегодня это порождение развитого индустриального общества.

Химические осадки вызывают большое беспокойство у фермеров, так как они наносят значительный ущерб урожаям. Страдают памятники культуры и постройки, ведь кислотный дождь обладает способностью растворять некоторые строительные материалы, например камень и бронзу. Он угрожает здоровью человека, проникая в питьевую воду.

Но кислотные дожди — бич не только для Северной Америки. В Европе и Азии проблема стоит не менее остро. В Швеции около 20 тысяч озер поражены смертоносными осадками. В Западной Германии их выпало такое громадное количество, что, по словам английского журнала «Нейчур», лесам ФРГ нанесен непоправимый ущерб. В некоторых промышленных районах Китая древние скульптуры, простоявшие в первозданном виде около тысячелетия, за последние годы были буквально разъедены кислотными осадками. Что же говорить о Лос-Анджелесе, где появился туман более кислый, чем уксус?

— А может быть, кислотные дожди — это не только порождение человека, но и самой природы?

— Да, природа тоже может создавать их, например, во время вулканических извержений, но все-таки основные их источники — двуокись серы и окись азота — продукты сгорания ископаемого топлива. В солнечных лучах, действующих как катализатор, двуокись серы и окись азота, распыленные в воздухе, вступают в реакцию с водяными парами, и происходит несложная химическая реакция с образованием растворов серной и азотной кислот, они-то и выпадают в виде осадков. В почве в результате реакций высвобождаются свободный алюминий и калий. Они очень опасны для корневой системы деревьев. Растительность гибнет. Затем продукты распада попадают в озера, уничтожая в них все живое. Рыба особенно чувствительна к отравлению алюминием.

Недавно ученые США подготовили два доклада, в которых неопровержимо доказали, что кислотные дожди — результат человеческой деятельности и количество их можно уменьшить, если за дело взяться немедленно.

— Существует ли действенное средство против этого яда?

— Очистка выбрасываемого газа — самый радикальный способ борьбы с загрязнением воздуха, но и самый дорогой...

— Одному известному американскому метеорологу принадлежат такие слова: «Одно из двух — или люди сделают так, что в воздухе станет меньше дыма, или дым сделает так, что на Земле станет меньше людей».

— В этих словах все правда. Из космоса особенно отчетливо видны следы сильного загрязнения атмосферы — дымовые шлейфы тянутся во всех направлениях гораздо дальше, чем считалось ранее. Сильнее всего задымлено небо над промышленными центрами США, Англии, ФРГ и Японии. Источники различны: заводы и автомобили, горящие леса и пылящие участки вытоптанной земли. Американские астронавты долго не могли получить качественных снимков Лос-Анджелеса — весь район выглядел с высоты как огромное грязное пятно. Более 300 лет назад получила аллергию от лондонского угольного смога королева Елизавета. Сегодня жители многих крупных городов США, Японии и даже население Тегерана прибегают уже к защитным маскам...

— Перенесемся в другую среду — морскую. Загрязнение не миновало и Мировой океан.

— Я вспоминаю газетные сообщения последних месяцев, взволновавшие общественность у меня на родине, в Италии.

...Белесое, похожее на медузу пятно, испускавшее зловоние, медленно текло в сторону Адриатического моря. На подозрении — химический завод «Трентино-Альто-Адидже». Проведены химические анализы. По предварительным данным, пятно длиной 20 километров, шириной чуть меньше и толщиной в один метр, обладает канцерогенными и токсичными свойствами. Отдано распоряжение перекрыть водопровод, закрыть школы в Адидже, местные предприятия по переработке рыбы...

Такие события не редкость в сегодняшней Италии. Вспомните случай, когда в реке По погибли тысячи тонн рыбы из-за того, что хозяева предприятий сбросили туда ядовитые отходы. Аналогичная обстановка складывается и в ФРГ — на Эльбе и Рейне. Но вернемся к океану, он страдает не только от сбросов ядовитых отходов, но и от самой нефти.

Уже десятилетие назад четверть всей нефти добывалась со дна моря. Нефтеносные пласты континентального шельфа несколько ослабили тиски энергетического кризиса, но Мировому океану, прибрежным обитателям принесли страшную экологическую угрозу. Выбросы нефти на месторождениях, аварии танкеров, потери при перекачке в портах — все это губительные действия по отношению к подводному миру.

Омара, рыбу или другое неосторожное существо, попавших в цепкие объятия нефтяного пятна, можно сравнить с человеком, оказавшимся в облаке ядовитого смога. Постепенно яд проникает в кожу, образует пленку на глазах, в ушах и органах дыхания, теряется координация движений, а затем наступает смерть. Ученые установили, что многие морские организмы быстро погибают даже при ничтожных концентрациях — от 5 до 50 частей нефти на миллион частей воды!

Большая доля загрязнений попадает в море из воздуха с частичками пыли или с дождем. Именно так оказываются в морской воде токсичные металлы. Они же привносятся сюда с химическими стоками. Ртуть сказывается прежде всего на млекопитающих, которые ждут потомства,— морских львах, китах, морских свиньях. Но, пожалуй, самые страшные враги живого в море — гербициды и инсектициды, смываемые с суши. Несмотря на то что применение ДДТ в США было запрещено в 1971 году, он все еще хранится в слое донных отложений. У взрослых рыб пестициды накапливаются в печени. У морских львов они вызывают преждевременные роды. Жалкие детеныши рождаются без меха, у них нарушены координация движения и дыхание. Они погибают вскоре после появления на свет...

— Другой «океан» планеты — зеленый. К 1980 году на Земле сохранилось около одного миллиарда гектаров влажных тропических лесов. К 2000 году лес исчезнет на 12 процентах этой площади. Если уничтожение тропических лесов не прекратится, то к 2100 году с ними будет покончено.

мир вокруг нас

ЧТО ДАЕТ КАДАСТР? Всемирный экологический бум сделал модным слово «экология». Но конкретное значение его для многих остается неясным. А ведь от экологической ситуации во многом зависит наше общее будущее, потому что экология — это наука, которая изучает взаимосвязи организмов между собой и с внешним миром. «Экос», или «ойкос», в переводе с греческого — «дом».

Однако за последние десятилетия состояние этого «дома» значительно ухудшилось. Наше влияние на природу настолько возросло, что она часто не успевает восстанавливаться естественным путем. Возникает угроза нормальной жизни растений, животных и человека.

Ученые кафедры природопользования Ростовского университета показали: из-за того, что не учитывали экологические особенности воспроизводства кормовых трав, продуктивность донских пойм снизилась в 2—3 раза. Сегодня экологам уже известны пути восстановления плодородия донских почв, нарушенных эрозией. Но для того чтобы выяснить причины, понадобилось слишком много времени... Сегодняшний день требует от ученых создания Экологического кадастра СССР, то есть характеристики территории СССР и ее частей с комплексной оценкой экологических условий. Какая агротехника применима на данной территории? Высока ли будет урожайность той или иной культуры? На эти и многие другие вопросы должна ответить система экологической оценки природных угодий, разработанная в Ростовском университете и Московском обществе испытателей природы.

ЗЕЛЕНЫЕ КВАРТАЛЫ. Облик городов XXI века немыслим без зеленой архитектуры. Многие вопросы, связанные с озеленением городских кварталов, решают специалисты лаборатории градостроительной экологии при ЛенНИИпроекте. Рекомендации, которые готовят ее сотрудники, помогут обеспечить чистоту атмосферы и водоемов, подскажут, где и сколько разбить парков, скверов, садов в черте города. Все решения в природоохранной работе тщательно взвешивают и продумывают, здесь не должно быть мелочей.

Это данные ООН. На Папуа — Новой Гвинее власти приняли решение сохранить участок тропических лесов, чтобы спасти уникальных райских птиц. Когда тут ревели пилы и тракторы, птицы исчезли. Сейчас они снова вернулись в свои гнезда. Это как бы символ спасенной природы. Значит, еще не все потеряно?

— Прежде скажу немного о лесах. Интенсивная их вырубка продолжается. В Латинской Америке с конца войны и по настоящее время уничтожено две трети всех лесов. Половины лесных богатств лишились Африка и многие страны Азии. Международные монополии хищнически вырубают целые массивы лесов, никак не заботясь об их восстановлении. Все это грозит опасными экономическими и экологическими последствиями. Оголенная почва, подогреваемая солнцем, гораздо больше подвержена эрозии, проливные дожди уносят плодородный слой, приводят к возникновению оврагов, вызывают наводнения. Все сильнее в связи с ростом населения ощущается нехватка древесины для топлива. Кроме того, каждый год в результате лесных пожаров гибнет растительность в объеме, эквивалентном 80 миллионам тонн фуража: этого было бы достаточно, чтобы прокормить в течение сухого сезона 30 миллионов голов скота.

Между тем лес — легкие планеты. За год гектар леса выделяет от двух до пяти тонн кислорода и поглощает от трех до шести тонн углекислого газа. Лесные посадки очищают воздух от промышленной пыли, оказывают благотворное действие на водный режим рек, озер, сохраняют почву от эрозии.

МИР ВОКРУГ НАС

СПАСЕННЫЕ ПТИЧЬИ ЖИЗНИ. Десятилетия назад дымящиеся фабричные трубы и сточные воды, загрязняющие голубую гладь рек, казались неизбежными спутниками прогресса. Шлейфы выхлопных газов за автомобилями и клубы дыма над локомотивами даже радовали глаз: вот он какой — XX век!..

Сегодня каждый пятиклассник знает, что природу надо беречь и охранять пуще глаза. Но как? Любой шаг в этой области требует точных знаний и продуманных решений ученых и инженеров. Специалисты ВНИИ природных газов изобрели нехитрое устройство, которое спасает тысячи птичьих жизней и предотвращает нарушения в работе линий электропередачи. «Присада-1», так оно называется, состоит из полутораметровых штанг с закрепленными на них «посадочными площадками» для перелетных птиц. Три тысячи таких присад уже установлены на опорах высоковольтных линий вдоль трасс нефте- и газопроводов в степных зонах.

ЗАКАЗНИК ДЛЯ ШМЕЛЕЙ. В Литовской ССР есть районы, где сравнительно мало водоемов и площади лесов значительно ниже нормы — все это места, малопригодные для обитания диких животных. На помощь им приходят люди. В Капсукском районе земледельцы впервые в республике изготовили механические приспособления для отпугивания диких животных во время сенокоса и зерноуборочных работ. Это спасло множество зайцев, куропаток и других обитателей лесов и полей.

В Красную книгу Литвы занесены все виды шмелей. Зачем? — спросят некоторые, ведь это не такие уж редкие насекомые. Но, оказывается, резкое сокращение их численности приводит к тому, что снижается урожайность некоторых ценных кормовых трав.

В республике создано 174 заказника. Среди них три — для болотных черепах и два—для насекомых. Вокруг всех водоемов выделены охранные зоны и полосы, в которых запрещены хозяйственные работы. У каждого озера, водохранилища и реки есть свой хозяин, который разводит рыбу, устраивает искусственные нерестилища, охраняет подводных обитателей от заморов.

— Можно ли сегодня, когда постоянно растет потребность в древесине, при высоких темпах индустриализации сохранить лесные массивы?

— Ученые многих стран считают, что можно. У человечества есть для этого реальные возможности. Пример тому — лесное хозяйство вашей страны. Действительно, на долю Советского Союза приходится пятая часть всех мировых запасов леса. Казалось бы, можно было бы и не заботиться о его восстановлении... Но Советское государство проявляет постоянную заботу о сохранении и умножении своих зеленых богатств. Идет планомерное научно обоснованное восстановление лесов — массовые посадки на вырубках и неудобных для сельского хозяйства землях. Главный принцип — восстанавливать больше, чем вырубать. Наглядные примеры рационального ведения лесного хозяйства мне довелось увидеть в Белоруссии в дни I Международного конгресса по биосферным заповедникам.

Значит, опыт СССР и других стран все-таки позволяет вести хозяйство таким образом, чтобы охрана природы сочеталась с разумным ее использованием! Наша главная задача — примирить две на первый взгляд взаимоисключающие тенденции: защищать дикую природу и черпать из нее. Идея отделить человека от природы бездумна, она вне диалектики, поэтому-то мы и назвали нашу всемирную программу «Человек и биосфера» (МАБ), подчеркивая единство человека и окружающей среды. Наивно думать, что будет общество без развитых технологий и промышленности. Но все дело в том, чтобы сделать индустрию экологичной, а технологии по возможности малоотходными.

Конечно, за миллионы лет эволюции природа научилась приспосабливаться. Есть бактерии, которые могут жить даже в концентрированных растворах кислоты. Появятся и такие микроорганизмы, которые будут процветать в самых отравленных водах, нейтрализуя их. Но нужно ли допускать такие крайности? Сегодня для нас важно преодолеть бесцеремонность по отношению к природе тех, кто пытается решать вместо нас — уничтожать или нет. Этаких безголовых хозяйственников, не видящих дальше собственного носа. Они привыкли делить природу на «восстановимую» и «невосстановимую». На самом деле понятия эти условные, ибо полностью восстановить уничтоженный лес со всем его генетическим фондом невозможно, как невозможно заново создать новый коралловый риф и ковыльные степи. Или миллионы гектаров погибших от эрозии плодородных земель...

Чтобы экологический кризис не перерос в экологическую катастрофу, нужно сейчас, не мешкая, закладывать основы всеобщего экологического образования молодежи — природоохранного всеобуча, выражаясь русским языком. Экологически грамотные инженеры прекрасно сознают, что восстанавливать нарушенную природу куда сложнее и дороже, чем создать экологическую экономику и действовать по экологически выверенным параметрам. Такого рода деятельность — одно из ярчайших проявлений патриотизма.

МЫ КОСНУЛИСЬ лишь нескольких аспектов наступления человека на окружающую среду. Можно было бы много говорить и о проблемах биосферных заповедников, и о разгуле контрабанды экзотическими видами животных и растений, и о многом-многом другом.

Может статься, что мы, люди, окажемся единственными разумными существами во Вселенной. Так неужели человечество позволит превратить свой голубой дом в мрачную пустыню, лишить его зелени лесов, синевы морей, океанов и рек, всех красок жизни?

Беседу вел Н. НИКОЛАЕВ

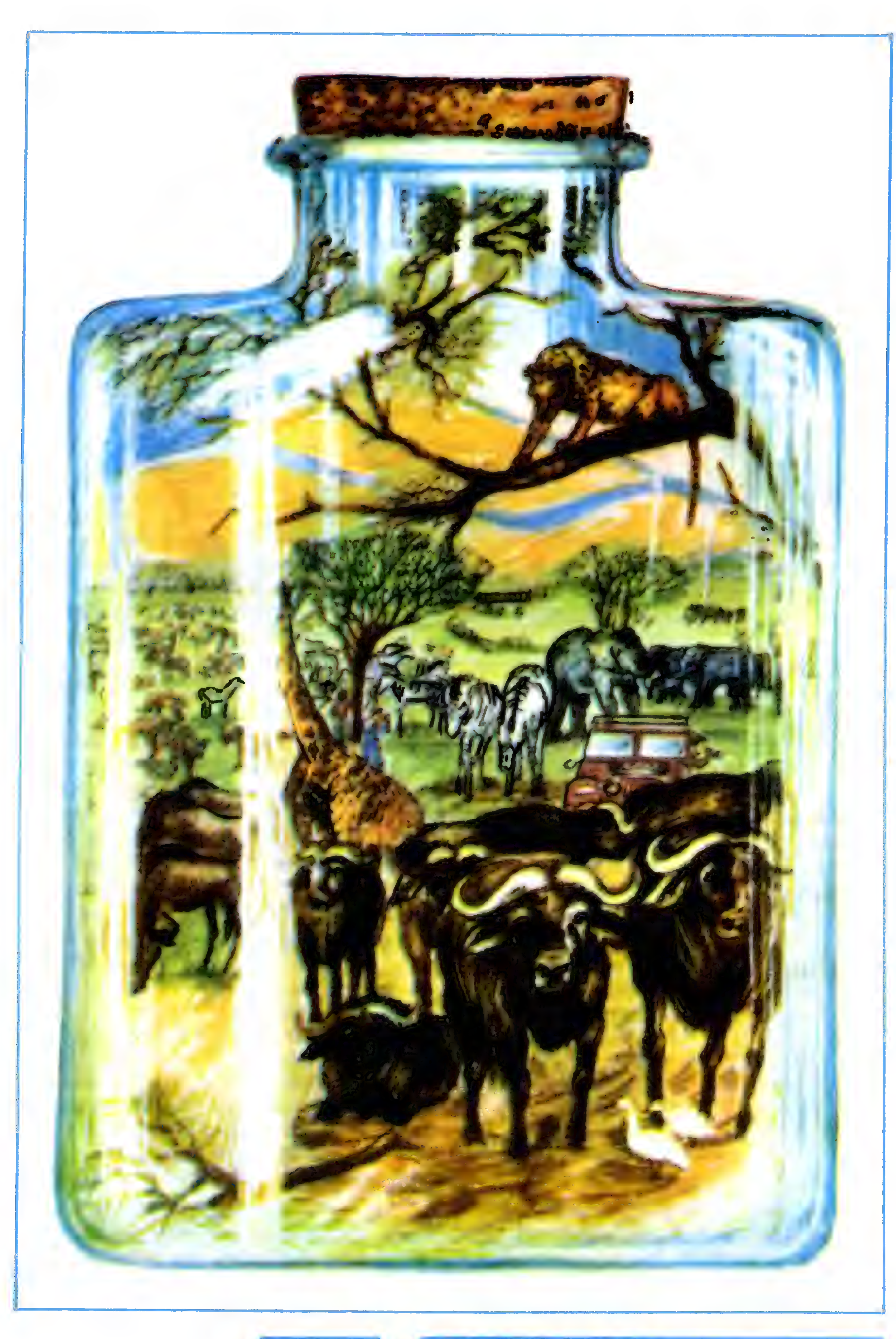
Рисунок Ю. МАКАРЕНКО

— Ты и сегодня будешь здесь ночевать?

Первая страница обложки «Товарища»: «Кто в тереме живет?» Фото В. ЯХНИСА

Четвертая страница обложки «Товарища»: Это плакат, выпущенный ЮНЕСКО специально к открытию I Международного конгресса по биосферным заповедникам. Дикая природа — в данном случае саванны Африки — взята здесь под строгую охрану. Правилен ли такой подход? Вот распространенное мнение: человечество еще очень невежественный хозяин на своей планете. Так, может быть, пока оно «поумнеет», следует превратить все места, где еще сохранилась дикая природа, в строго охраняемые заповедники и тем самым спасти ее, создавая безотходные технологии? Но тогда всю землю надо превратить в заповедник, а это нереально. Здесь нужен индивидуальный подход. А в целом нужна общая экологическая культура всех людей планеты...

ЖУРНАЛ В ЖУРНАЛЕ

Товарищ

Валерий ГАНИЧЕВ

РОСС НЕПОБЕДИМЫЙ

Продолжение. Начало на стр. 115

— Сорадуюсь благополучию вашему, христолюбивые и верные верного коша воины! Уж скорбь и смущение отъяты от сердец ваших, уже бытие ваше незыблемо!

Максим стоял вдали от церкви, и до него доносились не все слова, но он слышал, что архиепископ призывал их помыслить о своем состоянии и поблагодарить царицу.

— Кто служит по долгу... имеет ли право требовать и определять себе награждения? Все, что бы ни делали мы, есть наша обязанность, есть следствие нашей верности, любви и повиновения...

...Вы слышали те похвалы, коими удостоены ваши ратные подвиги и прочие добродетели. И что может быть славнее, что честнее, чем похвала... Титлы с бытием нашим исчезнут, драгоценности перейдут в руки других. Начертания... ублажняющие ваши подвиги пребудут... уготованы вам земли и воды благосклонные изобилием потребностей чистейших.

Он закончил свое краткое поучение, благословил казаков на путь долгий и подвиги во имя христианства и отступил назад.

Чепига снова негромко, но все равно это было слышно по всей площади, сказал:

— Ну так що ж, панове, надо волю императрицы исполнять, и через дня три посунем на Кубань. — Немного подумал и закончил: — Та казаку больше часу и не треба. Так что звиздцы ранком по куреням, через села наши

пойдем! — Не сдержался и добавил: — Ридна земля, Украина мила, прощевай!

Сто один раз выстрелили пушки в честь императрицы, пятьдесят один за наследника, да за Сенат стреляли, да за Синод, за все православное войско, за кошевого, за судью.

Э-э-э, да кто там их уже считал, те выстрелы!..

У кошевого, у судьи, да и рядом с церковью раскинулись столы с хлебом, салом, цибулей, всякой мужской закуской и горилкой, на которую кошевой не поскупился. Чарка шла за чаркой. Пархоменко все приговаривал:

— Ось дождалысь, так дождалысь! Ну и плата-розплата! — Потом выпивал очередную чарку и обращался к Максиму: — Та воно и ничего — границю знов будем держаты, рыбу ловыты. А може, и оженюся, га, Максимэ? А ты пойдешь?

— Не, друже, я зостанусь тут. Тут еще есть дила, кое с кем расплатиться надо. Да ще заполонила менэ одна красуня.

— Чи то не та московка, шо з староверов, двумя перстами молящихся?

— Та, та, дружэ.

— Ну бабы, ну жинки прокляти, такого козака вид шабли виднимают. Ни, не буду, не буду жениться. Поиду на ту Тамань, хай там буде моя Сич! Ось там, може, и оженюсь. — Он выпил еще одну чарку, встал и крикнул. — Ну годи! Годи нам, казакам, журытыся, — и, наклонившись к Максиму, что сидел рядом с ним, попросил: — А ты, друже, склади писню про нас! Та шоб не жально було, не смутно. — И, выхватив пистолет, еще раз выстрелил вверх. И всю ночь над слободою гремели выстрелы. Шум был великий.

* * *

Через трое суток задымила, закурчавела дорога на восток. Над степным разноцветьем, поросшими кустарниками оврагами, беспокойной водой Днестра неслась лихая с сердечной грустью и болью песня:

Эй, годи нам журытыся, пора перестаты,
Дождалися от царицы за службу зарплаты...
В Тамани жить, вирно служить, границю держаты,
Рыбу ловить, горилку пить, щей будем богаты,
Да вжеж треба женитися и хлиба робыты,
Кто прийде к нам из невирных, то як врага быты.

КОНТРАКТЫ УТВЕРЖДАЮТСЯ

Херсон генерал-аншефу Суворову нравился больше, чем финские города, откуда он только что приехал. То ли его живой, изменяющийся вид соответствовал генеральскому характеру, то ли воспоминания о недавних победах в этих землях у Кинбурна придавали ему силу и энергию.

Получив новое назначение сюда в конце 1792 года, он немедленно отправился на юг, где рескриптом Екатерины ему перепоручались войска в «Екатеринославской губернии, Тавриде и во вновь приобретенной области» с предписанием укрепить границу.

В неморозный южный декабрьский день оказался в Херсоне. Сразу принялся за дело. За полгода его командования город изменился. Исчезли с базара торговавшие рыбой и дичью егеря и гренадеры, просохли сырые, неухоженные госпитали, изгнаны косившие гарнизон и обывателей болезни, солдаты были накормлены и обихожены, в полках воцарил порядок, начались постоянные учения — экзерциции. Прибытие Суворова почувствовалось и на той стороне Черного моря — попритихла воинственная Порта, там громче послышался голос сторонников мира с Россией.

Особой заботой генерал-аншефа были крепостные укрепления, все строения и сооружения, укреплявшие оборону. А на то время он был едва ли не лучший организатор по их строительству и наблюдению за ними. Все считали, что он только в поле может сражаться, а он все для победы любил делать наверняка. И крепостные стены всегда брал в учет при всех баталиях. Строить укрепления, инженерные сооружения любил и раньше на Кинбурне, у Измаила. Особо совершенствовался при этом в Финляндии, хотя там оказался не по своей охоте.

Ни к кому не любил и не хотел приноравливаться. После штурма и взятия Измаила сиятельный князь Потемкин обратился к нему, что́ бы он пожелал себе в награду. Тогда ответил резко и непримиримо: «Я не купец. И не торговаться с вами приехал. Кроме бога и государыни, никто меня наградить не может». Потемкин, хоть и знал, сколь велики заслуги генерала, но дерзости не простил. Результат: наградой достойной его обошли. Екатерина, правда, тоже понимала, что генерал ей еще пона-

добится, и послала вроде бы с важным поручением проинспектировать крепости Финляндии. Он проинспектировал, составил план укрепления и получил немедленное указание осуществить оный. В Петербурге же в это время гремела музыка в честь победителей Измаила. Но его слуха она не достигла. Рабочая ссылка. В ней можно расслабиться, опустить руки, запросить прощения, но Суворов безвыходных положений не признавал. «Играть хоть в бабки, коль в кегли нельзя». За короткий срок там, на севере, возвели новые форты, укрепили старые крепости, провели каналы, вырыли рвы. Надо всем этим думал, организовывал, не ждал помощи — строил кирпичные заводы, жег известь, заготовлял лес. За полгода Финляндия стала неприступной.

Не терял времени: изучал фортификацию в деле, по морскому искусству сдал экзамен на мичмана, учил финский.

Но вот закончилась война, высокие награды получили все, кто был поближе к трону, а он, ее «решитель», отмечен был лишь походя. Обидно невыносимо. Крякнул тогда, да и только.

Кто-то шепнул генералу о том, что нынче лучше быть ненагражденным, чем с наградой. Скоро придет к власти наследник, а он неизвестно как посмотрит на разукрашенных орденами.

Суворов это смягчение удара не принял, награды державные уважал, они, как звания и деньги, отмечали работу, освобождали от излишней опеки и придирок. Поэтому и был кровно обижен, уязвлен. Да и за спиной пускали ехидный смешок: «Неугоден! Неугоден!» А он угоден, угоден будет! Угоден России, угоден Отечеству! Сцепив зубы, успокоив сердце, укротив характер, будет делать дело, утончать умение, упреждать противника. Но недругов при дворе ублажать не будет, родственников да сыночков — этих немогузнаек поощрять не собирается, поблажек им не сделает, хапуг не поддержит.

Пусть не будет еще одной награды, но подлецу руку не подаст, со взяточником не раскланяется, развратника обойдет, а над наушником и ябедой надсмеется. Правда, сильные и богатые сими качествами обладают нередко. А им ведь все и всем сразу в глаза не скажешь. Голова полетит, а она ведь нужна для дела, для побед российского оружия. Подумал, увидел петуха и ухмыльнулся: «Я им по-петушиному крикну. Они, может, сразу не пой-

мут, а мне облегчение. Все баталии у всех сразу не выиграешь. Надо в главных сражениях побеждать, тогда враг отступит, запросит пардону». Понял, что надо еще сильнее зажать себя в кулак, еще точнее мыслить, еще быстрее решать, еще ближе быть к солдату, а он не подведет, не оставит в беде, не забудет заботу и храбрость.

Турки, замирившись, не остыли, зашевелились снова. Воевать было невмоготу. Армии поредели. Люди ропщут, казна пустеет. Екатерина и приняла тогда решение: отправить на юг Суворова, дабы упрочить границу и предупредить нападение. Да и покойный Потемкин уже не возразит. А здесь генерал взялся за дело с энергией необыкновенной. Предстояло возвести новые крепости, укрепить старые, найти удобные гавани, построить там порты. За все сие отвечал он.

Побережье знал не только по карте, почти все объехал, осмотрел бухты. Многое помнил по кампании первой и второй войн с турками. Решил строить быстро, дешево и надежно. Заключил контракт с подрядчиками, выдав векселя и задатки на сто тысяч казенных денег, занятых у Мордвинова в адмиралтействе. Закипела работа. И вдруг удар. Удар беспощадный и наповал, на полное уничтожение. Из Петербурга пришел новый рескрипт, который объявил все контракты недействительными и предписал «по мирной поре и ненадобности экстренных мер действовать не столь поспешно и по закону». Бесчестие и опала ждали Суворова. В эти дни был резок — «свирепствовал». Как никогда, наказывал за малейшие нарушения, распекал, одергивал. Весь город замер, ждал. По величине обиды надо было подавать в отставку. Но не сдался, решил продать все свои деревни, выручить деньги для подрядчиков и возвращения в казну.

«В каких я подлостях, — писал Хвостову, — и князь Григорий Александрович никогда меня так не обижал». Руки опускались, обида застилала глаза, хотелось все бросить. Но знал, знал, что труды его нужны Отечеству, а тот, кто сии зловредные решения нашептывал, может быть, и добивался его отставки, ослепления обидой, страха перед принятием решения. Добивался окостенения, оцепенения его воли, столбняка вельможного, задопочитания. Обидно? Обидно! Горько? Горько! Но он не расплавится, не рассыплется от горечи и обиды.

И вот сегодня радостный день. День победы для него немалой. С утра после того, когда он уже побегал по са-

ду, где у него висели на двух деревьях бумажки с турецкими словами для заучивания, облился водой и спел два духовных канта, без доклада, но с почтением вошел с пакетом царский гонец. Суворов выпроводил его, шлепнув ниже спины, и не спеша вскрыл послание. Запрыгали строчки. Увидел главное: «по высочайшему повелению все законтрактованное графом Суворовым заплатить немедленно, а 100 тысяч, взятых им у вице-адмирала Мордвинова, не засчитывать в число ассигнованных сумм на построение крепостей по Днепру». Кроме того, было указание выделить для строительства укреплений на юге двести пятьдесят тысяч дополнительно. Это уже была существенная поддержка и помощь.

— Прошка! — крикнул денщику. — Давай мундир! Поедем на Кошевую.

Место это на протоке Днепра велел еще в прошлом году расчистить, в тенистой роще проделал аллеи, дорожки. Построенный при Потемкине воксал приказал отремонтировать. Как любили херсонцы, когда в воскресные дни приходили туда военные музыканты и играли музыку.

Вот и сегодня к обеду на Кошевую потянулись дрожки, кареты, кибитки. По обочине с узелками и свертками шел мастеровой народ с женами. На балконе воксала стоял весь в черном морской оркестр. При виде Суворова капельмейстер взмахнул палочкой, грянул «Гром победы, раздавайся», солдаты и офицеры, чиновники и негоцианты, лекари и помещики закричали «ура», дамы замахали платочками.

Суворов вышел из кареты, поднял два раза руки в приветствии и быстро пошел по аллее к беседке, где расположились местные толстосумы.

— Виват вам, милостивые господа. Пошто время теряете? Государыня давно рескрипт издала о стройках и ассигнованиях. Все кредиты подтвердила тем, кто посерьезному мыслит делом заняться.

Купцы подняли шляпы и шапочки для приветствия, замерли. У одних на лица наплывала радость, другие удрученно моргали, третьи испытующе глядели на генерала. А тот, будто не замечая замешательства, обхватил ручкой одного из них и стал спрашивать когда будет готов он поставить дерево, железные скобы, бут каменный для строительства нового порта. Поставщик пыхтел, тужился,

чувствовалось, что ругался про себя за то, что не поверил слову всегда верного обязательствам генерала.

— В общем, так, батенька, через месяц материалов не будет — неустойку заплатишь, а контракт другому отдадим. — И пошел по аллеям в коридоре поклонов и дамских воздушных поцелуев.

Весь день был в радостных указаниях, подтверждениях предыдущих приказов и к вечеру, оставшись один, решил еще раз оглядеть всю территорию.

Разложил карту на столе, прочитал ее мудреное наименование: «Карта географическая, изображающая область Озу или Эдизана, иначе называемую Очаковской землею и присоединенною к Российскому государству в силу заключенного в Яссах в декабре 1791 Мирного договора. Инженер-майор и кавалер Деволант». Стал одной ногой на стул, оперся локтем на нее, медленно и задумчиво повел гусиным пером по побережью Азовского и Черного морей. Подержал кончик пера у Таганрога, о чем-то подумал, перевел его на Крым, где почиркал у Керчи, Козлова, затем перескочил пером к Севастополю. Потом быстро сел на стул, придвинул бумагу и начал делать заметки. Остановился, наклонил голову, повел пером через Херсон к Николаеву, а затем к Очакову. У Кинбурнской косы замерил расстояния линейкой и задумался. Засвистал негромко и вдруг, забежав с другой стороны стола, лег на живот и остановил свой взгляд на Гаджибейской бухте...

Генерал-аншеф лежал на животе и болтал ногами в воздухе, когда в зал зашли инженер-полковник Де Волан и вице-адмирал Де Рибас. Спокойный и выдержанный Де Волан остался стоять у дверей, а Рибас забежал перед Суворовым, который, казалось, ничего не видел и не слышал шагов. Рибас потоптался и присел на корточки, чтобы уловить взгляд генерала. Суворов не двинулся, а пальцем указал ему на карту:

— Хороша гавань, не замерзает. Убежище славно для флота.

Де Рибас, сидя на корточках, закивал:

— Так, так, господин граф. Мы адмиралу Мордвинову о сем твердим давно.

Суворов ловко соскочил со стола, подбежал к Де Волану и повторил:

— Хороша гавань... На хорошем месте. Но и Очакову не стоит хиреть. — Взял за пуговицу мундира и, как буд-

то продолжая разговор, спросил: — Чем от ветров западных и восточных заслонять будем, паче чаяния построим город?

Де Волан раскрыл папку с изяществом брабантского дворянина и деловито стал объяснять, что в бухте хороший грунт, испытанный и нашими моряками, и прежними владельцами. А от ветров, как в Генуе, Неаполе, Ливорно, надобно мол каменный делать.

Суворов кивал, о чем-то думал и строго спросил опять у него:

— А сколь дорого стоить будет сия игрушка?

— Не больше, не больше, чем жете и выходные каналы, кои вице-адмирал Мордвинов предлагает в Кинбурне и Очакове сделать для флота.

— А делали ли вы промеры у берега и во всей бухте? — обратился на этот раз Суворов к Де Рибасу.

— Нет, ваше сиятельство, но обязательно сделаем, как приедем.

— Ну вот что, голубчики. Делайте промеры, готовьте план и все расчеты на постройку гавани и порта, а также сооружений оборонных.

Де Рибас человек был храбрый, отличался горячими изъявлениями своих чувств и столь же быстро остывал. Как истый испанец и неаполитанский моряк, любил пожить весело, со вкусом, умел прихвастнуть, забыться в разговоре. Было, правда, известно его преклонение перед знатью, перед августейшими особами. Тут он был полный раб, и из храбрейшего командира превращался в коленопреклоненного слугу. Ну да мало кто из служилых людей отличался в то время другими нравами. Ведь от мнения монарха, от его окружения, улыбок и взглядов зависело все будущее, в котором будут или достаток, обслуживающая челядь, спокойная старость или полуголодная бедность, жалкая одежда и безвестность.

Были, конечно, кто позволял себе спокойно говорить с императрицей, но те немногие и сами имели несусветные богатства или знатнейшее родство.

Де Рибас хотел доказать и некоторым своим друзьям, что его недаром пригрела российская корона: он ее ревностный и достойный служака. Была, конечно, и тоска по голубому неаполитанскому заливу, по южному жаркому солнцу, по острым приправам испанской и итальянской

кухни. Но тут наплывала новая баталия, хитрая интрига, вкусное русское блюдо, и превращался он в залихватского певучего морского капитана Дерибасова, а в бою пуля не выбирала, в кого попасть: то ли в неаполитанского канцоне, то ли в русского лихого командира!

Еще раньше после морских удачливых баталий в Средиземном море в первую русско-турецкую войну, проведенных под флагом Орлова, он был замечен и приглашен в Петербург. Здесь влиятельный и властвовавший в приемных Екатерины Бецкой «положил глаз» на бравого моряка-испанца. Положил и женил на своей родственнице. Однако Де Рибаса тянуло на юг, и здесь он храбро лез во все опасные кампании, командовал гребными судами, штурмовал Гаджибей и Измаил. И вот сейчас хотелось ему застолбить свое имя в России, принять участие в создании то ли порта, то ли крепости, где можно было покомандовать, побыть хозяином.

Де Рибас видел, что Суворов думает, размышляет, и решил одним махом склонить его в свою сторону в противоборстве с адмиралом Мордвиновым. Он быстро и решительно заговорил, помогая себе руками: они у него то обращались вверх, то расходились в стороны, то скрещивались на груди, то бессильно повисали вдоль тела. Суворов, казалось, усиленно изучал их, следил за быстрыми движениями вице-адмирала и вдруг обратился к застывшей правой руке:

— А правда, моряки говорят, что к вам, милостивая государыня, кое-что пристало, а при будущей постройке вы можете совсем золотой стать?

Де Рибас замер, посмотрел на свою руку, отведенную в сторону, и, щелкнув пальцами, просто закончил:

— Я покажу этому английскому сановнику Мордвинову, как распространять слухи. Он еще сам не раз пересчитает свои счета. В Петербурге есть и у меня люди. Он думает, если я испанец, то смолчу!

Суворов хмыкнул:

— Хм! Помилуй бог! Помилуй бог! На всех говорят. Но надо, чтобы сам знал, что воровство гибельно для души и дела. — И, подталкивая к выходу, заключил: — Испанцы славные воины и мореходы хорошие. А ты какой ныне гишпанец? Слуга императрицы, и служи ей верно. Считайте, считайте, голубчики! Меряйте! Надо решать скоро!

ШТОРМ ПРИБЛИЖАЕТСЯ

Черный кот потянулся и неожиданно вскочил на стол. Место это было предназначено не для котов, и адмирал Мордвинов решительно схватил его за шиворот. И чтобы знал, шельмец, о неуместности подобных поступков, ударил линейкой. Кот второго удара не ждал.

Адмирал подошел к окну, распахнул створки. Буг трепетал, бился мелкой волной, но посередине уверенно шел быстроходный фрегат, щеголявший после ремонта белыми заплатами из новых досок.

В море шторм! А здесь можно быть спокойным. А именно спокойствие и выдержка должны отличать военного моряка, джентльмена, считал адмирал.

Он возвратился за стол. Достал бумаги. Ох, опять эти химеры Де Рибаса. Куда только смотрит Суворов? Задумался. Голова тяжелела и тихо склонялась к плечу...

* * *

В этот город адмирал был влюблен не меньше Потемкина. Тот даже умирать ехал в «свой Николаев». Не доехал, лег в молдавской степи, оставив незавершенными десятки замыслов, проектов, лишив покровительства многих. Но были и те, кто вздохнул спокойно, с облегчением.

Вот и он, Николай Семенович Мордвинов, считал, что пал от амбиции светлейшего князя, стал жертвой интриги. «Есть ли человек, который столь сильно и много обижен был, как я?» — часто говаривал друзьям. Очередной раз отсылая персики и виноград к советнику и секретарю Потемкина Попову, писал с обидой:

«Объявлен я был вором, описан раздирателем всякого порядка, расточителем казны, глупым невеждою, нерадивым, злым духом, вращающимся в хаосе, хуже сатаны!»

Контрактам, которые он подписывал, ходу не давали, по счетам велись расследования, попросили с поста. Жену его любимую за английское происхождение не щадили. А ведь неплохо начинал он здесь, на юге. Тогда, в 1785 году в Херсоне, благодаря стараниям Потемкина было открыто черноморское адмиралтейское правление, он по лестному ордеру самого светлейшего князя приглашен был туда в звании старшего члена, капитана I ранга, как «офицер отличнейших познаний». Подтвердил это, соста-

вив добрые «Правила для сооружения парусного и учебного флота», храбро сражаясь в Лимане, хотя и не любил своевольства и храбрости излишней у греков, мальтийцев и других наемных офицеров.

Потемкин уважал его отца, известного русского адмирала Семена Ивановича Мордвинова, командовавшего кронштадтским флотом. Его книга о навигации, а также каталог всех необходимых сведений и таблиц для мореплавателей были известны всем русским корабельникам. А за особый компас со стрелкой, натертой искусственным магнитом, поставленный им на многих кораблях, не раз благодарили попадавшие во всякие передряги моряки.

Николай Семенович удался в отца пытливостью, размеренностью, уравновешенностью. Однако если того можно было определить как поклонника русских обычаев и порядков, то он тогдашней, по его разумению, российской безалаберности, нечеткости не любил. С тех пор как в 1774 году по распоряжению великого князя Павла Петровича был послан в Англию, влюбился в эту страну, в ее порядок, устройство. Нравилось ему, что нет там всевластия короля, к управлению допущены многие уважаемые и достойные люди, имеющие собственность значительную. В том и уверен был, что «собственность — первый камень. Без оной и без твердости прав, ее ограждающих, нет никому надобности ни в законах, ни в Отечестве, ни в государстве».

Задумывался, как и что в державе изменить надо. С удивлением косились на него даже привыкшие к громким словам петербуржцы, когда он заявлял:

— Скорое и точное правосудие и личная неприкосновенность — первейший залог благосостояния и спокойной каждого жизни.

Образцовые фермы, полагал он, следует завести на церковных землях. Предлагал ввести удобрения, строить сельскохозяйственные здания, мельницы, обучать правильному хозяйству русских помещиков и мужиков. Книги по сельскому хозяйству распространять. Трудолюбие, говорил, равно золоту. Многие страны... не имея достаточно золота и серебра, изобиловали во всем для жизни и были действительно богаты. Другие, изобилуя золотом, но нуждаясь в житейских потребностях, не иначе как скудными почитаться должны.

Всю жизнь его притягивала финансовая наука, изучал он ее в Англии и был покорен на всю жизнь знаменитым

Адамом Смитом. При нем в Лондоне вышли «Исследования о природе и причинах богатства народов». Сию книгу он уже не выпускал из рук, возил всюду с собой. И удивлялся, как логика сего ученого мужа не овладевает всеми. Так же, как и его распоряжения, составленные на основе финансовой мудрости англичанина, никак не могут здесь дать тех результатов, кои должны произойти при воплощении смитовской науки. Смутила его, правда, поездка к берегам Америки, когда увидел он, что бывшая колония тоже не хочет жить по английским правилам. Свои заводит.

Но то там, за морями, а здесь российские козни продолжались. Вскипел, когда Попов поучал его быть выдержанным с другими, и не стерпел тогда: «Не научайте меня притворству... у меня врагов оказалось много». Столкнулся с екатеринославским губернатором Каховским, с принцем Нассау-Зигеном, командовавшим флотилией в Лимане, с приехавшим из Петербурга офицером Де Рибасом. то ли испанцем, то ли неаполитанцем, то ли черт знает кем. Сей Де Рибас прилетел сюда, на юг, под крылышко Потемкина, показывать светлейшему свою энергию, хватку, храбрость. Потемкин, призевывая, похлопывал все Де Рибаса по плечу: «Старайся, брат. Отечество тебя не забудет». Де Рибас старался. Да все по части клеветы на него, на Мордвинова. Может быть, он что-нибудь и полезное делал, но покровительства Потемкина Николай Семенович лишился из-за него. Запросил отставки. Потемкин написал, опять, наверное, позевывая: «Вы еще молоды, а потому и споры. Поступок ваш меня постращать был излишний, и если бы я не столь к вам был доброхотен, то бы смеялся угрозою отставки». Он пообещал даже тогда ему начальство над флотом в Греческом Архипелаге. Мордвинов остался при своем желании. Ушел в отставку. Зато когда Потемкин умер, о нем вспомнили быстро. Любят на Руси обиженных. Назначение было высокое — председатель Черноморского Адмиралтейского правления. Вице-адмиралом приехал он в Николаев, куда и было перенесено правление.

Чуть больше трех тысяч населения было там, когда он приехал. Города настоящего, как ему показалось, еще и не было. Надо было строить дома, расширять верфь да заселить, прикрепить к земле и к стройке.

Город зимой кутался, чихал, полон был простуды и болезней. Топить было нечем. Дерево шло на корабли и ме-

бель, а солома только вспыхивала и, прогорая, жара не оставляла.

Доложили, что профессор Ливанов, что ранее готовился в Екатеринославский, не открытый из-за смерти Потемкина университет, обнаружил залежи подземельного угля. Проверили. Горит и обогревает хорошо. Мордвинов поцеловал профессора тогда в губы, спросил, чего желает, тот просил лишь покровительства для первого на новых землях, да, поди, и в России земледельческого училища. Николай Семенович не забыл и училища, но хлопотал и о награде, о пенсии для сего известного сельскохозяйственного ученого мужа. На свой страх и риск закупил тысячу плугов из милой его сердцу Англии и семена озимой пшеницы. Надо наконец вести хозяйство разумно и по науке. Развил тогда после назначения деятельность бурную. Кинулся в Донецкий уезд, закупил шестьдесят тысяч пудов угля, приехал в Таганрог, написал фавориту Екатерины Зубову, ставшему после Потемкина губернатором и наместником, о его выгодности. Заметил, что мало русских купцов в крае. Нет уверенности, боятся, не поощряются. И о сем доложил Зубову. Особо его радовало, что греки, служившие в русском флоте, захотели остаться в Николаеве и вывезти из Порты семейства, ибо сей город, гордо отписал он фавориту, «предрекает быть вскоре новыми Афинами».

И уверенный в своей разумной и благородной деятельности без устали ездил на верфи, беседовал с корабельными мастерами, улучшал проекты, заботился о прочности домов, их красоте. Особой заботой его были сады и дачи в окрестностях города, кои хотел на английский манер развести. Любил самоотверженность, ум, скромность. Видел, что в дела и распоряжения строителя порта и города инженера Князева почти не надо вмешиваться. Обратился к Попову с просьбой наградить того деревнею.

После пожалования в ноябре 1792 года орденом Александра Невского адмирал жил в городе открыто и весело, нередко собирал все городское общество. Был тут и типографщик Селиванский, с помощью которого он устроил первую здесь типографию, в которой отпечатаны были первые панегирики. Ливанов зачитывал на вечерах листы из сочинения «О земледелии, скотоводстве и птицеводстве». Гордо похаживал среди гостей сочинитель — автор романа «Афраксад» Захарьин. Потешал своей силой из-

вестный всей России силач Лукин, будучи тогда в звании капитана корабля.

Центром просвещения и торговли становился здесь Николаев. Зачем выдумывать на юге еще какой-то порт, строить новый город. Все здесь есть, в Николаеве. А порт можно сделать южнее, на лимане. Вырыть там канал для гребного флота и зимней стоянки, построить жете и хорошо укрепить. Поглубже запрятан будет — безопаснее. Ведь он не раз везде говорил, что Севастополь открыт на кончике Крымского языка для внезапных турецких атак. Поэтому и не благоволил сему потемкинскому созданию.

Да и не любил Мордвинов тратить лишних денег, всегда считал дотошно расходы и видел выгоду не в том, чтобы только прибыль получить, но и в том, чтобы не производить лишних затрат. И сейчас уверен был, что порт большой надо строить в Очакове. Все необузданные проекты сдерживал, Суворова предостерегал от излишних расходов, блюл интересы державные не меньше, чем те, кто кричал о новых планах и прожектах. Уверен был: не новое создавать, а старое улучшать и укреплять надо. И на том стоял.

* * *

...Де Рибас появился внезапно, усы у него поехали вправо, потом влево, он как-то пронзительно и резко закричал. Из-за его плеча вылетали белые птицы.

Мордвинов, задыхаясь, махнул рукой, отгоняя от себя наглеца, огляделся... Черный кот смотрел, не моргая, со стола, откуда разлетались бумаги. Окна распахнулись. Шторм приближался к Николаеву.

ЗНАХАРКА И КАЗАК

Инженер-строитель Селезнев, что знойным вечером ехал из города Николаева в местечко Соколы, получившее название Вознесенск, что расположилось на среднем Буге, попросил кучера погонять быстрее. День приближался к концу, и ночевать в степи не хотелось, сказывали, рыскали тут и волки, и разбойные люди. Встречаться с ними не хотелось. Кучер из переселившихся сюда орловских мужичков пробормотал что-то о плохих колесах и глубокомысленно закончил: «Кто высоко ступа-

ет — бедственнее упадет». Неясно было, правда, отвечал ли он на свои какие-то мысли или о чем-то предупреждал Селезнева.

Инженер не просил больше его ни о чем Задумался, глядя на убегающие вдаль степные травы. Неспокойнее и неспокойнее было у Селезнева в последние годы на душе. Раньше читал он много, что беды человеческие от незнания, от недостатка просвещения. А теперь все больше убеждался, что этого мало. Видел, как вельможи знатные, образование получившие сами в Германии да Франции, мужиков кулаками лупили, пред более знатными сгибались и льстили до непочтения, девок крепостных в первую их брачную ночь к себе на ложе тянули, бессердечие свое являли и беспутство на каждом шагу. Что толку-то людям от такого их образования.

Сам он еще недавно учился в Германии, где изучал механику и строительное дело. Там пристрастился к чтению, изучил языки немецкий, французский, латинский и греческий. Многое, тогда прочитав, понял.

Приехав в Россию, хотел было повести хозяйство на свой манер, крестьян от барщины освободить, но строгий батюшка не разрешил, и он уехал на юг. Тут, на юге, инженерные и строительные знания пригодились. Но здоровье его портилось, он часто болел, лечился и брал уроки у знаменитого на весь новороссийский край доктора Самойловича. И скоро и сам мог оказать помощь и совет там, где лекаря не было. Подал, однако же, прошение об отставке по причине худости здоровья. Ответа не было, а он замышлял создать после ухода со службы здесь, на полуденных землях, Общество по распространению полезных всем людям знаний, с организацией свободно действующей типографии и распространением книжной продукции. Искал покровителей и денежных людей.

Два года назад прочитал он за одну ночь, испалив три свечки, привезенную приятелем из Петербурга небольшую книжицу Александра Радищева о путешествии оного из Петербурга в Москву. Да, никакое сие не путешествие, не увеселительная прогулка, а плач скорбный, рыданье над горестями людскими. Известно, что за сию книгу лично императрица приказала автора заточить в крепость, а затем сослать навечно в края лютые, снежные и холодные. Прочитал, удивился, скорбел вместе с автором и задумался над его судьбою, над судьбою других честных людей...

...Крепкий толчок вывел Селезнева из состояния задумчивости, и он чуть не вывалился из дорожной кибитки. Возница стоял уже рядом и, как, верно, тысячи умудренных опытом дальней дороги русских мужиков, неторопливо и без тени смущения почесывал затылок и, вроде бы ни на что не намекая, проговорил:

— Шибко ехать — не скоро доехать.

— Как же тебя, братец, угораздило-то?

Мужик не ответил, а, повертев головой, указал в сторону опушки леса:

— Дымом тянет. Люди там, — и вроде бы уже и спросил: — Может, и заночуем?

Селезнев, чертыхаясь, пошел напрямик через травы к лесу. Обогнул раменье и вышел к какому-то оврагу, в глубь которого вела тропинка. Он спустился по ней, прошел по настилу и оказался на опушке. На краю ее он увидел два шалаша. У одного из них была вкопана пика в землю, у другого стояли оседланные кони. Чуть поодаль горел костер, возле которого никого не было. Еще дальше — облупленная хата с приплюснутым окошком, в котором то вспыхивал, то затухал огонь. Странно как-то: следы людей есть, а никого не видно? Он сделал еще несколько шагов и прислушался. Из хаты потянулось какое-то тоскливое заклинанье. Селезнев решительно шагнул к дверям. Те распахнулись, и перед ним внезапно вырос крепкий черноволосый казак.

— Хто таков?

— Я инженер Селезнев. Поломалась в дороге кибитка. Не откажите переночевать?

— А шо тэбэ никто не зустрив?

— Нет, я спустился по тропинке и попал сюда.

— Хто з тобою?

— Никого. Я да возница.

— Хм! Добра варта сторожуе, — про себя вроде проговорил казак и вдруг неожиданно спросил у Селезнева: — А чи, не врачуешь ты, пане-добродзею?

— Да нет, я по части строительной. Но лекарства у меня от болей в желудке, от порчи крови и от головных болезней есть.

Казак посмотрел с недоверием и, приблизившись, жарко зашептал:

— Помоги, милостивый пан-господин. Тяжко дивчине одной. Простыла, вся в горячке и беспамятстве. А она для меня — як сонце яснэ. Помоги, прошу тэбэ.

Селезнев забеспокоился, стал вспоминать все, чему учил его лекарь николаевский Самойлович, спросил у казака:

— Да что у ней? Что болит-то?

— Э, да ты сам подывысь. Там у ней одна знахарка. Вона закинчит, и ты скажи слово свое. — И, взяв его за руку, потащил в хату.

В комнате с низкими потолками было душно. Под иконой в углу мерцала лампада. Селезнев присел на лавку, пригляделся. На кровати разметалась в жару, закрыв глаза, светлой северной красоты девушка. В печи отблескивали догорающие поленья. Посреди хаты стояло корыто, или ночвы, как его здесь называют, возле которого дымилось два ведра горячей воды. У постели в белой полотняной рубахе стояла седая старуха. Она что-то шептала и приговаривала. Затем повернулась, проворно подошла к печке, набрала в жаровню горящих угольков и бросила туда щепотку душистых трав. Аромат от них пошел по всему дому. Старуха отворила дверь и прислонила к ней железную кочергу, чтобы та не захлопнулась. Затем выложила дно корыта травой и стала поливать водой. Наполнив до половины корыто, она подбежала к печке и вытащила щипцами раскалившиеся на углях топор, лемех и чересло, бросая их одно за другим в корыто. Корыто заклубилось паром, сквозь который проступала седая всклокоченная голова и руки с лопатой, мешающие воду. Старуха то выныривала из тумана, подсыпая траву в ночвы, то исчезала в нем, нагибаясь за водой. Стукнуло глухо об пол вытащенное железо, старуха исчезла и проплыла с девушкой на руках. Вода в ночвах разомкнулась и приняла больную. Проплыл черный платок и накрыл девушку. Знахарка подняла руки к окну и быстро заговорила:

— Ой ты всэ злэ, лыхэ, не зэмнэ на той гори вбыйся, на терновых плодах поколыся, в глубоких ричках втопыся, в железных ступах потовчися, в смоляных волнах поколыся!!! Сгинь, пропады. Тут тоби не стояты! Тут тоби не буты! Жовтои кости не ломаты, билого тила не вьялыты, червоной крови не полыты, наших жилок не стегаты!

Старуха всплеснула руками, как будто что-то стряхнула с них, и наклонилась над девушкой. Потом поднялась над оседающим паром и хрипящим шепотом зашелестела:

— Из твоих рук, из твоих ног, из твоих ух, из твоей головы, из твоих очей, из твоих плечей! Из твоих пят, из твоих колен, из твоих пальцив, из твоих локтив — сгинь — выйды! В них тоби не стояты! В них тоби не буты! — Ее седые космы развевались, она сплюнула через плечо в дверь. И впервые взглянула на вошедших: — Геть вси з хаты!

Казак, не переча, встал и вышел. Селезнев за ним следом.

— Не знаю, что тебе и посоветовать, добрый человек, не знаю. А может, если не поможет, отвезете ее в Соколы-Вознесенск, в госпиталь.

Казак недоверчиво посмотрел на Селезнева, вздохнул и сказал:

— Ни, нам в Вознесенск нельзя.

Селезнев о чем-то стал догадываться, но продолжал:

— Если хотите, я заберу ее к докторам. А сейчас оставляю вот это лекарство от простуды, я его сам принимал и излечился весной.

— Спасибо тебе!

Шум и гвалт перебили их разговор. Три дюжих молодца потащили к казаку кучера Селезнева.

— Ось, батьку Максимэ, — показали они чернявому, — якийсь москаль тут порается близ лису.

— Это мой возница, — сказал Селезнев.

Максим покачал головой, глядя на молодцов, и укоризненно сказал:

— Вам, як курчатам, голову скоро скрутять. А цього пана як пропустылы?

Молодцы свирепо завращали глазами на Селезнева.

— Возия видпустить. Допомогты. Повечеряем и хай идуть. А тоби, Петро, ще раз пропустыш — з нами робыть ничого. У нас одын проморгае — у всех головы литять.

Кучер опасливо освободился из крепких рук и, просительно глядя на Селезнева, пробормотал:

— Поехали, ваше благородие. Обещаю, быстро доедем!

— Шо ж ты брезгуешь молодецким угощением? — усмехнулся казак. — Вот господин твой даже лекарство дал и адресу. Ну да воля ваша. Ровного шляху вам!

...Кибитка, как будто новенькая, домчала Селезнева до Соколов через час.

ГОРОД БУДЕТ

Плотников и каменщиков, прибывших из разных городов, сразу поставили к делу. А дело здесь, у теплого голубого залива, судя по всему, затеивалось большое. Никола Парамонов после окончания войны снова был определен с корабля на Николаевские верфи. А оттуда их, лучших мастеровых, плотников, кузнецов, каменщиков, послали вот сюда возводить новый порт, его строения. Работа нелегкая, от зари до зари. Но все-таки хорошо, коль на твоих глазах поднимаются и большие дома, склады и заборы. Никола, когда не гнало время, любил разукрасить крыльцо, вырезать конек, посадить на крышу петушка. Но сегодня нужно было стесать несколько бревен для арки, что установят завтра. Говорят, будут завтра, двадцать второго августа, город закладывать. Приедут все морские и военные начальники. Амвросий из Херсона благословит. А что его закладывать, эвон они уже сколько построили и еще настроят. Настроят, лишь бы дерево хорошее, не сырое давали, да скобы железные не разгибались, да унтер с мастером не ругались, не дрались, да дома с ребятишками было бы хорошо. Построят, чего не построить. Он засадил в ствол топор, посмотрел в сторону моря и устало присел на неотесанное бревно.

— Шо, братку, придивляешься, чи добре мисто це для людей?

Никола обернулся, рядом с ним остановился складный черноволосый человек и дружелюбно улыбался ему.

— Эге, да ты тут тоже, дружище? — вскочил Никола и крепко обнял своего старого побратима Павла Щербаня, с которым рубил корабли в Херсоне и в Николаеве, плотничал на судах и готовил всякий шанец для обороны и штурма в войсках Румянцева, Потемкина и Суворова. Случилось так, что уже несколько раз сходились они и расходились на стройках и кораблях. Ныне Никола снова жил в Николаеве, где взяли в знаменитый «день невест» себе жен. Его тихая и ласковая Таисия одарила его уже двумя парнями, и он копил деньги на свой дом. Хотел его поставить на Ингуле, напротив и справа от завода. Там уже низшие военные чины, переселившиеся сюда греки и солдаты заселили несколько улиц. Их так и называли между собой в поселении — военные улицы.

Ему это было еще не по карману. Да и участки отводили там адмиралтейским мастеровым неохотно. Отсылали подальше от реки. Так и звали между собой улицы, что протянулись над Ингулом, — Военным поселением, а те, что дальше в степь к Херсонской дороге, — Слободское. А сейчас отправили их с Николаевских верфей по приказу главного морского начальника сюда, в Гаджибей, на полгода. Но чувствовалось, что дело затягивается и придется здесь сидеть да куковать. А его Таисия там, в Николаеве, одна, бедная, с ребятишками, хорошо хоть огороды разрешил адмиралтейский начальник разводить для служилых людей. А Павло работал нынче в Херсоне, и оттуда их команду привели несколько дней назад. Мужики еще раз похлопали друг друга по плечам, посмотрели в глаза, покивали друг другу.

— Ну как твои невесты?

— А як твои женихи?

— Ничего.

— То и добре. И у мэне так. Живемо. Ну и та надовго мы тут? Чи не чув?

— Говорят, новый город большой тут будут строить для заморских купцов да кораблей дальних.

— Ну так построимо. Будэ город. Он тут як красиво! — Павло повел рукой вдоль бухты, где теплое Черное море гладило светлые песчаные косы, брошенные степью к его ногам.

А Никола стал загибать пальцы:

— Я уже в Херсоне строил, в Екатеринославле, в Очакове дома выправлял, в Николаеве и корабли, и элинги рубил и тут вот начал. Сам даже дивлюсь, сколько видел всего.

— Хоть бы назвали якось красиво, — мечтательно сказал Павло. — Чого-то старые города так гарно назывались: Миргород, Прилуки, Переяслав, Нежин, чи то у вас Орел, Новгород, а?

Микола с удивлением на него посмотрел:

— Да тебе-то что, паря? Ты и в Петербурге не царь, и в Батурине не гетман.

— Ну то чего ж. Все равно добре будет, колы диты в хорошему и красивому мисти житы будут. Та зваться будуть по-хорошему. Ось миргородцы — це добре.

— То верно, а вот завтра, говорят, и будут город святить.

Августовский жаркий ветер пахнул им в спину, туда

же пришелся и удар веревочным концом, который отпустил им мастер — надзиратель за строительством.

— Вы, чертовы дети, чего прохлаждаетесь! Устроили себе роздых пасхальный.

Павло оглянулся, хотел что-т сказать, но махнул рукой и пошел к своему месту. Лицо у Николы перекосилось, он выдернул топор из бревна и резко поднял его вверх. Мастер присел, втянул голову в плечи.

— Ты, зараза, если еще раз посмеешь руки распустить, — задохнулся Никола, — на куски изрублю.

Мастер на карачках пополз от него и уже в отдалении встал, отряхнувшись, несмело крикнул:

— Я тебе покажу, пугачевец проклятый. — И быстро побежал к конторе.

БАЛ

Шарль Мовэ, известный на юге негоциант и предприниматель, прибывший в Россию уже давно, заказал себе герб и диплом на дворянство, которое получил вроде бы за особые заслуги в русско-турецкой войне. Известно, правда, было и то, что в военных действиях он не участвовал, дипломатические услуги не оказывал, но совершал какие-то необходимые и нужные кому-то поставки и покупки. Его скоропостижное дворянство особенно тут никого не удивило. Мало ли кому давали его здесь, на землях Новороссии, под сенью светоносного князя Потемкина. Да и ныне при новом наместнике Зубове многое разрешалось.

Шарль Мовэ решил сделать важную для себя операцию: подписать у самой императрицы диплом и герб. Знал и раньше, что при дворе за немалые деньги да при соответствующем письме Попова со ссылкой на волю Потемкина, а ныне Зубова, могут дать подписать императрице бумаги. А документы оформить — это уже на века весь твой род дворяне — люди заслуженные, родовитые. Родовитости потом за деньги можно и еще добавить.

Заказал не без страха диплом из нескольких пергаментных листов, которые переплели в глазет. Каждый лист был переложен зеленым гарнитуром, обведен великолепнейшими рамами из золота. На заглавном листе был наподобие финифти портрет императрицы. В центре луч-

шим гравером города Николаева написан золотыми буквами титул, а чернилами красиво выведена фамилия — ИВАН МОВИН. Так решил расстаться Шарль и с безродностью, и с фамилией. Недешево это стало. За одно письмо заплатил сто пятьдесят рублей, за рисовку шестьдесят, а за весь материал еще двести пятьдесят рублей. Да за письмо, Поповым подписанное, пятьсот рублей. Но все окупится. Уйдут подозрения, не останется свидетелей его доносительства за рубеж, и можно будет вести без страха все дела и торговлю.

Поехал в Петербург. Жил там три месяца. С опаской ждал.

...Докладывающий Екатерине его дело статс-секретарь Трощинский получил вчера шкатулку от будущего дворянина Мовина. Доложил сдержанно: пожалован дворянством за русско-турецкую войну. Просит в память Потемкина подписать диплом и утвердить герб. На гербе было море, парус, горящая свеча и циркуль.

— Что сие значит? — поинтересовалась Екатерина.

— Должно быть, морской артиллерийский офицер.

Екатерина подивилась неполному знанию статс-секретаря, обычно все хорошо ведавшего. Отметила, указывая на пышность диплома:

— Как у герцога или графа бумага, — и вздохнула: — Ладно, пусть служит прилежно короне.

Вечером дворянин Иван Мовин посылал щедрые дары новороссийской земли в дом Трощинского и получил по случаю приглашение на бал во дворец, где обычно собирался только придворный штат из генерал-адъютантов, флигель-адъютантов, фрейлин, штатс-дам, камер-юнкеров, камергеров. Но сегодня приглашены были многие. Начался Новый год, тридцать третий год правления Екатерины.

Музыка гремела, танцы были. Но все уже было не так, как при молодости Екатерины. Танцевать она не выходила, сидела в окружении небольшого кружка приближенных, а к ней подводили нужных людей.

Она что-то спрашивала и быстро отпускала. Подле нее стоял Платон Зубов, ее фаворит, заменивший покойного Потемкина у кормила власти и там, на юге, в наместничестве Новороссийском. Хотел произвести впечатление столь же размашистого и умного помощника императрицы. Екатерина вздохнула: «Не надо, не надо пыжиться — не будешь в делах такой, как Потемкин».

В отдалении стоял Де Рибас, ожидая незаметного приглашения Зубова. Суворов, дав толчок всему строительству в крае и в возведении нового порта, был то в Польше, то в Петербурге. Строительство надо было продолжать. Де Рибас проявил в этом ловкость и силу необыкновенную. На пренебрежительные замечания Мордвинова о том, что нет смысла тратиться на новый город, на обустройство новой гавани, нового порта, развернул такую картину процветающего города, роста торговли, благородных излияний, рекой текущих к ногам императрицы, что Зубов заколебался и решил представить Екатерине, попросив рассказать о будущем городе.

— Ваше величество, — начал тот с низким поклоном. — Победы, одержанные в ваше царство, беспримерны. Никто не смеет покушаться ныне на черноморские ваши земли. — Екатерина отвела скучающий взор. Де Рибас заторопился: — Все Средиземное и Черное моря истосковались о торговле с нами. Я навел справки коммерческие, кто и как и чем торговать с нами может. Здесь, на юге, уже большое количество лиц из дворянского звания, негоцианты богатые, офицеры, иноземцы, и всем им вина тонкие испанские Малага, Аликанте, Кирекс понравятся. А порт-вейн и мадера крепкая в больших количествах разойдутся. А «бордо» французское все и большими партиями можно подавать. Оно отсюда в Лифляндию, новороссийские губернии и даже в Москву пойдет. И думается, отнимет сию ветвь торговли у Риги и Петербурга. Но они-то, вы знаете, не оскудеют от этого. А сколь дорого платят хозяйки за масло прованское, горчицу, уксус, шоколад, ликеры. Все мы табак любим нюхать, а французы его мастера создавать. Ежели начнем ввозить, все подешевеет. Ну а в новые города лампы нужны, набивные полотна, хрусталь. Что до женских товаров, то здесь их с барышом крепким продадут и пошлину богатую доставят. Только французские колонии продать нам могут сахар, перец, ром, индиго. Итальянцы рвутся свои дешевые вина привезти, лимонный сок, апельсины, померанцы, миндаль, конфекты, сыр разный, а особливо пармезан, шелковые материи флорентийские, генуэзские, вермичель, картины, мраморные вещи, антики, бриллианты, жемчуг. А Левант рядом, и оттуда и вина в бочках и бочонках. Особливо Алонское и Родосто, но и санторинское, кипрское, Малвузия Тиноская. А оливковое масло, изюм и фиги, миндаль в скорлупе, финики,

оливки зеленые и черные в соли, апельсины, бумагу хлопчатую, шелк сученый и несученый, грецкую губку, кофе мокское, курительный табак, благоуханный ладан, смолы, чернильные орехи, аптечные травы, шафран, курительные трубки с янтарными мундштуками. А сама Анатолия северная, откуда потоком пойдут фиги, изюм, орехи грецкие, нардек или гранатовый сок, из которого делают водку, ореховое дерево, красное дерево, из которого делается прекрасная мебель...

Екатерина перебила:

— Ну а мы-то чем будем торговать с этими краями?

— Мы? Вывозила бы Россия пшеницу. Сию твердую пшеницу Арнаутку очень уважают за границей. Фасоли много и гороху. Топленое масло, паюсная икра, желтое и белое сало, сальные свечи, канаты и веревки несмоленые, полосное железо, юфть, воловьи кожи. Московское швеяльное золото, меха всех сортов, парусное полотно, гвозди, железные тульские изделия. А еще крахмал, смола корабельная, пенька, лен, деготь, воск, рыбий хлеб, льняное и конопляное масло, рыбий жир, шерсть, ревень, мыло, щетина, табак новороссийский, солонина говяжья и свиная, можжевеловые ягоды, рогожи и другие статьи, не такие важные.

Екатерина нетерпеливо махнула веером:

— Хватит, хватит! Чувствую, что торговлю развернуть надо.

...В уголке, расположившись за круглым столом, на котором стояло два бокала с вином, сладости и чашки с кофе, шумно и глубоко дышал могущественный Безбородко. Вот уже много лет он вблизи императрицы: он и докладчик по челобитным, и ее главный секретарь, и ее тайный советник. Его одного при всех временщиках принимала она ежедневно в одиннадцать часов, и он после низкого земного поклона садился рядом и докладывал. А известно, как зависит от докладчика направление дела в ту или иную сторону, как разрешается оно в зависимости от умения подать. Екатерина довольно часто приговаривала: «Я разучилась писать, прикажите составить примерный ответ». И ведомо было, что мнение императрицы выражал на бумаге Александр Андреевич сам, а она его подписывала. Знал он самые заветные и важные тайны. Через него шли переписки с разными лицами и выпускались манифесты, исходящие от верховной власти, именные указы на учреждения или рескрипты на

имя начальствующего лица, утверждались всеподданнейшие доклады... Любил князь прихвастнуть и походя бросить: «Из-под перышка всемилостивейшей 20 тысяч актов и писем взял. В разработке всех законов принимал участие, манифесты до недавнего времени составлял».

Щедроты царицы шли через руки Безбородко. И все, кто ждал царской милости, тянулись к нему. А кто их не искал, милостей-то? Вот и сейчас, распахнув руки, бежал к нему один из придворных вертопрахов. А с левой стороны, увидев его и озарившись улыбкой от уха до уха, двигался земляк. Полтавчане, черниговцы души в нем не чаяли. Да как же! Хоть и не задаром, но детишек на службу устроит, да и самому место даст. Землякам надо помогать. Правда, вот недавно один обратился и попросил определить его театральным капельмейстером: «Палочкой махать да шесть тысяч брать». Пришлось объяснить, что музыку надо знать немного. Земляки не обижались на первый отказ и продолжали настигать вельможу-холостяка всюду.

Сегодня работал в кабинете и услышал, как бухают в приемной сапоги, а потом послышалось сочное зеванье. Приоткрыл дверцу и увидел крепкого и загорелого земляка, тот изнывал на диванчике от безделья. Вот ведь не привык сидеть-то в приемных. Земляк зевнул еще раз, потянулся, почесал за ухом и увидел ленивую зимнюю муху. Чего не спится-то? Тепло стало. Проснулась. Детина махнул рукой, муха перелетела на стол, он встал — махнул еще раз. Мухе игра понравилась. Она отлетела и села на вазу. «От чертова дитина, наломает дров». Но земляк дров не наломал. Затаив дыхание, он сделал шаг вперед и, размахнувшись, легко пронес руку над вазой. Та покосилась и, соскользнув в угол, рассыпалась на сотню кусочков. Гость побледнел, замер с вытянутой вперед рукой. А Безбородко вышел в приемную и, дотронувшись до плеча, участливо спросил: «Чи поймав?» Земляк стоял, как каменный истукан. «Здоров! Здоров, земляче. Заходь до менэ до дому завтра. Сегодня не мешай думать».

— А о чем же вы думаете? — язвительно улыбаясь, спросил подлетевший фертом бывший приятель и сослуживец графа по комиссии иностранных дел Морков Аркадий Иванович.

Граф хотел было начать разговор о разваленных финансах, о новых трактатах Англии, об уставшей армии,

о страхе перед новым рекрутским набором, но вспомнил, как Морков последнее время плел интриги, обнаружил себя явным злодеем, сопроводя свое отношение подлыми поступками, и, вполоборота повернувшись, бросил:

— Я рад, что вы моего дому не знаете, и мало сожалею, что потерял всякую связь с человеком неблагодарным, которого вывел в люди.

— Не гневайтесь. А мы ведь имеем честь лицезреть вас и в театре. Весь Петербург повторяет куплет:

Престаньте льститься ложно,
И думать так безбожно
В любовь к себе склонить,
Тут нужно не богатство,
Но младость и приятство...

То есть еще что-то такое... — Морков ехидно улыбнулся, а Безбородко расхохотался:

— А вам-то что за дело? Да, я первый аплодировал Лизе Урвановой и послал ей шкатулку, которую она приняла.

— Но, может быть, неизвестно вашему сиятельству, что она уехала, а ее муж сочинил куплет, объясняя цель переезда в Москву:

Где б театральные графы и бароны
Не сыпали моей Лизете миллионы...

— И хорошо, коль есть миллионы. Да после этого сколько уже времени прошло. Сие, милок, забава. А вот вам это есть первейшее средство почесать язык. Где уж тут до государственных дум. — И он грузно осел, отвернувшись от Моркова.

Екатерина увидела Безбородко, махнула рукой, и мысли его прервались. Он почти подбежал.

— Вот говорят, надо новый город еще быстрее строить. Прибыток будет большой от торговли.

Безбородко сморщился, не любил новых расходов, а прибыль немедленную любил, потянул неопределенно:

— А есть ли надежда, что история сие поддержит? — подразумевая под этим Екатерину.

Зубов понял по-своему и махнул стоявшему недалеко Ермилу Глебову, еще при Потемкине собиравшему исторические легенды и немало сведений записавшему о полуденных землях.

— Пусть он, матушка, расскажет о сих краях, возле Гаджибея.

Екатерина кивнула:

— Что скажешь о таврических и негостеприимных краях, Ермил?

— Не думаю, что они были всегда негостеприимными, хотя древние греки до славного Язона, решившего поискать златорунных баранов в далекой Колхиде, так и называли сие море «Негостеприимным». Однако же, не обнаружив здесь золоторунных баранов, греки повели выгодную для себя торговлю с местными жителями, построив города-колонии. Фанагория и Пантикапей, Феодосия, Херсонес, Ольвия, Одесос, Тирас, Истриян и другие, имена которых за давностью лет не сохранились. Я не берусь рассеять сей многовековой мрак, но, прочитав с пристрастием Геродота, Птоломея, познакомившись с черепками, что привезли запорожцы, посмотрев развалины, мог бы предположить, что древний Одесос находился в устье Тилигула, а на месте нынешней Гаджибейской бухты была гавань Истриан. Что сей порт мог быть, свидетельствует еще амфора, извлеченная моряками. Вокруг Одесоса, по свидетельству Геродота, жили народы Каллипиды, смелые и храбрые, где-то тут же жили «карпы», кто сии люди, чьи они предки — я не знаю, да и Одесос, может быть, по другим данным, на болгарской земле был. После рождества Христова бывали тут и генуэзцы, как думаю я, остатки стены в Гаджибее от их крепости. А потом, сказывают, на сим узбережьи жили гордые древние славяне, наши предки тиверцы и уличи, что крепко держали морское побережье в своих руках.

— А что, правда, что тут была крепость литовская?

— Да, может быть и так. Тут после того, когда тьма ордынская изничтожила Древнюю Русь, побережье перешло в руки орды Крыма. И литовские князья с ними воевали. И была тут небольшая крепость: то ли Калюбеев, то ли Качибей, а затем Ходжибей, Аджибей. Кто ведет сие название от князя Кацюб-Якушинского, кто от татарского названия. Крепость-то была крымская, и хан позволял купцам литовским и королевства Польского брать соль в Качубее и вывозить ее с уплатой пошлин. Запорожцы, однако, пошлин не признавали и очаковскую степь считали своей. Тут они «сгромаживали соль», ловили в лиманах рыбу и били дичь, были у них тут по балкам и оврагам свои поселения.

Сказывают, Карл XII доходил до Аджибея в бегстве своем из-под Полтавы. Запорожцы крепости вниманием

не обходили, то ее атаковывали, то угоняли из-под нее лошадей и верблюдов, то, уходя от генерала Текели, изничтожившего Сечь, оседали по балкам, урочищам и садам. А турки, ставшие хозяевами, перехватили сии земли, срочно стали в 1764 году возводить новые стены крепости Ени-Дунья — Новый Свет по-ихнему. «Оная же крепость зачала делаться сего года с весны, а делают ту крепость волохи, на которую возят камень из степи, с речек и балок околичных», — писал войсковой толмач Иванов в том же году по возвращении из Каушан.

Крепость сия была взята штурмом в 1774 году, и комендантом ее был поручик Веденяпин. Но по миру Кучук-Кайнарджийскому ее вновь туркам возвратили. А потом войско Потемкина, дивизии господ Гудович и Де Рибаса крепость эту взяли и там под началом Александра Васильевича Суворова начал строиться новый город и порт.

Да, возможно, сему городу суждено быть таким же Петербургом на Черном море. Но следовало бы ему, государыня, дать русское или греческое название. Ну вот, например, Одесос, в честь недалеко находившейся колонии.

Екатерина склонила голову, подумала о собственном имени и, вздохнув, сказала:

— Пусть будет древнеэллинское, но в женском роде, короче и яснее — Одесса. Указ подпишу завтра.

НОВОЕ НАМЕСТНИЧЕСТВО

Яркая звезда всходила здесь, на южной окраине империи. Небольшое местечко Соколы превратилось в город Вознесенск. И уже в январе 1795 года было объявлено, что учреждается Вознесенское наместничество, а наместником назначается фаворит Екатерины Зубов. Каков он не у ложа императрицы? Каков в деле? Никто не знал. Следы настойчивой, бурной, нередко и взбалмошной деятельности Потемкина были видны на гигантских просторах Новороссии. После двух победоносных войн с Турцией на бывших древнерусских землях утверждалась мирная жизнь, разворачивалась стройка, засеивались поля. Воздвигались города, строились дороги, на розданные волею императрицы земли сгонялись крепостные из Центральной России, севера Украины, оседали переселенцы из Молдавии, Сербии, Болгарии, германских земель.

Сейчас уже почти никто не сомневался, что деньги, которые текли из государственной казны, были вложены в нужное и прибыльное дело. А было время, да и совсем недавно, когда везде говорили вслух и втихомолку о полуденных химерах, о ненужных затратах, об «эфирных» потемкинских деревнях, о блажи и азиатских прихотях светлейшего князя Потемкина. Было, конечно, это, было. Но было и дело сделанное, утверждалась жизнь, росли и богатели хозяйства, крепко стал на этих землях русский солдат. Ныне, когда Австрия, Англия, Пруссия дрожат перед новой Францией, готовятся к схваткам с ней, всем не до старых легенд, придуманных в восьмидесятых годах иностранными посланниками в Петербурге. Да и то понять надо, что хотели тогда они остановить движение России на юг, предотвратить освобождение этих земель, перекрыть щедрые ассигнования Екатерины в ответ на просьбы князя Потемкина.

А сейчас что, сейчас все ясно. Россия отсюда не уйдет, и вот тут, на новых землях, возникает новое наместничество.

Между Днестром и Днепром на отвоеванных землях раскинулось оно. Не было еще, правда, столицы настоящей. Предстояло еще воздвигнуть Вознесенск, превратить захудалое местечко Соколы в южноукраинскую столицу. А пока тянулись сюда из любимого Потемкиным Николаева, из светлого Херсона, из уже утвердившегося на Днепре Екатеринослава строительные инженеры, архитекторы, купцы, подрядчики, военные и штатские чины, коим было поручено разработать планы, организовать коммерцию, навести порядок на сих землях. А на обустройство были выделены громадные деньги, больше трех миллионов рублей. Славный должен встать город!

Летним днем оказались здесь архитектор Козодоев, инженер Селезнев, священник Карин, морской капитан Трубин, ученый земледелец Ливанов, негоциант, поставщик, бывший иноземец Шарль Мовэ и чиновник из Петербурга Суровский. Первые уже знали друг друга, встречались в Николаеве, спорили, бывали на обедах друг у друга. Суровский же оказался здесь впервые и через Трубина, с которым был знаком, узнал и других. По вечерам после деловых встреч они собирались на веранде в небольшом доме у местного коменданта и, играя в карты, рассуждали о судьбах нового наместничества. Каждый по своему ведомству или интересам имел задание

рассмотреть вопросы, что касались будущего города, который утверждался здесь, на среднем течении Буга.

Дом стоял на высоком берегу реки, обвевался сухим ветром степей, и отсюда открывался красивый вид на радостно покачивающиеся камыши в плавнях, на взявший их в зеленый хороводный круг кустарник, на желтеющую летом и осенью степь, которая уходила далеко за горизонт и только там, разбежавшись, останавливалась у моря.

— Что за прихоть строить главный город не у морских путей, столь важных сейчас для России? — ни к кому не обращаясь, начал Мовэ, ныне уже получивший дворянство и русскую фамилию Мовин.

— Сие делается с целью развития внутренних земель. Безопасности от внешнего врага. Да и укрепиться здесь надо, стать прочно, по-хозяйски, как я понимаю, — медленно, вроде бы не отвечая на вопрос, а размышляя, ответствовал Трубин.

— Земли сии еще, однако, не обжиты. Украинские поселенцы да молдавские с нашими мужиками и солдатами возятся в земле, но разве можно в этих сухих степях плодоносия добиться. Она, сия бесплодная земля, плачевною жизнь делает. И трудно такую природу одолеть, думается мне, — не то вопрошая, не то утверждая, добавил Суровский.

Молчавший до этого и смотревший вдаль Ливанов быстро обернулся и стал решительно доказывать неправильность сего мнения.

— Наша земля богата и обильна быть может, только для сего нужно правильно и регулярно ее обрабатывать. Мы в Николаеве учреждаем одну из первых школ земледельческих, и тогда с помощью просвещенных земледельцев всего можно добиться.

— Ах, оставьте, только коммерция да европейский переселенец и могут принести на сии земли благополучие, — не дал договорить ему Суровский.

— Нет, нет, милостивые государи, — твердо продолжал Ливанов, — все вы благополучие российское ищете не там, где оно зарыто. Земледелие — вот пружина блаженства и всеобщего спокойствия. Именно оно главного и общего блага подпора к пропитанию и обогащению. И из всех искусств, художеств и военных дел первейшее. И на сих землях следует думать, как помочь земледельцу хлеб вырастить и плоды, и овощи, и скот раз-

вести. И коль это сбудется — вы поймете, что это чистый и первоначальный источник благоденствия народа нашего.

— Вы ученый муж отменный, все выводите из природы земли, из удобрений, из умения все собрать и сохранить. Но ведь этого мало. Какой же поселянин будет работать на этой земле с охотой, ежели его каждый день выпороть, обругать могут, а жен и дочерей изнасильничать, — бледнея и теряя голос, вмешался Селезнев.

Ливанов заморгал, прищурился, затем достал табакерку, вынул щепотку табака, посмотрел на нее и положил обратно. Суровский хмыкнул, речей в Петербурге наслышался всяких и урезонивающе обратился к Селезневу:

— Вы же, однако, мало думаете об извечной лености крестьян, их худом воспитании, искушении на зло.

Карин с несвойственной для него живостью поднялся, подошел к креслу, в котором сидел Селезнев, встал позади него, оперся руками о спинку и загремел отлаженным в проповедях голосом:

— Знамо! Знамо! Однако же неистовство крепостных идет от невежества самих хозяев, их недостаточного добролюбия и нерадения. Надо приучить поселян к опрятности и чистоте, к чистой одежде, к божественной мысли, тогда и они об землице будут больше заботиться, станут лучше ее обрабатывать и блюсти.

Селезнев не обернулся и твердо, неуступчиво продолжал:

— Однако какие же вы, господа, незрячие. Да он работать не хочет, бежит с земель, стонет, потому что он не человек, а скотина у помещика. Он нищ и наг. У него своей земли почти нет. Сильнейшим же для крестьянина поощрением к рачению служить может причиненное ему благосостояние.

— Ну а вы, милостивый государь, предлагаете, может быть, земли помещичьи, а заодно и государевы холопам отдать. Из имений, домов наших переселиться на конюшни и дамам нашим в услужение к дворне пойти, — вспыхнул и с грозой в голосе повел комендант, гостеприимством которого все пользовались.

Селезнев откинулся в кресле, помолчал и уже устало закончил:

— Я ничего не предлагаю. Но от притеснений всяких, помещичьего нерадения Пугачев появился.

— Не выдумывайте, милостивый государь, — почти

взвизгнул комендант. — Пугачев от темноты, ярости и подговоров возник. А вот от речей ваших французской заразой попахивает.

Стало ясно, что вечернее чаепитие испорчено. В карты не сыграть. И хотя Карин пророкотал:

— Полноте, полноте, господа. Нечего на себя наговаривать. Так ведь и дворянин с дворянином не поговорят открыто, не поспорят, подозревать будут, — но его никто не слушал. Все потихоньку разошлись.

Селезнев стоял, нервно попыхивая трубкой, один на веранде, когда мягкая рука Суровского легла ему на плечо.

— Вы меня покорили своей открытостью, честностью и желанием видеть все в свете идеальном. Мне о вас рассказал Трубин. Он сам отказался быть в нашем сообществе «вольных каменщиков», о котором вы, как человек образованный, конечно, слышали. Нам скоро снова легче дышать будет, придет новый правитель, закончатся гонения на масонов. Мы вербуем в свои ряды самых стойких и верящих, имеющих собственное душевное стройство. Не мучайтесь над чужим горем. Думайте о высшей благодати высших людей.

Селезнев знал, конечно, о масонах, о некоторых их таинствах, но вот так прямо получить приглашение он не ожидал и лишь спросил:

— А как же всеобщее благоденствие и справедливость?

Суровский пожал плечами:

— В цепи тварей нет равных совершенно, и натура говорит нам о невозможности равенства. Забудьте эту химеру.

Селезнев почти сразу не принял эти слова, но промолчал и лишь через минуту сказал:

— Потом поговорим. Спать пора. Завтра в Одессу еду.

МИГЕИ

Дорога из Вознесенска в Одессу была красивой. Но душа и сердце инженера Селезнева сегодня жили вразнобой с природой. Обычно ее состояние — сияние солнечных лучей, легкий степной ветер, крепкий морозный воздух — как-то отвечало его настроению, подбадривало или вселяло необходимую для каждого человека грусть. Сегодняш-

ние цветущие сады, ковры степных цветов, задорные переливы жаворонка вызывали раздражение. Весь он был взволнован, взбудоражен спорами в Вознесенске. И не угрозы и обещания пресечь якобинца пугали его. А то, что он не знал, как на все ответить, что защищать в своем Отечестве, против чего бороться. Но сила и роскошь попирают человеческие и народные права, истощают и обременяют род человеческий. Что же им-то противопоставить? Знание! Причина заблуждений есть невежество, а совершенства — знание. Вот к чему надо стремиться. Знал он, что крепостничество — скотство, но как жить без слуг, без ухода? Ведь не безграмотные же мужики, не неотесанные купцы будут нести просвещение и разум, о котором он так пекся. А может быть, и они тоже, ведь говорят же о Франции... Но что же происходит в действительности там, на родине лозунгов о свободе, равенстве и братстве? Почему оттуда доносятся то отрывки революционной «Марсельезы», то глухой звон золота? Одни утверждают, что там воссели кровавые деспоты, другие говорят, что наконец наступило царство братства. Для кого наступило? Да и наступило ли оно? Как хотелось бы увидеть все это самому, узнать и сделать выбор...

Вдруг что-то произошло, изменив все состояние Селезнева в этот день. Громкий свист вывел его из задумчивости, он обернулся и понял, что уже вечереет, длинные тени от тополей и кустарника легли на дорогу, и из них выскакивают, как стрелы из лука, приземистые всадники. Кучер внезапно исчез с облучка, а на его голову кто-то накинул мешок. Задыхаясь, он услышал короткую команду: «Выпрягай. А этого в схорону». Крепкие руки подхватили его под мышки и поволокли по земле. «Кто это? Турецкая разведка? Беглые люди? Разбойники? Гайдамаки?» И хрипло прокричал: «Кто вы? Куда нас ведете?» Сильный удар по спине убедил его, что противиться не надо. «Тихо! Узнаешь скоро». Его тащили, толкали, потом еще раз подхватили под мышки и бросили на какое-то деревянное дно. Забулькала вода, кажется, гребли.

Закричала неведомая птица, и снизу что-то зашуршало. Тяжело сопя, снова куда-то тащили вверх, потом загремело железо, и его толкнули в темную неизвестность. Он упал на каменный сырой пол. Селезнев полежал, попытался освободиться от мешка. Оказалось, что это нетрудно. Глаза недолго привыкали к темноте, в левом верхнем углу вырисовывалось отверстие, сквозь ко-

торое видны были отсветы какого-то огня и слышались приглушенные звуки. Из правого тянуло сыростью и слышалось какое-то хлюпанье. Селезнев пополз влево, наткнулся на стену. Ощупывая ее, поднялся и явственно услышал разговор.

— Он, кажись, и сам иде.

— Да нет, это волна бьет, — и замолчали, прислушиваясь.

Молчал и Селезнев, напряженно думая, куда он попал. Волна действительно била, но ее звук явственно доносился из правого угла. Он медленно прошел вдоль стены и чуть не оступился, под ногой была пустота. Присел, ощупал руками пол, понял, что вниз, в какой-то колодец, какую-то яму ведут ступеньки и там плещется вода. Отошел, приблизился к окошку, стал ждать. Там за стенами кого-то приветствовали и докладывали.

— Двух коней, Максиме, достали и пана якогось з холуем.

Говорили что-то еще, но Селезнев не слышал. Заскрежетал засов, в подвал вступил усатый, крепкий, среднего роста мужчина с горящей головней в руках. Он осветил помещение, увидел стоящего в углу Селезнева и резко сказал:

— Хочешь жить — отдавай все гроши. — И, как бы оправдываясь, добавил: — Нам ще багатьом бидным, вдовам та инвалидам треба допомогты. Их голос до царей не доходит, а ты соби ще здереш три шкуры, та мовчи, никому не розказуй, а то...

Селезнев расстегнул карман, вынул кошелек, достал оттуда медальон и протянул остальное усатому.

— А это память от матери, — тихо сказал он, — хочу оставить.

— От матери, то добре. Но мы, сдается, знакомы с тобой, пан, — и он ближе поднес головешку к лицу Селезнева. — Так то ты меня на Щербаневой леваде медицину давал та в гости приглашал.

— Да я, наверное.

— То тож, наверное. Точно ты и був. Ты уж звиняй моих хлопцив, воны не выбирают. А вси паны, воны, знаешь, як нам нобрыдлы.

Казак поднес головешку к плошке, что стояла в углу, и по стенам этого подземелья запрыгали отсветы от фитилька, загоревшегося неровным огнем.

Селезнев обвел глазами подземную его тюрьму. На по-

лу в разных местах была разбросана солома, клочки кошмы, поломанная сабля и конская упряжь. В стенах было пробито еще два-три узких бойничных окна, в углу стояли какие-то бочонки.

— Что тут у вас? И где я?

— Да ты на останних гайдамацких местах, пан. Це славна Мигея. Тут на острови у нас и схорона, и крепость, и тайный ход у плавни. Та достают нас чертови Катькины полковники и панки — пузати землячки. Треба уходить. Ось и збираем коней. Та думаем заставить по соби добру память у простых людей. Роздаем им гроши, богатства ризни, а сами подаемся чи на Кубань, чи в Сибирь на нови земли. Так что ты не обижайся, пан.

Селезнев ничего не ответил, потер болевшее плечо и неожиданно спросил.

— А где та девушка, что тогда лечили? Не невеста ли она твоя?

— Эх, не пытай, пан, не виддали за меня ее родичи. Кажуть, переходи в их веру. А як же це можно, коли наши батьки сотни лет за нее бились. Чи можно? Га?

— Не знаю, это как твоя душа решит. Вот ведь сколько вер в мире: и христиане, и магометане, и иудеи, и лютеране, и люди индийской веры, а живут себе все, работают. Счастья им это, правда, не прибавляет. А ты для себя реши сам.

Казак посмотрел на него внимательно, вздохнул и встал.

— Сейчас тебя перевезу на берег, там отдам коня, возьмешь своего кучера и поезжай с богом. Гроши на, вертаю, — он подумал и отдал половину денег. — То будут бабуси Валуйковой с Лысой горы, вона многих бедных людей лечит. — Он поднял плошку и показал рукой вниз. У каменных сходней поскрипывала привязанная цепью лодка.

...Ночной Буг вытолкнул их из Мигейского ущелья, что грозно шумело и пенилось. Знали казаки, что сюда, боясь грозных порогов, мало кто решится перебраться.

Селезнев прислушался, с усилием вглядываясь в грохочущую тьму. Он бывал уже здесь и сейчас явственно представил, как глыбы воды, подталкиваемые друг другом, обрушивались вниз с Мигейских уступов. Оттуда, из клокочущей бездны, они вновь взлетали ввысь многочисленными струями, искрящимися брызгами, прозрачными хрустальными осколками и, распавшись в туман-

ную мглу, зависали белесым облаком над порогами. Таинственная, почти дьявольская сила, не уставая, бросала и бросала вверх водные фонтаны, тучи влажной пыли, разбивала вдребезги единый доселе поток, взбалтывала и просеивала его сквозь воздушное сито и только тогда, лишив его безудержной скорости и лихости, выпускала на широкое спокойное ложе степи.

Солнце еще не взошло, и, казалось, какая-то гигантская темная птица парила над порогами, тревожно и судорожно двигая неровными влажными крыльями. С первым лучом она исчезла, а по мириадам водяных песчинок пробежала разноцветная радуга, соединяя просыпающиеся берега. Сопровождаемый неровным гудом, Селезнев отъезжал от клокочущих порогов все дальше и дальше...

ЖАЛОБЫ

По всей империи разнеслась молва, что новый император Павел, что недавно короновался после смерти Екатерины, исправляет ошибки прошлого, принимает жалобы от всех подданных, творит возможнейшее правосудие и намерен всем покровительствовать от всяких обид и несправедливостей.

...Государь был сегодня в большом раздражении. Он просмотрел дворцовые счета и подивился, сколь они расточительны. Тратилось на все в таком количестве, как будто не один, а три десятка императорских дворов пили, ели, одевались, веселились здесь, в Петербурге. Одних сливок покупали на двести пятьдесят тысяч — чему никак статься не можно, а следственно, в десять или более раз, нежели нужно в действительности.

Павел, как всегда, выкатил глаза и что-то со страстью, которая пугала вельмож, втолковывал Трощинскому, оставшемуся от матери при нем, как и Храповицкий, секретарем. Много знали того, что новым знать не надобно. Потому и не менял.

— Я во время своего государствования фаворитов иметь не буду. Всех подданных, у кого есть какие просьбы, буду принимать сам. Кроме того, не хочу, чтобы супруга моя и наследники нуждались в деньгах, и определю им достаточное жалование — императрице пятьсот тысяч, а наследнику двести. С жалованием и должность определю — жену директрисой над Смольным, а сына

генерал-адъютантом. Ведь есть же всегда такие должности, где и не изнуряясь можно законно великие суммы получать...

Дмитрий Прокофьевич Трощинский, только что пожалованный чином и украшенный орденом, заканчивал формирование канцелярии и внимательно выслушивал все пожелания Павла. А император чуть не каждый день издавал указы, распоряжения, волнуя не только петербургский двор, но и всех дворян, военных, купцов. Прослышал что-то и простой люд. Заволновался. Потребовал снизить подати, отменить рекрутчину...

Павел все хотел решить быстро и окончательно. То он отдает указ собрать в полки всех офицеров, многие из которых, получая новые чины, вертопрашили, мотали, играли в карты, утопали в роскоши, лежали на боку, не появляясь в полку. То всех приезжающих в Петербург дворян при въезде заставил останавливаться и объявлять, где он стоять будет, и чтобы сие было сообщено полиции и чиновникам, которые уточнят его дело и дадут любому приказу или судебному месту две недели на их решение. По прошествии оных докладывать велено императору. Много должно было быть выгод и стремлений к рачительному исполнению своего долга от сих указов. Правда, когда старый фельдмаршал Репнин попытался выразить неудовольствие поспешностью некоторых решений, а то и просто невозможностью их исполнения, то Павел, сморщив, как всегда, нос и указав на то, что Репнин вышел на полшага вперед более положенного, строго сказал: «Фельдмаршал! Знайте, что в России вельможи только те, с которыми я разговариваю, и только пока я с ними разговариваю». Больше никто императору не перечил. Да и как перечить, коли император все знает, поставил везде своих людей, получает сведения о всех разговорах, о том, когда, кто на службу выходит, о распутстве и мотовстве, о недозволенных женитьбах от живых мужей и жен.

Особенно раздражала государя российская расхлябанность, опоздания. Офицеров и генералов, опоздавших хоть на минуту, он на развод не пускал, аудиенцию им не давал. По всему чиновному Петербургу передавали слух, как сам государь приехал в семь часов в военную коллегию и проверял по часам, кто на сколько опоздал. Однако многих он так и не дождался. Лишь один член коллегии, генерал-поручик Простоквашин, вовремя прибыл.

Сказывали, что Павел ждал час-другой и ходил в кабинете новопожалованного им генерал-фельдмаршала графа Николая Ивановича Салтыкова, президента коллегии; когда тот, запыхавшись, в девять часов вошел в кабинет, император щелкнул у него перед носом крышкой часов и с холодным бешенством в глазах четко сказал: «Николай Иванович, по такому позднему приезду вашему заключаю я, что, конечно, должность сия наводит вам отягощение; ежли это так и она вас обременяет не в меру, так лучше советую вам оставить и взять покой».

Салтыков заикался, кинулся просить прощения во имя государевых детей, которых он воспитывал до сего. С этого дня, как ни не хотелось вставать ранее, все должностные лица в Петербурге приезжали на работу вовремя. Что уж там они делали, неизвестно, но в присутствии были.

Трощинский, зная неистовость Павла, говорил тихо, размеренно и пытаясь не раздражать:

— А вы, ваше величество, до какой степени людей повелеваете к себе допускать? И кто может вашей милостынею пользоваться?

Павел, почти не задумываясь, с горячностью глотая слова, ответил:

— Все и все: все суть подданные, все они мне равны, и всем равно я государь. Так хочу, чтобы никому не было в том и возбораняемого. Я буду принимать мужчин. Императрица — женщин.

— Так, спасибо за сие разъяснение. На сегодняшний прием пришло много просителей.

— Давайте пойдем к ним в залу и будем сразу все решать и записывать.

В приемной стояло две группы людей. Одни ближе к выходу — просители, другие у царских дверей, те, что входили в императорский совет с недавних пор. Они еще не до конца почувствовали свое возвышение, вели себя скромно, без шума, но с вельможным достоинством. Стоял тут генерал-прокурор Алексей Борисович Куракин, государственный казначей Алексей Иванович Васильев, бывший секретарь императрицы Александр Васильевич Храповицкий, вице-канцлер граф Безбородко, первейший богач России обер-гофмаршал Шереметьев, гофмейстер, известный богач, провора и скупец князь Сергей Гагарин, петербургский генерал-губернатор Николай Петрович Архаров.

Павел вышел, царственно кивнул и что-то тихо сказал Трощинскому. Тот покопался в бумагах и протянул императору одну из них. Павел взглянул на челобитную, прищурился и вдруг, повернувшись к советникам, обратился к Архарову:

— Что-то у меня глаза слипаются сегодня и словно как запорошены, так что я прочесть не могу. Пожалуй, Николай Петрович, прими на себя труд и прочти мне оную.

Архаров поклонился, благодаря, — впервые выполнял эту обязанность и, прокашлявшись, начал читать:

— «Милостивый и... наш государь, нижайше тебя прошу, огради меня и мои труды от побоев, взыщи двенадцать тысяч рублей, должных мне достопочтенным...» — голос Архарова вдруг сел, он что-то забормотал и почти замолчал. Павел склонил голову на плечо, несколько раз вывернул и втянул нижнюю губу и настойчиво попросил:

— Николай Петрович, читайте погромче. Я в сей день как-то нехорошо слышу.

Архаров снова возвысил голос и тут же сник. Павел настойчиво повторил просьбу читать громко и с расстановкой. Архаров обреченно кивнул головой и дочитал до конца:

— «А еще сей вельможа, уважаемый Николай Петрович Архаров, на все мои нижайшие просьбы о возвращении денег кормил меня завтраками, а затем выталкивал в шею и даже побил. Всенижайше прошу вас, ваше императорское величество, заставить вельми уважаемого Николая Петровича Архарова возвернуть должные мне двенадцать тысяч».

— Что это? Неужели на тебя, Николай Петрович? — с видимым удивлением вопросил Павел.

— Так, ваше величество, — опустил голову, покрывшись испариной, Архаров.

— Да неужели это правда?

— Виноват, государь.

— Но неужели и то все правда, Николай Петрович, что его же за его же добро вместо благодарности не только взашей выталкивал, но даже и бил?

Архаров пробежал глазами по купцу, ставшему при чтении на колени впереди толпы, пообещал поставить свечку богу, если пронесет, и со вздохом сказал:

— Что делать, должен и в том, государь, признаться, что виноват. Обстоятельства мои к тому меня принуди-

ли. Однако я, — он сглотнул слюну, — в угодность вашему величеству сегодня его удовольствую и деньги заплачу.

Павел оглядел собравшихся вокруг и, пососав губами, сказал раздельно и четко, чтобы все слышали:

— Ну хорошо, когда так! Так вот слышишь, мой друг, встань, деньги тебе сегодня же заплатятся. Поди себе! — Купец, кланяясь, двинулся спиной к дверям. Павел дождался, когда он подошел к ним, и бросил, как бы вспомнив: — Однако когда получишь, то не оставь придти ко мне и сказать, чтобы я знал, что сие исполнено.

У Архарова заходили желваки, он понял, что расплачиваться придется сегодня. Некоторые вельможи хмуро молчали, другие криво улыбались, купцы из просителей не переставали кланяться.

Да, великие последствия сего будут долго обсуждаться после в разных концах империи.

...Императрица шла по Смольному, держа у носа надушенный платочек. Пахло кислым и гнилью. Испуганные девицы стояли вдоль стен и молча кланялись. Платьица на них были какие-то все старомодные и даже обветшалые.

— Что сие за вид? Да они не на благородных девиц похожи, а на огородные пугала. Куда же деньги деваются на их содержание?

Статский советник Филипп Петрович Боголюбов переминался с ноги на ногу, потом с тоской думал: «Надо было! Надо было раньше закончить. Ведь хотел же, хотел больше не брать из казенных денег ни рубля. Да все расходы домашние требовали, да карты, да женщины вислые. Эх, не послушался себя, да и жены. Говорила, чтобы поосторожнее был с чужим-то добром».

Императрица что-то еще гневно говорила. И он понял, что она требовала обо всем отчет, ибо сама хотела видеть все расходы, научившись до того при щедрой для других, но скупой для них Екатерине вести хозяйство. Боголюбов деревянным голосом ответствовал, что сие сейчас исполнит, хотя знал, что делать этого никак не можно: он хватанул и промотал несколько тысяч. В полудень зашел в свой кабинет, отыскал нож и со всего маха вонзил себе в брюхо...

По Петербургу пошли трепет и молва: о строгости и справедливости, наконец-то устанавливающейся в империи. Мелкие и неопытные мздоимцы и взяточники дро-

жали, бывалые и вельможные решили попритихнуть, поболеть, поприветствовать справедливость...

...Никола Парамонов, работный человек адмиралтейских верфей в Николаеве, вместе с другим просителем, Павлом Щербанем из Херсона, посланные на строительство Одесского порта, несколько месяцев назад были подговорены товарищами подать челобитную на адмиралтейских начальников, инженеров, офицеров, мастеров за их издевательства: утаивание денег, плохие продукты, да за многие другие пакостные дела, учиненные над ними, государя работниками и верными слугами. Два дня стояли поодаль от дворца, узнавали ту знаменитую дверь, куда, говорят, пускают к самому царю с жалобами. На третий день решились и прямо подошли к дворцовой двери, поклонились генералу в расшитом костюме, что сам открыл им одну половинку и что-то невнятно пробурчавшему. Они зашли в просторную светлицу, в которой было много всякого народу, все господа. И только ближе к ним стояли в добротных кафтанах с бородами люди попроще. Никола сделал шаг в сторону и остановился. В светлице было тихо, слышно лишь, как с перерывами, тяжело дышал какой-то генерал, выкатывая из себя клубок каких-то шумов. Вдруг дверь растворилась, и в нее стремительно вошел гладкий, быстрый господин с голубой лентой через плечо. За ним шло несколько человек, один нес маленький столик, другой какие-то бумаги. Они остановились у входа, а господин с лентой обвел глазом всех и быстро пошел к последним, одетым по-простому просителям. Он подошел к Николе. И, выкатив вперед глаза, резко спросил:

— Что надобно?

Никола поклонился и, не зная, кто это, сдерживая голос, прикашливая, забормотал:

— Бьют нас, людишек государевых, ни за што, не кормют как надо. Деньги утаивают заработанные, а детишек кормить надо.

Человек остановил его жестом, увидев, что Никола протягивает ему бумагу, и обратился к другим бородатым мужчинам:

— А вы чего?

— Мы здесь, великий государь, — вышел вперед рослый и бледнолицый мужик, — с жалобой на своих помещиков и господ. — Он встал на колени, и Никола понял, что этот дергающийся господин и есть царь. Блед-

нолицый продолжал: — Спаситель наш и надежда, царь наш Павел Петрович, просим, забери нас от услужения сим кровопийцам и издевателям. Возьми нас под свою руку, не дай погубить христианские души. Будем служить тебе покорно и честно. — Глаза у царя вылезали еще дальше вперед. Никола даже зажмурился. Царь покраснел, схватил протянутую челобитную, обернулся к подбежавшему со столиком слуге и, брызгая чернилами, что-то написал на ней, затем поднес к глазам и громко прочитал:

— Дерзновенных сих в страх другим и дабы никто другой не отважился утруждать нас такими не дельными просьбами наказать нещадным образом плетьми.

Господа в зале зашумели, захлопали в ладоши, кто-то крикнул:

— Благодарим, государь, за великую мудрость.

Царь повернулся, подозвал полицейского офицера и, показав пальцем на всех просто одетых, резко сказал:

— Отведите на рынок и выпорите нещадным образом. Столько, сколько захотят их помещики и господа.

...Плеть тонко свистнула и, рассекая воздух, упала на обнаженную спину Николы. И он снова сжался, чтобы не стонать.

Продолжение следует

ПОЭЗИЯ

Иван **ВЕТЛУГИН**

СМЕНА

ВДАЛИ ОТ ЛИНИИ ОГНЯ

Сегодня в стихах вспоминая войну,
опять припадаю к переднему краю
и, словно спеша, невзначай
пропускаю
армейской судьбы своей
главку одну.

Припомню, гордясь, как в пехоте
служил,
как ползал по минному полю
сапером...
Но был ведь сперва батальон,
о котором
пока я ни строчки еще не сложил.

Неужто в душе от него ни следа?
Неужто забыт он, неслышный,
невидный?
Его не забудешь!
Да служба обидной
в нем крепкому парню
казалась тогда.

Ну чем я не вышел и в чем виноват, —
такие вот мысли нещадно терзали, —
что всех, с кем дружил я,
сражаться послали,
меня же —
подальше от фронта.
В стройбат.

За долгие тысячи верст от огня
ходить в штыковые бои не учили.
Мне вместо винтовки
лопату вручили,
хотя и в шинель нарядили меня.

Шинель,
своей службе казенной верна,
покорно мне спину в мороз согревала,
а грубая штопка на ней
выдавала —
и где и на ком
побывала она.

И было мне горько, и жег меня стыд
от тягостной смысли, едва ли неверной,
что первый,
что первый,
что первый,
что первый,
кому она верно служила,
убит.

Я так же, как он, назывался бойцом,
но не было рядом грохочущей стали,
и струи свинцовые
здесь не хлестали.
Лишь тело мое
наливалось свинцом.

С двухъярусных нар,
где мы спали вповал,
команда «подъем!» нас метлою сметала,
усталость свинцово
к земле пригибала,
и снова — он самый! —
развод наступал.

Развод по объектам, по фронту работ,
а проще —
вели на пустырь нас унылый,
где мы становились
рабочею силой,
совсем отстраненной
от ратных забот.

Здесь как бы менялся и наш комсостав, —
он не был, конечно, безвольным и слабым,
но словно терялся,
гражданским прорабам
над нами с утра
свою власть передав.

Мы рыли траншеи, валили в них бут,
готовя фундаменты будущих зданий.
Зачем? Для чего? —
Мы не знали заране.
Мы знали:
бои под Москвою идут.

Бои под Москвою,
в кольце Ленинград,
там храбро сражаются, там умирают...
А мы — на задворках,
мы сбоку, мы с краю.
Не воины мы.
Безоружный стройбат.

Но яростный норов войны многолик.
Так жарко в лицо нам пахнуло войною,
когда привели нас порою ночною
к железной дороге,
в какой-то тупик.

Во тьме,
поредевшей от слабых костров,
на дымных платформах зловеще мерцало
застывшее в муках
сплетенье металла.
Откуда он —
было понятно без слов.

Казалось,
кричало нам здесь все подряд —
какие-то баки, колеса и трубы:
мы — с юга,
мы — в ранах,
почти уже трупы,
ты сделай нас снова заводом,
стройбат!

Мы этот металл,
что гнала к нам война,
натужно сгружали без сна и без смены,
уже понимая —
нужны ему стены,
чтоб стал он заводом.
И крыша нужна.

И может, тогда я впервые связал,
нетрудной своей осененный догадкой,
в одно — и пустырь,
что нам стал стройплощадкой,
и этот
войной опаленный металл.

Но пусть не фальшивит и нынче строка.
От легкой догадки мне легче не стало.
Завод поднимался,
а радости — мало.
Скорей бы на фронт
да в штыки на врага!

За рапортом — рапорт.
Мы даже тайком
Верховному письма писали ночами,
за что гауптвахты
хлебнули вначале,
а фронт —
и на нем оказались потом.

И каюсь, оттуда, из пекла войны,
где быть довелось
и стрелком, и сапером,
смотрел свысока на стройбат я,
с которым

без грусти расстался
в глубинах страны.

А он, неприметный, неслышный стройбат,
защитного цвета двужильный трудяга,
работал,
не сделав к Берлину ни шага,
работал,
не зная высоких наград.

Работал во весь свой возможный накал,
и землю копал он,
и тачки катал,
и мерз, и на скудном пайке голодал,
но если бы он не построил завода,
ждала бы, наверно, патронов пехота
и мой автомат
по врагу не стрелял.

НЕОБХОДИМОСТЬ

Приказ министра обороны.
Взглянул — и вспыхнуло опять
в нем освященное Законом,
беспрекословное:
призвать!

Такие в точности приказы
в газетах вижу дважды в год.
Привычно схватываю сразу
их суть.
И никаких забот.

О чем заботы?
Все как надо:
одних уволить, а других...
Не грустно сердце и не радо
от твердо-властных
слов скупых.

Спокойно и неколебимо
оно их приняло давно.
Здесь властвует необходимость,
а значит, так и быть должно.

Призвать! —
вновь вижу я и ныне.
Но это же теперь о нем —
о нашем мальчике.
О сыне.
Единственном. Моем родном.

Его отец, я знал, конечно, —
он вырастет, и в свой черед,
как я когда-то, неизбежно
на службу в армию пойдет.

Но все считал я беспечально,
что неизбежная пора
за постоянной далью дальней
была от школьного двора.

И вроде б даже изумился,
когда у сына в дневнике
средь прежних новый появился
урок —
три буковки в строке.

Глядел на них я
и вначале
расшифровать никак не мог,
какой они обозначали —
три буквы НВП —
урок.

А сына спрашивать неловко...
Сообразил чуток поздней,
что о военной подготовке
здесь речь была.
Уже о ней!

Но как с женою ни дивились,
а все не верилось всерьез,
что мальчик наш так быстро вырос,
мы думали:
он лишь подрос.

Все те же книжки да тетради,
а между тем, как вышло, он

уже и в райвоенкомате
известен был и был учтен.

И подтверждалось это веско,
хотя бы тем, что снова в дом
к нам зачастили вдруг повестки,
где ставил подпись военком.

Я разгибал устало спину,
когда стучались с ними в дверь,
но не отцу уже,
а сыну
адресовали их теперь.

То медкомиссия, то сборы...
Все остальное заслоня,
однажды выпал путь за город,
в учебный лагерь, на три дня.

Едва ли там казалось странным
ему — еще ведь не солдат! —
с «калашниковым» деревянным
бежать в цепи других ребят.

Прощался он с игрою детской
здесь, на учебном рубеже,
и к службе в Армии Советской
в душе готовился уже.

Ведь он ее необходимость,
хоть жаркий не гремел металл
и небо не клубилось дымом,
как все мы,
с детства постигал.

Я зря томился затаенно,
нелегкий сдерживая вздох, —
приказ министра обороны
не мог застать его врасплох.

Он пробежал по строчкам взглядом,
как будто знал их наперед,
и посерьезнел:
— Все как надо.
Настал, отец, и мой черед.

ПРИШЕЛ Я СЕГОДНЯ К ЗАВОДУ

Нет, нет, не причуде в угоду
я, занятый делом иным,
пришел и сегодня к заводу,
к знакомым дверям проходным.

Сейчас, как из шлюзов широких,
из этих вот самых дверей
навстречу мне хлынут потоки
окончивших смену людей.

Вновь буду в несхожие лица
с вопросом глядеть непростым —
какой на них отсвет хранится,
оставленный днем трудовым.

А толком и сам я не знаю,
откуда порой у меня
берется потребность такая
к исходу рабочего дня.

Зато мне знакомо бессилье,
когда среди многих забот
вдруг словно опустятся крылья
и дело на лад не идет.

Тогда-то, хотя и нечасто
случается эта беда,
ведет меня, как за лекарством,
нежданная сила сюда.

И сам не у дела покуда,
как будто солдат не в строю,
себя я примеривать буду
к окончившим смену свою.

Увижу на лицах усталость
и радость успехов дневных,
а может, как тоже случалось,
и скуку найду на иных,

прочту, разгадаю без слова
и новую тягу к труду,
и только бессилия снова
на лицах людей не найду.

В глаза никому не бросаясь,
побуду вблизи проходной,
и к сердцу нестыдная зависть
подступит горячей волной.

Захочется снова с рассвета
трудиться, чтоб после забот
и мне стать похожим на этот
окончивший смену народ.

ПОЭЗИЯ

Александр **ШЕВЕЛЕВ**

ДОБРАЯ НАДЕЖДА

* * *

Пойдем в поля послушать голос
лета,
чтоб жизнью насладиться до конца:
никто нам не подарит больше это —
ни пенье птиц, ни запах чебреца,
ни эти дали без конца и края,
ни этот теплый в мареве лесок,
ни речку, что от неба голубая,
и ни тропинку, что наискосок
бежит, бежит куда-то меж холмами,
гараж, кусты, сараи обходя,
и виснет вдруг почти под облаками
на тонких нитях солнца и дождя...

ПОКОСНОЕ УТРО

За рекой, на лугу, по росе косари
Идут, косят траву, наклоняются.

Иван Суриков

Едва рассвет забрезжит
над простором,
окрашенный каемкою зари,

а по лугам прибрежным, косогорам,
сбивая росы, косят косари.

Они идут размашисто, широко, —
таких немало нынче на селе, —
труда их ритм мне слышится далеко,
созвучный русской песне на земле...

Они прошли. И ровные прокосы
я словно строчки жизни их читал...

А над рекой стоял туман белесый,
как сотни лет тому назад стоял.

* * *

Я помню дни,
когда горела рожь,
фашисты шли,
топтали наше поле,
и женщин обезумевших
галдеж,
длиной в четыре года
горе...

В меня стреляли трижды,
как в мишень,
от шнапса захмелевшие фашисты...
А я живу...
Встречаю мирный день...

И на душе так радостно
и чисто...

ЗВУК В ГОРАХ

Памяти М. Лермонтова

Октябрь в горах
кроваво-красный.
Вдали виднеется
Машук,

и в небесах плывет
неясный
одним горам
понятный звук.
Он не одно уже
столетье
блуждает гордо
средь вершин...

За смерть поэта —
все в ответе!
Не только дуэлянт
один.

* * *

Пора осенняя печальна,
красы томительной полна, —
прохладна чуть и музыкальна,
дарует нам покой она.

Мы к дому шаг свой замедляем.
На солнце жмуримся слегка.
И долгим взглядом провожаем
до горизонта облака.

И вспоминаем детства годы.
Читаем дали, как чертеж.
И желтоватый лик природы
на материнский лик похож.

Неторопливо зреют мысли
на грани вымысла уже,
и беспредельность синей выси
не умещается в душе...

ДЕКАБРЬСКИЕ НОЧИ

На ухабах машину заносит,
горячится мотор
и рычит.
Как длинна ты,

дорога в ночи!
Снег лежит неподвижный
и белый.
Свет от фар
прямо к звездам летит,
разрушая пространства
пределы,
навсегда с бесконечностью
слит.
А шофер смотрит в ночь
напряженно.
Сбочь мелькают стога
и столбы.
А дорога —
подъемы,
уклоны, —
словно линия трудной
судьбы.

* * *

Так повелось уж
испокон веков:
всего точней
часы у моряков.

Всего надежней
посох пешехода —
день открывает нам
сама природа.

Всего светлее нам
родимый свет.
И ничего теплее
дома нет.

Всего нежнее
в этом доме Мать.
Всего святей —
земная благодать.

Рис. В. Иванова

Даль ОРЛОВ

МЫ ИЗ «КИНОПАНОРАМЫ»

Ведущих телевизионных программ нигде не готовят, этому делу нигде не учат. Тот, кто берется за него, должен до многого доходить своим умом, продвигаясь к желаемому результату методом проб и ошибок. Однако складывается такое впечатление, что все тем не менее знают, каким должен быть ведущий и как он должен действовать. Вместе с тем знания эти основаны на самых общих и очень часто крайне субъективных представлениях. А коли так, то я набираюсь храбрости признаться, что все дальше изложенное тоже в известной степени субъективно и является не больше чем личными наблюдениями человека, которому судьба уготовила место одного из ведущих популярной телепередачи под названием «Кинопанорама». Автору уже и того будет достаточно, если заметки его привлекут читателей своей искренностью.

1

Начало...

А также несколько соображений на будущее

В течение многих лет я ровным счетом ничем не отличался от миллионов тех, кого называют телевизионными зрителями.

Не пропускал ни одной «Кинопанорамы». При этом зрителем я был требовательным. Но разве есть зрители нетребовательные?! Смотрел, получал удовольствие — и критиковал! Один из ведущих, помню, долго нравился, а потом привиделась мне в нем некоторая усталость, показалось, что огонек пропал, вялость появилась... Другой ведущий, казалось мне, старательно делал вид, что только сию минуту придумал то, что накануне выучил наизусть... Третий так хотел понравиться всем и каждому, что из ведущего превращался в ведомого, утрачивая достоинство и обаяние, то есть добивался результата, противоположного тому, к которому наверняка стремился... Ну и так далее. Мы как-то с режиссером Ксенией Борисовной Марининой подсчитали, что за первые двадцать лет существования «Кинопанорамы» ведущими в ней побывал 21 человек. Это и те, кто провел ее один-два раза, и те, кто сотрудничал с ней по нескольку лет. Так что, являясь одной из старейших передач, «Кинопанорама» еще и побила рекорд по сменяемости ведущих. Значит, не простое это дело...

Смена ведущих, видимо, процесс неизбежный. Ведь на эту роль бездельников не приглашают, а зовут людей весьма занятых, имеющих в руках свое основное дело: режиссерское, актерское, писательское, — далеко не каждый человек может, не поступаясь чем-то, уделять достаточно времени и сил такому ответственному делу, как «Кинопанорама». Кроме этой причины ухода, могут быть и другие. Самая ясная: попробовал — не получилось. Посложнее, когда не нашелся общий язык с режиссером, с редактором, то есть с решающими фигурами в передаче. Причин много.

И все-таки, я уверен, мелькание лиц ведущих для постоянной передачи отнюдь не благо. Ведь зритель с особым доверием воспринимает предлагаемый ему в передаче материал, если его «вручает» человек, к которому он привык. Кому доверяет, с которым ну как бы знаком. Появление новой фигуры в качестве телевизионного полпреда ведет к психологической ломке восприятия — надо приглядеться, привыкнуть, оценить человека, который пришел к тебе в дом. А пока проделывается вся эта мыслительная работа, может ускользнуть главное, ради чего существует передача.

Итак, напомню, я говорил о том, каким немыслимо требовательным критиком был, пока был зрителем «Кинопанорамы». И тот не очень хорош, и этот не туда гнет, и фильм не тот взяли, и актера не того пригласили... «Каждый мнит себя героем, видя бой со стороны», — как сказано у Шота Руставели в «Витязе в тигровой шкуре».

Но я даже героем себя не мнил, поскольку ни разу не мелькнула мысль о том, как бы все это проделал сам, окажись на месте ведущего.

Но однажды случилось следующее. В 1980 году Всесоюзный кинофестиваль проходил в Душанбе. Я поехал туда по делам журнала «Советский экран». В один из дней в вестибюле гостиницы — самое бойкое место фестиваля! — известинец Юрий Черепанов (ныне он работает главным редактором журнала «Искусство кино») познакомил меня с режиссером «Кинопанорамы» Ксенией Борисовной Марининой. Коротко поговорили с ней, обменялись незначащими фразами, шутками и разошлись. Мало ли новых знакомств случается на фестивалях! Но я тогда еще не

знал Маринину! Дня через два она находит меня после очередного просмотра и предлагает провести беседу с постановочной группой одного в ту пору очень популярного фильма. Для «Кинопанорамы». Это должна быть как бы страничка в выпуске, посвященном душанбинскому всесоюзному кинофоруму.

Отнесся я к предложению совершенно спокойно. Режиссера фильма знал, актеры, в нем занятые, были мне симпатичны — отчего не попробовать! Согласился.

Тем более что некоторый опыт работы перед телекамерой уже имел. За два года до того отмечалось 150-летие Льва Толстого. К этому юбилею на «Центрнаучфильме» был поставлен по моему сценарию полнометражный фильм «Лев Толстой — наш современник». И вот однажды у меня дома появляется съемочная группа телевизионной программы «Москва», возглавляемая редактором Валентиной Демидовой, для того чтобы взять интервью о фильме. Действительно, именно тогда я впервые ощутил малоприятное состояние панического ужаса в момент, когда включается камера и твой язык начинает работать как бы самостоятельно, норовя обойтись без руководящей роли мозга.

А вскоре после этого интервью Валентина Демидова предложила мне раз в месяц в «Московских теленовостях» рассказывать в течение пяти минут о новых фильмах, выходящих на экраны столицы. И я стал рассказывать. Запись делали у меня в редакционном кабинете: я усаживался на фоне книжного шкафа или наклеенных на стену киноафиш, на столик передо мной ставили вазочку с цветами, включали свет, камеру, и я произносил короткий монолог. Вот такой был опыт. Только по неведению можно было посчитать его достаточным, но дошло это до меня много позже.

А тогда, в Душанбе, мы расположились с творческой группой фильма в фойе драматического театра. Машина с техникой и режиссерским пультом стояла на улице. Ксения Маринина произнесла перед нами яркую речь, содержащую разного рода пожелания, а затем ушла к пульту. Потом, в процессе беседы, она еще несколько раз появлялась, давала указания и снова исчезала. В отдалении, не спуская с нас огромных светящихся глаз, сидела миниатюрная девушка с блокнотом на коленях. Она смотрела так, что ей хотелось рассказывать только правду, хотелось выглядеть хорошо и не быть тугодумом. Позже выяснилось, что это редактор передачи Светлана Ялович.

В такой весьма благоприятной обстановке была записана беседа: каждый высказался, в том числе и я, не скрывая, что в картине имелись и недостатки, актеры мягко мне попротиворечили, поглядывая на режиссера, а в конце я всему подвел итог. Как все, оказывается, просто! Ксения Маринина сообщила, что она очень довольна записью.

Через две недели, уже в Москве, она мне позвонила:

— Даль Константинович, — сказала она, — та страничка, что мы в Душанбе записали, из передачи вылетела. Пойдет рассказ о другом фильме, телевизионном. У него скоро эфир, и можно опоздать. Не огорчайтесь. Причина не в вас. Вас начальство хвалило.

Душанбинская работа канула в Лету, но это меня нисколько не огорчило. Горько бывает, если рушится то, во что вложил душу. В данном же случае ничего такого не было. Значит, и не бы-

ло трагедии. Тем более что голова была занята другим, забот хватало. Ведь в течение следующих месяцев пришлось принять участие еще в трех фестивалях — в Ташкенте, в Пезаро (Италия), в Карловых Варах (Чехословакия). (Не надо думать, что вся моя жизнь только из фестивалей и складывается. Просто год такой выдался!) Потом еще летал с творческой группой кинематографистов на Камчатку, а в отпуске писал сценарий «Репортаж из бездны» для киностудии «Узбекфильм». И ежедневно еще работа в журнале. Понятно, что мне было не до воспоминаний о несостоявшемся дебюте в «Кинопанораме». Однако осенью последовал звонок:

— Не согласитесь ли как ведущий провести один выпуск «Кинопанорамы»?..

Кто мог предположить, что за этим последуют несколько лет сотрудничества с Центральным телевидением? А тогда я не удержался от возможности новых впечатлений и дал согласие.

Что, как мне казалось, говорило в мою пользу ввиду необычной затеи? Я всегда интересовался историей кино, а вот в его настоящем вообще разбирался неплохо. Помогал опыт предшествующей работы в системе кинематографии. Мне редко бы приходилось знакомиться с приглашенными в «Кинопанораму»: я знал почти всех, и почти все знали меня. Таковы были мои плюсы. А минусы? Наивный, я их не находил. И смело направился на первую съемку.

Дело вершилось в одном из больших павильонов Останкина, где для меня отгородили уголок. Я сел за столик, нагло глянул в не включенную еще камеру, потом посмотрел на монитор, увидел собственное изображение и чрезвычайно себе понравился. Потом устанавливали свет. Я тогда еще не знал, что установка света у большинства операторов занимает гораздо больше времени, чем требует сам процесс вещания. Но беда обнаружилась в другом: я постепенно стал осознавать, что моя уверенность в себе куда-то улетучивается. «Что я делаю, — думал я, — по какому праву я здесь?» Во рту у меня пересохло, руки и ноги закаменели. И к тому же почему-то на лице отпечаталась заискивающая улыбка. Что было делать? Но что-либо делать было уже поздно. Оператор сообщил, что «пошел мотор», потом мягко махнул ладонью, и это означало, что надо говорить.

Примерно через месяц, сидя дома перед телевизором, поддерживаемый спасительным присутствием жены и дочери, я наблюдал за говорящим с экрана странным человеком в очках, который вел себя так, будто у него над ухом только что выстрелили из мортиры. При этом он криво улыбался и поминутно облизывал губы.

Передача кончилась поздно, но сразу зазвонил телефон. Мне звонили не только нынешние друзья, но и товарищи детства. Звонили те, с кем я не виделся десять, двадцать, а то и все тридцать лет. Я понял, что телевидение —серьезное дело, а «Кинопанораму» смотрят все. Во всяком случае, все мои знакомые. Я что-то мычал в трубку и выслушивал комплименты своему костюму, стрижке, очкам, многие просто были рады увидеть меня живым и здоровым и предлагали встретиться. Но никто даже не пытался намекнуть на то, что я превзошел Каплера или Рязанова. Все стало ясно...

В первый год содружества с «Кинопанорамой» у меня не было

постоянного режиссера. Помню, один из работников телевидения, посмотрев передачу, заметил: «С вами никто не работает...» И он был прав. Без режиссера-мастера ведущему плохо. Ведь он для него, особенно на первых порах, — наставник в профессии.

Но тем не менее привыкание к камере продолжалось, и продолжался процесс самоанализа ради самосовершенствования, благо руководство телевидения было терпеливо. Я понял тогда и в том же уверен сегодня: перед камерой нельзя притворяться. Нельзя «создавать образ» — умного или обаятельного, сдержанного или рубахи-парня, всезнайки или кокетливого простачка, юмориста, или, скажем, скептика. Надо быть тем, кто ты есть на самом деле. То есть моя задача, как я ее для себя понимаю, прямо противоположна актерской: тот считается тем лучше, чем дальше уходит в существо предложенного ему стороннего образа (вплоть до внешнего перевоплощения), я же в качестве ведущего не должен играть. Экран быстро разоблачит самодеятельные потуги на актерство.

Так я думал, добровольно взвалив на себя все эти испытания. Никому, конечно, не навязываю своих рецептов. Мне они, надеюсь, помогают, но у всех все происходит по-разному. Когда я своими соображениями поделился с Эльдаром Рязановым, то выяснилось, что он тот же вопрос понимает несколько иначе, у него были свои трудности... И он их преодолевал и преодолевает по-своему...

Наблюдая за людьми, хорошо чувствующими себя на трибунах, любящими выступать, я вижу, что есть в них черта, которой мне лично всегда не хватало, — апломб! Согласитесь, что если оратор сам себе не нравится, сомневается в нужности, самоценности того, что говорит и как говорит, то даже доброе, умное и ценное он не донесет до слушателей с той мерой яркости и убедительности, которая необходима. «Самоедство» и как следствие — скованность тела и мыслей перед камерой, то, от чего я стремлюсь избавиться. Опытные коллеги понимают меня и пытаются помочь.

В течение следующего, второго года пребывания в «Кинопанораме» я уже сотрудничал с режиссером Майей Рудольфовной Добросельской. Какой она оказалась умной, мягкой, интеллигентной женщиной! В ней всегда присутствует готовность поддержать, ободрить, даже восхититься. Право, совсем не случайно слово «добро» вошло составной частью в ее фамилию — Добросельская. Именно тогда я наконец почувствовал, что говоримое мною отнюдь не всегда лишено смысла, что я что-то знаю и чем-то могу быть интересен зрителям.

Правда, окончательно убедить меня в последнем Майе Рудольфовне все-таки не удалось. Прогресс намечался, некоторые сковывающие меня вериги спадали, но все же...

Делать передачу о Всесоюзном кинофестивале телевизионных фильмов в Ереване (осенью 1981 года) я поехал с группой «Кинопанорамы», которую возглавляла Ксения Маринина, то есть с теми людьми, что приметили меня в Душанбе. Я волновался, боялся не оправдать надежд новой, по существу, для меня группы, имевшей за плечами опыт сотрудничества со всеми ведущими «Кинопанорамы», а среди них, как известно, были настоящие мастера... Мне и не хотелось ударить в грязь лицом, и не хотелось подвести тех, кто на меня теперь понадеялся. Сомневаю-

щийся — не спутник для атаки. А я опять сомневался: выйдет, не выйдет.

Трудная планида у создателей «Кинопанорамы»! Да, наверное, и у всех тех, кто ведет постоянные рубрики на телевидении. Надо думать и о том, как интереснее составить, подготовить, снять очередной выпуск, подобрать кандидатуры участников, с каждым договориться, встретиться, уделить максимум внимания. А тут еще постоянной заботы требует ведущий, особенно если он человек, мягко говоря, впечатлительный. Ведь все должно быть обговорено с ним и согласовано — и без конфликтов. То есть конфликты, конечно, возможны, и они бывают, но они непременно должны быть улажены до момента съемок, иначе добра не жди — экран способен передавать даже психологический климат, в котором существуют те, кто оказывается на экране. Сразу почувствовав, что мне не по себе, мои чуткие товарищи принялись за восстановление моего душевного равновесия. И сейчас, через несколько лет, я вспоминаю работу над той передачей с чувством глубокой к ним благодарности.

Ксения Борисовна предложила снимать начало передачи не в студии, а на горе Эребуни, самой высокой точке, откуда открывался чудесный вид на Ереван. И был одет я не в строгий костюм, а в рубашку с открытым воротом. И было много шуток и дружеской предупредительности — и все вместе создавало атмосферу совершеннейшего благоприятствования и для гостей передачи, и для ведущего.

Мне приходилось сотрудничать с театрами, когда ставились мои пьесы, со съемочными группами, когда создавались фильмы по моим сценариям — и на студиях художественных фильмов, и на «Центрнаучфильме», и я невольно сравниваю все это с тем, как делается «Кинопанорама». Это нечто иное. Начнем с того, что одновременная аудитория у каждого выпуска «Кинопанорамы» не идет ни в какое сравнение ни с театральным спектаклем, ни даже с фильмом. Аудитория здесь необъятная! Отсюда особая ответственность за идейно-художественное качество работы! Но теперь сравните: полнометражный научно-популярный фильм продолжается максимум пятьдесят минут. «Кинопанорама» длится не менее полутора часов. Практически перед нами два полнометражных фильма. И по времени, и по трудовым затратам. Ведь характер работы один и тот же. Чтобы сделать «Кинопанораму», надо, как и для фильма, написать сценарий, выбрать натуру, оборудовать павильон, снять синхронные интервью, найти нужную хронику, подобрать фрагменты из фильмов. Для репортажей со съемочных площадок необходимы выезды на места съемок, могут потребоваться экспедиции для подготовки других сюжетов (как иначе рассказать о кино- и телефестивалях?). Когда материал собран и отснят, его надо смонтировать и уложить соответствующую музыку, озвучить ленту текстом из-за кадра. Все то же самое. С той только разницей, что на производство фильма полагается год, а на выпуск «Кинопанорамы» полтора-два месяца.

...Чтобы хоть одну страницу «Кинопанорамы» посвятить режиссеру или актеру или рассказать о профессии (каскадера, кинохудожника, композитора, оператора), надо просмотреть два, три, четыре десятка фильмов, отобрать фрагменты, осмысленно их смонтировать. Надо подготовить и снять беседу-встречу с геро-

ем сюжета, она может состояться и в телепавильоне, и на студии, а то и в мастерской или дома. Беседа продолжается минут сорок, а то и час, а сюжет (весь, с фрагментами) займет в эфире минут пятнадцать. Значит, опять необходимо волшебство телевизионного монтажа, чтобы не поглупел разговор от монтажных сокращений, но и сохранился импровизационный его характер. Ведь «исполнители ролей» отнюдь не заучивали заранее подготовленный текст. Он складывался по законам живой беседы. Для телепередачи это принципиально.

Люди, даже разбирающиеся в кино, меня часто спрашивают: а вот вы с Рязановым заранее учите текст или, может быть, вы его читаете? Ответ короткий: не учим и не читаем. Ведь способность самому высказывать собственные мысли не одним только ведущим телепрограмм свойственна.

Но не так-то часто бывает, что говоришь о том, с чем подробно был знаком раньше. Чаще приходится готовиться. И фильм посмотреть заранее, и в книжках порыться, и вникнуть в материалы, подготовленные редактором, и специалистов порасспросить. Без этого «импровизация» перед телекамерой не состоится. Текстов своих предварительно я не записываю, а вот проговорить их дома для самого себя перед поездкой в Останкино иной раз не ленюсь. Так готовлюсь к своим коротким монологам, к «подводкам» — есть на телевидении такой рабочий термин.

По иным принципам складывается подготовка к беседам. Тут я загодя формулирую круг вопросов, даже записать могу. Но в ходе разговора в бумажку не заглядываю. Нередко получается так, что вопросы подготовишь одни, а беседа идет совсем по другому руслу. И хорошо. В ней выявляется тогда собственная логика.

Иногда перед записью мои собеседники интересуются, о чем собираюсь их спрашивать. Стараюсь прямых ответов избегать. Если вопрос прозвучит неожиданно, то и ответ на него поступит естественный, человек задумается, подыщет слова, скажет и, может быть, поправится — не так ли мы и в жизни разговариваем? В результате на экране будут живые люди, а не участники спектакля.

Многое остается за кадром, о чем зрители и не догадываются. Но на конечный результат, на качество передачи влияет и это. Например, сам момент встречи группы с теми, кто приглашен на передачу. Они приходят, волнуясь, празднично одетые, полностью отдавая себе отчет в значительности того, что должно произойти, — выход к миллионам телезрителей. Важно, чтобы гость сразу перестал чувствовать себя гостем, чтобы проникся к нам доверием, ощутил уважительное и сердечное к себе отношение.

Я не случайно рассказывал о своих переживаниях перед телекамерой, когда был начинающим. Ведь нечто подобное переживают, наверное, и те, кто приходит на «Кинопанораму», особенно если нет у них опыта частого общения с эфиром, надо же их понять.

И я понимаю. А они понимают, что я их понимаю, и надеются на мою помощь. В своем деле они мастера, поэтому надо и здесь помочь им раскрыться в лучших качествах. Мне они еще интересны и как люди, занимающиеся поистине великим делом — искусством кинематографа.

Разве не замечательно встретиться и поговорить с Вячеславом Тихоновым, Евгением Матвеевым, Сергеем Бондарчуком, Иннокентием Смоктуновским, Станиславом Ростоцким, Наталией Гундаревой, Григорием Чухраем, Валентином Черных, Игорем Таланкиным, — я просто не в состоянии перечислить всех. А наши дебютанты, те, кто только начинает, — сколько среди них своеобразных и талантливых людей!

Помню, как смущалась перед записью нашего с ней разговора София Ротару (она тогда снималась в фильме) и сколько неожиданного обаяния, человечности, «антизвездности» открылось в этом ее смущении. А как тщательно и ответственно готовилась к беседе Нонна Мордюкова, какими чудесными собеседниками оказались Валерий Золотухин, Ия Саввина, Лев Дуров.

Каждый — индивидуальность, каждый — личность. И с каждым должны мгновенно установиться добрые, правильные отношения, потому что зритель будет судить заинтересованно и строго.

Планирование передач «Кинопанорамы» ведется на год вперед. Каждая из двух творческих групп, и мы с Рязановым как ведущие, знаем, кто в какой месяц выступает. Программы увязываются с предстоящими значительными кинематографическими событиями (фестивали, например), общенародными праздниками, крупными государственными или партийными мероприятиями.

Зрители привыкли, что «Кинопанорама» появляется обычно в эфире в конце каждого месяца, в предвыходные или выходные дни, вечером, после программы «Время». Значит, она в равной степени должна быть серьезной, нести заряд полезной информации и по-хорошему легкой, развлекательной. Сочетать и то и другое трудно, но необходимо.

При планировании прежде всего решается вопрос, какие новые фильмы представлять. Ведь каждый год у нас в стране снимается 150 фильмов для кинотеатров и почти столько же для телевизионных экранов. А мы в лучшем случае более или менее подробно можем рассказать о пятнадцати-двадцати. Одновременно подбираются кандидатуры для творческих портретов, выискиваются адреса репортажей со съемочных площадок, намечается архивная страничка, зарубежная и так далее. Затем все это облекается в форму сценарного плана или сценария. И начинается большая, кропотливая организационная и творческая работа, о которой я частично уже рассказал.

Почти четверть века «Кинопанорама» придерживается формы своеобразного телекиножурнала. Видимо, форма была найдена удачно, если выдержала испытание временем. И тем не менее внутри ее происходят изменения, предопределенные временем, изменениями в самом искусстве кино, в психологии зрительского восприятия. Активнее стали использоваться «выходы» из павильона, съемки и встречи непосредственно на местах кинематографических событий, разговоры о кино стали вестись с большим доверием к кинематографической квалификации зрителей. Судя по письмам, они с благодарностью встречают такие изменения.

Однако резервы для совершенствования передачи, несомненно, есть. Можно представить себе выпуски, которые, сохраняя разнообразие в подборе и подаче материала, были посвящены одной теме: например, кино и образ положительного героя, женские образы в современном кино, школа и кинематограф, режиссура се-

годня, мастерство актера, молодежь советского кинематографа... При этом, я уверен, не следует излишне увлекаться киноведческим анализом, пусть он будет характерен для других передач о кино.

Может быть, стоит чаще ездить по стране. Разве не интересно было бы рассказать о работе «Ленфильма», или Рижской киностудии, или о «Грузия-фильме»? Ведь наш кинематограф многонациональный! В этом его особенность, и это является предметом нашей гордости. «Кинопанорама» традиционно подробно рассказывает о Московском и Ташкентском международных кинофестивалях. Но в странах социалистического содружества есть еще и фестиваль в Карловых Варах — крупнейший форум прогрессивного кино мира. О нем, кажется, ни разу не было рассказа.

А в последнее время мы еще стали мечтать и о постоянном приложении к «Кинопанораме». Вот когда можно было бы более сосредоточенно и планомерно рассказывать об отдельных кинематографиях, и о крупных мастерах нашего и мирового экрана, и о целых направлениях киноискусства и в тематическом и в жанровом смысле. Отдельные попытки такого рода уже делались. Можно напомнить, например, передачу об итальянском кино, которую вел Эльдар Рязанов, и передачу о Стенли Крамере, в которой я принял участие.

«Кинопанорама» — передача, посвященная искусству. Но ведь она и сама является произведением искусства — телевизионного. Значит, она не может не нести на себе отпечаток индивидуальности тех, кто ее создает. Разве можно спутать выпуски, подготовленные режиссерами Добросельской и Марининой? Постановочный почерк первой тяготеет к манере неспешной, к более подробному знакомству с тем или иным явлением кино, с той или иной творческой личностью. Вторая мыслит активно кинематографически, важнейшие компоненты кинописьма, драматургия, монтаж, музыка существуют в ее передачах в активном взаимодействии и взаимообогащении, в результате зрителю предлагается, как я и пытался показать выше, по существу, законченный, самостоятельный фильм.

Не может не оказывать влияния на характер и стиль передачи личность ведущего. Манеры Эльдара Рязанова и Даля Орлова весьма разнятся. У каждого есть свои достоинства, и каждый стремится избавиться от своих недостатков. Тут обязательно нужны и самокритика и критика. Мы готовы трудиться, совершенствоваться, меняться. Конечно, как сказал мне однажды Эльдар, если не потребуется, чтобы я стал худым, а ты толстым. Если потребуется, ответил я, добьемся и этого. Ведь мы добровольно несем свою ношу, а нет ничего более сильного на свете, чем добрая воля и энтузиазм.

2

Кто есть кто...

А также о том, что ведущий только видимая часть айсберга

Многие считают, что всю «Кинопанораму» делает ведущий. Это далеко не так. Это даже совсем не так. Ведущий только види-

мая часть айсберга. Все остальное, а значит, главное скрыто от глаз зрителей.

Если когда-нибудь придет пора писать историю нашего телевидения, уверен, имя режиссера Ксении Борисовны Марининой в ней не затеряется. Она из тех творческих фигур, которые много сделали для телевидения, в значительной степени определяя его творческое лицо. Именно она придумала «Кинопанораму» почти четверть века назад и остается ей верна по сей день. Для подобных находок нужно озарение. Для такой верности необходим недюжинный характер.

Мне неоднократно приходилось слышать рассказы Ксении Борисовны о себе, о начале ее работы на телевидении, так что изложенное дальше почерпнуто во многом из первых рук.

Начинала она как театральная актриса и театральный режиссер. После окончания училища была принята в Московский театр имени Ленинского комсомола и тут, юная и азартная, сразу показала, что не принадлежит к числу тех, кто бежит от работы. Такой и осталась навсегда.

Сколькими жалобами и сетованиями откровенно делилась она со мной по поводу перегрузок, занятости, что ни охнуть ни вздохнуть, а дом заброшен, интересная книга не дочитана, друзья обижаются, — но ни разу из этого ничего не следовало. Все продолжалось по-прежнему. Вот она звонит поздно вечером, голос взволнованный: передача не складывается, нужный фильм не дают, нужный человек в отъезде, чем «финалить», неизвестно, как монтировать, неясно, начало не придумано, середина провисает... Разговор в таком духе может продолжаться и час и более. Но проходит день, другой, снова звонок и снова разговор, но теперь уже все ясно, все складывается, выстраивается, монтируется, и готовый фильм под названием «Очередной выпуск «Кинопанорамы» полностью начертан в ее воображении. И будьте уверены — зрители его увидят.

Если сейчас ей свойственно юношеское беспокойство, то каким же оно было в юности?! Недаром художественный совет театра утвердил ее по предложению С. Гиацинтовой режиссером на спектакль «Семья Ульяновых». Старые театралы помнят, что он стал событием в культурной жизни столицы. А позже, в другом московском театре, имени А. С. Пушкина, она помогала М. Кнебель в работе над чеховским «Ивановым» — тоже событие. Потом самостоятельно поставила здесь пьесу Михаила Светлова «20 лет спустя».

Так бы и продолжала она работать в театре, не приди в Москву Международный фестиваль молодежи и студентов.

Тогда, летом 1957 года, выпускник МГУ, я был включен в бригаду журналистов газеты «Труд» для освещения этого события. Незабываемые дни! Праздничное шествие молодежи мира по Садовому кольцу в одиночку описать было бы невозможно. Поэтому мы, молодые журналисты, разделили маршрут на участки. Мне выпала площадь Маяковского. Чтобы все лучше видеть, я забрался на крышу Театра сатиры и смотрел оттуда на медленно протекающую по улице полноводную людскую реку, по которой плыли транспаранты, плакаты, змеились гирлянды. Там, внизу, люди обнимали друг друга, танцевали и пели.

Москва еще никогда не видела на своих улицах столько иностранцев сразу, вокруг негров собирались толпы желающих выра-

зить солидарность с пробуждающимся Африканским континентом. Теряя пуговицы, я прорвался на праздник латиноамериканского братства, который проходил, если не запамятовал, в парке Эрмитаж. Ничего не понимал, о чем говорили ораторы (они говорили по-испански), но энтузиазм и солидарность были мне понятны. И не знал я тогда, что среди молодых латиноамериканцев находился будущий нобелевский лауреат Габриэль Гарсиа Маркес, с которым я буду разговаривать через двадцать два года у него в доме на другом континенте, передавая приглашение председателя Госкино СССР Филиппа Тимофеевича Ермаша посетить XI Московский кинофестиваль. Кстати, он и посетил, приехал с женой и двумя сыновьями.

Довелось побывать мне и на празднике «Костер солидарности с молодежью колониальных стран», организатором и постановщиком которого, как я уже позже узнал, была Ксения Маринина. Тогда как раз молодое наше телевидение высмотрело ее, пригласило в штат.

Разумные люди, как известно, в таких случаях заявляют: от добра добра не ищут. И живут спокойно. Она была другой. Ее увлекло новое дело. Она жаждала бури. Телевидение гарантировало такие бури ежедневно.

Поняв, что появился человек, которого подгонять не придется, ее сразу поставили режиссером выпуска программ. Сейчас за выпуск программ отвечает целая редакция, тогда этим делом занимались два человека.

Была и другая существенная разница между «сейчас» и «тогда»: большинство передач шло в эфир «живьем», без предварительной записи на магнитную пленку.

В своей статье «Кинопанорама». Письмо зрителю...», опубликованной в «Советском экране» в 1982 году, сама Ксения Маринина вспоминает так: «...Режиссер и ассистент в ходе передачи должны были выдать иногда из-за пульта до двухсот команд! Кому и когда начинать говорить, какую из четырех камер включать, что показывать, в какой момент киномеханику начинать демонстрацию фрагмента, звукооператору включать музыку или шумы с магнитофона, да мало ли что еще!

Сейчас телевидение двадцатилетней давности вспоминаешь с ощущением какой-то невероятности происходившего и нежности к этому давно прошедшему. И ошибались, и «изобретали велосипеды», и прошли через все испытания переходного возраста от дилетантов к профессионалам, но ничего бы не удалось без поистине самозабвенного энтузиазма, влюбленности в новое дело, без которых не мог бы обрестись профессионализм, без которого не появилось бы все то, что по сей день привлекает зрителей...»

Собственно, приведенная цитата относится к первым шагам «Кинопанорамы», но она достаточно полно характеризует тогдашнюю обстановку на телевидении. А в киноредакцию Маринина попала уже после того, как стала хорошо известна тем, что, выполнив свои хлопотные обязанности программного режиссера и имея свободных полчаса, заглядывала в кабинеты и монтажные, спрашивая: «Ребята, у вас нет работы?»

Работа всегда находилась.

Дилетант прекрасен тем, что не ведает препятствий. Он о них не догадывается, и поэтому слово «нельзя» для него как бы не

существует. Ему кажется, что все можно. И, между прочим, нередко оказывается прав.

В очерке Аллы Рыбаковой, опубликованном в журнале «Крестьянка» в том же, 1982 году, когда отмечалось двадцатилетие «Кинопанорамы», изложено следующее: «...Маринина рассказывает эпизод из... прошлого. Опытная монтажница сказала тогда:

— Вы хотите отрезать звуковую дорожку от изображения. Этого нельзя сделать.

— Почему?

— Потому что вы не знаете того, что знает любой начинающий. Вот это кинопленка, понятно? Вот эти дырочки — перфорация, зубчики шестеренки входят в нее и двигают ленту, понятно? Вот кадрики. Вот тут сбоку и вдоль идет звуковая дорожка. И пленка режется только поперек, отделяя кадр от кадра, и никогда вдоль. Можно отделить кадр от кадра, но нельзя кадр от звука, как вы требуете. Теперь вы понимаете почему?

— Нет. Мне это необходимо для передачи.

— Но нигде в мире пленка не режется вдоль!

— Вот я и спрашиваю, почему нигде в мире пленка не режется вдоль?

Пленку все-таки разрезали так, как того хотела Маринина, и раз в жизни это получилось».

Главная редакция кинопрограмм, в недрах которой зародилась «Кинопанорама», — это большой коллектив, который создает такие любимые зрителями передачи, как «Клуб путешественников», «В мире животных», «Очевидное — невероятное», «Документальный экран», «В мире растений», «Камера смотрит в мир», здесь озвучивают зарубежные телевизионные фильмы, планируют и осуществляют показ всех кинопрограмм и кинофильмов по телевидению.

Так сегодня. А раньше?

Телезрители со стажем помнят наверняка строгое, сухое лицо искусствоведа Георгия Александровича Авенариуса, регулярно рассказывавшего по телевидению о лентах немого кинематографа, прочитавшего цикл лекций о творчестве Чарлза Чаплина. Это были прекрасные выступления. Авенариус так хорошо знал свой предмет, что, когда он рассказывал, казалось, будто он только что побывал на первом киносеансе, организованном братьями Люмьер на бульваре Капуцинов в Париже, что лично присутствовал на съемочных площадках, когда там царила Вера Холодная или демонстрировал виртуозные трюки Макс Линдер. Он был академичен, сдержан, но скрыть своей бесконечной влюбленности в «великого немого» не мог. И чувства его передавались зрителям.

Чуть позже появились двадцатиминутные передачи «Новости кино» — краткая хроника текущих событий современного экрана. Мир кино привлекал зрителей, и телевидение не могло этого не учитывать.

Однако со временем стало чувствоваться, что возникает потребность в передаче, где бы соединились и научная основательность Авенариуса, и информативность «Новостей», и еще что-то, что можно было бы охарактеризовать как увлекательность и даже развлекательность, чем отличалась, например, просуществовавшая недолго «Киновикторина». Ее, между прочим, придумала

и ставила Маринина. Потребность, о которой я только что сказал, тоже первой ощутила Ксения Борисовна...

О том, как началась «Кинопанорама», она рассказывает так:

«...Наверное, надо вспомнить новогодний концерт зарубежных артистов кино. Эта передача вышла в эфир 31 декабря 1961 года. Концерт комментировал из-за кадра артист Зиновий Гердт. Легко и изящно он сообщал массу важных и милых подробностей о каждом участнике. Все это очень понравилось зрителям. И стало очевидно, что своим успехом передача обязапа не только прекрасным исполнителям, но и комментариям ведущего. Программа получилась развлекательная и познавательная одновременно.

И когда несколько месяцев спустя было решено начать работу над постоянным телевизионным журналом-кинообозрением, то уже ни у кого не вызывало сомнений, что у него должен быть ведущий, который объединит все рубрики комментариями из-за кадра и в кадре. Первым таким ведущим и стал Зиновий Гердт.

В творческую группу, которая задумала и осуществила «Кинопанораму», входили редакторы М. Сперанская и Н. Карцева, ассистент В. Сергеев, помощники С. Петрова и В. Лещинский. Сейчас все они стали опытными режиссерами, редакторами, киноведами, а тогда были очень молоды, им всего-то надо было прибавить один, два, три к цифре двадцать...»

Обратим внимание на два момента в этом рассказе. Первый касается слов «когда было решено начать работу...». Ведь чтобы начать, нужен был толчок, идея! И второе — наличие творческой группы, «которая задумала и осуществила». Кто-то объединил, значит, вдохновил эту группу!..

Будучи знаком с Марининой много лет, я ни разу не слышал от нее, что это, мол, она все придумала и она всех объединила. Зато говорили об этом другие. В том числе те, кто ей помогал и с нею сотрудничал.

Празднование 20-летия «Кинопанорамы» проходило в Центральном Доме работников искусств. Желающих попасть на тот вечер в ЦДРИ было великое множество.

Контролеры в подъезде Маринину, конечно, не узнали, ибо узнаваемым в «Кинопанораме» дано быть, к сожалению, только ведущим. А билет свой она кому-то отдала. Пропустили все-таки...

Выступление со сцены было у нее коротким: она попросила подняться на сцену всех, кто был или теперь причастен к созданию «Кинопанорамы». И вышли редакторы и монтажеры, операторы и осветители, звукорежиссеры и художники, рабочие и декораторы, поднялись ведущие, все, сколько их пришло в тот вечер, и мы с Рязановым, конечно, тоже. Маринину почти не стало видно. Она подошла к рампе, сказала всем спасибо и поклонилась.

И как жаль, что не дожил до того вечера Алексей Яковлевич Каплер. Он так много сделал для авторитета и популярности «Кинопанорамы». Мы тепло вспоминали его...

Известно, что режиссер — это не только профессия. А еще и характер. Человек робкий, стеснительный настоящим режиссером никогда не станет. Это ясно. В основе режиссерского дела лежит, конечно, способность к лидерству. Ксения Маринина — типичный лидер по натуре своей, по складу характера, по темперамен-

ту. Надо видеть, как расцветает она в павильоне, на съемочной площадке, как умеет потребовать нужный ей результат от осветителя, от оператора, как споро начинают таскать стенки и выгородки рабочие согласно ее ласковым и беспрекословным указаниям, как все оживает и вертится, когда она на «капитанском мостике».

Она может бесконечно мучить оператора и осветителей, недовольная качеством «картинки». А потом вдруг все бросит, от всего отвернется, опустится на корточки у столика ведущего и начнет произносить монологи на тему снимаемого сюжета, втолковывая то, что ей представляется уместным сказать перед камерой.

Мне как ведущему с ней очень интересно, но и трудно. Она ко всему предельно пристрастна. Например, она считает, что я не должен употреблять выражения типа «сверхидея сюжета» или «обертона смысла». «Нет, нет, какая сверхидея! — возмущается она, покинув режиссерскую «скворечню» и врываясь ко мне в студию. — Я вас прошу: скажите просто, о чем фильм. И чего это вы декламируете сегодня?! Все было прекрасно, но так не надо. Давайте снова — и проще, душевнее. Ведь вы как скажете эти ваши обертона, люди сразу выключат телевизор. Они же устали, целый день работали, а вы — обертона. Ну я вас прошу, ладно? Вы же умеете. Смотрите, как вы сегодня прекрасно выглядите, поверните к Далю Константиновичу монитор — пусть он убедится! Вы выспались, что ли? Красавец мужчина!.. Значит, давайте: сверхидеи — не надо... Поехали, еще раз!..»

Что тут скажешь? Я, конечно, все равно произнесу по-своему, но что-то важное из монологов Марининой в голове всегда остается и полезное влияние оказывает. Между прочим, вторжения, подобные только что приведенному, не столь уже и режиссерские, сколько авторские. А какой она способный драматург, я убеждаюсь каждый раз, когда мы обсуждаем склад новой передачи...

Руководить «Кинопанорамой» — значит всегда возглавлять большой коллектив людей. Особенно это заметно бывает «на выездах», когда делаются передачи, посвященные кино- и телефестивалям, всесоюзным или международным.

Дважды из Москвы, дважды из Ташкента, из Алма-Аты, Еревана, Киева, Ленинграда, Вильнюса, Таллина, Минска доводилось мне вести наши передачи. Выездная бригада состоит всегда не менее чем из десяти человек: режиссер, ее ассистент, редактор, ведущий, два оператора — кино- и теле-, два осветителя, звукорежиссер, администратор. Ни в одну, ни в две «Волги» уместиться мы не можем, поэтому «Кинопанораме» всегда выделяют «рафик». Забираемся в него вместе с аппаратурой — теснее не бывает. Мне, правда, уступают обычно самое удобное место — справа от шофера, чтобы меньше мять костюм, в котором предстоит сниматься.

Но и десять командированных не могли бы успешно справиться со своим делом без помощи сотрудников местного телевидения. Их перечислять я просто не берусь. И все это организовать, вдохновить, направить в нужное русло, а еще и найти место для съемок, разработать расписание, направление маршрутов в соответствии с предварительным замыслом, который неизбежно на

ходу корректируется, — все это должен возглавить режиссер. Больше некому.

Каждый фестиваль имеет свою собственную программу. Но обязательная ее составляющая — встречи с тружениками города, районов, области, промышленных предприятий, колхозов или совхозов, с воинами Советской Армии. Нередко адреса таких встреч оказываются очень далеко от гостиницы, где разместились участники и гости фестиваля. С утра к подъезду подают автобусы, гости рассаживаются в них и торжественной колонной отправляются в путь. Когда кавалькада прибывает на место, «Кинопанорама» уже там. Аппаратура развернута, можно снимать.

Уверен, что самые большие нагрузки среди коллег в дни фестивалей переносят водители кинопанорамных «рафиков». Они все время в движении, все время должны спешить, хорошо знать родной край, особенно его дороги, быть осведомленными о самых живописных местах окрестностей и о кратчайших к ним подъездах.

Обычная идея Ксении Марининой — не только рассказывать о фестивале, но и одновременно выразительно представить республику с ее всегда неповторимыми красками. И это правильно. Ведь кинематограф каждой республики вбирает в себя все богатство и неповторимую прелесть родных мест, он плоть от плоти национального характера.

Но хорошего руководителя, как известно, всегда отличает еще и умение выбрать помощников. Правая рука Ксении Марининой вот уже много лет — Марина Красина. Должность ее называется ассистент режиссера. Что должно входить в ее служебные обязанности, я точно не знаю, но вижу, что Марина поистине незаменима. Вместе с режиссером и редактором она смотрит все фильмы, а это, поверьте, далеко не всегда удовольствие. Она властелин кнопок и рычажков на широком пульте электронного управления записью передачи. Еще недавно такие пульты можно было бы монтировать в интерьеры каких-нибудь фантастических фильмов, и зрители бы удивлялись чуду техники, с которой имеют дело люди будущего. При монтаже, при озвучивании, при съемках на выезде она фигура активнейшая. Ксения Борисовна нередко поручает ей и самостоятельные съемки, когда делаются репортажи о работе над новыми фильмами. Марина никогда не выходит из себя, она ровна, спокойна, предельно внимательна к людям. И еще природа наделила ее безупречным вкусом и чувством меры. Вот почему к ней первой обращается Маринина, если хочет узнать мнение о сделанном.

Впрочем, редактор Светлана Ялович тоже всегда рядом.

Светлана пришла на телевидение сразу после школы и работала поначалу именно ассистентом режиссера. Параллельно училась на факультете журналистики Московского университета. А когда закончила его, стала редактором. В руках у Ланы (так ее все называют) всегда толстенный блокнот. В нем записаны телефоны артистов и режиссеров, указания Марининой, замечания к тексту ведущего, списки фильмов, которые надо просмотреть, и фрагментов, которые надо скопировать. Много там всего, крайне необходимого для работы. Лана самый внимательный слушатель того, что я говорю по ходу съемки, а также мои собеседники. Бывает, зарапортуешься, не в том падеже что-нибудь скажешь — редактор не пропустит...

Вообще, по внешним наблюдениям, в этой троице многое переплетено и слито. Придумав что-то, а к придумыванию в нашей группе призывается каждый, Маринина всегда выносит свое предложение на общее обсуждение. Идея взвешивается, обминается, «доворачивается», и вот уже готово решение: делать и действовать будем только так, а не иначе.

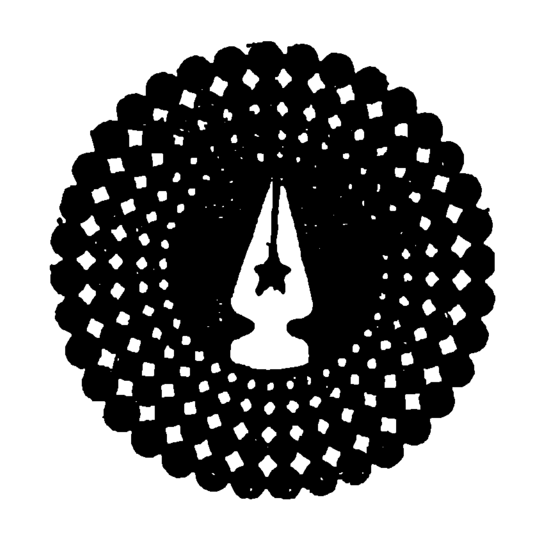
Так и действуем, как решили, помогая друг другу...

Вторая группа «Кинопанорамы» последние годы работает с Эльдаром Рязановым. Там принципы взаимодействия примерно те же. Режиссер Майя Рудольфовна Добросельская, редактор Ирина Николаевна Петровская, Эльдар Александрович Рязанов и мы готовим свои выпуски по очереди и, конечно, стремимся к тому, чтобы «Кинопанорама» при всех индивидуальных особенностях групп оставалась бы передачей со своим постоянным обликом.

Иногда меня спрашивают (может быть, подобные вопросы задают и Рязанову): а вы с Рязановым соперничаете? Конкурируете?

Скажу честно: нет, не соперничаем. Он режиссер, я сценарист. Он еще и сценарист в своих фильмах, а я еще и критик в газетах и журналах. Мы даже по своей внутренней творческой организации разные люди. Просто каждый из нас стремится делать свое дело по-своему и как можно лучше. А как уж оно получается, пусть судят зрители.

Окончание следует

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

СТРАТЕГИЯ УСКОРЕНИЯ: ПОИСК, КАЧЕСТВО, ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ФАКТОР

Александр ЛЫСКОВ

НА ОСТРОВЕ

СЕМЕЙНЫЙ ПОДРЯД НИКОЛАЯ СИВКОВА

...Подлинный хозрасчет, зависимость доходов предприятий от конечных результатов должны стать нормой для всех звеньев агропромышленного комплекса, и прежде всего колхозов и совхозов. Широкое распространение получат подряд и аккордная система на уровне бригады, звена, семьи с закреплением за ними на договорный срок средств производства, включая землю.

М. С. Горбачев. Из Политического доклада Центрального Комитета КПСС XXVII съезду Коммунистической партии Советского Союза.

— К Сивкову? Не в звено ли к нему наниматься? — спросила лукаво попутчица, ехавшая принимать сено на правобережные луга Северной Двины.

— Возьмет — наймусь.

— Не возьмет. У него такой хозрасчет, что и сам себе чуть не лишний выходит.

Говорили о Николае Семеновиче Сивкове, о его деле, которое обрело недавно название семейного подряда, по всей округе, у кого ни спроси, кто ни узнай о том, что держишь путь к нему.

— Куркуль! — сказал неодобрительно один из земляков Сивкова. — Зачем, скажите, ему пятнадцать телят? Зачем выше горла-то? Взял бы одного-двух, а то пятнадцать... Да еще на пятьдесят замахивается.

Бывший директор совхоза Дурасов высказался иначе:

— Борода — первый трудяга... Уж это надо сразу признать и из этого все остальное выводить... Если бы все у нас так работали, мы бы молочко с утра до ночи пили и мяском парным закусывали.

— А вы знаете, сколько он зарабатывает, этот Сивков? — недоверчиво спрашивали в конторе. — Посчитайте сами: он около пяти тысяч получил за бычков. Да еще приплюсуйте сюда основной заработок. Ненормальный какой-то доход получается, не кажется вам?

— А по работе и деньги, — отповедно заметила баба Нина, моя квартирная хозяйка. — Не ворованны, не обманны, так нечего и попрекать человека.

Имя Сивкова, его дело у всех на языке. Но говорят один на один. С глазу на глаз. У калитки на улице Моржегорья, в семейном кругу. Везде и всюду, но только не на общем собрании. Открытое, гласное обсуждение явления, возникшего на правобережных заброшенных землях совхоза, никто не организовал, хотя потребность в таком разговоре чувствуют все.

— Было совещание в районе. Я там выступал. Этого, наверное, достаточно, — сказал директор совхоза Соловьев, недавно заступивший на пост.

— Но ведь интересно послушать, что народ скажет.

— В общем-то, конечно... Но мы ограничились... Такое было мнение... Я сначала должен все сам понять и подсчитать.

Перед новым явлением попросту растерялись.

Обратимся же к нему самому.

К явлению экономическому, которое заключается в том, что Сивков на хуторе Красная Горка, бывшем когда-то деревней, берется производить мясо вдобавок к совхозному.

К явлению социальному, которое заключается в том, что Сивков с семьей становится подрядчиком, то есть переходит в новую форму общественного бытия.

К явлению духовному, которое заключается в том, что он начинает чувствовать себя полным хозяином.

Такое расчленение, конечно, рассудочное. В жизни все сплетено неразрывно. И все шло от энергии человеческого сознания. И началось давно.

Даже не в тот день началось, когда Сивков услыхал, что решено развивать личные хозяйства, и не с того дня, когда он пришел к Дурасову и ему дали на откорм по кооперации пять телят, а началось все с сорок первого года, когда семья Сивковых эвакуировалась из Петрозаводска и счастливо попала в свой брошенный было дом на Двине.

Беда заставила по-новому взглянуть на старые стены и на судьбу отца, вырванного из родного гнезда индустриализацией, вскоре после эвакуации ушедшего на фронт, и маленького Кольку, единственного из братьев, оставшегося в доме до сей поры.

Бревенчатый сруб. Тесовая крыша. Печь... И главное — земля

под окнами, дающая хлеб насущный, дающая его непосредственно, надежно, земля, уберегшая от голодной смерти, — вот в чем вера и правда Сивкова. Иногда он задумывается над этой своей правдой — не ошибочна ли? И отвечает: «Нет, Борода, не рвись в города. Здесь твой хлеб с маслом».

Склоняют к тому неотвязные воспоминания о первом годе эвакуации, когда постоянно ныло в пояснице от голода. И помнит он, как начали жить, — на второй год уже ели картошку. А на третий год пили молоко. Потом на столе появились огурцы, помидоры, баранина.

До сих пор Сивков мерит достаток ценой послевоенного куска. Усадьба у него лучшая в округе. Душа всегда проникнута теплом родящей земли, пестротой весеннего цветенья, нескончаемыми земледельческими заботами. Сколько помнит себя, всегда его влекло крестьянство. Но чтобы утолить это стремление, чтобы из любителей перейти в профессионалы, надо было переезжать на левый берег следом за уплывающей туда жизнью, на центральную усадьбу, бросать любимое место на земле, «этакую-то красоту»... Не смог стронуться.

Зимой земледельческие страсти утихали. Но в мае, с отливом полых вод, «через не могу» уходил он по утрам от ждущей земли к леспромхозовским машинам — клепать железо, свинчивать его, сваривать. Однажды остановился на полпути к гаражу и подумал: «Жизнь на переломе, Борода. Второй не будет».

Потер бритый подбородок — борода давно уже осталась лишь в прозвище — и вечером сел в своем доме-башне у окошка, попросил у дочки тетрадку и просидел допоздна, благо весенний свет не угасал над Двиной.

Получилось, что на близлежащих заброшенных совхозных и новинных землях может он содержать ферму для начала в двадцать голов. Одних только кинутых сенокосов вверх по реке Шеньге — на сорок километров по обоим берегам. Да остров, который нанесло за последние пятьдесят лет напротив дома Сивкова. На нем никакой загородки не надо — готовая пастьба. Все есть. Нужен только трактор да несколько навесных орудий.

Сивков решил, что сам управится и за скотника и за пастуха. А сено заготовлять помогут сын, жена и дочь. Расходы — амортизация, бензин, прочее... Последний раз сложил Сивков колонку цифр, получилось 115. Такой, в рублях, выходила стоимость центнера привеса. (Для справки: в совхозе «Моржегорский» центнер привеса стоит 355 рублей.)

Мясо выходило дешевым. Телята «фермера» в Красной Горке оказывались доходными. В то время как совхозные были убыточными. Выгода для хозяйства несомненная и для Сивкова тоже. Хотя ясно было, что основываться она будет на тяжелом труде, от которого почти отвыкли землеробы нынешнего поколения.

Обдумывая свой замысел, Сивков так защищался перед воображаемыми критиками: «Я ведь как бы предлагаю рацпредложение касаемо брошенных земель. Ведь сколько же осталось ее окрест неперспективных деревень?! Только старики и знают. А рядом с Красной Горкой только я один. Не открою, схороню — грош мне цена. Совхозу невыгодно сюда кидаться. И на просторных-то полях не успевают. План давит. Присоединят эти правобережные земли, получат еще добавку к плану. Ой-ей-ей! Вот где загвоздка-то, Борода. Тут тебя директор и прищучит. Если он тебя в под-

рядчиках признает, так и земли надо будет признавать. А ему выгодней считать, будто их совсем нету. Но ведь есть же они! Не по-хозяйски это. А вот невыгодно, так отдай мне. Ведь я не в откуп, не в собственность — в подряд. Моя трудовая книжка будет лежать в конторе совхоза. Как у всех. Только я буду на отшибе и один. Сам себе и директор, и бригадир, и скотник».

Сколь сладостно это чувство — хозяин земли. Неужто же доведется Сивкову испытать его в полной мере?

Оно каждому понятно — чувство хозяина. «Мой станок», — говорит рабочий на огромном заводе. Он полный хозяин станка. Он может сказать: «Мой завод». И испытает при этом совсем иное, расплывчатое чувство, которое он ощущает только через «мой станок». Также шофер: «Мой ГАЗ». И почти никогда: «Моя автобаза». Всегда — «наша». А вот грузовик — «мой». Хотя, конечно, он государственный.

Так же и Сивков с каким-то внутренним восторгом часть совхозной земли, которую он намерен обрабатывать, называет: «Моя земля». И говорит: «Дайте мне полный подряд, и я буду чувствовать себя полным хозяином...»

Размышляя над новым устройством своей жизни, он видел оживавшие родовые дома в сотнях брошенных деревень, подчистую выкошенные рёлки и мыски на лесных речках, пали и пустоши, куда нет дороги размашистой совхозной технике. Он думал о плодородии земли и не сомневался, что прав. Что докажет разумность своих доводов. Что главное позади — сомнения, расчеты.

Но главное оказалось впереди.

Когда он выложил в конторе совхоза свои расчеты, ему опять предложили кооперацию, хотя и дали двенадцать телят. Возможно, сказалась невыгодность признания новых, а по существу, исконно совхозных земель. Возможно, сработала бюрократическая перестраховка «как бы чего не вышло»... Но все-таки и двенадцать телят в неперспективной деревне стали для района событием. Тем более что Сивков еще въедливей и напористей стал насаждать с тех пор свои мысли о семейной ферме, стаде в пятьдесят голов, о семейном звене. Не стесняясь, появлялся в кабинетах — щупловатый, в вылинялой добела блузе, с маленькими колючими глазками, с энергичными взмахами рук, так что в районном сельхозуправлении ему вынуждены были заметить:

— Уж очень вы несдержанны, Николай Семенович.

— Такой характер, — бойко отвечал он.

— Ломать надо характер-то.

— Характер человеку один дается. Сломаешь — пропал.

Ходатаем был он наскочливым, долгих речей не терпел, отбояривался на бегу.

— Все правду ищешь, Борода? Все гоношишься? А зачем?

— А чтобы, помирать буду, не стыдно было. Вот зачем.

Тягостными получались объяснения в кабинетах совхозной конторы.

— Ну хорошо, — вроде соглашались с ним. — Но вот как ты понимаешь этот самый подряд? Ведь никаких инструкций нету.

— Хоть подряд, хоть расподряд назови, а понимаю так: я сдаю тебе, то есть совхозу, конечно, телят. Ты продаешь их государству. Получаешь деньги. И мы делим их. Тебе, то есть совхозу. И мне. Тебе. Мне...

— Наивный ты человек. Да в том-то и загвоздка, что не знаем мы с тобой, сколько совхозу, сколько тебе положено. Нету таких инструкций.

— Столкуемся, Виктор Алексеевич, дорогой. Столкуемся. На то он и подряд. Рядиться будем, и столкуемся.

— Да я по рукам-ногам связан, Николай Семенович. Меня за всякую инициативу с оплатой труда — к прокурору. Извини, Николай Семенович, не могу даже предположительно ничего тебе сказать, пока директиву не получу. Рад бы, да не могу.

— Ты же сам директор и хозяин в совхозе. Тебе ли директивы ждать?

— И я так же думал. Вот работал агрономом в Холмогорах — сколько планов было. Думал, стану директором, в одну неделю реализую. Как и ты думал: если уж директор, то хозяин. Какое там! Так что извини, Николай Семенович.

И опять слишком сильно выразился Сивков по поводу бюрократических препон. Дело в кабинете директора опять скатилось к препирательству, к обвинениям в несдержанности, в бюрократизме. Хотя причиной недоразумения было совсем иное — несовершенная система оплаты труда. Директор, отстаивающий интересы совхоза, имел или мог иметь математические выкладки, подтверждающие, что труд Сивкова намного интенсивнее, чем труд рабочего совхоза на откорме молодняка. Заготовленные им корма качественнее, калорийнее. Его ферма прибыльная. Он и пай с их общей с совхозом выручки запрашивает большой. Тем более что в пересчете на центнер привеса заработок у Сивкова вышел бы даже меньше, чем у совхозного рабочего. Рубль-то ведь тоже понятие относительное. Все это понимал директор. Или мог бы понять. Но поставь он тогда свою подпись под разрешением на должную, по его мнению, выплату подрядчику, и прощай доверие поручителей, а то и должность. Потому, сознавая всю губительность своего «упрямства» для подряда, он все же вынужден был отказывать. Знал бы он, что в пермском колхозе имени Ленина давно уже заработок подрядного звена поставлен в зависимость только от стоимости продукции, тогда, наверное, не был бы столь категоричен. Значит, есть выход. Было бы желание. Но «не пущал Сивкова» и профсоюз.

— А как же с восьмичасовым рабочим днем, Борода? — спрашивали его. — Ты с утра до ночи будешь ломить, а надо не больше восьми часов. Законы нарушать никому не позволено.

— Да мне работа не в тягость. Не нужен мне отдых. Я на работе и устану и отдохну.

— Ты брось эти речи. Человек должен гармонически развиваться.

— Я телевизор смотрю. Газет, журналов на шестьдесят рублей выписал.

— Когда же, интересно, ты их читать успеваешь?

— Успеваю. Да и вырезок вон полна папка. Могу предоставить для доказательства.

— Все равно, больше восьми часов не положено. Да к тому же известно нам, что ты сына, жену в работу впрягаешь. Да и малолетнюю дочку. А ведь они у нас не оформлены. Тут знаешь ли чем попахивает? Эксплуатацией!

И опять в спину Сивкова несутся упреки в несдержанности.

...Иринка в семье Сивковых младшенькая. Родилась, когда отец с матерью были в возрасте. И потому, наверное, любимица. Она бежала от дома легкая, прыгучая в надувном резиновом жилете, и Николай Семенович говорил, глядя на нее:

— Боялись... Годы-то немолодые. Теперь не нарадуемся.

Девочка сунулась под руку отцу. Так в обнимку они и пошагали к реке.

— Папа, а я уздечку потеряла. Сделаешь новую?

— А вот два дня попасешь теляток, когда я их на отаву перевезу, и уздечку получишь.

— С заклепочками?

— С заклепочками.

Так «эксплуатировал» Сивков «малолетнего члена семьи».

Они и в лодке сидели сзади у мотора в обнимку, млели от любви и понимания друг друга.

А на острове, услыхав клич девочки, из кустов просунулась рыжая кобылка. Николай Семенович подсадил дочку и шлепнул по крупу.

— Вот, выменял на седло. У меня давно седло валялось, гнило. Ну зачем оно мне? На корове скакать? А в контору раз захожу — пастух отказывается на работу ехать. Без седла ни в какую. Я говорю, у меня есть седло. Дай, Борода! Дам. А вы мне самого захудалого жеребчика. Знал, конечно, не положено лошади в личном пользовании. Да хотелось хоть одного конька своими руками вырастить. Давно хотелось. Ну что за крестьянин, коли ни одного конька не вскормил. Телят кормлю и кобылу заодно. Для души. Ну пойдемте, что ли, по острову я вас проведу. Вот здесь я уже немного раскорчевал...

Три года назад Сивков впервые замахнулся здесь, на острове, старинным топором с клеймом мастера-кузнеца, и первая пятиметровая ивовая плеть повалилась на землю. Нынче на том месте луг с гектар, и он все ширится, поскольку не валидол глотал Сивков после сшибок в конторах, а хватал этот отцовский топор, переезжал на остров и рубил до изнеможения, расчищал собственный заливной луг.

А в дни особо приподнятого настроения возводил на северной окраине острова жердяной загон и просторный тесовый летний двор, под крышей которого в запасе лежат глыбы соли-лизунца.

Никто не обмерял новое пастбище, никто не учитывал работу Сивкова на острове, не подгонял под расценки «рубка, корчевка, трелевка» и т. д. Не было ни нарядов, ни приказов, но работа была. И была плата за эту работу спустя год — по конечному результату, по весу сданных бычков. Прямая, зримая зависимость платы от труда. Только не вполне еще совершенная и справедливая. Поскольку исходили пока что из кооперативных установок, а не из хозрасчетных.

— Но ведь тебе даже выгоднее кооперация, — говорили при этом Сивкову. — Хочешь, мы тебя в совхозе оформим? Будешь, предположим, веники заготовлять или корзины плести. Для вида. А заниматься своими бычками.

— Что же мы хитрить-то будем друг перед другом! Взрослые ведь люди! — возмущался Сивков. — Я что, марки собираю, что ли? Почему это мне только на досуге телятами заниматься? Ну так зачем мне тогда прятаться за какими-то корзинами!

— Тебе легко говорить, Николай Семенович. А нам из-за тебя

весь экономический механизм надо перестраивать. Одних расчетов, запросов, согласований — на год работы.

Да, сколь громоздок нынче совхозный механизм, столь прост хозяйственный механизм, двигающий хозяйство Сивкова. Прост, как рычаг, и столь же надежен.

В первый год он сдал пять бычков. Во второй — восемь. Нынче будет двенадцать. Позволят Сивкову взять больше молодняка — прибавится и вычищенных, окультуренных земель, освоенных сенокосов. А если позволят организовать подрядное звено на обоюдовыгодных с совхозом началах, дадут трактор, еще больше сделает он, еще больше сдаст бычков. И ни одного запроса, ни одной бумажки ему при этом не потребуется.

— В деревнях живут семьями по три, пять, десять человек. Так и сельское хозяйство можно составить из подрядных звеньев, бригад и так далее, — размышляет Сивков.

И директор совхоза, рассуждая о чувстве хозяина, сетуя на должностную скованность, в глубине души не может не позавидовать Сивкову, шагнувшему в будущее. Потому что директор не только не имел права перевести совхоз на полный хозрасчет, то есть ему не велели, но он даже не имел права, то есть повеления, ввести коэффициент трудового участия среди работников конторы.

Проста экономика у Сивкова, но своеобразна.

Прежде чем приступить к разбору некоторых ее элементов, невольно задумаешься о праве на подобный разбор. Ведь весь денежный фонд Сивкова — это пока что его зарплата. Хорошо ли лезть в чужой карман? Конечно, было бы нехорошо, если бы Сивков, одержимый замыслом, не вкладывал значительную часть своего заработка в создание и накопление основных средств совхоза.

Он купил тес для летнего двора на острове. Но двор — мелочь в сравнении с бетонным телятником на 15 голов, который по чертежам из сельхозжурналов возвел Сивков возле своего дома. Сотни рублей затратил на покупку и перевозку материалов.

— Николай Семенович, но ведь зарплату обычно используют для нужд своей семьи, — заметил я. — Ну кто же из совхозных рабочих в Моржегорье будет строить двор для совхоза на свои деньги?

— Так у них — «мое» и «наше». А у меня и совхозное и мое — все свое. Я ведь этот телятник для совхоза строил и для семьи. Мои вложения после расчета за телят вернутся мне с процентом.

— Да, да, и совхозу тоже от них процент набежит.

— А как же! У нас интерес обоюдный, обоюдная и прибыль идет нам обоим даже от моего личного рубля. Все завязано. Никому не в убыток. Я ведь не на год это затеял. Не на один оборот. Отступаться не думаю, хотя они и упрямствуют с оплатой.

— В том-то и дело, что у вас пока что нет договора на подряд. А вот возьмут да и пустят на «ваш» остров телят из Уйты. Ведь совхоз не дал вам никаких гарантий.

— Верно, никаких. Все только на совести держится. Ну так ведь это немало — совесть-то... А то, что говорите, от семейного бюджета я отнимаю, так в Фонд мира, например, вносят из семейного бюджета? Вносят. Считайте, и у меня то же самое.

Такие превращения возможны лишь на крутых поворотах эко-

номики. Они временны, конечно. Расплатился бы Сивков и совхозными деньгами, да доступ к ним для него закрыт директорской волей. И если Сивков считает совхозное дело своим, то совхоз пока что не считает дело Сивкова своим. Получают от Сивкова дешевое мясо, иной раз и до плана доберут только за счет его бычков, и премии получат, а признать добровольного помощника равноправным не желают. Благодать: одни доходы, расходов никаких. И при всем при том поглядывают еще за реку с подозрением — «куркуль» и прочее.

— Никаких средств я вкладывать в Красную Горку не буду, — удивительно твердо, на этот раз без ссылок на засилье директив, заявляет директор. — Понимаете, я не знаю, какие цели Сивков преследует.

— Вы думаете, корыстные цели у него?

— Не знаю, не знаю... Что-то там еще строить предлагает. Корчевать, осушать. Нет, не буду. — И восклицает с раздражением: — Ну что вы с Сивковым носитесь, не понимаю! Он ведь один на весь район такой. Единичное явление!

— Это же хорошо, что хоть один-то есть.

— А чего хорошего? Он ведь не вечен. Как и все мы. А что я тогда буду делать, если вложу туда средства? Кто, кроме него, согласится там жить и работать?

— Но ведь у вас все равно нет возможности как-то иначе освоить правобережье. А у Сивкова сын есть.

— Никто за сына поручиться не может. Сегодня он на хуторе, а завтра — в поселке.

— Ну построите, если потребуется, еще совхозный дом рядом с домом Сивкова. Найдутся желающие.

— Нет, никто не поедет.

— Но вот в Подмосковье, в Наро-Фоминском районе, нашлись же желающие на такую примерно ферму. И совсем молодые *.

— Не знаю. У нас не поедут. И никаких средств я вкладывать не буду.

Совсем недавно Виктор Алексеевич признавался, сколь тягостно ему, деловому человеку, в окружении инструкций и запретов, а вот в Сивкове, находящемся в таком же положении, родственной души не разглядел. Наоборот, в своем лице явил ему и запрет и инструкцию.

Все в нас самих. И сомнение и недоверие.

Сивков тоже вдруг настороженно спросил меня:

— А вы случайно, не из милиции?

И посмотрел на меня с глубокой тоской во взгляде.

Потом поверил, что ошибся, и сказал в оправдание:

— А то у меня тут много было, и комиссии, и поодиночке. Я не обижаюсь. Это их хлеб с маслом.

Ну никак не верилось людям, что не злой умысел правит Сивковым. Отчего же мы такие?

Действия Сивкова не осмелились назвать сделками ни комиссии, ни одиночки. Все признавали их полномочия, хотя были они странны. И хотя нет пока ни статей, ни пунктов, утверждающих эти действия. Но уже здравый смысл проверяющих подсказал им, что как бы ни выпадали действия Сивкова из общепринятых хозяйственных операций, но они были необходимы, вернее,

---

* «Неделя», 1985, № 38.

их надо было признавать таковыми, коли сданы уже были и пять, и восемь телят, выращенных Сивковым, и коли теперь на очереди еще двенадцать.

Возводя телятник, Сивков покупал цемент, заворачивал в Красную Горку машины со шлаком, вез арматуру из бросовой проволоки, из металлолома же использованные рельсы: отличные вышли балки. Платил за все наличными. Норовил и всякий проезжающий мимо трактор направить к себе: то надо пень выдрать, то сваленные деревья стрелевать... От таких операций, конечно, тоже расходуется добавочное количество бензина. Потому Сивков и добивается хозрасчета, чтобы не попрекали самовольством. Он готов платить за все. И платит.

Мне говорили, что в таких случаях наносится моральный ущерб водителям. Мол, Сивков подстрекает их к левому заработку. Это было бы справедливо, если бы Сивков заворачивал грузовики к себе на дачу. Но ведь и водители могут работать по договору!

Если рассуждать без предвзятостей, то нельзя не заметить, что операции по отвлечению техники на объект Сивкова протекают совершенно безболезненно для совхоза. Это самые что ни на есть прямые хозяйственные связи в низовом звене. В порожнем пробеге, в простое обычно находится чуть не каждая автомашина в течение дня, недели. Тут и является подрядчик Сивков со своими предложениями. Другое дело, что совхозные механизаторы и водители пока что не на подряде, и на бензин им выдается талон, а не наличные. Однако начались эксперименты и в этом направлении.

Возможно, в таких связях кто-то и найдет лазейку для личного обогащения, но только не Сивков. Он никогда не зарится на даровые деньги.

— Я сей год на сенокос от леспромхоза напросился. Как шеф. Нам сказали: пятьдесят процентов заработка на производстве сохраняться будут, да еще совхоз по сорок рублей за тонну будет платить. Я говорю: зачем же вы пятьдесят процентов-то будете платить? Мы же не работаем на произодстве. У нас и здесь, на лугу, заработок хороший. Ведь за труд, говорю, надо платить. Опять не сдержался. Опять грубияном оказался. А они вежливые да добренькие. За чужой-то счет...

Он хозяин в условиях общественного сельскохозяйственного производства восьмидесятых годов. С соответствующими убеждениями и программой, которую не голословно выдвигает, а проводит на практике.

— Может быть, я что-то не понимаю, что-то не то делаю? Так подскажите. Поправьте, — говорит он. — И не стесняйтесь. Все хорошее возьмите. Ведь есть же в моем деле хорошее! А плохое отметайте. Ведь я не захуторяться призываю. Глупо так думать. Разве я против животноводческих комплексов? Разве против главной линии? Просто я свою, пускай и не главную, линию вывожу. Параллельно.

Вот говорят, мол, я одиночка, — продолжал Сивков. — Никто за мной не пойдет. Желающих на такой подряд не будет. Но разве у одного только меня крестьянское-то в душе? Разве у одного меня тяга к подрядному хозяйству? Возьмет свое крестьянская кровь. У многих возьмет. Да в больших-то городах, скажу я вам, еще сильней у людей тяга к земле, к своему дому. Известно, чего не имеешь, к тому и тянешься. Чего потерял, о том

душа долго болит. Недавно я на базар ездил в Архангельск. Картошку решил продать. Веселое это дело — базар. Для меня праздник, ей-богу! За полцены в три часа все распродал. Ну а женщины все равно торговаться норовят. В хозяйстве ведь каждая копейка на счету. Одна и говорит: «А ведь картошке-то десять копеек настоящая цена. А вы за двадцать». Я ей: «А вы, гражданочка, приезжайте в деревню, тогда и узнаете, какая настояща-то цена». Гляжу, она в слезы. Стоит и плачет в платочек. «Чем же обидел?» — спрашиваю. «Ничего, ничего, просто деревню вспомнила. Вот вы говорите — езжайте в деревню. Ведь я бы завтра же. Так куда поедешь? Дом продали».

Поговорить бы надо с ней, да какой разговор в суете за прилавком? Так и ушагала она в слезах. А сколько таких в городах! Другие, помоложе, найдутся и поедут. Да и наши деревенские тоже есть охочие на это дело. Приезжают ко мне в Красную Горку. «Как хорошо-то у тебя, Борода! Какая красота!» Конечно, красота, если он в восьмиквартирном живет на центральной усадьбе. Одна клумба под окном да грязь непролазная весну и осень... Найдется охотников. Ведь как я себе представляю? Надо домик семье построить. Электричество — это обязательно. Трактор небольшой дать с навесными орудиями. И заживут люди. И в трех, и в пяти, и в десяти километрах от центральной усадьбы. Один раз в неделю хотя бы автолавку подогнать. Телефон еще нужен непременно. Мало ли что? Вот и все расходы. Конечно, я на молодежь не очень рассчитываю. Хотя как раз молодым-то полезно было бы через подряд пройти. Вот читал, в Наро-Фоминском районе под Москвой молодым людям дали семейную ферму. Хорошо. Но ведь у них детки народятся. Садик, школа потребуется. А ферма на отшибе. А вот сорокалетним в самый раз. Дети уже выращены. А для внуков-то какое раздолье на заимке. Телят двадцать-тридцать можно держать без напряжения и со своими кормами. Таких заимок с десяток, да прибавь сюда центральные фермы — вот это будет комплекс так комплекс, самый настоящий! Ни одна травинка не пропадет... Вот о чем мечтаю я.

— Николай Семенович, я знаю, вас приглашали на центральную усадьбу работать. Предлагали дать готовую ферму, и тоже в подряд.

— Так когда приглашали-то? Совсем ведь недавно. Если бы года три назад. Хотя и тогда вряд ли бы пошел. Для меня все здесь, возле родного дома, сходится. Я здесь нужен. Сюда всю жизнь вложил. Теперь бы подряд оформить и только работать, только работать.

Сивков за подряд еще и потому, что его доход с кооперации не засчитывается в общий заработок. А Сивкову до пенсии меньше десяти лет. И ему не хочется, чтобы величина пенсии исчислялась с доходов от вязки веников или плетения корзин...

Трехлетнее пробивание подряда не измотало Сивкова, не сделало его брюзгой, не омрачило его жизнь. И разве что предчувствие какой-то радости толкнулось в душе на рассвете того дня, когда после множества его настойчивых просьб в райисполкоме на заседании заговорили о нем.

Проснулся он в тот день раньше обычного. Еще пяти не было, а он уже в сапогах и блузе вышел на помост, который нельзя назвать крыльцом — слишком высоко вознесен он над землей.

Более двадцати ступенек вели вниз двумя маршами с площадкой для отдыха на середине.

Сивков приставил к глазам длинный морской бинокль и стал выискивать свое стадо на острове.

Через пять минут рассек сонную гладь Двины клепаный форштевень его лодки. А там, на острове, в комарином чаде, теплые струйки молока звучно вонзились в дно эмалированного ведра. Сивков доил.

...Молоко поставил на стол осторожно, чтобы не разбудить жену. Проснулся сын — кудрявый, налитой, чернявый в мать.

— Ну чего, пап, печку в бане перекладывать или сено пошевелить?

— Выбирай. Или то, или другое. Ну, выбирай.

— Сегодня в валки сгребем, завтра снова ворошить.

— Так, так! Ну, ну!

— Пускай полежит, влагу отдаст.

— Так думаешь? А может, иначе? Думай!

Как-то необычно деятелен и говорлив был он в то утро, встревал во все заботы просыпающегося дома, всякий разговор подхватывал.

Потом он метал сено на Шеньге, как леспромхозовский слесарь, оказывал помощь подшефному хозяйству. А уже машинистка в райисполкоме печатала:

«Решение № 152. Исполкомом Березниковского районного Совета депутатов трудящихся признано, что организация коллективного подряда (семейного) на откорме молодняка требует повышенного внимания и совершенствования...

Исполком обязал совет РАПО, директоров совхозов разработать меры, направленные на полное использование угодий малонаселенных пунктов за счет заключения договоров по откорму молодняка в личных хозяйствах граждан.

Исполком поручил совету РАПО разработать условия типового договора и расценки на выращивание скота семейными звеньями...»

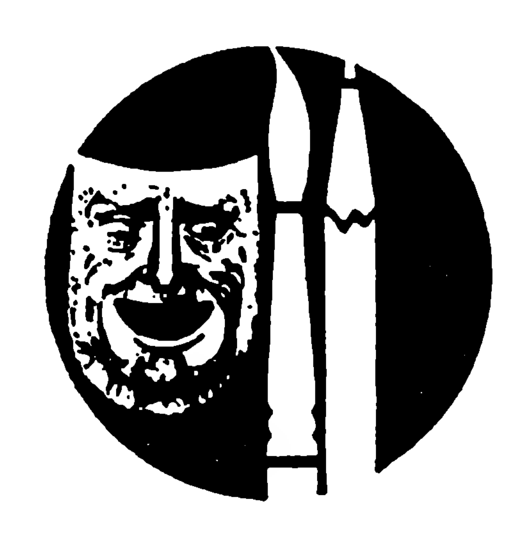
* * *

Канул август. Отдождила осень. Не уповая на решение исполкома, Сивков продолжал действовать и самостоятельно. Побывал на приеме у секретаря райкома партии, где вместо отпущенных пятнадцати минут проговорил полтора часа.

Вскоре после этого в совхозе «Моржегорский» был избран новый секретарь парткома. Вместо прежнего, видевшего в Сивкове куркуля и хапугу, часто с ложной многозначительностью поднимавшего вверх указательный палец, коммунистов совхоза возглавила Л. Сивкова, однофамилица Николая Семеновича, давно разглядевшая в подряде здоровое, полезное обществу начало.

«Привет с хутора! — как всегда деловито написал мне недавно Сивков. — Сообщаю, что стал крестьянином. Другими словами, заключил договор на подряд. Втроем будем выращивать шестьдесят бычков. Задача теперь — получить технику. Дают трактор Т-40 и навесные орудия по моему усмотрению... До свидания. Сивков».

Архангельская область

ИСКУССТВО

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Татьяна СИНИЦЫНА

О «СТАРОМ» И НОВОМ НАРОДНОЙ ПЕСНИ

«Молодая гвардия» продолжает разговор, поднятый в письме в редакцию писателя Василия Белова «О жанровой и другой новизне» (№ 10, 1985 г.). См. также статью А. Доронина и А. Лисенкова «Что проку от «рока» (№ 5, 1986 г.). Предлагаем письмо в редакцию Татьяны Синицыной, лауреата Всероссийского конкурса исполнителей народной песни, солистки Москонцерта.

Прочитала письмо в редакцию Василия Белова «О жанровой и другой новизне», и захотелось поделиться некоторыми мыслями о народной песне, о заботах и болях, связанных с ее сохранностью и развитием.

В последнее время в печати, на радио периодически появляются упреки в адрес молодежи за ее равнодушие к народной культуре, за утрату традиций, в частности музыкальных. Это тревожит.

Но зачастую не только молодые люди виноваты в том, что не открыли для себя, например, жанра народной песни, не приняли эту песню в свою жизнь.

Встречаясь со зрителями самых разных

возрастов, не могу сказать, будто молодежь совсем равнодушна к фольклору. Более того, часто она проявляет настоящий интерес к нему.

Недавно мне пришлось выступать на новогоднем вечере в одном московском институте. Перед началом концерта нас, небольшую группу артистов эстрады, встретила представитель культсектора (видимо, преподаватель) и быстро определила каждому порядок выступления. Узнав, что я певица, оставила на финал концерта. Когда перед моим выходом на сцену выяснила репертуар — схватилась за голову: «Ой, что мы наделали! Народную песню — на конец?! Все же просто убегут из зала!» Оказывается, после праздничного концерта ожидалась дискотека, и студенты всем своим поведением проявляли нетерпение. Выступающие, возвращаясь со сцены, жаловались на аудиторию. Вот и мой черед...

Вышла под недовольный гул. А из-за кулис мольба «культсектора»: «Что-нибудь повеселее!» Запела плясовую. Начинают хлопать в такт. Не потому, что нравится (артисты ведь чувствуют зрителя), а потому, что руки и ноги «дела» просят. Непочтение к народной песне всегда меня ранит, но я всегда верю в нее.

Иду, как говорят, на риск и прошу аккомпаниатора «не в тон» общему настроению заиграть одну из моих любимых «Ах, ты, степь широкая». И вот, когда где-то возникает пауза, слышу, как большой переполненный зал совершенно затих, а потом нам устроили такую овацию, что администратор концерта вынуждена была извиниться за допущенную вначале бестактность.

Многие подходили со словами благодарности. Кто-то сказал: «Как жаль, что мы совсем не знаем русской песни». Подобные признания слышу очень часто после встреч с молодыми.

В городе Обнинске как-то пригласили для проведения «воспитательного мероприятия» на дискотеку. Провожая меня, коллеги выражали искреннее сочувствие. И действительно, в самом разгаре веселья молодежь приняла меня почти недружелюбно. Но с первой же песни, для них совсем неизвестной, установилась очень теплая атмосфера. А на следующий день я была приглашена в ПТУ, и те же ребята, что были накануне на дискотеке, долго не отпускали со сцены, слушая русские песни.

Привела два таких примера не только потому, чтобы хотя бы частично «реабилитировать» нынешнее поколение. Хочу просто напомнить, что и в том, и в другом случае между молодой аудиторией и народной песней имелся посредник, имею в виду тех, кто формирует или заказывает концерты. И, как ни печально, посредник этот чаще всего если не враждебен, то просто безразличен к фольклору или же воспринимает подобные номера как некую «краску» в концерте, чуть ли не экзотическую.

Кстати, еще один пример.

Дочь моего знакомого при поступлении в музыкальную школу запела: «Меж крутых бережков...» Так в адрес отца прозвучало чуть ли не нарекание: «Зачем было оригинальничать? (?!) Ведь все дети пели две песни из мультфильмов о Чебурашке и Крокодиле Гене...»

От нас, исполнителей народной песни, в первую очередь зависит пропаганда национального фольклора. К сожалению, мы крайне редко попадаем на молодежные площадки. Администра-

ция подчас в этом вопросе занимает такую позицию: предстоит встреча с молодежной аудиторией — значит, нужно готовить эстрадный концерт так: обязательно современная песня — три-четыре певца, плюс один исполнитель народной музыки — певец или инструменталист. Что это? Неосведомленность в значимости фольклора как первоисточника красоты, следствие невежества? Простите, но напрашивается не очень приятный ответ: ведь кто, как не работники сферы искусств, должны знать, что именно недооценка собственной культуры приводит к ее подмене всякого рода суррогатами, раболепному копированию далеко не лучших образцов западной эстрады у исполнителей и нелепому ажиотажу слушателей вокруг таких образцов.

Некоторых певцов в музыке вообще волнует больше собственное «я», нежели сама музыка. Понятно, каждый имеет право на так называемое самовыражение, на «собственное лицо», но очень часто «лицо» исполнителя закрывает ту самую душу песни. Для любой песни это губительно, а для народной особенно, так как она получает оттенок фальши. По-другому быть не может — настолько лишена наша песня «самости» в силу рождения ее коллективным творчеством. Другое дело, что каждый может отыскать в ней и свое собственное.

Некоторые исполнители, ища современного звучания народной песни, начинают смешивать ее элементы с модными оборотами, ритмами европейской и американской музыки. Вряд ли отход от своих музыкальных истоков, отечественных традиций поможет открыть истинный смысл и всю красоту национального фольклора. Хотелось бы привести следующие слова композитора и критика А. И. Серова: «Какая жесточайшая, грустнейшая ошибка — навязывать русской песне мелодические и гармонические привычки, до которых ей нет ни малейшего дела». В равной степени это относится к любой народной музыке, которая и называется «народной» потому, что отображает своеобразие культуры определенного народа.

Огорчает порой отсутствие вкуса и чувства меры у некоторых певцов. Удивительной способностью обладают эти исполнители отыскивать «образцы», позволяющие перебрасывать пошлость на народную песню. Даже в печати может появиться такой «шедевр народного юмора», в котором воспеваются «гармозень» и «на пузени ремезень». А совсем недавно новоявленный ансамбль вещал по телевидению устами его солистки: «А мне, бедной Маньке, не досталось Ваньки...»

Поэты и композиторы, пишущие в «народном духе», тоже порой забывают, что простота и примитив совершенно разные понятия. Особенно страдает здесь тема любви к Родине. «Словесное кружение» нередко ее просто дискредитирует.

Тяга людей к искусству существовала и будет существовать всегда. Это очень важная духовная потребность! А какого качества эта потребность — зависит от того, чем «напитан» человек, что дали ему среда, жизненные условия, сумел ли он получить четкие ориентиры, которые помогали бы ему безошибочно отличать хорошее от дурного, истинное от ложного. Вот почему так важно эстетическое воспитание на всех жизненных этапах, начиная с детства, точнее — даже с младенческого возраста.

Казалось бы, пустяк — колыбельная песня. А ведь именно с колыбели в сознание ребенка входили теплые родительские напе-

вы, к ним он привыкал, исподволь впитывал в себя. А сейчас годами из вечера в вечер предлагают одну песенку на всех — «Спят усталые игрушки». Ее же потом и тиражируют родители за незнанием других мелодий. И это еще хорошо. Некоторые мамы и папы специально приучают ребенка к шуму, к громкой музыке. Дескать, избалованным не вырастет, не будет потом капризничать, укладываясь спать: то телевизор ему мешает, то пришедшие гости. Потребностью таких детей становится в конце концов громкая музыка, возбуждающая нервную систему, шумовые эффекты. Слух и разум их не настроен на лад, на гармонию. Вводить ребенка в музыкальный мир должны родители. А они часто к этому не готовы.

Здесь решительное слово обязана сказать школа. Ведь школа имеет идеальное условие — организованную систему воспитания. Именно школа могла бы стать тем фильтром, пройдя через который общением с народной и лучшей советской песней, живописью, классической музыкой и литературой, дети очищались бы от всего наносного, искусственного, чуждого, напитались бы соками национальной культуры.

Понятно, что здесь опять немало проблем. В первую очередь проблема воспитателя, уровня его подготовки, позиции, обязывающей педагогов чувствовать ответственность не только за свой предмет. В Грузии, например, открыты специальные курсы по изучению народной песни, на которых занимаются люди разных возрастов и профессий. Хорошо бы использовать подобное начинание повсеместно! В Эстонии постоянно проводятся праздники песни, где главным героем является национальный фольклор. Основа музыкального воспитания в республике — хоровое пение, которому учат с детства. Вот почему учитель пения здесь особо уважаемый человек.

Рассчитывать на подобное отношение к учителю данного предмета в Российской Федерации не приходится в силу недостатков, имеющихся уже в самой системе образования: по новой программе в общеобразовательной школе пению отводится одна треть урока в неделю.

А ведь до тех пор, пока ребенок не почувствует в себе самом «песенного состояния души», ему трудно будет в полной мере оценить и понять, что́ такое лад, интонация. Замечательно, когда дети занимаются хоровым пением. Это действительно коллективное творчество, дающее основы общения, развивающее голос, слух. Это идея совместного постижения гармонии. «Пойте хором — и вы познаете красоту мира» — кредо средневековой музыкальной эстетики. Народная песня всегда была лучшим образцом многоголосия.

Наша школа вообще слабо решает проблему изучения фольклора. Неплохо было бы позаимствовать из прежнего опыта. Академик Д. С. Лихачев говорил о том, как его сверстники учились по гимназическим учебникам за неимением новых и читали «Слово о полку Игореве» на древнерусском языке лучше, чем порой это делают сейчас преподаватели вузов. В старых хрестоматиях по чтению можно было найти не только хорошие образцы народного творчества, но и материалы о сказителях и собирателях народных песен, что несомненно повышало интерес и уважение к фольклору.

Народная песня — это прежде всего поэзия. Из нее выросла

вся русская литература. Известно, что у Пушкина были собраны тысячи образцов песен, на которых он учился. Поэт сам ездил, собирал их. И не случайно все его сказки настолько пронизаны народным духом, что неотделимы от фольклора. Ходили за песнями историки, музыканты. Еще в начале XVIII века композиторы Теплов, Дубянский, Козловский стали записывать народные мелодии и на их основе создавали песни и романсы. Их эстафету приняли Алябьев, Гурилев, Варламов и многие другие. Каждый из этих композиторов оставил после себя сборники старинных русских песен. За один только век в музыкальном фонде Библиотеки имени В. И. Ленина собрано почти сто тысяч экземпляров подобного бесценного материала!

Самобытность русского музыкального фольклора сказалась и на всей нашей отечественной музыке. Даже духовное песнопение, несмотря на византийские каноны, имело творческую свободу и оригинальность. Искусство это создавали русские певцы и музыканты, слух которых воспитывался в атмосфере народной песенности. И несмотря на то, что существовали композиторы, специально писавшие духовную музыку, народ все равно напевы часто переиначивал, вводил свои привычные обороты. Своеобразие, красота, мощь музыки Глинки, Мусоргского, Бородина в том, что она подлинно русская. В ней отразилось могущество таланта народа.

Отношение к фольклору — мерило образованности! Образованный человек никогда не скажет, что фольклор — это плохо. Остается не только удивляться, но и возмущаться, как некоторые молодые люди, бравируя «взыскательностью» вкуса, называют имя того же Глинки любимым и тут же говорят: «А песню народную не жалуем. Примитивна».

Сейчас многие смотрят на музыкальное народное творчество словно бы свысока, бросая ему упреки в «простоте», якобы не отвечающей требованиям времени. Но «в искусстве и в быту «простое» означает самое трудное, самое редкое, — писал в своих дневниках М. Пришвин, — круглые камни, влекомые по дну реки тысячелетиями, представляют нам нечто «простейшее» именно потому, что работа воды над шлифованием камня совершалась из года в год преемственно... без катастроф». Песня, по сути своей, и есть тот отшлифованный временем камень, что может лечь в фундамент любого музыкального жанра, а если потребуется, и сам заиграет множеством неповторимых граней. В этой кажущейся простоте сокрыто немало тайн. Некоторые вопросы музыкальной эстетики до сих пор волнуют теоретиков. Например, вопрос гармонии, существующей не только в многоголосной народной музыке, но и одноголосной, в самой структуре ее ладов.

Здесь важен еще один момент. Связь ладовой интонационности народных песен с содержанием текста, чем редко может похвастаться современная музыка. Именно народные песни помогают проследить возникновение и развитие музыки из мысли, ставшей путем звукового интонирования, по выражению Асафьева, «музыкальной речью», «музыкальной интонацией».

Вот почему, говоря о русской песне, мы непременно говорим о ее тексте, а не только ее музыкальных свойствах. Как же непритязательны порой современные композиторы к стихам, считая их своего рода приложением к мелодии, которую сочинили! Ведь автором песни считается композитор, и спрос с него в основном как с композитора. А вот в народной песне автор — народ, который

одновременно и поэт и музыкант. Оттого и столько настоящих «жемчужин» в песенном народном творчестве.

Чем только не напичкан зачастую современный текст! Смесь самых разных тем, понятий. Вот один из сегодняшних шлягеров:

Он идет себе лениво, —
Ускорять не любит шаг,
Хочет жить легко, красиво,
Без усилий, просто так.

На работе он в заботе:
Постучать бы в домино:
Ну а как конец работе,
То пора идти в кино...

И не спасает «мораль» припева:

Он похож на человека,
Человеком он не стал.

Весело прыгают молодые люди вместе с этим «нечеловеком», и чувствуется, что они к нему очень благосклонны и до морали им нет никакого дела.

Может быть, во время танца и неважен текст. Но вот я видела, как пели южнорусскую плясовую «Порушка-Параня» участники ансамбля из Белгородской области под руководством Е. Сапелкина. Именно «видела». Потому что эту песню поют не только голосами, но и «выбивают» ритмом, причем каждый из танцующих несет свой ритмический рисунок. Удивительное зрелище! И одновременно чудный текст:

...Я за то люблю Ивана,
Что головушка кудрява,
А бородушка кучерява,
Кудри вьются до лица —
Люблю Ваню-молодца.
Уж как Ванюшка по горенке похаживает,
Он сапог об сапог поколачивает,
Свои крупные речи разговаривает...

А какие плетения различных фигур можно было увидеть в хороводе! Настоящее кружево, рожденное фантазией творчества.

Страшно делается иногда за тех, кто под визг голосов и грохот ударных инструментов выходит на современный танец. Подобные «зрелища» есть сейчас практически повсюду, и, думаю, нет нужды описывать некий «наркотический» экстаз. Другое определение трудно придумать, так похожи бывают лица танцующих на лица употребляющих спиртное.

Разумеется, есть у нас и замечательные песни, и студии танцев, где учат истинной красоте движения и пластики. Но в огромном потоке песен среднего и низкого уровня, при большом количестве дискотек с дурманящей программой, от рабского почтения перед развлекательной музыкой все хорошее, значительное как-то теряется, и общее впечатление просто удручает. Сейчас, пожалуй, нужно не корить молодежь за то, что она теря-

ет, — она часто этого не чувствует (кое-что ведь утеряно до них), а больше убеждать в приобретениях, которые несет общение с народной песней, убеждать в том, что русский песенный фольклор равен поэзии Пушкина и музыке Чайковского. У меня есть наглядный пример — мои ученики. Некоторые из них, и это не секрет, поступают в музыкальное училище на народное отделение только из-за меньшего конкурса и потому не знают, а порой не любят русской песни. Но как меняется их мироотношение в процессе работы с ней. Воспитывается вкус, пробуждается интерес к литературе, они начинают понимать своеобразие, неповторимость родного языка. Это нелегко, так как нет основ. Легче тем, кто пел, например, ранее в школьном хоре.

Неужели не вернуть нам того времени, когда на каких-то «посиделках» человек мог просто подойти к группе поющих, сесть рядом и запеть, даже не зная слов, подстроиться и вплести свой голос в общую мелодию. Получалось удивительно красиво... Тогда люди владели чувством гармонии и потому могли создавать песенные шедевры, которые не под силу даже профессиональным музыкантам, знающим законы этой гармонии. То был результат сохранения и развития многовековых традиций.

Существовала, например, традиция учить девочек с раннего возраста поэтическим народным текстам ради единого дня в жизни — свадебного. Плач невесты считался обязательным. В одних местах исполнялся он выбранной «плакальщицей», в других — самой невестой. Но плакать нужно было, не повторяясь, весь день на одну тему (прощание с девической порой, думы о замужестве). Этим текстам обучали девочек бабушки, матери. Каким же богатством языка владели русские женщины! Знаменитая сказительница Марфа Крюкова помнила 80 тысяч стихов! От нее было записано четыре тысячи страниц былинного текста. Ирина Федосова, Мария Кривополенова — одни из последних сказительниц. Какой обладали они памятью, каким умом, душевными качествами, что смогли учить, помнить и отдавать людям подобные духовные богатства! И таких, как Крюкова, Кривополенова и Федосова, было немало на Руси, — иначе не дошло бы до нас такое огромное количество самых различных песен: былин и скоморошин, хороводных и свадебных, лирических и исторических.

Помню, тоже была традиция — везти во время посевной, жатвы на поля агитбригады. Как радовались люди родным песням, танцам, исполнявшимся не артистами, а их односельчанами! А потом появилась другая «традиция» — перед началом основных работ возить на поля ящики с водкой. Чтобы дать почувствовать «торжество момента». К счастью, с этой «традицией» сейчас покончено.

В своей речи на съезде писателей РСФСР В. Белов рассказывал о том, как возят девушек в его краях за тридцать-сорок километров на дискотеку. В сельской местности поездки на такие расстояния, да еще «других посмотреть, себя показать» — уже событие, потому подобные вояжи постепенно превращаются в своего рода праздник. Дают билеты на дискотеку в качестве поощрения, премии. Психологически рассчитано верно. Другого мнения по поводу дискотеки, кроме «это хорошо», уже не существует. И не до песен теперь. А ведь раньше... В песне находили звучание все события, большие и малые, происходящие в собственном доме и в

мире. Она звучала при рождении и похоронах, в минуты труда и отдыха. Песня была настоящей царицей быта.

Сейчас слово «быт» используют как нечто совсем низменное в сравнении с моментами духовного порядка. А у предков наших вряд ли существовало подобное разграничение — так все было взаимосвязано. Быт — это просто жизнь. Чтобы скрасить горести жизни, люди искали смысл в ее законах, законы превращали в традиции и обряды, наполняя их красотой, используя доступные средства: песню, музыку, танец. Средства эти были уже далеко не материального характера, ибо рождались они постоянной работой творческого начала.

Жизнь меняется, меняются формы быта. В наше время быт заметно оскудел, несмотря на то, что цивилизация дала нам многое, дабы стал он лучше, чем у наших прадедов. Развитие радио и телевидения, всевозможной записывающей аппаратуры, появление «армии» профессионалов-исполнителей — все это привело к постепенному вытеснению активных форм духовной жизни у большей части нашего народа. «Зачем что-то придумывать, сочинять, тратить силы, когда есть кому этим заняться» — психология творца стала опускаться до психологии обыкновенного потребителя. Обидно звучит, но ведь, в сущности, это так, потому что к такому равнодушию, какое наблюдается ныне в отношении к музыке, звучащей в быту (дома, в парках, дискотеках), может привести только бездумное, пассивное потребление. Далеко не взыскательны мы и к тому, что́ происходит на профессиональной сцене.

Порой духовные блага обесцениваются в связи с их доступностью. Это один из грустных парадоксов нашего времени. Но самое горькое: в более низкой «цене» оказалось то, что связано с национальной культурой. В уважении к ней, ее корням всегда был очень важный нравственный аспект. В этом уважении — любовь к своей Родине, вера в свой народ.

Больно видеть, как подсмеивается, а иногда откровенно издевается молодежь над кем-нибудь, осмелившимся запеть «Русскую». Это уже далеко уходит за рамки споров о музыкальных вкусах. Складывается впечатление, что мы стали стыдиться своего происхождения и родства. А ведь это тоже одно из следствий нарушения связи с народной песней. Всем известно, что основы морали черпаются из разных источников. Долгое время таким источником была у нас именно песня. В ее образцах мы можем проследить, как воспитывались с малых лет чувство ответственности за судьбы Отечества и близких, нерасторжимая связь с природой, доброта и верность, боль, сочувствие, искренность.

Сейчас, например, существует очень важная проблема — экологическая. Взаимоотношение человека с окружающей средой, вопрос понимания природы. Возьмите любую народную песню. И в каждой найдете вы это понимание. Оно — в единстве человека с солнцем и ветром, лесом, полем... Все лучшее меряется ею: молодцы-соколы, девицы-звездочки, глубина чувств — море синее. Это ли не мораль в самом высоком смысле!

Одна старая жительница Московской области рассказывала, как пели они всегда в хороводе знаменитую песню народного ополчения.

Над Москвой заря занималася,
На Руси война начиналася,

Собирала Русь войско бранное,
Моему мужу воеводой быть,
Воеводой быть — наперед идти,
У моего мужа коня нету.
Уж ты, милый мой, ты душа моя,
Ты заложь меня, ты купи коня.
Службу выслужишь —
Меня выкупишь...

Я была потрясена, представив, как молодые девчата и парни, взявшись за руки, в минуты веселья заводили вот такую песню. Какое же огромное чувство любви к своей Родине нужно было иметь, чтобы вот так, постоянно, напоминать самим себе о своем долге!

Народные любовные песни воспевали любовь длительную и верную, создавали высокое представление о любви как о глубоком чувстве. Хочется привести пример современного урока «личной жизни». Опять одна из самых популярных современных песен:

Если любовь не сбудется, —
Ты поступай, как хочется (?!),
Но никому на свете
Счастья не обещай.
Новая встреча — лучшее
Средство от одиночества...

Приверженцы современных направлений в молодежной музыке утверждают, что народная песня совершенно несовместима с ритмами сегодняшнего времени, что она слишком уныла и тосклива. На это имелся ответ еще у Белинского, отмечавшего даже в песнях грустного содержания, что «это грусть души крепкой, мощной и несокрушимой». Каждая народная песня — в первую очередь утверждение жизни, даже в гибели героя. Вот один из вариантов песни «Горы Воробьевские». Поражает конец, где к телу молодецкому пристают три ластушки — родна матушка, родна сестрица и молода жена:

Уж как первая ластушка плачет, —
Как река тече,
Как вторая ластушка плачет, —
Как ручьи бежа,
Уж как третья ластушка плачет, —
Как роса падё.

Во-первых, изумительный пример образности, во-вторых, единство с природой в этом сравнении (о чем уже говорилось), мысль о доме, понимание красоты мира и утверждение этой красоты через ту же образность. Вот вам настоящая философия. А вот претензии на мнимую философичность в «новой» музыке, граничащие с пошлостью:

Мы себе давали слово
Не сходить с пути прямого,
Но тут уж все равно,
И пугаться нет причины,

Если вы еще мужчины, —
Вы кое в чем сильны...

или:

Вагонная ссора — последнее дело,
Когда больше нечего пить,
Но поезд идет, — бутыль опустела
И тянет поговорить...

Все это песни, которые являются сегодня шлягерами. Но что слова, когда идеологи от рок-музыки отчаянно пытаются превзойти даже самое совершенное в музыке — человеческий голос. Любой инструмент в соревновании с голосом проигрывает как по силе, так и тембральным особенностям, по красоте звучания. Голос может совершенно точно изобразить скрипку, саксофон... В тридцатые годы в нашей стране существовали даже ансамбли, имитировавшие голосами игру духовых оркестров. Зато ни скрипка, ни саксофон, ни электрогитара не могут повторить голос (хотя по сути своей стремятся изначально именно к этому), поскольку не обладают такими обертональными возможностями. Истории известны феноменальные голоса. В России гремело в свое время легендарное имя певца из Рязани — Федора Пирогова: когда звучал в церкви его мощный бас, гасли свечи. Таково было обертональное свойство голоса певца. Певческий голос способен передавать бесчисленное множество всевозможных по красоте оттенков. В нашем Отечестве всегда существовали, скажем, особо низкие, профундовые *, басы, которые могли звучать подобно органу.

Ну а по поводу развлекательной музыки, которая тоже нужна, народная песня может дать много советов. Они в огромном количестве песен «беседных», «гульбищных», «уличных», «праздничных»... Даже в названиях, указывающих на характер отдыха, прослеживается забота о повседневной жизни людей, их быте.

А то, что музыкальный фольклор не устарел и вместе с современной (хорошей) музыкой способен «жить дружно», доказано опытом тех же дискотек, решившихся найти возможность такого объединения.

Русская песня всегда утверждала высокую духовность народа, красоту и гармоничность мира, поклонение Отечеству.

В этом ее принципиальное отличие как представительницы настоящего искусства от той музыки, которая совпадает с определением Л. Н. Толстого о псевдоискусстве. В псевдоискусстве, по его мнению, есть три темы: тема физиологии, гордости собой и недовольства жизнью. Очень многие образцы современной музыки подходят под это определение. И те, что звучат со сцены, и особенно те, которые нашли постоянную прописку в местах отдыха молодежи.

Пока не исчезла окончательно возможность возрождения народно-музыкальных жанров, необходимо скоординировать усилия всех средств пропаганды, особенно радио и телевидения, исполнителей и администрации с тем, чтобы найти пути этого возрождения и дальнейшего развития. Это во многом может определить судьбы будущих поколений, их нравственный и морально-этический уровень, их жизнь.

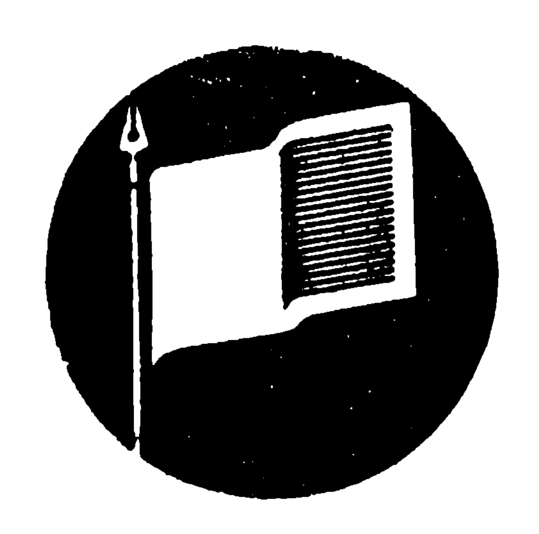
Profundus (лат.) — глубокий.

Пути приобщения к фольклору самые разные. Но главное, чтобы приобщение это в первую очередь было систематическим, а не эпизодическим. Во-вторых, повсеместным. Иначе трудно ждать существенных результатов.

Хорошо бы иметь специальные организации, которые бы следили за тем, что́ звучит вокруг. По идее, это функции органов культуры, — вот в них и нужно бы иметь что-то вроде комиссии по данному вопросу. Могут на себя взять такую заботу районные и городские комсомольские организации.

Необходимо поднять вопрос общественного интереса к фольклору на должную высоту, иначе «стихийное бедствие», которое практически уже наступило, обернется неминуемой трагедией. Сегодня еще более актуально звучит призыв известной собирательницы народных песен Е. Линевой: «Мне кажется, очень важно установить в народе тот взгляд, что помнить и петь старинные песни... в своем роде гражданская доблесть».

●

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Николай ФЕДЬ,
доктор филологических наук

ДОСТОИНСТВО ЛИТЕРАТУРЫ

Поистине велика роль литературы в утверждении советского образа жизни, воспитании нового человека, в идеологической борьбе. Ибо по самой своей природе художник является новатором, его талант, интуиция, воображение, сила ума и знаний нацелены на выявление и воплощение в художественных образах всего нового, растущего. Он близок к народной жизни, выражает ее язык, культуру, нравственность.

Исходя из социальной природы советской литературы, партия всемерно поддерживает ее общественную активность. Как отметил XXVII съезд КПСС: «Нравственное здоровье общества, духовный климат, в котором живут люди, в немалой степени определяются состоянием литературы и искусства. Наша литература, отражая рождение нового мира, вместе с тем активно участвовала в его становлении, формируя человека этого мира — патриота своей Родины, подлинного интернационалиста. Тем самым она верно выбрала свое место, свою роль в общенародном деле. Но это и критерий, с которым народ, партия подходят к оценке ра-

боты писателя, художника, да и сама литература, советское искусство — к собственным задачам». Советский человек в лучших образцах нашей литературы предстает духовно богатым и многогранным во всех своих сложных связях с действительностью.

Наша многонациональная литература, будучи явлением всемирно-исторического значения, выступает ныне как движущая сила художественного прогресса всего человечества. Единство советских национальных литератур означает идейную и социальную общность художественных исканий, мировоззренческое единение, самобытность культур, разных творческих индивидуальностей. Растущее сближение братских литератур в условиях совершенствования социализма имеет закономерные общественно-политические обоснования, связанные с процессом интернационализации общественной жизни. Этот процесс является важнейшим идейно-политическим фактором, равно как основополагающим качеством художественного сознания на данном этапе. Ориентация народов СССР на русскую культуру обогатилась новым качеством в системе взаимодействия литератур при сохранении лидирующего положения русской литературы, являющейся своеобразным катализатором всей советской художественной культуры.

В Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду Коммунистической партии Советского Союза Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ М. С. Горбачев особо подчеркнул: «Мы обоснованно гордимся достижениями советской многонациональной социалистической культуры. Вбирая в себя богатство национальных форм и красок, она становится уникальным явлением в мировой культуре. Но важно, чтобы здоровый интерес ко всему ценному, что есть в каждой национальной культуре, не вырождался в попытки отгородиться от объективного процесса взаимодействия и сближения национальных культур. Это надо иметь в виду и тогда, когда под видом национальной самобытности в некоторых произведениях литературы и искусства, научных трудах предпринимаются попытки представить в идиллических тонах реакционно-националистические и религиозные пережитки, противоречащие нашей идеологии, социалистическому образу жизни, научному мировоззрению.

Идущая от Ленина традиция нашей партии — особая чуткость и осмотрительность во всем, что касается национальной политики, затрагивает интересы каждой нации и народности, национальные чувства людей, и в то же время — принципиальная борьба против проявлений национальной ограниченности и кичливости, национализма и шовинизма, в какие бы одежды они ни рядились».

Современность можно, пожалуй, охарактеризовать как время активной мысли и действия, трезвого реалистического анализа и личной ответственности за выполнение принятых решений. Речь идет о качественном преобразовании общества. Политическая и творческая активность наших людей заметно повышается, и перед писателями стоит неотложная задача постичь внутреннюю закономерность этого процесса, отразить в своем творчестве историческое значение начала важных качественных сдвигов в обществе.

В 80-е годы появилось немало романов, повестей, поэм, документально-художественных книг, в которых показано, какой огромной притягательной силой обладают выдвинутые партией идеи

социальной справедливости, равноправного содружества народов. Цели мира осмысляются литературой как непреходящие ценности всего человечества. Утверждая эти ценности, советские писатели выступают против ядерной угрозы в первых рядах прогрессивных сил планеты.

Писатель принадлежит своей эпохе, стало быть, его произведения не могут не отражать политических, идейных, нравственных, культурных взглядов общества, в котором он живет, и не только отражать, но и формировать их. «Проблемы художественного творчества, — отмечалось на юбилейном пленуме правления СП СССР, — вне политики не существует. Для нас это очевидная истина». В этом плане следует отметить, например, роман «Грядущему веку» Г. Маркова, «Громовержцы» В. Степанова, поэму «Мама и нейтронная бомба» Е. Евтушенко, хронику «В островах охотник» А. Проханова. Их идеологическая заостренность и приверженность высоким гуманистическим идеалам укрепляют интернациональное чувство современника.

Стала историей Великая Отечественная война, но не уходит она из памяти людской, а для советского народа — память о ней священна. Современные писатели — и это вполне закономерно — снова и снова обращаются к событиям тех грозных лет. Раскрывая жизнь советских людей, поставленных в трудные, подчас нечеловеческие условия военного времени, писатели убедительно показывают, что социалистический образ жизни является залогом могущества и непобедимости нашего общественного строя, а главная историческая миссия советского народа — созидание.

Да, самоотверженный труд был одним из решающих факторов победы советского народа. Подвиг в бою и подвиг трудовой стали нормой жизни наших людей. Суровый реализм воссоздания жизни советского народа в Великую Отечественную характеризует и роман воронежского писателя Виктора Попова «Один выстрел во время войны». В произведении повествуется о строительстве железной дороги в прифронтовой полосе в тяжелых условиях зимы 1942/43 года. На помощь воинам-железнодорожникам пришли женщины, старики, подростки, инвалиды — все, кто мог хоть как-то работать. Суров и достоверен пафос книги, впечатляюще рассказано в ней о беспрецедентном военно-трудовом подвиге, — в канун Курской битвы и уже в разгар ее всего за 32 дня была построена железная дорога для Воронежского фронта. Тяжелый, на грани физического истощения труд показан Поповым так, что у читателя не остается сомнений, — иначе и нельзя было тогда работать. Вера в неминуемость победы, живущая в людях, облагораживает неимоверно тяжелый физический труд. Однако романист не ограничивается правдивым изображением изнурительного труда в годы войны, — ему важно доказать, и он это доказывает, — что, несмотря ни на какие лишения, советский человек духовно рос, являя пример гражданской доблести, гуманизма и невиданной стойкости. Поэтому в произведении показан прежде всего человек-борец, думающий, убежденный в своей правоте.

Память военных лет в искусстве не ослабевает. Она работает сегодня с новой силой. Документальные произведения, как, скажем, книга Владимира Карпова «Полководец», возвращают нашего современника к тревожным обстоятельствам военного лихолетья, к человеческим судьбам тех лет. «Капитан дальнего плава-

ния» Александра Крона рассказывает об удивительном жизненном пути Александра Маринеско — талантливого советского офицера-подводника, проявившего невиданный героизм и находчивость в борьбе с врагом. Анатолий Соболев в документальной книге «Награде не подлежит» поведал о судьбе военного водолаза Кости Реутова. Осмысляя эпоху военных лет, писатели показывают, как в эти суровые годы личная судьба была неотделима от судьбы народной. Именно об этом и роман Юзаса Балтушиса «Сказание о Юзасе», в котором автор исследует рост сознания героя, его борьбу против сил реакции.

Глубокие раздумья над сложными вопросами жизни и бытия, тревога за состояние мира и предельная обостренность ряда социальных проблем необычайно раздвигают идейно-художественные горизонты современной литературы.

Важнейшей особенностью советской литературы 80-х годов является новый тип положительно прекрасного человека. Для этого героя важен прежде всего жизненный выбор, социальная позиция. В нем отражены творческие и трудовые свершения народа, пафос борьбы за сохранение мира на планете. Такие характеры находим в произведениях М. Алексеева и А. Иванова, О. Гончара, Е. Носова и многих других писателей. Образ положительно прекрасного человека воплощает в себе лучшие черты нашего современника — трудолюбие, высокую нравственность, социальную активность; он наделен чувством совестливости, правдивости и созидательного беспокойства.

Таков, в частности, главный герой романа Юрия Бондарева «Игра». В изображении Крымова автор стремится не только к соблюдению художественной и исторической правды, но и к философскому обобщению, всестороннему раскрытию этого чрезвычайно глубокого в своей диалектической сложности характера.

В жизни и в искусстве о человеке судят не по тому, что́ он о себе думает или говорит, а по его действиям. Впрочем, точно так же мы познаем и самих себя. «Как можно самого себя познавать? — спрашивал Гёте и отвечал: — Отнюдь не созерцанием, а только действием. Попробуй исполнять свой долг — и тотчас себя познаешь». Из великого множества всевозможных сцеплений обстоятельств, причин, следствий художник выбирает такие, которые обусловливают логическую закономерность поступков и действий героя и которые позволяют с уверенностью говорить о постоянстве его характера.

У бондаревского героя — это беспокойство за сохранение гуманистических ценностей; беспокойство за судьбы природы, мира, культуры. Эта черта сообщает герою действенность и, таким образом, ставит его в контекст исторического процесса.

Из соприкосновения прошлого и настоящего автор стремится извлечь выводы, способствующие осознанию важных исторических изменений, происходящих в сознании нашего общества. Покоряют свобода и широта повествования, напряженность мироощущения и незаемность мысли. Бондарев постоянно заставляет нас пристально вглядываться в происходящие события, тревожиться судьбами героев. В «Игре» органично соседствуют, переплетаясь, великое и малое, смешное и трагическое.

Но подлинный трагический пафос произведения заключен в образе Крымова. До сих пор говорили и писали о связях героя с окружающим миром, о его воззрениях на жизнь, природу, искус-

ство, политику и т. д. Здесь пойдет речь о глубинном внутреннем состоянии Крымова, о главных обстоятельствах и причинах его резкого столкновения со студийными нравами и всем тем, что вступает в противоречие с идеалами правды и человечности.

Трагический герой обладает качествами, которые вызывают у нас глубокую симпатию, поскольку он выражает стремление раздвинуть границы человеческих возможностей. Сила его жизненности, художественной полнокровности (а стало быть, воздействия) заключается не только в индивидуальной неповторимости и социальной активности, но также в том, что он несет на своих плечах груз трудноразрешимых вопросов времени, заключает в себе подлинный масштаб бытия. Поэтому наше отношение к трагическому герою всегда **социально**, ибо его судьба неотделима от стремления человека к лучшему, от исторической перспективы.

Реальное и эстетическое — разные категории. Стало быть, трагедию создает глубина человеческой судьбы, ее неотделимость от проявлений законов исторического процесса развития вообще.

Сама жизнь внесла поправки в понимание и воплощение в искусстве трагического. Бурные социальные процессы, углубление противостояния двух миров и усиление идеологической борьбы повлекли за собой драматизацию человеческой судьбы. Небывалые технические успехи, позволяющие человеку протянуть руку к звездам, еще раз подтвердили могущество мысли, ее громадные возможности. Но они же и ужаснули его. Научные достижения, направленные империалистическими кругами Запада против человека, обернулись для него смертельной угрозой. Тень термоядерной бомбы нависла над всем человечеством.

Все эти вопросы становятся сутью жизни и деятельности главного героя «Игры», не дают ему покоя ни днем, ни ночью, заставляют искать ответы на них и приводят его в столкновение с безликим равнодушием. Но как это сказывается на судьбе Крымова? Гибель Ирины сорвала маски с тех, кто умело рядился в них, — и Крымов вдруг увидел то, о чем ранее имел смутное представление. Еще не доказано (да и не может быть доказано) его причастие к смерти Скворцовой, а вокруг него уже возведена глухая стена отчуждения, его считают виновным в свершившемся и соответственно относятся к нему: лишают возможности продолжать работу над кинофильмом. Слухи и ложь беспощадны, неумолимы. Проникая в семью, они отравляют отношения Крымова с женой, сеют страх.

Встречи со следователем Токаревым окончательно выводят Крымова из равновесия. Может быть, именно здесь, в кабинете Токарева, поверившего в анонимку и обвинившего Крымова в избиении «рабочего человека», шофера Гулина, он, Крымов, со всей остротой почувствовал трудность своего положения. Именно здесь он произнесет слова, раскрывающие драматизм создавшейся ситуации: «...я виновен в том, что вселил в Ирину Скворцову надежду, а завистливые, злобные лица, инкогнито, тошнотворные, как пошлость, разрушили надежду». Надо только хорошо вдуматься в эти слова («виновен в том, что вселил надежду»), чтобы осознать и представить себе весь трагизм состояния героя и тех конкретных обстоятельств, которые могли породить подобную вину человека.

Теперь нам открылся глубочайший смысл разговора Крымова со Стишовым. «...Суровый реалист, — сказал Стишов, — не ока-

жись современным донкихотом... рыцарем печального образа от вселенского чувства!

Крымов помолчал, вдавился затылком в теплую обшивку кресла.

— На страшном суде, — сказал он в раздумье и лукаво подмигнул, — человечество в свое оправдание представит эту великую книгу. Нам всем не хватает и донкихотства. Понимаешь? Снова Федор Михайлович...

Он закрыл глаза, и опять внезапная судорога сладким удушьем прошла по его горлу, как давеча при встрече с Таней, и, с трудом пересиливая себя, страшась этих приступов недомогания, он повторил шепотом:

— Понимаешь ли ты меня, Толя?

— Снова Достоевский, милый дружище? Но ты сильный человек, сильнее меня в тысячу раз...

— Это не Достоевский. Это наша жизнь».

Трагедия предполагает вполне о с о з н а н н о е действие человека, сопряженное с непреодолимостью вставших на его пути препятствий, то есть свободный акт личности, предпринимаемый ею по собственному решению. Отсюда бескомпромиссность, возвышенность идеала, несомненность достоинств, проявляющихся в самом страдании и даже поражении героя. Не со всеми его мыслями и доводами порою можно согласиться. Но не теряет он золотой нити социально-нравственного идеала, не притупляется благородное крымовское чувство беспокойства за все, что происходит вокруг, не смиряется он с бездуховностью, кривдой, мещанской сытостью и равнодушием.

Мы сочувствуем Крымову, более того — разделяем его убеждения и тревоги, уважаем как совестливого и смелого человека, который, говоря словами Бондарева, дышит вместе с нами одним воздухом, озабочен одними заботами, болеет одними болями, «ищет истину и борется за нее, не щадя себя». Для трагического героя поиск истины оказывается сильнее нависшей над ним угрозы, он способен исполнить свой долг до конца.

Настоящее искусство — это всегда потрясение. Своим романом «Игра» Юрий Бондарев поднимается к вершинам трагического мироощущения. Да, искусство трагедии состоит в показе жизни на ее крутых поворотах, в процессе непримиримых столкновений и том накале страстей, которые открывают возможность постичь чрезвычайно сложную сущность бытия. В трагедии заключен целый мир. Перед лицом тяжелых испытаний у человека нет иного выбора, как оставаться самим собой, быть до конца последовательным и ответственным за свои поступки и действия.

Мир трагедии огромен и бескомпромиссен. Тут нет места «золотой середине» либо выжидающей ленивой мысли; здесь — употребим выражение Леонида Леонова — «слышится скрежет зубовный и возникает невероятное напряжение в отношениях между людьми». Если прямая, плавная текущая линия в живописи создает впечатление спокойствия, безмятежности, то линия изломанная, угловатая выражает, напротив, тревогу, смятение, страдание. Разное состояние линий означает и различное их звучание, а стало быть, разное видение художника. В комедийных сюжетах господствует, условно говоря, плавная, прямая линия; в искусстве трагедии — идея спокойной прямой линии, по сути, отсутствует: трагедия близка к взрывоопасному динамизму линии

изломанной, деформированной. Трагическому миру присуща предельная напряженность чувства и мысли, решительность поступка.

Но как высока должна быть культура мышления и художественного мастерства, чтобы достойно воплотить все это в произведении искусства! «Трагедия — вершина поэзии, — писал в свое время И. Сельвинский. — Могучее воздействие трагедии на все виды искусства слова (да и не только слова) было замечено уже в давние времена. Как философичность контрабаса держит тон всего оркестра, так пафос трагедии держит уровень литературы на линии великой эпохи». Хорошо и точно сказано: пафос трагедии держит уровень литературы на линии эпохи. Тут уж, как говорится, ни убавить, ни прибавить... Бондарев дерзнул перенести понятие трагедии из области абстрактно-философской в сферу художественную, конкретно-политическую. И сделал это в романе «Игра» успешно. Вместе с тем это одно из ярких подтверждений той древней истины, что настоящий художник творит по законам правды жизни. Он не ждет, когда будут созданы условия, при которых было бы легко и просто говорить эту правду. Ибо она, правда, живет в нем неистребимо, как совесть, человечность, талант.

У жизни и времени свои критерии, высокие и строгие. Они бесстрастны и неумолимы, но справедливы с исторической точки зрения. Многое из того, что представляется ныне важным и непреходящим, окажется впоследствии незначительным, мелким и суетным. Таков удел человеческих дел... Но остаются несомненными созидательные свершения народа, идеалы правды и гуманизма, равно как радость и боль, тоска и трепетная надежда нашего современника на лучшее будущее. И судить об их истинности необходимо по высоким образцам человеческого духа, отмеченным силой чувств, глубиной мыслей и искренности.

Именно эти качества присущи художнику нового типа. Писатель — это сила любви, и, как всякая настоящая любовь, он неудержимо стремится к созиданию жизни, красоты и добра. Это ярко проявилось и в «Игре». Поэтому роман не оставляет равнодушным даже тех, кто не принимает его, кому весьма неуютен его страстный и напряженный мир. Ибо всякий читает в нем то, что может прочесть, каждый находит в нем смысл более или менее глубокий, смотря по тому, насколько зрело его, читателя, чувствование и мышление.

Сама жизнь потребовала от писателя, равно как и от читателя, более четкой политической ориентации, масштабности мышления. Об этом хорошо сказал Бондарев на недавней встрече с читателями в Государственной библиотеке СССР имени Ленина: «Я убежден, что литература — не зеркальное отражение действительности, не воспроизведение, не копирование ее. Это создание новой реальности, принадлежащей истине. А она, истина, как и нравственность, не мода, ибо мода в общем и целом всегда ложна... Серьезная литература не имеет права быть навязчиво-дидактической, удручающе и уныло прямолинейной. Я уверен, что литература действенна тогда, когда беспощадно исследует человека в истории». Если говорить о творчестве самого Бондарева, то оно охватывает сложнейшие конфликты современности и острейшие проблемы нашего бытия. Обращаясь к прошлому, он весь в сегодняшнем дне, ибо глубоко историчен его взгляд на события,

время и людей. «Когда возникает общественная потребность осмыслить время, в особенности время переломное, оно всегда выдвигает людей, для которых это становится внутренней потребностью. В такое время мы живем сейчас. Ни партия, ни народ не нуждаются в парадном многописании и мелком бытокопательстве, в конъюнктурщине и делячестве. Общество ждет от писателя художественных открытий, правды жизни, которая всегда была сутью настоящего искусства.

Но правда не отвлеченное понятие, она конкретна. Она — в свершениях народа и противоречиях развития общества, в героизме и повседневности трудовых будней, в победах и неудачах, то есть в самой жизни, во всей ее многогранности, драматизме и величии. Только литература — идейная, художественная, народная — воспитывает людей честных, сильных духом, способных взять на себя ношу своего времени», — отмечалось на XXVII съезде партии.

Советское общество — это общество созидателей, общество, в котором труд — один из главных принципов его гуманистической сущности. У нас труд выступает как творческая инициатива, как духовно-нравственная потребность каждого сознательного гражданина. В нашей действительности сформировался тип людей, которые по праву чувствуют себя хозяевами общества, где созидательным трудом на общенародное благо измеряется и благородство, и достоинство личности. Поэтому многие книги, посвященные современности, — это взволнованный рассказ о человеке труда, о столкновении старых взглядов на труд и новаторских поисков, об усилении творческого начала в труде.

В новой книге Александра Филипповича «Провинция» («Хроника одного дня») речь идет о рабочих одного из отдаленных уральских металлургических заводов, маленького древнего городка и его обитателях, словом, о провинции. Но она, провинция, горда своей исторической миссией, — пишет автор, — ибо «как только случаются нашествия, ведь из нее приходят миллионы и спасают свои столицы! Она всех нас поит, кормит и одевает. И всегда-то поила, кормила и одевала... Она, если вдуматься, так наши уши, какими современную современность и возможно только услышать, и глаза наши, какими мы ее можем увидеть, самую-то современность»... Городок тесно связан с заводом, собственно, он рожден заводом, но теперь все тот же завод приносит вред жителям городка — грязная, тяжелая работа сотен женщин в формовочном цехе, повышенная загазованность и запыленность в литейных цехах губит здоровье рабочих. Имеется выход из создавшейся ситуации — внедрить труболитейные машины инженера Николая Морозова. Но ни один завод не берется их изготовить.

Вокруг изобретения Морозова и разворачиваются события — инженер Морозов много и упорно думает о новой машине, весь городок затаив дыхание следит за ее судьбой, которая сегодня должна решиться (не забудем, что события в произведении протекают всего один день — «Хроника одного дня», как гласит его подзаголовок). Действие разворачивается стремительно, характеры даны выпукло, живо — литейщики Корзухин, Горохов, Харитоныч, инженеры Морозов, Терехов, Еловский, тонко и убедительно показывается внутренний мир главных персонажей произведения.

Хочется отметить в романе верно взятый тон, хорошо понятое чувство гражданской ответственности изобретателя... Поверив в искренность писателя, мы верим и его героям, их увлеченности, радостям, страданиям и надеждам; верим в то, что новая машина будет внедрена в производство. Роман заканчивается абзацем, выделенным курсивом: «Последняя карусельная установка на Ключевском заводе была заменена машиной полунепрерывной отливки труб (на серых чугунах пока что) спустя три года; тотчас этот способ производства купили и некоторые зарубежные фирмы; так из труболитейных цехов заводов, полностью перешедших на центробежку и полунепрерывку, навсегда ушли в прошлое и в небытие формовка, пыль, газ, болезни...»

Нынешнего передового рабочего, каким мы его встречаем в лучших произведениях, определяют не личный успех, не корысть и материальное обогащение, а чувство ответственности, социальная активность, стремление к постижению смысла жизни.

Искусство есть как бы спрессованная реальность, воспроизводящая судьбу человека под более сильным давлением, чем это происходит в действительности. Не потому ли реальность в нем динамичнее, сгущеннее и драматичнее, чем та, которая прожита нами. Искусство — это концентрированная жизнь, художественный мир окрашен в нем в более яркие краски, чем мир реальной жизни. Произведение берет свои истоки в глубинах личности художника, тесно соприкасающейся с окружающим миром и черпающей из реальной действительности силу и вдохновение.

Впрочем, сегодня можно привести немало примеров, свидетельствующих о том, что в творчестве ряда авторов отсутствует целостное восприятие жизни. Отсюда жизнеописание узкого мирка личной жизни ничем не примечательного человека, утратившего тесные связи с действительностью, эмоционально-импульсивно воспринимающего окружающую действительность. Они бессильны показать становление современника в процессе сложных общественных отношений. Ибо литература не только серьезное дело, но и такое призвание, которое немыслимо без высокой ответственности и великой любви. Это важно подчеркнуть, поскольку в некоторых произведениях мир героев ограничен личными переживаниями. Они бывают даже умны, но скучны и безлики.

Половинчатость, боязнь реальной действительности неминуемо порождают бледную фигуру полуинтеллигента, полугероя. Благие намерения в таких случаях не играют роли, поскольку реальное воздействие искусства выходит за пределы субъективных пожеланий автора.

Если судить о реализме по тем произведениям, герои которых бодро скользят по поверхности жизни, не будучи способными к действию, размышлению и самоанализу, то подобный «реализм» можно со всей определенностью определить как способ отражения внешней стороны бытия. В таких сочинениях персонажи, как правило, суть исполнители авторского своеволия, а не живые люди. Нередко литераторы демонстрируют хорошее знание быта, творческие успехи людей наших дней, поднимают острые социальные вопросы. Но когда доходит до главного — изображения человеческого характера, — вступают в силу скороговорки, приблизительность и абстрактные схемы. И как следствие — отсутствуют яркие индивидуальности, глубокие и самобытные личности, наделенные чувством, умом, исторической памятью и жизненностью. Проще

говоря, типические образы современников пока редкость, а это — увы! — главный показатель уровня литературы...

Исторические ракурсы, широкий охват событий предвоенных и военных лет позволяют писателям более ярко и убедительно показать те колоссальные сдвиги в общественном сознании, экономике, культуре и быте советских людей, которые произошли в послеоктябрьский период. При этом многие произведения раскрывают тесные исторические связи наших народов, их общие устремления, их совместный вклад в дело защиты социалистических завоеваний и строительство новой жизни. Идея братства социалистических наций охватывает и организовывает всю структуру таких произведений, связывает их главные тематические магистрали.

Писатели стремятся быть правдивыми, не приукрашивая действительность и не умаляя достижений и успехов прошлых лет. История приходит на помощь всегда, когда в самом обществе возникает потребность достойно оценить свое прошлое, найти точки соприкосновения прошлого с настоящим. Вдумчивому художнику история предоставляет большой простор для широких обобщений и глубоких раздумий о времени и судьбах человеческих, помогает постичь важность и непреходящую ценность революционных событий. Осмысление узловых моментов великой революции вызывается потребностью времени, требующего глубокого проникновения в суть социальных процессов жизни. Насыщенная памятью, литература приобретает особую значительность и глубину.

Новый роман Ю. Рытхэу «Магические числа» посвящен жизни людей Крайнего Севера, тому великому и сложному времени начала века, как пишет автор, когда «над кромкой Ледовитого океана уже загорались сполохи великой революции». Исследуя процессы становления нового мира, писатель постоянно возвращается к доминирующей в романе теме — бытию народа с его несокрушимой жизнестойкостью и естественной потребностью созидания. Многие страницы произведения Юрия Рытхэу посвящены крепнущим связям русского народа и народов Севера, их общим устремлениям, их вкладу в строительство нового общества.

Советская власть принесла народам Севера свободу, открыла пути к просвещению, культуре, творческому труду. На помощь ненцам и чукчам пришли русские люди, и среди них — герои романа Першин и Терехин, представители новой власти. Человек и его долг всегда оставались для учителя Першина главным. «Еще недавно Першин и предположить не мог, что когда-нибудь окажется на краю России, в крошечном становище. Тем более он не думал, что именно революционная деятельность забросит его сюда, на стык двух великих материков, под сказочные сполохи полярного сияния. Но самыми удивительными оказались здесь люди!» Показывая жизнь Першина в новой и довольно трудной обстановке, писатель находит особый ракурс его видения мира — понимания глубоких связей настоящего с огромными духовными богатствами уходящей в глубь времен народной жизни.

Не потому ли скудная на первый взгляд жизнь в тундре столь высоко оценивается Першиным: здесь он познал значение высоких идеалов революции, красоту природы, нашел свой дом. А дом — это люди, которых любишь. Во многом им обязан герой

своей выдержкой и твердостью, верой в то, что добро и праведность не исчезают. Под влиянием таких, как Першин, чукчи поворачиваются к новой жизни, к новым обычаям.

Есть в романе представители и иных взглядов на изменения действительности. Их выразителем является Кагот, который аккумулирует в себе многие существенные особенности коренных жителей Крайнего Севера. Подлинность человека состоит в развитии духовно-нравственного начала, которое определяет его зрелость, позицию в столкновении добра и зла, а также в его отношении к природе. Роль природы в формировании сознания и миропонимания, как это показано в романе, громадна. Многие герои Рытхэу являются как бы разумным продолжением природы. И тогда восприятие окружающего мира носит особый характер: природа и человеческая жизнь обретают высшую целесообразность. Но к этому ведет долгий и мучительный путь, показанный писателем на судьбе Кагота, осознавшего, как трудно дается покой и радость в этом мире:

Каждое мгновение, не успев возникнуть,
Тут же уходит, его след исчезает...
Стало быть, жизнь, твое дыхание, едва возникнув,
Тут же исчезает, тут же умирает?..
Что жизнь? Жизнь и умирание — одновременно?
Но почему до последнего мгновения
Человек верит только в жизнь?

Научившись счету, Кагот вдруг почувствовал странное волнение от охватившей его уверенности найти конечное магическое число, с помощью которого можно изменить человеческую жизнь к лучшему. Магическое число, как он представлял, состояло не в огромности выражения, а в конечности, завершенности самого процесса нарастания количества. Когда число будет найдено, «откроется истина, и всем станет хорошо...». Оно, это число, должно, по мнению Кагота, обладать магическим свойством: «Тот, кто его узнает, постигнет не просто число, а нечто большее, может быть, обретет особую силу, проницательность, мудрость, узнает источник человеческого счастья, высшую справедливость — словом, все, о чем мечтает человек».

Эти абстрактные, фантастические мечтания подчеркивают драматическую судьбу Кагота — путь к свободе, справедливости и счастью простых людей открыла Октябрьская революция, а не магические цифры — и одновременно показывают, что даже на низком уровне духовной и материальной жизни не угасает в человеке стремление к самосознанию, к истине и справедливости.

Поэтическое восприятие мира, мифология вообще характерны для народного миросозерцания на определенных ступенях развития общества. Это хорошо понимает Рытхэу, изображая жизнь чукчей и ненцев начала XX века. Его героям присуща не только индивидуальная, но и историческая память. В произведении Юрия Рытхэу память, словно некий чуткий прибор, обнаруживает невидимую внешне глубину духовно-нравственной жизни, неповторимость человека, сложность вечных вопросов, занимающих его ум. Роман Ю. Рытхэу «Магические числа» убедительно показывает, что социализм отвечает исконным чаяниям трудового народа, ибо несет свет знаний, уважение к национальному до-

стоинству, равенство, приобщение к мировой культурной сокровищнице.

Под воздействием происходящих перемен в нашей жизни и общественном сознании литература освобождается от некоторых предвзятых эстетических норм. Народная жизнь, судьбы сельских тружеников определили творческие пути и направление творчества ряда писателей. Таковы, например, произведения Валентина Распутина, Василия Белова, Юрия Мушкетика, Анатолия Кривоносова, Николая Кузьмина, Иона Чобану, Евгения Гущина и других. В литературе 80-х наметились новые подходы в освещении «деревенской темы», главная суть которых состоит, во-первых, в более глубоком исследовании социальных процессов в сельской жизни, и, во-вторых, — в подлинно реалистическом показе сложных общественных, психологических, нравственных начал, проявившихся в земледельце наших дней.

Между тем многие современные повести и романы часто являются пространными и рыхловатыми. Читатель встречает повторяющиеся в жизни, однако не задевающие его душу ситуации, бесконечную череду примелькавшихся лиц, годные для домашнего обихода сентенции и холодные описания природы, как будто весь мир застыл в унылой неподвижности. Тут нет места «разумному безумию фантазии», смелой мысли, неудержимому стремлению вырваться из привычного круга представлений и чувствований.

Равно как иных наших писателей нельзя сегодня упрекнуть в непонимании либо равнодушии к природе, но они нередко смотрят на нее как на нечто само собой разумеющееся, раз навсегда данное, а поэтому относятся к природе как к чему-то такому, что по сравнению с социально-нравственным бытием занимает второстепенное место, не заслуживающее серьезного внимания и глубокого осмысления.

События недавно опубликованного романа Владислава Леонова «Хозяева и гости» разворачиваются в одном из нынешних подмосковных совхозов. Автор касается здесь многих проблем: и новых форм оплаты труда, и методов хозяйствования, и коллективного подряда, и трудовой дисциплины, и воспитания сельской молодежи. Занимают его также стиль работы, личные и деловые качества нынешнего руководства — директоров совхозов Гурова и Иванова.

Гуров Илья Васильевич — инициативный, напористый, волевой. Его колхоз — лучший в районе, к нему обращаются за советом, нередко за помощью. Но меняющаяся жизнь начинает подстегивать, поторапливать и Гурова. «Агропромышленный комплекс», «сельскохозяйственное объединение», «Продовольственная программа», а с кем все это осуществлять? С кем? — вырвалось из сердца Ильи Васильевича. — Ведь шагу без меня не сделают — указаний ждут! Народу — полна контора, специалисты, а толку? «Илья Василич, а вы как думаете? Илья Василич, что посоветуете?» Да я в молодые годы!.. Сам все! Думал, делал, решал, — помнишь? — Карпыч кивнул. — А они? Ничего еще не успели, а главное усекли — не высовывайся, живи помаленьку!» Есть в этих словах правда, тут Гурова можно понять, но известно в районе и то, что и сам он виноват в пассивности колхозников — ведь все решает один, не доверяет людям, во все вмешивается. Вот и ждут его совета, его решения.

Ситуация, скажем прямо, неновая в литературе, с некоторых пор это в известной мере штамп, но возможны варианты ее оригинального и нового поворота. Что делает автор? На бюро райкома партии Гурова «приструнили» за то, что он не прислушивается к мнению коллектива (но коллектива-то нет!), единолично руководит хозяйством и ведет себя как «зазнавшийся барин». И вот Илья Васильевич сразу же начал исправляться: «здоровался со сторожами, скотниками, останавливался надолго, спрашивая о семье, о детях, внимательно слушал терпеливо-напряженные ответы и все всматривался в лица людей». А как хотел «все успеть, что проглядел»! Он метался по совхозу, везде побывал, со всеми поговорил, даже «поспорил с писателем» и твердо решил жениться, но сел в машину и ни с того ни с сего взял да и умер... Жаль, ведь Гуров начал раскрываться как своеобразный, интересный характер с настоящими человеческими чертами. К тому же это, по сути, единственный образ, вызывающий живой интерес и любопытство читателя, это, наконец, активная, действенная личность, поставленная в конкретные условия общественного бытия и способная совершить свой поступок.

Нет, говорит романист, Иванов Федор Митрофанович — вот тот человек, который должен прийти на смену волевому, давящему своим авторитетом инициативу подчиненных Гурову. К сожалению, об Иванове как человеке мы узнаем только то, что он толст и неповоротлив как медведь. Между тем любит высказывать «смелые» суждения вроде: «Засиделись мы, думать перестали, указаний ждем. Сверху! Дождались. Дальше ехать некуда. Чем стадо кормить через пять лет? Где семенники возьмем?.. Не перестроимся — жизнь заставит!» Или: «Нужно прежде каждый овощ разумно вырастить, до человека донести!» Надо сказать, первый секретарь райкома в восторге от такой «дерзкой критики» Иванова.

Что же, однако, сделал этот «руководитель нового типа» за время своего нового директорства? Щедро распродал рассаду капусты соседним совхозам, восстановил озеро, из которого Гуров недальновидно спустил воду, построил новую столовую, бассейн и коттедж, из-за которого начались распри в коллективе, наконец, привлек к труду своим ласковым обращением некоего лентяя. Не слишком ли мало? И не делает ли автор большую натяжку, выдавая за нового героя человека со столь сомнительными деловыми качествами? Видимо, поэтому из этого большого по объему произведения трудно составить правильное представление о нашем сложном времени и непростых проблемах, встающих перед землепашцами.

Язык этого романа, строго говоря, «убог и нем» — все говорят на один манер, равно как и авторские характеристики безлики и напоминают порой передовицу районной газеты. Когда же автор пытается преодолеть газетный стереотип, из-под его пера выходит нечто вроде: «Илья Васильевич... так думает — всю башку изломало, гудит»; при взгляде на Машу «директор едва не захрюкал в кулак, однако на то он и был директором, чтобы сдерживаться и не давать себе воли»; взволнованный встречей с девушкой, он «засопел в подушку, тоненько поскуливая во сне»; «были сопляки, теперь — начальство»; «народ (члены бюро райкома. — *Н. Ф.*) пересел от стенок к длинному продольному столу, положил перед собою папки, карандаши и кулаки» и т. д. и т. п.

Мы редко употребляем слово «талант» в его подлинном, высоком значении. Порою технику искусства смешивают с самим искусством, рифмоплета — с поэтом, умело скомпонованные документы — с художественным воспроизведением жизни. Злободневное сочинение, написанное «на тему», приправленное многозначительной метафоричностью, иносказательностью, нередко принимают за явление литературы. Превозносят авторов, огорошивающих читателя сомнительными новациями, именуемыми самими же изобретателями «бесконечным поиском новых путей». Талант — это, по нашему разумению, одаренность, помноженная на масштабность осмысления народной жизни и чувство причастности ко всему сущему. И никакой разговор о таланте художника вне этих критериев — это особенно хочется подчеркнуть — в наше время невозможен.

Как тут не вспомнить великого Шолохова — его человеческую скромность, немеркнущий, все сильнее и сильнее озаряющий нашу историю, нашу современность, свет его гения. «Сам Шолохов не спешил объявлять творческим подвигом решение своих младших собратьев по перу, желая убедиться, хватит ли у них мужества и на честные книги, и на то, чтобы удержаться на кручах послевоенных лет, разрабатывая за Доном залежи под картошку и помидоры, чтобы прокормить своих жен, обзаводясь буренками, чтобы напоить молоком своих детей, насаждая сады на обугленной земле, — пишет Анатолий Калинин. — Ему самому хватило мужества не только на «Донские рассказы» и «Тихий Дон», «Поднятую целину» и «Судьбу человека», но и на всю свою жизнь в объятых пламенем классовых страстей степях. И до самого конца он ни разу не дрогнул, не опустил глаза перед суровой правдой, в непоколебимом убеждении, что литература — это не ранжир и не парад, а вечная борозда и вечный поход с предельным напряжением всех духовных и физических сил. Вот почему он не спешил и с похвалами своим собратьям по перу... Уроки Шолохова навсегда обязали их служить правде и только правде».

Ибо, спутав критерии, можно поставить многое с ног на голову, что, как известно, ничего хорошего не приносит.

Когда автор выпустит в свет злободневный политический роман, погрешив против художественности, либо опубликует роман-хронику, где больше газетных вырезок и документов, чем искусства, или напишет по следам горячих событий повесть-репортаж, мы, отдавая должное его оперативности и публицистическому дару, не станем предъявлять ему высоких эстетических требований — достаточно и того, что сделал в меру своих сил и возможностей. Мы вправе сказать ему: «Труд ваш полезен и заслуживает уважения, но не требуйте, чтобы на этом основании признали за вами большой художественный дар и рядом с вами упоминали всуе имена классиков». А если такой автор подумает о своей персоне бог знает что и громко станет требовать, чтобы за ним непременно признали титул «крупный художник», «выдающийся писатель», мы ответим ему: «Увы, в сочинении вашем отражены лишь внешние приметы действительности. Настоящий же художник, не покидая поля современности, видит ее глубины и историческую перспективу, служит таким целям жизни, которые не исчерпываются решением злободневных, хотя и важных проблем».

И тут может встать вопрос: не слишком ли много времени и энергии тратят иные литераторы на то, чтобы превратить свою личность, так сказать, в общественный персонаж, то есть при помощи телекамеры и газетной полосы внедрить в общественное сознание свою персону? И в этом своем рвении некоторые настолько преуспевают, что в конце концов заслоняют собой героев собственных книг, и современники довольствуются именем автора, вместо того чтобы увлекаться его произведениями. Многие знают такого литератора, занимаемые им должности, премии и награды, но мало кто помнит название его книг и их содержание, и редко интересуются, что пишет он новое, да и пишет ли... К его частому мельканию на экране телевизора, в газете вначале привыкают, затем пресыщаются, а когда перестает появляться — тотчас забывают... Великие писатели бессмертны своими творениями. А чем может быть памятен подобный автор?..

«При наличии ряда крупных по мысли и незаурядных по художественному воплощению произведений в прозе, некоторых отрадных явлений в поэзии и драматургии прошедшее пятилетие российской литературы в целом, на мой взгляд, было не самым плодовитым, — говорил Мустай Карим на V съезде писателей РСФСР. — Оно не отмечено обилием особо выдающихся явлений. Общая картина такова, что ликовать у нас меньше основания, нежели беспокоиться и призадуматься. Вновь и вновь встает вопрос качества, масштабности и художественности для всей литературы. Удельный вес хорошего до обидного невелик в общей массе средней гладкости и серого стандарта, которые вместо жизненной достоверности несут жизнеподобие, вместо правды — полуправду, такую полуправду, что хуже самой лжи». В самом деле, сколько у нас авторов, «застрявших» на уровне первых публикаций. В ряде случаев это явилось результатом их неспособности выйти за пределы своего детского и юношеского опыта, неумения обогащать и неутомимо развивать свое дарование. Поэтому первые их книги дышат свежестью и новизной, увлекают непосредственностью. Вскоре обнаруживается, однако, что этой бьющей через край жизненной активности сопутствует недостаток культурного багажа и духовного опыта, а это негативно влияет на уровень последующих произведений. Такой литератор, создав в молодости оригинального героя, всю оставшуюся жизнь выпускает серийную продукцию по этому образцу, в сущности, ограничивается тем, что переписывает свои первые книги, впадая в манерность и подражание самому себе. Пожалуй, главная причина такого положения проистекает от неспособности развивать, совершенствовать свое дарование, опираясь на новый жизненный опыт, знания, изменившуюся историческую ситуацию.

Серьезному писателю присущ историзм художественного мышления, который раздвигает горизонты знаний, активизирует творческий процесс. Ощущение историчности бытия становится в известной мере знаком упорядоченной действительности, признаком доверия культуре как проявлению высшей духовности человека. В этом сложном творческом процессе большую роль играют, кроме дарования, мировоззрение, уровень духовной культуры общества, содержательность жизни художника. В конечном счете *искусство* есть действие, *призыв к ответственности,* а не пассив-

ное отражение раз и навсегда данной и застывшей в своей неподвижности реальности.

Искусство требовательно и бескомпромиссно, равно как непримиримо к безразличию, самоуспокоению и самодовольству.

Талантливые современные писатели — независимо от того, обращаются они к жизни крестьянина или рабочего в условиях научно-технического прогресса, к событиям Великой Отечественной войны, к теме историко-революционного прошлого или к экологическим и глобальным проблемам, — ставят острые идеологические, социальные и нравственные вопросы. В своих лучших образцах литература выявляет ведущие тенденции жизни, создает эстетические ценности, которые являются национальным достоянием, частью духовного богатства народа. И читатель открывает книгу с надеждой поучиться мудрому пониманию жизни, почувствовать биение пульса эпохи, приобщиться к прекрасному.

Большая ответственность в усилении идейной, нравственной и эстетической взыскательности в области литературы ложится на критику. Углубились представления критики о сложном механизме сближения советских национальных литератур, методологически выверенне стали ее представления о динамике художественного процесса.

Вместе с тем современной литературной критике еще многого недостает. И прежде всего — гражданской ответственности, способности обнажать глубинный смысл проблем, поднятых писателями, анализировать вопросы идейно-художественного мастерства.

Сегодня отчетливо заметно, как на скрещении магистральных координат общественной жизни в тесное взаимодействие вступают различные социальные факторы. Известно, что у искусства свой предмет исследования. В процессе творчества художник открывает новые человеческие типы и, создавая их, воплощает в конкретном общее, дает представление об исторической и идеологической сущности эпохи.

Чем крупнее, значительнее талант и чем несомненнее его приверженность общественным идеалам, тем успешнее решает он в своем творчестве культурные, политические, идеологические и другие задачи, поставленные временем. «Съезд призывает мастеров литературы и искусства создавать произведения, достойные величия новаторских дел партии и народа, правдиво, на высоком художественном уровне отображать жизнь советских людей в ее многогранности и развитии, — отмечается в Резолюции XXVII съезда КПСС по Политическому докладу ЦК партии. — Литературно-художественной критике нужно стряхнуть с себя благодушие и чинопочитание, в оценке произведений руководствоваться четкими эстетическими и классовыми критериями, активнее выступать против безыдейности, парадного многописания, мелкого бытокопательства, конъюнктурщины и делячества. Партия поддерживает и будет поддерживать все талантливое в литературе и искусстве, проникнутое духом партийности и народности».

●

В. ЭТОВ

«Я В МИРЕ — БОЕЦ...»

К 175-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ В Г. БЕЛИНСКОГО

Надо ездить по России, призывал Гоголь.

Весной—осенью 1846 года Белинский совершил вместе с актером М. С. Щепкиным большое путешествие по России. Он только что освободился от многолетней изнурительной кабалы в журнале Краевского «Отечественные записки» и мечтал о создании своего собственного журнала, в котором будет «полным редактором». В успехе задуманного дела Белинский не сомневался. Но только в дни поездки он стал сознавать размеры своей популярности. «Не знаю, что будет вперед, а пока я просто изумлен тем, как имя мое везде известно и в каком оно почете у российской публики», — признавался он Герцену.

Да, почти полтора десятка лет (1834—1848), с начала регулярной литературной деятельности до конца своей недолгой жизни, Белинский оставался главным деятелем русской журналистики, умея и в подцензурной печати, в условиях жестко проводимой официальной доктрины «православия, самодержавия и народности» провозглашать передовые идеи времени — идеи утопического социализма, не-

нависти к насилию и произволу, подлинного уважения к правам личности. «Социальность, социальность или смерть» — таков его девиз, заявленный в одном из писем.

Переписка Белинского с друзьями доносит до нас всю непосредственность этой пламенной натуры, оказавшейся в тисках реакционного режима. И то отчаяние, и те надежды, и те порывы к широкой общественной деятельности, которой он был лишен, то отвращение к безжалостному каторжному труду, превращавшему его в «водовозную лошадь», те муки сердца, которые постоянно испытывал этот человек, рано осознавший свое подлинное призвание: «я в мире — боец». Он задыхался в рамках отпущенных ему возможностей. «Работа журнальная мне опостылела до болезненности... Писать ничего и ни о чем со дня на день становится невозможнее... Об искусстве ври, что хочешь, а о деле, то есть о нравах и нравственности, — хоть и не трать труда и времени», — сообщал он В. П. Боткину в 1842 году.

Тем удивительнее, что в этих неблагоприятных обстоятельствах и вопреки им Белинский умел быть верным своим убеждениям, явив в своей личности и деятельности уникальный пример единства слова и дела, натуры и принципа, некоего внутреннего духовного постоянства и в то же время непрерывного развития. Критика — «движущаяся эстетика», — утверждал он. Сам критик был личностью нового типа. Прекраснодушие, романтическая мечтательность и отвлеченность, «германская созерцательность», которой он, как и его друзья юности Бакунин, Боткин, Кетчер и другие, в университетские годы отдал немалую дань, закономерно сменились трезво-практическим отношением к жизни, пафосом социальности и последовательного демократизма. Отвергнув «философский колпак Гегеля», свое вынужденное «насильственное примирение с действительностью», он в самой русской жизни нашел почву и основание для плодотворной и перспективной деятельности, утверждавшей его на позициях последовательного отрицания призраков и мишуры жизни существующей, но уже **не действительной,** уже обреченной историей.

«**Действительность** — вот лозунг и последнее слово современного мира! — убежден он. — Действительность в фактах, в знании, в убеждениях чувства, в заключениях ума, — во всем и везде действительность есть первое и последнее слово нашего века». Почва действительности — всемирная история, — в ней для Белинского дороги периоды бури, крушения старых устоев. «Отрицание — мой бог. В истории мои герои — разрушители старого — Лютер, Вольтер, энциклопедисты, террористы, Байрон...» Все должно быть проверено и взвешено на весах критического разума.

Верность действительности, неустанный поиск истины в жизни, в философии, в искусстве — вот что составляло внутренний пафос, душу Белинского как критика. Это и означало на его языке — исходить из «оснований натуры». Иначе, «выходя из них по расчету или по необходимости», литературный деятель может стать «ни то ни се, ни рак ни рыба».

Впервые в русской критике Белинский так остро поставил вопрос о нравственных основаниях литературного труда, ведя на протяжении всей жизни непримиримую борьбу с «полицейско-торгашеской» литературой, — здесь он прямой наследник и продолжатель дела Пушкина, страстно клеймившего продажную

прессу. Вместе с тем ему первому пришлось столкнуться с беспринципностью нового типа — проявлениями либеральной идейной неустойчивости, уступчивости и нерешительности. В конце жизни, когда Белинский, смертельно больной, отдавал силы становлению «Современника», он не нашел полной поддержки со стороны своих «московских друзей» Боткина, Грановского, Кавелина, которым было «жаль» Краевского и которые отказались решительно порвать с ним. А Белинский не по прихоти, не по материальным соображениям затевал новый журнал — в нем он видел единственную возможность объединения всех духовных сил России и прежде всего молодых писателей, решительно вставших вслед за Гоголем и по примеру Гоголя на позиции реализма и народности. «Современник» тем самым как бы завершал дело всей жизни критика — утверждение русской литературы на новых основах, ее решительное сближение с жизнью, действительными, а не мнимыми проблемами общенационального значения.

Эти задачи были сформулированы им уже в первой большой статье «Литературные мечтания». Обозревая движения русской литературы от «первого ее гения» Ломоносова до Пушкина, он провозглашал: Пушкин — «поэт русский по преимуществу», «в сильных и мощных песнях которого впервые пахнуло веяние жизни русской, игривый и разнообразный талант которого так любила и лелеяла Русь, к гармоническим звукам которого она так жадно прислушивалась и на кои отзывалась с такою любовию...». Пушкин — «представитель современного ему человечества, но мира русского». Последнее очень характерно для Белинского, его мечта, его забота, его идеал — литература, богатая одновременно и общечеловеческим и национальным содержанием. Национальное, поднятое на уровень общечеловеческого, — вот, по сути, великая задача, достойная литературы великого народа. В этом пафос критической мысли Белинского.

Осмысление опыта мировой эстетической мысли и молодой русской литературы помогли критику выработать очень перспективное понимание литературы как рода деятельности: литература — «собрание такого рода художественно-словесных произведений, которые суть плод свободного вдохновения и дружных (хотя и неусловленных) усилий людей, созданных для искусства, дышащих для одного его и уничтожающихся вне его, вполне выражающих и воспроизводящих в своих изящных созданиях дух того народа, среди которого они рождены и воспитаны, жизнью которого они живут и духом которого дышат, выражающих в своих творческих произведениях его внутреннюю жизнь до сокровеннейших глубин и биений».

Такого глубоко прочувствованного определения сущности литературы и литературного труда в мировой эстетике еще не было. В литературе, в ее деятелях он видел мощное средство национального развития, некий союз избранных душ, единых в своем порыве служить народному просвещению, выразить самые задушевные думы народа, деятельность, лишенную какой-либо корысти, а потому она — плод свободного вдохновения. Так страстно о литературе Белинский затем скажет лишь в порыве «оскорбленного чувства истины» в письме Гоголю 15 июля 1847 года: «Да, я любил Вас со всею страстью, с какою человек, кровно связанный со своею страною, может любить ее надежду, честь, славу, одного из великих вождей ее на пути сознания, раз-

вития, прогресса». «Только в одной литературе, несмотря на татарскую цензуру, есть еще жизнь и движение вперед. Вот почему звание писателя у нас так почтенно». Здесь та же мысль — творчество, литература не удел одиночек, неких избранных личностей, замкнутых в своем эгоцентризме, это — плод совместных, дружеских усилий людей, кровно связанных с жизнью своего народа. Литература — содружество, союз единомышленников. Через четверть века Добролюбов отзовется: «Чтобы начать в союзе нашем живое дело вместо слов».

Такая литература в 1834 году — время создания «Литературных мечтаний» — только создавалась. Через десятилетие возникла первая в истории отечественной словесности литературная школа, гоголевская, натуральная школа, ставшая ферментом, зародышем нового литературного направления — критического реализма. Утверждение, обоснование, развитие принципов критического реализма составляло смысл всей деятельности Белинского. Он был первым на этом сложном пути, шел неизведанной дорогой, опираясь на опыт мировой литературы и эстетики, смело обобщая живую практику русской литературы; он, как ледокол во льдах, взламывал возникавшие неожиданные эстетические проблемы. Правомерность этого пути сегодня, из нашего исторического далека, очевидна, хотя и не в полной мере осмыслена и объяснена.

Как часто еще, сопоставляя высказывания Белинского разных лет о свободе искусства и его общественной пользе, или становятся в тупик, или начинают рассуждать о «скачках» в его развитии. Но он не нуждается в наших оправданиях.

Бурное, переходящее из одной крайности в другую развитие этого человека было действительно стремительно. Был период «насильственного примирения с действительностью», когда он заявлял о преимущественном значении объективного искусства перед субъективным. Затем, преодолев одностороннее увлечение философией Гегеля и приняв «идею социализма», Белинский будет, напротив, ценить в искусстве прежде всего мысль, тенденцию, испытывая «враждебность против объективных созданий искусства». И он, который провозглашал, что «поэзия не имеет цели вне себя», по-прежнему высоко ценя искусность отделки, мастерство, станет утверждать: «мне поэзии и художественности нужно не больше, как настолько, чтобы повесть была истинна, то есть не впадала в аллегорию...» «Главное, чтобы она вызывала вопросы, производила на общество нравственное впечатление. Если она достигает этой цели и вовсе без поэзии и творчества, — она для меня **тем не менее** интересна, и я ее не читаю, а пожираю». «...главное-то у меня все-таки в деле, а не в щегольстве» искусством, его приемами.

«Дело» — мысль, тенденция, польза — и художественность... Вопрос непростой, если вспомнишь, что в следующий исторический период, в 60-е годы XIX века, русская критика провозгласит в лице Писарева «разрушение эстетики» и обвинит самого Белинского в уступках художественности. И все ради узко понимаемой «пользы». Сегодня мы меньше говорим о «противоречиях» Белинского, стремясь его понять с позиций теории целостности художественного произведения, обращаем внимание на то значение, которое критик придавал **истинности** эстетического суждения. Для самого же критика в этой дилемме «обществен-

ная польза — художественность» скрывалась сложность самого развития искусства, в котором менялось привычное соотношение бессознательного и сознательного в пользу последнего. Теоретическое разрешение этой проблемы также выпало на долю 60-х годов, на долю критики Добролюбова.

Не будем торопиться говорить о противоречиях критика. Они были, конечно, но их природа непроста. Это не только противоречия познающего разума, а и противоречия предмета познания — живого историко-литературного процесса.

В своих суждениях о литературе — и в целом и об ее отдельных явлениях — Белинский всегда конкретен: он стоит на исторической точке зрения, и критика его **социальная и историческая** одновременно. Историзм же предполагает умение видеть явление в его развитии, в трех измерениях — в прошедшем, настоящем и будущем. И если приглядеться внимательнее, взять аргументы критика в системе, в их внутренних связях, то найдем много общего в его высказываниях разных лет. Творчество потому и свободно, что оно с естественной необходимостью выражает глубинные запросы народной жизни — «дух народа». Так ставился вопрос в «Литературных мечтаниях» и в статье «О русской повести и повестях г. Гоголя» (1835 г.). В письмах к Василию Боткину 1847 года речь шла о русской повести, которой критик отдавал преимущество перед иностранной. Своеобразный литературный протекционизм? Да. Но исторически оправданный, прогрессивный — особенно в сравнении с гурманством Боткина, который и хорошую иностранную повесть до конца не прочитает (если она не превосходна), к русской же «еще требовательнее и строже». Вывод Белинского точен и не может не вызвать нашего сочувствия: «Ты, Васенька, сибарит, сластена — тебе, вишь, давай поэзии да художества — тогда ты будешь смаковать и чмокать губами». Здесь «художество» — условие наслаждения, и только. Искусство же выступает как игрушка, забава для сибаритствующего ума.

Провозглашая приоритет «дела» над «художеством», цель которого — поиск истины, Белинский не унижал, а возвышал искусство, открывая для него возможности беспредельного развития как фактора общенационального самосознания. Развитие содержательной стороны литературы неизбежно должно было вызвать и ее новый чисто эстетический, художественный подъем. Белинский и здесь выступал сторонником развития такого искусства, которое не имеет вне себя никаких, в том числе дидактических, целей. Это искусство должно органично включать в себя важнейшие общественные, общенациональные проблемы. Белинский всегда оставался непревзойденным диалектиком в вопросах содержания и формы в искусстве, причем не столько теоретиком, работающим всегда на историческом материале, сколько практиком, имеющим дело с текущим, незавершенным процессом.

Может, ему повезло, и он случайно, стихийно, бессознательно попал на верную почву, поставив во главу угла «дело», «истину»? Нет. Его вывод опирался на пристальное изучение, осмысление прошедших этапов развития русской литературы, чему он уделял внимание постоянно. Это его любимый прием от «Литературных мечтаний» до последнего обзора — «Взгляд на русскую литературу 1847 года». И нетрудно убедиться, что понимание искусства как истины, явленной в художественных образах, находится в

русской литературной традиции, традиции Пушкина, Лермонтова, Гоголя. Лишь бы новая русская проза, которая складывалась и крепла под воздействием живых идей Белинского и Гоголя, как позднее скажет Добролюбов, была верна истине, а художественность приложится. А если, будучи «дельной», русская проза будет при этом и высокохудожественной, то тем лучше. Так оно и случилось.

В спорах со своими оппонентами Белинский был прав и еще по одной немаловажной причине. Размышления об искусстве и его назначении, о реализме и гоголевской школе неизменно связывались у критика с вопросом о судьбах России и русского народа. В полемике с Боткиным, обнаружившим космополитические тенденции и апологетическую пристрастность к западной буржуазности, Белинский решительно заявлял себя русским патриотом, а в противоположность славянофилам, в полемике с ними — приверженцем общечеловеческих начал, европеизма, просвещения и противником какой-либо национальной исключительности.

Плодотворное развитие русской культуры и искусства, по его мысли, может осуществиться лишь на почве обогащения национальной традиции, через всемерное усвоение опыта мировой истории, путем широкого проникновения в русскую жизнь европейского просвещения, науки, знания. Вот почему он постоянно обращался к произведениям Шекспира, Гёте, Жорж Санд, Вальтера Скотта, Фенимора Купера. Их опытом измерялись достижения русской реалистической прозы — повести и романа. Но это пока. Дай срок... Белинскому претило национальное самодовольство, которое даже посредственный талант награждает эпитетом «великий» — по принципу «плохонькое, но свое». Но в не меньшей мере ему враждебно холодное равнодушие скептика, для которого нет пророка в своем отечестве, нет ничего достойного уважения и признания. «Терпеть не могу восторженных патриотов, выезжающих вечно на междометиях или на квасу да каше: ожесточенные скептики для меня в 1000 раз лучше, ибо ненависть иногда бывает только особенною формою любви; но, признаюсь, жалки и неприятны мне спокойные скептики, абстрактные человеки, беспачпортные бродяги в человечестве». Таково его нравственное кредо патриота и гражданина, вне которого непонятна и его теория реализма.

Другое немаловажное обстоятельство для понимания его критических интересов: Белинский пламенный провозвестник прав личности. Именно по этой причине он отдавал пальму первенства среди европейских романистов Жорж Санд: с ее приходом «роман окончательно сделался общественным, или социальным». Не забудем, что столь же высокую оценку французской писательнице давал и Энгельс, а в России она явилась «воспитателем чувств» молодого Достоевского. И Белинский, освобождаясь от гипноза гегелевских абстракций, в унисон с литературой социального реализма мучительно размышлял о драме современной личности: «Что мне в том, что живет общее, когда страдает личность?»

Драма одинокой личности, страдающей от отсутствия общественной деятельности, личности, богатой духовными потенциями, что было гениально воплощено в «Евгении Онегине» Пушкина, в «Демоне» и «Герое нашего времени» Лермонтова, была хорошо

знакома Белинскому. «Мы же — люди, для необъятного содержания жизни которых ни у общества, ни у времени нет готовых форм», «в жизни для нас нет жизни». А потому «ударили со всех ног в книгу и по книге стали жить и любить, из жизни и любви сделали для себя занятие, работу, труд и заботу», — писал он о своем поколении, как бы отождествляя себя с героями Пушкина и Лермонтова. Не случайно «Демон» его любимое произведение, — ему, как и герою поэмы, знакома «с небом гордая вражда». Но для Белинского романтическое одиночество и мирочувствование — лишь этап развития. Для него, как сторонника «идеи социализма», главное — личность других, его братьев по человечеству. «Что мне в том, что гений на земле живет в небе, когда толпа валяется в грязи? Что мне в том, что *я* понимаю идею, что мне открыт мир идеи в искусстве, в религии, в истории, когда я не могу этим делиться со всеми, кто должен быть моими братьями по человечеству? Что мне в том, что для избранных есть блаженство, когда большая часть и не подозревает его возможности?»

Слова эти широко известны. Но как-то не обращалось внимание, что их полемический запал имеет определенный адрес. Они не без подвоха по отношению к корреспонденту — Боткину. Это он, как и другие московские друзья Белинского (вскоре он их станет именовать не иначе, как «друзья-враги»), все еще находил утешение в наслаждении искусством, философией, историей — в том, что можно назвать интеллектуальной игрой, игрой-забавой высокоразвитой, но индивидуалистической личности. «Новая крайность» Белинского, идея социализма провела непроходимую черту-границу между ним и его прежними друзьями.

В Белинском, в его страстном отрицании старой морали, в его последовательном демократизме ярко проступал новый тип личности, который затем получит свое развитие в духовном и нравственном облике шестидесятников и деятелей третьего, пролетарского периода русского освободительного движения. Им в высшей степени будут свойственны безграничная самоотверженность, доходящая до рахметовских гвоздей, принципиальность и непримиримость к фальши, идейному убожеству, страстность натуры, готовность к самопожертвованию ради идеи, привлекательная прямота во имя правды. Все это разовьется, достигнет своего совершенства, станет обозримым и доступным для художественного исследования, найдет воплощение в созданиях искусства.

Но это будет потом, на новом историческом рубеже, в 60-е годы, когда заговорят о «новых людях», о «молодом поколении», о людях «необыкновенных», «особенных», которых на Руси так немного. Он же, Белинский, их предшественник — по известной ленинской оценке, «предшественник полного вытеснения дворян разночинцами в нашем освободительном движении...». Он первым взошел на новый крутой берег русской истории, который будет примечателен повсеместным подъемом чувства личности, и в этом его немалая заслуга.

«Россия видит свое спасение не в мистицизме, не в аскетизме, не в пиэтизме, а в успехах цивилизации, просвещения, гуманности. Ей нужны не проповеди (довольно она слышала их!), не молитвы (довольно она твердила их!), а пробуждение в народе чувства человеческого достоинства, столько веков потерянного в грязи и навозе, права и законы, сообразные не с учением церкви, а с здравым смыслом и справедливостью...» — Эти слова из

письма Белинского к Гоголю стали программой действий для Некрасова и Тургенева, для Чернышевского и Добролюбова, для многих поколений русских демократов.

Впервые он заговорил о гоголевских типах в статье «О русской повести и повестях г. Гоголя». Персонажи гоголевских повестей, вошедших в книги «Арабески» и «Миргород», вызвали у критика сложное и не однозначное отношение. Не диво, размышлял он, почувствовать ничтожность героев «Старосветских помещиков» или «Повести о том, как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем»: «Две пародии на человечество в продолжение несколько десятков лет пьют и едят, едят и пьют, а потом, как водится исстари, умирают. Но отчего же это очарование? Вы видите всю пошлость, всю гадость этой жизни, животной, уродливой, карикатурной, и между тем принимаете такое участие в персонажах повести... вы плачете о них, о них, которые только пили и ели и потом умерли! О, г. Гоголь истинный чародей...»

Тайну очарования гоголевского таланта критик увидел в его верности жизни, в его реализме: «Что такое почти каждая из его повестей? Смешная комедия, которая начинается глупостями, продолжается глупостями и оканчивается слезами и которая, наконец, называется **жизнию.** И таковы все его повести: сначала смешно, потом грустно! Сколько тут поэзии, сколько философии, сколько истины!..»

Повести Гоголя расширили представления критика об искусстве и реализме в нем. Вот его известное определение, с которого, можно сказать, начались наши споры о реализме: «Поэт или пересоздает жизнь по собственному идеалу, зависящему от образа его воззрений на вещи, от его отношений к миру, к веку и народу, в котором он живет, или воспроизводит ее во всей ее наготе и истине, оставаясь верен всем подробностям, краскам и оттенкам ее действительности». Пройдут годы, и уже в наши дни будет разработана теория о двух типах художественного отражения, реалистическом и романтическом, которая восходит к этим идеям Белинского.

Обратим внимание: критик неизменно опирался на два понятия — верность и истина, нередко ставя их вместе. В конце жизни в статье «Взгляд на русскую литературу 1846 года» он уточнит свое прежнее определение того, что мы сегодня называем типами или методами художественного творчества: «Таланты были всегда, но прежде они *украшали природу, идеализировали действительность,* то есть изображали несуществующее, рассказывали о небывалом, а теперь они в о с п р о и з в о д я т жизнь и действительность в их истине» (курсив Белинского, разрядка моя. — *В. Э.*). Или в статье «Взгляд на русскую литературу 1847 года»: «Тут уже натуральность является не как сатира, не как комизм, а как верное воспроизведение действительности, со всем ее добром и злом, со всеми ее житейскими дрязгами» (о «Евгении Онегине» Пушкина).

И о Гоголе: «Все сочинения Гоголя посвящены исключительно изображению мира русской жизни, и у него нет соперников в искусстве воспроизводить ее во всей ее истинности». Выражения «воспроизведение» действительности прочно вошло в научный обиход наших дней.

В связи с Гоголем критик широко рассматривал и такое каче-

ство искусства, как **типизм**, знакомя русского читателя с этим новым искусствоведческим понятием, разработанным в эстетике Гегеля: «Один из самых отличительных признаков творческой оригинальности или, лучше сказать, самого творчества состоит в этом **типизме**, если можно так выразиться, которая есть гербовая печать автора. У истинного таланта каждое лицо — тип, и каждый тип, для читателя, есть **знакомый незнакомец**».

Типизм для автора статьи «О русской повести...» связан с нарицательностью: «...Онегин, Ленский, Татьяна, Зарецкий, Репетилов, Хлестова, Тугоуховский, Платон Михайлович Горич, княжна Мими, Пульхерия Ивановна, Афанасий Иванович, Шиллер, Пискарев, Пирогов — разве все эти собственные имена теперь уже не нарицательные? И, боже мой! как много смысла заключает в себе каждое из них! Это повесть, роман, история, поэма, драма, многотомная книга, короче: целый мир в одном, только в одном слове!»

Сегодня, правда, мы как-то привыкли разъединять, разносить по разным полочкам искусство обрисовки характеров и их типизм. Мы даже склонны считать, что нарицательность — исключительное свойство литературы прошлых столетий. Что в наше стремительное время и невозможно достичь глубокого типизма, зато нам по плечу типизация единичного, исключительного, так называемая «проникающая» типизация.

Но, поставив под сомнение саму возможность нарицательности в современном искусстве, не выдаем ли мы тем самым индульгенции талантам слабым, посредственным, не поощряем ли леность писательской мысли? Не забываем ли уроки Белинского и Гоголя, что именно в типизме проявляется могущество таланта, его подлинная оригинальность — самобытность, истинность? И то сказать: надо обладать и оригинальностью критического мышления, чтобы свободно рассуждать о типизме — ну, хотя бы так, как Белинский о Пирогове из «Невского проспекта»: «Да, господа, дивное словцо этот — Пирогов! Это символ, мистический миф, это, наконец, кафтан, который так чудно скроен, что придет по плечам тысячи человек. О, г. Гоголь большой мастер выдумывать такие слова... А отчего он такой мастер на них? Оттого, что поэт». И как не пожалеть вместе с Белинским: у нас в ходу слово «писатель» и почти забыто высокое слово «поэт» (в значении — талант, художник).

Понятие «поэт» включает для Белинского способность художника воспроизводить явления жизни в соответствии с идеалом. Проблема идеала — одна из сложнейших в искусстве реализма, и то, что сказано критиком на этот счет, сохраняет свою актуальность и значимость.

Стремление из «риторической» сделаться «естественною, **натуральною»** составляет, по Белинскому, весь смысл истории русской литературы от Ломоносова до Гоголя. Это стремление, которое именно в прозе Гоголя достигло большого успеха, «могло совершиться только через исключительное обращение искусства к действительности, помимо всяких идеалов», через изображение массы, толпы, людей обыкновенных, а «не приятных исключений из общего правила» («Взгляд на русскую литературу 1847 года»). Казалось бы, писать о том, что ежеминутно перед глазами, — самое простое дело. На самом же деле — и Белинский первый сказал об этом — искусство реализма — трудное искусство, оно

особенно требовательно к идеалу художника, который часто находит воплощение не прямо, а косвенно — в отношениях между изображаемыми характерами. Оно — враг простой копировки, унылого правдоподобия. Оно под силу лишь истинному таланту. «Возьмись за изображение повседневных картин жизни, жизни обыкновенной, прозаической» посредственный талант, «его вялое, холодное и бездушное сочинение уморит вас зевотою».

История литературы подтверждает правоту слов Белинского. И не потому ли сегодня так много посредственных, холодно ремесленнических произведений, в то же время отличающихся и «жизнеподобием», даже «верностью» жизни (все «как в жизни») и удивительно примитивных. Особенно часто бывает это в искусствах визуальных, синтетических — таких, как теле- и кинофильмы, где так притягателен и доступен принцип «натуральности»: «вижу забор — пишу (изображаю) забор».

Реализм — искусство подлинных талантов. В нем соединяются понимание жизни, ее перспектив, идеалов и высокое мастерство образного воссоздания «обыкновенных» явлений. Вот почему, размышляя о реализме, Белинский так много писал и о природе художественного таланта.

Талант, в понимании критика, — инстинктивная творческая сила художника. Его произведения не сделаны, не сочинены, они создались «в душе художника как бы наитием какой-то высшей, таинственной силы». Подлинно талантливое произведение — «идеальное, реальное» всегда истинно, истинно поэтически» («О русской повести...»).

Реализм требовал знаний, историзма мышления, четкого понимания перспектив жизни, выработки идеалов. «Всякое отрицание, чтоб быть живым и поэтичным, должно делаться во имя идеала — и этот идеал у Гоголя также не свой, то есть не туземный, как и у всех других русских поэтов, потому что наша общественная жизнь еще не сложилась и не установилась, чтобы могла дать литературе этот идеал», — писал он в своем годовом обзоре «Взгляд на русскую литературу 1847 года», находясь под впечатлением от «Выбранных мест из переписки с друзьями» Гоголя, а также повестей «Двойник» и «Хозяйка» Достоевского, не оправдавших его надежд.

Уже начальный период развития русской реалистической прозы, первые итоги которой Белинский подводил в своих статьях 1846—1848 годов, выдвинул перед эстетической мыслью новые, неожиданные и сложнейшие проблемы. Теперь развитие этой прозы, становлению которой он так успешно способствовал, двигало, направляло теоретические искания Белинского. Он не опережал, не забегал впереди литературного процесса — он чутко угадывал его ведущие тенденции, всесторонне разбирая возникающие «узлы противоречий». Критика Белинского в подлинном смысле слова — критика философская, но ее своеобразие (и преимущество перед немецкой, гегелевской) в том, что она была «фактической философией самой жизни». Так Белинский угадывал усиление роли сознательного начала в творчестве писателей натуральной школы. «Главная сила его не в творчестве, не в художественности, а в мысли, глубоко прочувствованной, вполне сознанной и развитой, — писал он о Герцене — авторе «Кто виноват?». — Могущество этой мысли — главная сила его таланта». По убеждению критика, «такие таланты так же естественны,

как и таланты чисто художественные». Вывод принципиальнейший, его верность особенно очевидна в наши дни. Поэтому Белинский осуждал попытки «видеть в искусстве своего рода умственный Китай, резко отделенный точными границами от всего, что не искусство в строгом смысле слова». Этот вывод восхищал Плеханова, который вслед за Белинским использовал его в борьбе с теорией так называемого искусства для искусства.

А для таланта чисто художественного, полагал он, «в хаосе противоречащих мнений, стремлений, из чего складывается современная общественная жизнь», единственно верным указателем «может быть его инстинкт, темное, бессознательное чувство». Имея в виду драму Гоголя, он писал: «Вот почему иной поэт только до тех пор и действует могущественно, дает направление целой литературе, пока просто инстинктивно, бессознательно следует внушению своего таланта, а лишь только начнет рассуждать и пустится в философию, — глядь и споткнулся, да еще как!»

Тем самым критик, можно сказать, ощупью, через практику подошел к постановке сложнейшего и до сих пор не совсем проясненного вопроса в теории реализма (и искусства в целом) — о соотношении сознательного и бессознательного в творчестве, о возможности противоречий в творческом методе писателя-реалиста, между «художником» и «философом», как иногда, упрощая, рассуждают. Последователи Белинского — Чернышевский и Добролюбов ответили однозначно: необходимо обогащать талант за счет усвоения знаний, выработанных наукой, потому что в современных условиях невозможно сохранить талант, это инстинктивное чутье истины в чистом младенческом состоянии. Видимо, к такому же выводу пришел бы и сам Белинский, так как для него поэт — сын своего времени и народа, а дух анализа, по его убеждению, — характерная примета времени, его насущная потребность.

Как видим, «движущая эстетика» Белинского похожа на расширявшуюся вселенную: закладывая основы теории реализма, она поставила вопросы, которых хватило и на последующие поколения критиков и эстетиков. А сопоставляя начальный и завершающий периоды его деятельности, приходишь к такому выводу. В лице Белинского русская критика прошла ускоренный путь развития. Она начинала с задач просвещения и воспитания вкусов читающей публики, с популяризации эстетических идей, выработанных немецкой философией, а продолжилась созданием оригинальной, самобытной теории реализма, сложившейся на основе осмысления опыта русской истории и литературы, принципиально новой, самой передовой критической системой. «В высшей степени важно то, — отмечал Г. В. Плеханов, — что в последние годы своей жизни он видит последнюю инстанцию для критики уже не в абсолютной идее, а в историческом развитии общественных классов и классовых отношений».

Успехи отечественной литературы внушали Белинскому уверенность в будущем России, русского народа. Об этом он со всей убежденностью, как выношенный, выстраданный итог жизни сказал в статье «Взгляд на русскую литературу 1846 года» в споре как со славянофилами, так и со своими московскими, теперь уже вчерашними друзьями, западниками: «Нам, русским, нечего сомневаться в нашем политическом и государственном значении: из всех славянских племен только мы сложились в крепкое и

могучее государство и как до Петра Великого, так и после него, до настоящей минуты, выдержали с честию не один суровый экзамен судьбы, не раз были на краю гибели и всегда успевали спасаться от нее и потом являться в новой и большей силе и крепости. В народе, чуждом внутреннего развития, не может быть этой крепости, этой силы. Да, в нас есть национальная жизнь, призваны сказать миру свое слово, свою мысль...» Подтверждение своему историческому оптимизму критик искал и всегда находил в русской литературе, которая в лице гоголевской школы стала самобытной и оригинальной, то есть национально русской.

Последующее развитие не только русской реалистической литературы, но и общественной мысли России неразрывно связано с именем Белинского. В «Очерках гоголевского периода...» Н. Г. Чернышевский писал о значении критики Белинского для своего поколения: «Мы все привязаны к ней горячею любовью преданных и благодарных учеников». «Учитель, перед именем твоим позволь смиренно преклонить колени», — вторил ему Некрасов. С юношеской восторженностью приветствовал Добролюбов начавшееся в 1859 году издание сочинений Белинского: «Давно мы ждали его и наконец дождались. Сколько счастливых, чистых минут снова напомнят нам его статьи, тех минут, когда мы полны были юношеских, беззаветных порывов, когда энергические слова Белинского открывали нам совершенно новый мир знания, размышления и деятельности!»

С исчерпывающей полнотой значение Белинского раскрыл В. И. Ленин, назвав его в ряду прямых предшественников русской социал-демократии. В работе «Что делать?» он писал: **«...роль передового борца может выполнить только партия, руководимая передовой теорией.** А чтобы хоть сколько-нибудь конкретно представить себе, что́ это означает, пусть читатель вспомнит о таких предшественниках русской социал-демократии, как Герцен, Белинский, Чернышевский и блестящая плеяда революционеров 70-х годов; пусть подумает о том всемирном значении, которое приобретает теперь русская литература...»

Эти ленинские слова достойно венчают все сделанное гениальным критиком.

●

НАШЕ ОБОЗРЕНИЕ

ВЕРНОСТЬ ЖИЗНИ

Всякая литература поверяется жизнью. Чем ближе сходство с жизнью, чем его больше — в характерах, в деталях, в картинах природы, в изображении социальных противоречий и конфликтов, — тем выше искусство художественного слова, и тем оно правдивее, и тем полнее живет и дышит на страницах книг народ и время.

Для русской классики, а затем и для советской литературы этот принцип развития стал основополагающим. От критического реализма до реализма социалистического литература неизменно несет на своем знамени требование правды жизни! Под знаком творческого освоения прогрессивных достижений русского революционно - демократического искусства шло развитие искусства и литературы братских народов нашей страны, в том числе и еврейского искусства, еврейской литературы.

Жизненной правдой дышали произведения великого еврея Шолом-Алейхема, на книгах которого учились такие признанные еврейские писатели, как Лев Квитко, Перец Маркиш, Самуил Галкин, Арон Кушниров, Ицик Фефер, Арон Вергелис... Говоря о значении творчества Шолом-Алейхема в наше время, Юрий Верченко, например, отмечал, что «рабочие, колхозники, люди умственного труда, читая о «черте оседлости», о мудром и стойком Тевье-молочнике, о чудесном мальчике по имени Мотл, не только сопереживают их невзгоды и несчастья, но и переполняются решимостью не допускать никогда и нигде повторений подобной социальной и национальной несправедливости, крепить дружбу народов, интернациональное братство».

Конечно, тематика творчества современных еврейских писателей во многом изменилась, так же как и окружающая их жизнь. Исчезли антагонистические классовые и национальные противоречия, в

Год за годом. Литературный ежегодник. Под общей редакцией Арона Вергелиса. М., «Советский писатель», 1985, № 1/85.

стране нет «черты оседлости», предназначенной для евреев, нет дискриминации человека, а народы живут в равном и дружном союзе. Что касается искусства, то художественная правда, отражая подлинную жизнь, оказывается как бы языком интернационального общения, понимания и сближения народов. Одно из ярких подтверждений этого — выход нового ежегодника «Год за годом», в котором русскому читателю представлено в переводах с идиш наиболее интересное из опубликованного в журнале «Советиш Геймланд» («Советская Родина») — органе Союза писателей СССР.

Естественно, что лицо этого сборника, вышедшего в год 40-летия Великой Победы советского народа над фашизмом, определяют героико-патриотические произведения. В то же время это и дань памяти тысячам и тысячам евреев, замученных и казненных фашистами. Это напоминание живущим и предупреждение им о недопустимости новой войны. Сквозь боль человеческого сострадания, сквозь память скорби о жертвах войны авторы доносят до нас и чувство торжества, радости жизни, оптимистической веры в завтрашний день.

Обвинительным документом человечества фашизму я назвал бы собранные участником и инвалидом Великой Отечественной войны Наумом Гребневым «Песни гетто». Сам известный поэт-переводчик, тонко чувствующий живое слово, Н. Гребнев в предисловии к этому поистине уникальному художественному материалу, звучащему то как стон, то как последний, прощальный крик души, пишет: «Песни, которые вы прочтете, безымянны так же, как могилы их создателей. Авторы этих песен не были профессиональными стихотворцами. Горе сделало их певцами, у которых не было иных песен, кроме лебединых».

Горе сделало их певцами... Для людей, загнанных в фашистские лагеря и гетто, песня была нередко единственной опорой и надеждой, помогавшей сохранить силы, чтобы выжить, несмотря на голод, постоянные унижения, издевательства, болезни.

Но не забываем ли мы подчас, что песня — это нередко единственная и отнюдь не безопасная форма протеста?!

В гетто песни рождались, как правило, от общего горя. Брался известный мотив — русский, французский или даже немецкий, на него подбирались слова. Поскольку большинство узников в концентрационных лагерях и гетто Европы, обреченных фашизмом на уничтожение, были евреями, то и пели они по-еврейски. И песня уже поэтому, уже только потому, что еврейская, сплачивала людей, протестовала против расовой теории и практики фашизма.

О долготерпение яров, еврейских гетто, концлагерей! Оно щемит душу, взывает к отмщению. Хотя и ныне, сорок лет спустя, оно представляется вопиющим, безропотным, безответным. И вот «Песни гетто» как бы укрупняют представление о том, что человек, даже если он погребен заживо, но надеется, — он не побежден. Как говорится в одной из песенок — «пока мы живы, надежда все же есть, случиться может чудо. Какое? Бог весть!»

Пример спаянности и стойкости духа обреченных — песня «Еврейские бригады». Рефреном, утверждая харак-

тер, жизнь, звучат за каждым куплетом простые, бесхитростные и мужественные слова припева:

Еврейские бригады,
Не просим мы пощады,
Что б ни было нам суждено,
Мы будем тверды все равно.

Любовно собранные Н. Гребневым, «Песни гетто» открывают новую страницу духовной жизни евреев. Вместе с тем, ибо одно здесь неотрывно от другого, это и новая страница сопротивления фашистскому порабощению. Хотелось бы, чтобы новые публикации «Песен...» были, по возможности, сопровождены указанием на источники — в какой период войны, в каких лагерях услышана либо когда и от кого записана, пересказана или кем исполнялась та и другая песня. Это был бы не просто справочно-документальный аппарат, но еще одно свидетельство эпохи, которое лишь усилит прицельность публикаций.

Типичный американский расист, добровольный антисемит наших дней, готовый убить еврея только за то, что тот еврей, — персонаж опубликованного в сборнике рассказа живущего в США еврейского писателя Мойше Гициса «Волшебная ночь», упрекает всех евреев подряд в отсутствии человеческого достоинства — в отсутствии мужества, в трусости, в овечьей покорности, с какой отправлялись они в газовые камеры...

Писатель делает попытку коснуться одной из самых тонких и наиболее ранимых сторон еврейской души. В диалоге с расистом-антисемитом другой персонаж рассказа — старый еврей, отвечает:

«—Одни — как овцы, а другие — смело глядя в глаза неизбежной смерти и веря в победу. Сколько народов исчезло на протяжении веков и тысячелетий с лица земли, а мы существуем! Разве это не победа? Это и победа, и акт отмщения. Всем врагам.

— И немцам тоже? Ха-ха!

— Немецкому фашизму. Да, отмщение».

Как видим, материалы сборника «Год за годом» полемизируют между собой, входят в философское зацепление, если понимать философию не только как любовь к мудрости, но и как отношение к жизни и мировоззрение, проявляющееся в конкретных формах, поступках, включающих и чувство уважения к человеку другой национальности, и классовое сознание национальной гордости, и борьбу за социальную справедливость. В трудные для народа периоды истории выражением такой справедливости нередко оказывается подвиг, героическое проявление характера, вплоть до самопожертвования, — и хотя эта мысль в какой-то мере идет вразрез с концепцией героев М. Гициса, но зато не противоречит социалистической нравственности и представлениям о морали, о долге перед народом и отечеством советских евреев.

Такого рода глубиной социальной правды, верностью жизни, проникновением в характеры отмечена документальная повесть киносценариста Льва Аркадьева и журналистки Ады Дихтярь «Неизвестная». По форме это рассказ, точнее даже — отчет о долгом розыске авторами неизвестной девушки, казненной фашистами в октябре 1941 года. По сути же, это кропотливое исследование о самых

первых, трудных и героических шагах минского подполья.

Два обстоятельства выводят рассказ за рамки обычного. Во-первых, речь, как утверждают авторы, идет о первой публичной казни советских патриотов на временно оккупированной врагом территории нашей страны. Это была казнь «для устрашения непокорных. Вели арестованных через весь город, к месту казни сгоняли людей. Читали приговор. Фотографировали».

Во-вторых, фотография, с рассказа о которой начинают свое повествование авторы, обошла многие газеты мира, она стала своего рода памятником и символом мужества. На снимке, в окружении палачей, мужчина и юноша, а в центре между ними — девушка с плакатом на груди, на котором по-русски и по-немецки написано: «Мы партизаны, стрелявшие по германским войскам». После войны снимок этот из года в год печатался у нас в школьных учебниках истории — под ним стояли имена казненных: Кирилл Трус, Володя Щербацевич, Неизвестная...

Теперь имя Неизвестной установлено — Маша Брускина, еврейская девушка, участница минского подполья... Но вот что примечательно: даже в этом сборнике героико-патриотическая тема, связанная с минувшей войной, не исчерпывается названными произведениями. Здесь и роман (в отрывках) живущего в Черновцах участника Великой Отечественной войны Хаима Меламуда «Дядя Костя», и очень поэтичный фрагмент романа одесского писателя Нотэ Лурье «Нехамка», да и в ряде других публикаций сборника тема эта так или иначе не обойдена вниманием.

Рассказывая о судьбе Нехамки, дочери председателя колхоза Хонци, влюбленной в своего сверстника Вову Зоготу, Н. Лурье с щемящей сердце, какой-то прозрачной грустью описывает простые, может быть, вечные в этой простоте радости молодости, когда «гуляли до поздней ночи, жгли за ставком курай и прыгали через костры. Играли в горелки, с визгом и хохотом гонялись друг за другом по вытоптанной скользкой траве, пели любимые песни: украинскую «Галю» и еврейскую «Печаевские девушки», а когда никто не видел, целовались с Вовой».

Ночь на 22 июня 1941 года разом оборвала все радости. И уже с этого времени идет отсчет жизни в романе Х. Меламуда. Его герой — дядя Костя — внешне похожий на еврея, в гетто оказывается едва ли не добровольно — поднимает упавших духом людей, поддерживает их нравственно и физически, организовывает в сплоченные группы, помогает бежать.

«Дядя Костя заметно выделялся среди исхудалых, изголодавшихся, сломленных людей. Он не показывал, как тяготит его гетто, и, хотя питался, как и все, вернее — голодал наравне со всеми, на лице его не было следов изможденности. И глаза были полны живого интереса к людям. Улыбнется — и легче становилось на душе».

Философия жизненного оптимизма — философия духовно сильных людей, не раболепствующих перед обстоятельствами, но весьма и весьма активных по отношению к ним. Х. Меламуд показывает, как такое отношение к жизни формируется в душе

двенадцатилетнего еврейского мальчика Макса, бежавшего из гетто, чтобы найти партизан и воевать вместе с ними против фашистов. Однако оптимистическое восприятие мира было заложено еще революционными преобразованиями, а затем и годами напряженного социалистического строительства в стране, — и об этом поэтически емко, метафорично рассказывает киевский прозаик Григорий Полянкер в рассказе «Миллиард»; об этом же, но по-своему повествуют нравственно-психологические миниатюры рижанина Марка Разумного «Доброта», полные юмора и иронии зарисовки Ихила Шрайбмана из Молдавии «Самое главное». Повесть москвички Дины Калиновской искрометна по языку, оригинальна по стилю, и иногда кажется, что ее недостатки как бы оказываются продолжением достоинств, — это случается там и тогда, когда автор утрачивает чувство меры: поэтизируя еврейский быт, быт нередко с налетом патриархальщины, писательница забывает, что смотрит назад, в прошлое, из сегодняшнего дня. В то же время повесть молодого писателя Бориса Сандлера «Лестница в небо», повествующая о детстве, о послевоенной жизни в молдавском городе Бельцы, полна ярких, романтических красок и — как лестница в небо! — вся устремлена из прошлого в наш день и в будущее...

В прозе и в поэзии сборника «Год за годом», тем более в публицистике, современность можно увидеть в характерных приметах, штрихах, деталях, то есть в самой художественной фактуре материалов, и это хорошо. Но еще важнее, что современность гораздо вернее ощущается в отношении к описываемым событиям, как бы в полифоническом созвучии с голосами самой жизни.

В драматический момент жизни, когда происходит надлом характера, предстает перед нами экономист Исаак Малкин — герой рассказа биробиджанского писателя Бузи Миллера «Привязанность». Одна из трех дочерей Малкина вместе с мужем и сыном выезжает в Израиль. Зятя гонит туда мечта о легкой, добычливой жизни, дочь же Малкина пытается сохранить семью... Сам Малкин не может не только удержать их от ошибочного шага, но не может даже объяснить ни себе, ни дочерям, ни сослуживцам истинную причину отъезда зятя. Для честного человека беспричинно покинуть родину — значит совершить антиобщественный поступок. «Как это все объяснить?.. — раздавленный несчастьем, думает Малкин. — Никому ничего не может он рассказать. Его это боль и его стыд». И, видимо, не скоро преодолеет он состояние внутреннего разлада, душевной неприкаянности, вины, наконец, и всего того, без чего не может быть чувства ответственности за судьбу дочери, внука.

Интересна повесть москвича Тевье Гена «Срочная телеграмма», писателя, работающего в распутинской манере. Его героиня, пожертвовавшая всем в личной жизни, только чтобы достойными воспитать младших сестер и братьев, оставшихся у нее на руках с войны, выписана человеком завидной душевной щедрости и благородства. Осуждая проявления бессердечия и потребительского отношения к жизни, протестуя против ме-

щанства, проза Т. Гена активно работает на современность, утверждая понятия долга, совести, чести.

Кроме цикла «Песни гетто», среди поэтических подборок сборника следует отметить публикацию заслуженного работника культуры РСФСР Хаима Бейдера «Зеленые объятья». Глубокого трагизма исполнена его баллада «Мама», навеянная драматическими событиями гражданской войны и, на наш взгляд, удачно переведенная Ю. Хазановым. Подборка «Таежные стихи» известного еврейского писателя Эммануила Казакевича представлена в мастеровитых переводах Владимира Кострова, Евгения Евтушенко и Арсения Тарковского. Поэтический цикл москвича Бориса Могильнера составлен из переводов Анатолия Жигулина, Виктора Кочеткова, Вадима Рабиновича.

Нельзя сказать, что стихи эти — сплошь шедевры, есть среди них и неравноценные вещи, но в целом — это добротная поэзия. Тени прошлого будоражат сознание поэтов, взывают к отмщению, призывают к новой борьбе.

Вот как переплавилось это в стихах Б. Могильнера:

Исхлестаны яростным окриком
«Хальт!»,
Идем сквозь Майданек
и сквозь Бухенвальд.
К Шатиле и Сабре —
к ливанской земле,
Где трупы убитых сереют
во мгле.

Идее взаимопонимания народов, сближения их и сплочения в борьбе за мир посвящено творчество одного из известнейших еврейских поэтов, главного редактора журнала «Советиш Геймланд», под общей редакцией которого вышел и ежегодник «Год за годом», Арона Вергелиса. Его путевые очерки «Там, где я еще не был» читаются как экспрессивная, эмоционально и стилистически тонко организованная проза, проза серьезная и выразительная, вдумчивая, бережно переведенная на русский язык Евгенией Катаевой.

Однако отнюдь не стилистические изыски автора держат читателя в постоянном духовном напряжении. А. Вергелис ведет откровенный, нелицеприятный разговор о судьбах евреев в нынешнем мире, об искусстве евреев, о подлинно народных и демократических традициях этого искусства. Не только евреям, но в первую очередь им, говорит поэт правду о евреях, отделяя эту, исторически соотнесенную с реальной жизнью правду от очернительства круговой сионистской поруки, тем самым разоблачая и дезавуируя международный сионизм, открывая честным евреям пути к сердцам друг друга, к содружеству, миру.

Базель и Лихтенштейн, Мадрид и Толедо, откровенные друзья и еще более откровенные подчас недруги — 16 стран, включая Монако, — через все встречи, через все страны и континенты А. Вергелис прошел, являя пример мужества и чести советского еврея и гражданина.

Завершают сборник страницы литературной критики и публицистики. Содержательна подборка выступлений Сергея Баруздина и Юрия Верченко, Дмитро Павлычко и Леонида Ленча на торжественном вечере в Москве, посвященном 125-летию со дня рождения Шолом-Алейхема. Историческому обзору традиций литературы на идиш посвящена

статья Урана Гуральника «Глубокие корни».

Указав на прямую преемственность в развитии еврейской классики от русской классической литературы, У. Гуральник делает вывод, что благодаря этой плодотворной связи еврейская литература «создала немало непреходящих идейно-художественных ценностей». Естественно, что эта преемственность обогащает и современную советскую еврейскую литературу на идиш.

Еще сто лет назад классик еврейской литературы Менделе Мойхер-Сфорима устами одного из своих героев сказал: «Чувствовать страдания народа... дано лишь тому, кто сам кость от кости, кровь от крови народа, кто терзался теми же заботами и испытал те же мучения». По отношению к литературе, к писателям это, в сущности, не что иное, как призыв быть верным жизненной правде. И сборник «Год за годом» убедительно свидетельствует о приверженности его авторов принципам жизненной правды, принципам социалистического реализма.

Составители сборника решили широкие общекультурные задачи, донеся до русского читателя лучшее из того, что создано еврейскими авторами на идиш. Несомненно и то, что привлечение широкого читательского внимания к творчеству еврейских авторов будет способствовать их признанию и консолидации, росту их авторитета на международной арене. Вопреки злопыхательским утверждениям западных советологов о запрещении в СССР говорить и писать на идиш сборник «Год за годом» объективно отражает живой процесс развития литературы и искусства советских евреев.

Вячеслав ГОРБАЧЕВ

Художественный редактор Г. Комаров

Технический редактор Н. Строева

Сдано в набор 31.03.86. Подп. в печ. 14.05.86. А08137.
Формат 84×108 1/32. Печать высокая. Усл. печ. л. 15,12. Усл. кр.-отт. 21,0.
Уч.-изд. л. 18,5. Тираж 650 000 экз. Цена 80 коп. Заказ 80.
Типография ордена Трудового Красного Знамени
изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»
103030, Москва, К-30, Сущевская, 21

«КВАРЦ-402»

— этот радиоприемник обеспечивает уверенный прием передач в диапазонах длинных и средних волн, позволяет одинаково стабильно принимать радиостанции и в домашних, и в походных условиях.

Радиоприемник имеет регуляторы настройки диапазонов и регулятор громкости. К нему можно подключить внешнюю антенну и головные телефоны.

Спрашивайте «Кварц-402» в магазинах, торгующих радиоприемниками.

ЦКРО «РАДИОТЕХНИКА»

Цена 80 коп.

Индекс 70544

ISSN 0131—2251

1
2
3
4
5
6
7
8